ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА ПОД
ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА

Г. В. ПЛЕХАНОВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ III

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д. РЯЗАНОВА

ИЗДАНИЕ 2-е
(11—20
ТЫСЯЧА)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКВА

Гиз № 5752. Главлит № 20380. Москва. Напеч. 10.000 экз.
Госиздат. 1-я Образцовая типография, Москва,
Пятницкая, 71.

Содержание.

Стр.

Предисловие редактора..... 3

На русские темы 1888-1892.

От редакции сборника «Социал-Демократ»..... 11
(«Соц.-Дем.», литер.-политич. сборн., кн. I, Женева, 1888 г.)
Как добиваться конституции 12
(«Соц.-Дем.», кн. I)
Неизбежный поворот..... 31
(«Соц.-Дем.», кн. I)
Лев Тихомиров, «Почему я перестал быть революционером > 41
(«Соц.-Дем.», кн. I)
Новый защитник самодержавия, или горе г. Л. Тихомирова 45
(Изд. «Русск. Соц.-Дем. Союза», Женева, 1889 г.)
Политические задачи русских социалистов..... 83
(«Социалист», № 1 Женева, июнь 1889 г.)
Политическое социально-революционное обозрение..... 96
(«Социалист», № 1)
Предисловие к речи Алексеева..... 112
(Изд. «Русск. Соц.-Дем. Союза», Женева, 1889 г.)
Еще раз о принципах и тактике русских социалистов..... 117
(«Der Sozialdemokrat», 1890, № 19)
Русский рабочий в революционном движении..... 121
(Росс. Соц.-Демокр. Раб. Партия. Тип. «Искры», 1902 г.)
Предисловие к четырем речам рабочих..... 206
(Женева, Тип. «Соц.-Дем.» 1892 г.)
Внутреннее обозрение I..... 214
(«Соц.-Дем.», кн. I)
» » II..... 240
(«Соц.-Дем.», кн. II)
» » III..... 265
(«Соц.-Дем.», кн. III)
Всероссийское разорение..... 310
(«Соц.-Дем.», кн. IV)

Стр.

О задачах социалистов в борьбе с голодом в России..... 355.
(Изд. «Библ. Совр. Соц.», Женева, 1892 г.)
Письмо первое. Причины голода..... . . ....
« второе. Вероятные последствия голода . . 369
« третье. Наши задачи..... . 386

Приложения.

Недоразумения между рабочими и администрацией на Новой бумагопрядильной фабрике..... 421
(«Новости», 1878 г., № 61)
Конец забастовки рабочих на Новой бумагопрядильной фабрике . 422
(«Новости», 1878 г., № 62)
Еще о забастовке на Новой бумагопрядильне..... —
(«Новости», 1878. г., № 75)
Результаты забастовки на Новой бумагопрядильне..... 423
(«Новости», 1878 г., № 81)
Стачка рабочих на Новой бумагопрядильной фабрике в С.-Петербурге . . . («Начало», 1878 г., № 1)

Предисловие редактора.

В третьем томе собраны главным образом статьи на русские темы, писанные Плехановым в 1888—1892 гг. Первые годы этого периода составляют одну из самых мрачных полос нашего революционного движения.

Уже в 1886 г. нельзя было больше сомневаться, что «Народная Воля» потерпела окончательное «поражение». В декабре вышла последняя книжка «Вестника Народной Воли». В мае—июне 1887 г. «процесс 21-го» — процесс Лопатина, пытавшегося восстановить старую организацию, и П. Якубовича, наиболее выдающегося представителя молодой «Народной Воли» — обнаружил полный развал в рядах старой партии. Попытка Ульянова, Лукашевича, Андреюшкина воскресить «Народную Волю» окончилась также неудачей. В группах молодежи, связанной с главными организаторами покушения 1 марта 1887 года, старая народовольческая идеология подвергалась уже основательной критике и заменялась какой-то пестрой смесью из ткачевизма в области политики и марксизма в области экономики.

Реакция восторжествовала по всей линии. Вместо старого поголовного увлечения революционерами, которое можно было встретить среди гимназистов и студентов еще в первой половине 80-х годов, теперь свирепствовала эпидемия политического безразличия и политического непротивления. А поскольку эта молодежь интересовалась вопросами революционной теории и практики, она относилась очень враждебно ко всем попыткам подвергнуть критическому анализу программу «Народной Воли». Хотя известный рассказ о том, что в одном из южных городов России — речь идет об Одессе — революционные староверы подвергли «Наши разногласия» торжественному сожжению, относится к числу исторических легенд, все же редкие экземпляры пер-

вых изданий группы «Освобождение Труда» встречали тогда не особенно дружелюбный прием! В широкое обращение их не пускали, чтобы не «сбивать с толку» еще не установившуюся молодежь, хотя и сами

руководители принадлежали к весьма сомнительным «старикам». Но, вместе с тем, в той же Одессе весьма усердно собирали деньги, чтобы послать их в Женеву на лечение Плеханова, о состоянии здоровья которого доходили зловещие слухи.

Более обостренными были отношения за границей. Когда я приехал за границу в феврале 1889 г., и в Цюрихе, и в Париже плехановцы представляли незначительную группу, весьма мало влиятельную среди заграничной молодежи. Огромное большинство принадлежало к категории «инвалидов, никогда не побывавших на поле сражения» (выражение самого Плеханова). Полемика между ними и тогдашними «народовольцами» принимала зачастую весьма неприятный обывательский характер.

Заграничная эмиграция переживала острый кризис. Особенно тяжелое впечатление произвела измена Тихомирова, слухи о которой распространялись уже с конца 1887 г. А в марте 1888 г. она уже сделалась «злобой дня». В предисловии к новому изданию своей французской книги «La Russie politique et sociale» признанный вождь «Народной Воли» заявил, что нужно сначала выработать идею общественного устройства и созидания и что только потом можно претендовать на политические свободы. От Исполнительного Комитета, подписавшего смертный приговор Александру II, бывший редактор «Вест-ника Народной Воли» скатился к «Московским Ведомостям».

Вполне понятно, что Плеханов, который уже в «Наших разногласиях» подверг уничтожающей критике писания Тихомирова, не мог не откликнуться на эту «злобу дня». Он не ограничился двумя статейками в сборнике

«Социалдемократ», но написал еще специальный памфлет, который, однако, вышел с большим запозданием, когда волнение, вызванное изменой Тихомирова, тогда уже прощенного и вернувшегося в Россию, почти улеглось. Книжка, поэтому, как я хорошо помню, не привлекла к себе особенного внимания, а между тем Плеханов в ней впервые остановился более подробно на философской стороне научного социализма, которую он тогда изучал, в связи с философией Гегеля. Насколько он в это время увлекался изучением немецкой философии, видно из того, что он хотел уже тогда написать специальную работу о Гегеле и издать ее в «Библиотеке Научного Социализма». Но план этот встретил энергичное сопротивление со стороны молодой группы членов «Русского Социалдемократического Союза» (Соловейчика и др.), которые вы-двигали на первый план издание литературы для рабочих.

5

Борьба за влияние на интеллигенцию продолжалась. Выступление старого бунтаря Дебагория - Мокриевича, который, в союзе с только что появившимся на заграничном горизонте Бурцевым, в журнале «Свободная Россия», проповедовал отречение от социализма и союз с либералами, повлекло за собой некоторое сближение между остатками народовольцев и социал-демократами. К этому времени относится попытка молодого, но очень энергичного революционера, Юлия Рапопорта, объединить все социалистические организации на общей платформе борьбы с новым течением. Инициатор, принимавший деятельное участие в революционном движении на юге России, был очень слабым теоретиком и, отказавшись уже от народничества, оставался еще убежденным террористом. Но он отличался в то революционное безвременье большой преданностью делу и организаторскими способностями.

Рапопорту удалось издать только один номер журнала «Социалист», в котором, наряду с Лавровым, принял очень

деятельное участие и Плеханов, дав-ший, кроме большой программной статьи о «Политических задачах русских социалистов», также едкий разбор литературных упражнений Бурцева и одно-го из его сотрудников Жука (более известен под псевдонимом Батуринского), выступившего с обличением русских рабочих в политической неустойчивости.

В связи с этой полемикой стоит и инцидент с предисловием Плеханова к речи Петра Алексеева. Оно вызвало бурю негодования в среде эмиграции самых разнообразных оттенков. Надо сказать, что даже те, кто стоял на точке зрения Плеханова, были недовольны. Вместо того, чтобы, как он это сделал в разборе «Свободной России», назвать по имени тех интеллигентов, которые доказывали бесплодность революционной работы среди рабочих, своей трусостью якобы только разрушавших революционные организации, Плеханов чересчур обобщил свои удары, предупреждая рабочих против какой-то интел-лигенции вообще. Друзья указывали, что такое предупреждение может только помешать работе тех, тогда очень и очень немногочисленных, элементов из интел-лигенции, которые уже направились в рабочую среду.

Предисловие это вызвало большое возбуждение не только в русской эмиграции, оно перенеслось в Швейцарии и в Париже в те кружки немецких социал-демократов, которые — тогда немецкая партия была еще на полулегальном положении и имела свою эмиграцию — находились в контакте с русскими революционерами. Таким образом, полемика, загоревшаяся в русских революционных кружках, перенесена

была на страницы немецкого «Социал-демократа», издававшегося тогда в Лондоне.

В номере от 22 марта 1890 г. мы находим большую корреспонденцию «Из русского движения», в которой автор дает сведения о «Русском Социал-демократическом Союзе» и подробно излагает предисловие Плеханова к брошюре «Речь Алексеева». Корреспонденция была подписана буквами 2кш.

Под этим псевдонимом скрывалась Клара Цеткин, которая писала тогда в сотрудничестве с одним русским эмигрантом, доставлявшим ей фактический материал.

Корреспонденция вызвала «Возражение» Г. Бека (5 апреля 1890 года), который на Парижском международном конгрессе выступил с большой речью как представитель русской революционной группы. На это возражение последовал подробный ответ, напечатанный (26 апреля 1890 года) под названием «О пропаганде среди русских рабочих». Автор, подписавший свою статью псевдонимом «Осипович», дает полный перевод предисловия Плеханова к речи Алексеева. Наконец, принял участие в полемике и сам Плеханов, который (10 мая 1890 г.) воспользовался этим случаем, чтобы разъяснить немецким товарищам «Принципы и тактику русских социалистов». Эта статья впервые появляется в русском переводе.

Почти одновременно с предисловием к брошюре «Речь Алексеева» вышел в свет первый номер большого социал-демократического журнала. Плеханов тогда горячо отстаивал свой план создания периодического органа, который можно было бы противопоставить большим легальным ежемесячникам. Критически относясь к русской интеллигенции, он в то же время придавал огромное значение пропаганде в ее среде. Поэтому, когда группа «Освобождение Труда» получила в 1889 г. крупное пожертвование от одного сочувствующего интеллигента, Плеханов, со всей энергией, взялся за издание *трехмесячного* обозрения. Нужно было доказать, что учение Маркса имеет в России под собою реальную почву, что развитие русских общественных отношений идет теперь по тому же пути, на который давно уже выступили опередившие нас страны Запада. Вопросам русской общественной жизни и литературы решено было посвятить главное внимание.

План этот не был осуществлен целиком. Вместо трехмесячного периодического обозрения удалось выпустить

в течение почти трех лет только четыре тома, которые на три четверти были заполнены Плехановым. Статьи о Чернышевском будут напечатаны в пятом и шестом томах, в предисловии к которым я остановлюсь подробнее на истории

этих статей. Статья о Каронине, как и статья об Успенском, будут напечатаны в десятом томе вместе с другими литературными статьями.

В предлагаемый том вошли только все «Внутренние обозрения» (иностранная хроника войдет в четвертый том) и статьи о «Русском рабочем в революционном движении». Как дополнение к последней статье мы даем в приложении репортерские заметки Плеханова, которые он, по свидетельству М. Попова, помещал во время стачки в газете «Новости», а также статью «Стачка рабочих на Новой бумагопрядильной фабрике в С.-Петербурге» («Начало», орган русских революционеров, март 1878 г.), которая, несомненно, написана Плехановым *).

Четвертая книжка «Социал-демократа» вышла уже в разгар «всероссий-ского разорения», голода 1891—1892 гг. Во внутреннем обозрении, посвя-щенном этой теме, Плеханов впервые излагает свой новый взгляд на проис-хождение русской общины с периодическими переделами земли. Опираясь на Кейсслера, он теперь доказывает, что русская община является продуктом определенной политики правительства, которое создало таким образом «прочнейшую основу всего нашего государственного порядка».

Статья Плеханова «Реакционные жрецы искусства и А. В. Стерн», опубликованная в «Свободе» — орган, издававшийся ткачевистом М. Турским и С. Княжниным (после С. Семенов) в 1888 —1889 гг.— будет напечатана в одном из следующих томов. Пока в нашем распоряжении имеется только вторая часть этой статьи.

Декабрь 1922 г.
Д. Рязанов.

*) Все доказательства в пользу этого предположения мы приведем о примечаниях и разъяснениях к сочинениям Плеханова. Косвенное указание мы имеем в статье старого семидесятника, А. Фаресова. «Помню, они оба сидели за корректурой, еще сырой, подпольной газеты «Начало». Каблиц назвал мне Плеханова его настоящей фамилией». «Заря России», 1913 г., № 41.

НА РУССКИЕ ТЕМЫ

1888—1892

От Редакции Сборника «Социал-Демократ»*).

Излишне говорить о направлении нашего сборника. Оно достаточно определяется его названием. Нам остается только сказать, что во всех наших изданиях мы всегда останемся верны программе русских социал-демократов, которая, не упуская из виду современного социально-политического положения России, преследует в то же время цели, общие рабочему классу всех цивилизованных стран (см. брошюру «Чего хотят социал-демократы?», седьмой выпуск «Библиотеки Современного Социализма»). Но, выпуская *первую* книгу «Социал-Демократа», мы, к сожалению, не можем даже приблизительно определить срока выхода *второй.* Все дело будет зависеть от сочувствия и поддержки со стороны читающей публики. Конечно, со своей стороны, мы всеми силами будем стараться продолжать начатое дело. Зная однако, до какой степени всякому заграничному изданию необходимо иметь в виду особого рода «независящие от редакции обстоятельства», мы позаботились о том, чтобы все вошедшие в предлагаемую книгу статьи представляли собою законченное целое. Исключение составляет лишь «Очерк истории Международного Общества Рабочих» В. И. Засулич. Мы помещаем теперь три первые главы этого очерка. Но если бы упомянутые «обстоятельства» сложились неблагоприятно для дальнейшей судьбы нашего издания, то мы напечатаем эту работу отдельной брошюрой.

Выход предлагаемой книги значительно замедлился вследствие болезни П. Аксельрода, который не мог окончить своей, отчасти уже набранной, статьи о «Политической

свободе». Мы надеемся поместить ее во второй книге Сборника.

П. Аксельрод.
Г. Плеханов.

*) «Соц.-Дем.» — Литер.-полит. сб., кн. I. Женева, 1888 г.

12

Как добиваться конституции?

(Разговор конституционалиста с социал-демократом).

Конституционалист. — Вы извините меня, но я не могу согласиться с вашим взглядом. Допустим, что он основательнее, чем взгляды наших революционеров семидесятых годов. Я не хочу спорить против этого. Но и вы повторяете ту же ошибку, и вы начинаете с конца, между тем как, право же, не мешало бы попробовать начать с начала. Я совсем не враг социализма, но теперь у нас на очереди не социальный, а политический вопрос. Повалите абсолютизм, добейтесь политической свободы, а потом уже и говорите о социализме. Тогда это будет вполне своевременно, а потому и не напрасно; теперь же вы только даром тратите дорогие силы.

Социал-демократ. — Но что же мы должны делать, по вашему мнению, для того, чтобы добиться политической свободы?

К.—Перестать быть отщепенцами, сектантами, постараться увлечь за собой все общество, показать ему, что вы вовсе не такие свирепые partageux, какими оно привыкло воображать вас, что вы, в сущности, хотите того же, чего хочет оно само, чего хотят все образованные и честные люди в России, т. е.

прав человека и гражданина. Тогда, поверьте, ваш успех будет обеспечен. Недовольство современным порядком распространено у нас гораздо сильнее, чем вы думаете, и знаете ли, что я вам скажу? Теперь мы сочувствуем конституции не так, как сочувствовали ей в прошлое царствование. Тогда мы все ждали, что вот-вот Александр II приступит к «увенчанию здания», что вот не сегодня-завтра он подарит нам конституцию. Александр III показал, как неосновательны и шатки все подобные надежды на царскую милость. Теперь мы готовы бороться за конституцию, между тем как тогда мы старались заслужить ее добропорядочным поведением. Дело, как видите, изменилось, и изменилось в пользу революционеров. Не упускайте же благоприятного случая, оставьте на время социализм л принимайтесь за политическую агитацию.

13

С. — Я должен заметить вам, что не понимаю вашего противоположения социализма политической агитации. Социализм немыслим без такой агитации. Посмотрите на западноевропейские рабочие партии, разве они равнодушны к политической свободе? Напротив, политическая свобода имеет в рабочих самых искренних и самых надежных защитников. Так же относятся к политической свободе и русские социалисты. Было, правда, время, когда они считали ее буржуазною выдумкой, способной лишь сбить рабочих с толку и завести их на ложный путь. Но это отошло в область предания. В настоящее время все мы понимаем огромное значение политической свободы для успехов социалистическою движения и готовы добиваться ее всеми зависящими от нас средствами. Между нами много всяких разногласий и несогласий, но ищите хоть с диогеновским фонарем, и вы все-таки не найдете в нашей среде такого чудака, который вздумал бы говорить против политической свободы.

К. — Ну и прекрасно, значит мы согласны: вы социалист и в

то же время сторонник политической свободы, я прежде всего сторонник политической свободы, но в то же время я совсем не враг социализма. Что же мешает нам столковаться и стать под одно знамя?

С. — Многое, и, главным образом, ваше отношение к социализму. Вы не враг социализма, но вы думаете, что те, которые толкуют о нем в настоящее время, начинают дело с конца. Вы советуете нам на время забыть о нем и, так сказать, прикомандироваться к либералам. Мы смотрим на дело совсем иначе, мы думаем, что, если бы наши либералы действительно хотели бороться за политическую свободу, то они, в конце концов, не могли бы придумать ничего лучшего, как пристать к социалистам.

К. — Это несколько неясно, но все равно, я все-таки достаточно понял вас, чтобы видеть, как несбыточно ваше желание.

С. — Вы сами понимаете, значит, что полное согласие между нами и либералами невозможно. Вы не предвидите конца нашим спорам и потому говорите нам, как нянька поссорившимся детям: ну, пусть уступит тот, кто умнее, я надеюсь, что социалисты будут умнее и уступят прежде, чем либералы.

К. — Вы шутите, а я говорю совершенно серьезно. Наши либералы в большинстве случаев совсем не принципиальные враги социализма и уже вовсе не враги рабочих и вообще народа. Они готовы отстаивать целый ряд самых важных экономических реформ, но социалистические идеалы кажутся им неосуществимыми. Поэтому, приставая к социалистам, они по необходимости должны были бы лгать и лицемерить. Вы же,

примыкая к ним, нисколько не изменяли бы своих воззрений, вы только выдвигали бы на первый план одну часть вашей программы, именно ту часть, которая заключает в себе ваши политические требования. Будьте же справедливы и

согласитесь, что уступить должны именно вы, а не либералы.

С. —Хорошо, допустим, что вы убедили нас. Предположим, что все наши социалисты пришли к тому, что вы считаете первым признаком политической зрелости, т. е. к сознанию необходимости умерить свои требования. Предположим, что все они решились бороться за политическую свободу и только за политическую свободу. Предположим также, что наше общество поняло и оценило их умеренность; что же вышло бы изо всего этого?

К. — Единодушие в борьбе, без которого немыслима победа. Если бы все сторонники свободы действительно сумели соединиться под одним знаменем, то они составили бы непреодолимую силу. Дни правительства Александра III были бы сочтены, и ему оставалось бы лишь заняться астрологией, чтобы по звездам узнать близкий час своей гибели, как выразился когда-то Лассаль о прусском правительстве.

С. — Прекрасно. Предположите же теперь, что ваша мечта осуществилась, что исчезла пропасть, отделявшая общество от революционеров. Революционеры примкнули к обществу, общество прониклось революционным духом. Началось широкое политическое движение, поддерживаемое нашей легальной печатью. Правительство запрещает либеральные органы, общество отвечает на это манифестациями, в которых выражает свое сочувствие пострадавшим газетам и журналам. В то же самое время правительству со всех сторон предъявляют петиции, в которых с поразительной ясностью доказывается, что земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет и не будет до тех пор, пока царь останется полновластным хозяином России. Окружающие царя самодуры советуют ему употребить в дело «меры кротости и увещания», под которыми понимаются, как известно, кулаки дворников, полицейские шашки и казацкие нагайки. Но подобные меры только усиливают всеобщее раздражение. Терпение русских людей приходит к концу; еще несколько ка-

пель, и чаша будет переполнена; еще несколько реакционных бестактностей, и дело дойдет до открытого столкновения. Испуганное правительство соглашается на уступки, созывается земский собор, вырабатывается конституция; русский обыватель становится гражданином, и в нашей истории начинается новая эпоха... Хорошо было бы пожить в такое время! И если бы мы могли хоть немного приблизить его своим превращением в

либералов, то колебаться было бы нелепо и преступно. Мы не только *могли* бы с спокойной совестью, но мы *обязаны* были бы забыть обо всем на свете, кроме этих двух слов: *политическая свобода.* Все те, которые вздумали бы тогда говорить о социализме, были бы не друзьями, а врагами народа, потому что своим доктринерством они задерживали бы его политическое развитие. Беда лишь в том, что в действительности дело обстоит совсем иначе: превратившись в либералов, социалисты только замедлили бы дело политического освобождения России.

К. — Это каким же образом?

С. — Очень просто. Когда в нашем воображении рисовалась картина борь-бы русского общества с абсолютизмом, мы предположили, что правительство *вынуждено* было к уступкам. Теперь я спрашиваю вас, насколько вероятно такое предположение? Иначе сказать, насколько велики шансы победы общества над правительством? Что понимается обыкновенно под словом — общество? Принадлежит ли к нему крестьянин, рабочий, мелкий городской мещанин и т. п.? Конечно, нет, не принадлежит. Мало того, не всякий крупный торговец, не всякий промышленник и землевладелец принадлежит к так назы-ваемому обществу. К нему, конечно, не может быть причисляем щедринский Разуваев. Какие же люди принадлежат к нему? Во-первых, очевидно, не люди народа, а люди высших и средних классов, а во-вторых — люди, обладающие хоть какою-нибудь долею образования,

люди, умственный горизонт которых выходит за пределы их личных интересов. Много ли таких людей в России? И могут ли эти люди победить правительство одними только своими силами? Возьмите историю Франции, припомните историю Германии. Кто сражался на баррикадах в июле 1830 г., общество или народ? Кто сломил монархию Луи-Филиппа, рабочий класс или буржуазия? Известно, что, когда, в каждом из названных случаев, дело доходило до открытой борьбы, то либеральное па-рижское «общество» не знало, куда деваться от страху. Не говоря уже о том, что огнестрельная музыка крайне неприятно действовала на его нервы, оно боялось победы правительства и связанных с нею репрессалий, боялось и победы рабочих, потому что опасалось, как бы волна рабочего движения не унесла вместе с правительством и самого общества. Луи-Блан рассказывает, что когда начался уличный бой в феврале 1848 года, то перепуганный Тьер прибежал в палату депутатов и, воскликнув: «la marée monte, monte, messieurs, немедленно скрылся. Только после окончательного поражения правительства и убедившись в мирных намерениях рабочих, представители «общества» выходили из своих убежищ и принимались организовать

новый порядок. Изо всех слоев, составляющих так называемое общество или находящихся в близкой родственной связи с ним, только студенчество да так называемая богема (то же, что наш брат нигилист) имели мужество становиться лицом к лицу с вооруженной силой правительства. Только они умели сражаться на баррикадах, но и они, несомненно, были бы усмиряемы без малейшего труда, если бы за ними не шла рабочая масса. То же самое мы видим и в Германии. Все революционные попытки немецкой молодежи кончались полнейшей неудачей, вся оппозиция так называемого общества не приводила ни к чему до тех пор, пока не про-снулось городское рабочее население. Это значит, что общество бессильно без поддержки народа или, по крайней

мере, наиболее развитой, наиболее революционной части народа, т. е. *рабочих.* И в самом деле, вообразим себе, что петербургское «общество», проникшись революционным духом, строит баррикады, между тем как рабочий класс остается в стороне от этого движения. Одной полиции, одних дворников было бы достаточно для того, чтобы перевязать представителей «общества» и рассадить их по участкам. Отсюда неизбежно следует такой вывод: *для того, чтобы добиться конституции, мы должны вовлечь рабочий класс в борьбу против абсолютизма, возбудить в нем симпатии к свободным политическим учреждениям. Другого пути у нас нет и быть не может.* Я знаю, конечно, что сами либералы никогда не сделаются пропагандистами, и не виню их за это. Но, с другой стороны, изо всего сказанного ясно, что, приглашая социалистов оставить на время всякую мысль о пропаганде в рабочей среде, наши либералы обнаруживают полное непонимание своих собственных интересов. Политическая свобода будет завоевана рабочим классом, или ее совсем не будет.

К. — В том, что вы сказали, много справедливого, но мне кажется, что вы забываете многие особенности положения дел в России.

С. — Какие же именно?

К. — Во-первых, если парижское общество 1830 г. и 1848 г. боялось, как вы сказали, победы народа, то это происходило потому, что оно было уже насквозь проникнуто буржуазным духом. Наше общество не таково, оно не боится народа, потому что совершенно искренне отстаивает его интересы...

С. — Ну, с нашим либерализмом дело обстоит на этот счет далеко не так благополучно, как вам кажется. Я без труда мог бы доказать вам, что не только русский либерализм, но даже и так называемый русский социализм в сущности стоит в противоречии с интересами рабочего класса, по той простой причине, что он выражает собой интересы нашей

мелкой (конечно, не кулацкой) буржуазии. И это противоречие, скрытое теперь в тумане неопределенных представлений об истине, справедливости и народном счастьи, рано или поздно даст себя почувствовать самым недву-смысленным образом. Кое-какие признаки такого положения дел можно подметить уже и в настоящее время. Как вы думаете, почему «Самоуправление», называющее себя органом «социалистов-революционеров», считает «путь народной революции едва ли пригодным»? Почему оно ставит «городскую революцию» на одну доску с революцией «дворцовой» и думает, что городская революция может, как и дворцовая, «привести к нежелательным результатам», к замене «одной деспотии другою»? Дело объясняется очень просто. «Самоуправление» знает, что городская революция означала бы победу городского рабочего населения, и оно боится этой победы так же, как боялось и боится ее париж-ское «общество». Но какие же социалисты могут бояться победы рабочего класса? Ясно, что только мелкобуржуазные социалисты, принципиальные враги освободительного движения пролетариата. Вот вам и пресловутый «русский социализм»! Но не будем уклоняться от главного предмета нашего спора, положим, что я ошибочно смотрю на русских социалистов и либералов, что же дальше? Следует ли из сказанного вами, что наше «общество», будто бы столь сочувствующее интересам рабочих, может обойтись без поддержки этих последних?

К. — Я, конечно, сказал бы — *нет,* если бы думал, что конституционное движение в России пойдет тем же путем, каким оно шло на Западе. Но дело в том, что у нас конституционная борьба наверное не дойдет до баррикадного боя на улицах. Правительство уступит раньше под напором общественного мнения.

С. — Опять русская самобытность, на этот раз под конституционным соусом! Когда-то русские социалисты-народники думали, что социалистиче-скую революцию легче

сделать в России, чем на Западе. Теперь я слышу от вас, что Россия добьется политической свободы с меньшим трудом, чем доби-вались ее западноевропейские государства. Кажется, русское правительство до сих пор не давало повода до такой степени лестно думать об его уступчивости. Оно, конечно, уступило бы вам, если бы за вами, или вообще за противниками абсолютизма, шла народная масса. Иначе всякая уступчивость с его стороны была бы совершенно необъяснимой. Посмотрите на Англию, пользующуюся репутацией страны мирного прогресса. Проследите хоть историю либеральной лиги против хлебных законов, и вы увидите, как хорошо со-знавала добивавшаяся мирной уступки английская буржуазия необходимость заручиться по-

мощью рабочего класса, как настойчиво она, иногда, прямо бунтовала рабочих. Если Ричард Кобден грозил английским лордам разрушением их замков, то само собою понятно, что не на буржуазию рассчитывал он в деле такого разрушения. И Кобден, и Брайт, и все их товарищи прекрасно знали, что добиться от парламента уступок они могут лишь с помощью давления извне, «pressure from without, и что для этого давления необходимы сильные руки рабочих. Так было во всех тех случаях, когда английское правительство уступало напору общественного мнения. История Англии более, чем история какой бы то ни было другой страны, подтверждает справедливость старого правила: если хочешь мира, готовься к войне. Вы же поступаете как раз обратно этому правилу. Вы проповедуете крестовый поход против правительства, вы приглашаете социалистов на борьбу с ним, и в то же время сами видите, что вы можете победить только в случае его особенного миролюбия. Вы хотите начинать борьбу, прекрасно зная, что у вас нет сил для решительной битвы! Знаете ли, что напоминает мне такая оригинальная агитация? Чтобы устрашить неприятеля, китайцы рисуют на своих щитах драконов и разных других чудовищ. Они хорошо знают,

что эти чудовища не нанесут действительного вреда неприятелю, но они надеются, что неприятель, может быть, испугается и уступит им поле битвы. А если неприятель не пугается, если он не уступает этого поля? Тогда сынам Небесной Империи оставалось бы уповать на быстроту своих ног, если бы они отличались свойственным вам простодушием. Но они хитрее вас, и на всякий случай все-таки запасаются оружием.

К. — Напрасно вы иронизируете и напрасно беспокоитесь. Труд нанести последний удар нашему правительству возьмут на себя не петербургские рабочие, и, конечно, не вооруженное общество. Об этом позаботятся заграничные капиталисты. Известно, что наши финансы находятся при последнем издыхании. Одного этого обстоятельства может быть достаточно, чтобы сломить упорство царя. Обанкротившийся деспот уступчив поневоле. А так как, кроме того, Александр III далеко не осмотрителен во внешней политике, то вероятность его банкротства еще более возрастает. Если Севастопольское поражение вынудило правительство освободить крестьян, то новый военный погром, наверное, заставит его дать конституцию.

С. — Словом, вы надеетесь, что конституцию принесут вам на своих штыках прусские и австрийские солдаты? Вообще говоря, в этом нет ничего невозможного. Вопрос только в том, какова будет эта конституция? Вы помните, конечно, что финансовые и международные за-

труднения вынудили когда-то турецкого султана подарить своим подданным конституцию. Но что вышло из этой комедии? Ровно ничего. Дело кончилось тем, что все просто позабыли о ней: и граждане, и правительство. Хотите ли вы турецкой конституции? Возлагайте свои упования а силу вещей, на между-народные финансовые затруднения. Хотите конституции настоящей — вер-буйте настоящую армию для борьбы с абсолютизмом.

К. — Но позвольте, французская пословица справедливо говорит, что comparaison n'est pas raison. Это в особенности верно в том случае, когда сравниваются вещи совершенно несравнимые и несоизмеримые; Россия не Турция. Если турецкая конституция отцвела; не успевши расцвесть, то отсюда еще не следует, что такая же судьба предстоит и русской конституции. Пусть только раз соберутся представители русской земли, и тогда восстановление абсолютизма будет так же невозможно, как невозможно теперь восстановление крепостного права.

С. — Вы, в свою очередь, забываете, что comparaison n'est pas raison. Из всех реформ прошлого царствования освобождение крестьян есть действительно самая прочная, или, лучше сказать, единственная прочная реформа. У крестьян нельзя уже взять назад их гражданскую полусвободу, между тем как наше современное правительство без труда может уничтожить все, сделанное Александром II во всех других сферах нашей внутренней жизни. Чем объяснить такое различие? Тем, что народ был непосредственно заинтересован в уничтожении крепостного права, между тем как все другие реформы имели лишь косвенное, а иногда весьма сомнительное для него отношение к его благосостоянию. С самого начала нынешнего столетия ежегодно возрастало число крестьянских бунтов, так что Александр II должен был сказать себе: «освободим крестьян сверху, чтобы они не освободили себя снизу». Создайте подобное же движение в народе в пользу конституции, заставьте Александра III дать вам политическую свободу в силу того же соображения, которое заставило Александра II освободить крестьян, - и тогда сравнивайте конституционный вопрос с вопросом об уничтожении крепостного права, тогда ваше сравнение будет уместно и убедительно. Но пока за вами не будет народной массы, до тех пор все подобные сравнения будут лишь оттенять ваше собственное бессилие. Против восстановления крепостного права поднялся бы весь народ,

как один человек. Но если вам не удастся развить стремление к политической свободе по крайней мере в наиболее передовой части народа, т. е. промышленных рабочих, то с русской кон-

ституцией дело будет обстоять иначе. Оно может принять такой оборот.

Правительство даст Земскому собору время уплатить государственные долги и найти новые источники обложения, а затем в наше Национальное Собрание явится будочник Мымрецов и провозгласит: «Пожалуйте вон, господа депутаты, будет вам проклажаться, мы не допущаем, чтобы, например, шум». Изгнавши таким образом «представителей русской земли» из здания парламента, тот же будочник вывесит на нем объявление: «Сие здание отдается в наем», как написал когда-то Кромвель на английском парламенте. Что сделают тогда «представители русской земли»? Найдут ли они залу jeu de pomme и принесут клятву не расходиться, пока не обеспечат своей стране политической свободы? Но ведь будочник Мымрецов последует за ними и в эту залу и, раздраженный их упорством, он примется водворять господ депутатов в «кутузку». Кто может помешать такой расправе? Не правда ли, городские рабочие и только рабочие? Если на защиту собравшихся в Петербурге или в Москве «представителей русской земли» двинется многочисленное рабочее население столичных предместий, то исход подобных реакционных попыток правительства станет по меньшей мере сомнительным. Заручайтесь же симпатией этих предместий теперь, потому что взывать к ним в то время, когда ваш «шиворот» очутится в руках Мымрецова, будет уже поздно.

К. — Все это, конечно, справедливо, но в то же время крайне односторон-не, при всей своей справедливости. Изо всего сказанного вами следует только одно, а именно, что трудно и представить, пока, наступление такого времени, когда делу свободы на Руси перестанут угрожать опасности.

Это мы должны знать и помнить. Но отсюда до вашей программы еще очень далеко. Я буду говорить прямо. Приняв вашу программу, наши революционеры не устранили бы грозящих свободе опасностей; они просто забыли бы о них, как и о самой свободе; они отдались бы делу, единственное преимущество которого заключается в том, что оно не противоречит некоей маленькой доктринке, которая сама противоречит всему складу русской жизни. Подумайте, в самом деле, много ли у нас промышленных рабочих? Велико ли население наших горо-дов? Ведь это капля в море, она сама по себе ничтожна, но у вас нет возможности повлиять даже на эту каплю в ее целом. Вы можете придти в соприкосновение с бесконечно малой частью капли, с одной только молекулой, и вы воображаете, что, наэлектризовавши эту молекулу, вы взволнуете океан, вызовете целую бурю на море? Что может быть фантастичнее такой программы?

С. — Вы начинаете сердиться, а это уже нехорошо. Если, по немецкой поговорке, «гнев делает поэтов», то серьезного политика скорее способно выработать спокойное, хладнокровное рассуждение. Посмотрите, в своем гневе вы уже зашли гораздо дальше предположенной вами цели. Ваш довод обращается против вас самих. Австралийские негры так умеют кидать свои бумеранги, что те, описав в воздухе кривую линию, падают к их ногам. С вашим доводом случилось нечто подобное, с той только разницей, что в своем возвратном движении он сбил вас с ног. Если я верно понял смысл вашей филип-пики, то она сводится к следующему: программа социал-демократов фантастична, потому что противоречит экономическим условиям России. В исключительно земледельческой, крестьянской стране она хочет создать такую политическую партию, существование которой возможно лишь в промышленно развитых странах. Вы указываете на это несоответствие, хорошо понимая, по-видимому, что политическая жизнь данной страны находится

в тесной зависимости от ее экономического строя. Мне ли, марксисту, восставать против справедливости такого взгляда? Я подписываюсь под ним обеими руками. Но я прошу вас взглянуть с этой же точки зрения на ваши собственные политические планы. Я спрашиваю вас, возможно ли само конституционное движение в такой экономически патриархальной стране, какою вы считаете Россию? Возражая против нас, все вы ссылаетесь на русского мужика; мужик является в вашем представлении несокрушимой плотиной, о которую должны разбиться все волны западноевропейского рабочего движения. Допустим на минуту, что вы правы, что эта плотина действительно так прочна, как вы воображаете. Тогда наше дело становится безнадежным, но вместе с этим, и при том гораздо в большей степени, обнаруживается безнадежность и вашего дела. Если русский крестьянин не способен увлечься социал-демократической программой, то еще меньше способен он проникнуться сознанием прелестей политической свободы. Всегда и везде, как только начиналось образование больших государств, земледельческие общины с их патриархальным бытом служили самой прочной основой деспотизма. Только с разложением этого патриархального быта и с развитием городского населения являлись силы, способные положить предел неограниченной власти монарха. Россия не составляет исключения из этого общего правила. Ее московские и пе-тербург-ские самодержцы были естественным дополнением ее экономического строя, который характеризовался полным преобладанием деревни над городом. Ко-нечно, будучи поставлена в условия европейского равновесия, Россия обязана была, под страхом потери всякого политического

значения, усвоить себе хоть некоторую долю европейского образования. Она нуждалась в образованных офицерах и чиновниках. Неудивительно, что с проникновением в нее европейского образования в ней появлялись люди, усвоившие

политические взгляды европейцев и сознавшие все безобразие русского царизма. Но эти люди не могли играть серьезной политической роли. Они были людьми очень образованными, очень гуманными, очень либеральными, но в то же время и, прежде всего, они были *лишними людьми в* полном смысле этого слова, — людьми, весь умственный и нравственный habitus которых стоял в полном противоречии с русской действительностью. Им оставалось — или впадать в пессимизм Чаадаева, или затрачивать свои «демонические силы» на победы над столичными и провинциальными барышнями, или умирать на парижских баррикадах, или, наконец, «пить горькую» у себя дома. Вы прекрасно знаете, что в прежнее время такие лишние люди в изобилии существовали на Руси. Теперь говорят, что этот тип отжил свой век. Мы охотно верим этому, но верим потому, что наш старый порядок разложился, деревня утратила свое преобладание над городом, у нас явилась буржуазия и рабочий класс. Это подтверждается всеми исследованиями русского народного хозяйства. Абсолютизм приходит в противоречие с нашею экономическою действительностью. Теперь его противники уже не лишние люди, потому что они могут бороться против него с надеждою на победу. Один немецкий писатель заметил, что славянские народы представляют собою нечто среднее между европейскими и азиатскими народами. Это совершенно верно в применении к России. Она, действительно, только отчасти, только теперь становится европейской страною, и становится ею лишь постольку, поскольку история *отрицает* старые основы ее экономического быта. Только по мере этого отрицания Россия входит в культурное родство с Европой, выступает на путь европейского образования в лице значительной части своего трудящегося населения, а не бессильной только горсти своей «интеллигенции»; как это было прежде. Таким образом, с нашей точки зрения русский конституционализм приобретает смысл и оправдание. Но если это так, то еще больший смысл

получает русское социал-демократическое движение. Между тем, все те, которые разделяют ваш взгляд на экономическое положение России, должны признать, что всякие толки о конституции представляют собою переливание из пустого в порожнее. В таком случае правы наши охранители, которые на все голоса кричат, что конституционный режим противоречит духу русского народа. И вы называете нас фантазерами? Но если мы фантазеры, если мы, по вашему выражению, оперируя над каплями и мо-

лекулами, хотим вызвать бурю на море, то вы просто социальные чудотвор-цы, потому что ваше ожидание «хоть какой-нибудь конституции», ваше поли-тическое нечто основывается на голом экономическом *ничто.* Вы приписыва-ете себе такую силу, какую философы не всегда решались приписывать даже божеству, так как они думали, что творческая деятельность божественного Демиурга заранее предполагает существование материи.

К. — Но позвольте. Я не намерен входить с вами в экономические и философско-исторические споры. Я допускаю, что наш экономический быт не таков, каким изображают его наши народники. Может быть, наши рабочие действительно способны сыграть большую роль в нашем освободительном движении. Но как подойти к рабочему? Вы пугаете нас будочником Мымрецовым, но пока-то он еще соберется взять нас за шиворот, ваш собственный шиворот уже зажат в его грубом кулаке. Разгонять парламент Мымрецову придется, может быть, в будущем, — ловлей же пропагандистов он, к сожалению, с большим успехом занимается уже теперь. Мне не раз случалось беседовать с революционерами; все они единогласно говорят, что пропаганда среди рабочих невозможна по чисто полицейским причинам.

С. — Революционеры говорят вам, что пропаганда среди рабочих невозможна? А пытались ли вести ее беседовавшие с

вами революционеры? Если бы вы задали им такой вопрос, то из ста случаев — 99 вам ответили бы: «нет, я сам ее не вел, но я слышал от одного верного человека, который в свою очередь слышал от одного не менее верного человека, слышавшего от самого верного человека, что тому говорили, будто кто-то сказал, что пропаганда невозможна». Поверив друг другу на слово, все эти «верные люди» совершенно махнули рукой на рабочий класс и теперь готовы идти куда угодно, лишь бы не в рабочую среду, готовы подписываться под какими хотите «программами», лишь бы эти программы не указывали им на необходимость пропаганды среди рабочих. Это, конечно, их дело, но я головою ручаюсь вам за то, что уверенность их совершенно противоречит опыту нашего революционного движения. Пропаганда среди рабочих оставлена была в конце 70-х годов не потому, чтобы она была неудачна, — напротив, это время есть время расцвета нашего рабочего движения, — а потому, что наши революционеры увлеклись «террором» и все менее и менее отводили места пропаганде и агитации среди рабочих. Наши тогдашние революционеры-террористы рассчитывали на свои собственные силы. Опыт показал, что эти силы были недостаточны для победы над абсолютизмом. И вот те-

перь наши революционеры ищут себе союзников, но вместо того, чтобы искать их в рабочей среде, они обращаются к так называемому обществу, при чем идеализируют его так же, как идеализировали когда-то «народ». Давно ли можно было слышать от них, что наш крестьянин «прирожденный социалист»? Теперь то же «прирожденное» свойство открыто и в русском обществе. Но подобные выдумки не изменяют дела. Если бы все представители нашего общества действительно были прирожденными и убежденными коммунистами, то и тогда, как я уже говорил вам раньше, они представляли бы собою не больше, как штаб без армии, и чтобы образовать армию, им все-таки пришлось бы

пропагандировать среди рабочих. Напрасно вы думаете, что пропаганда невозможна при современных условиях. Трудно всякое дело, если только не хочется его делать, легко всякое дело, за которое мы беремся с полным убеждением в его плодотворности и необходимости. Трудно было взорвать Зимний Дворец, а между тем начинили же динамитом один из его подвалов. Некоторые из трудностей пропаганды среди рабочих свойственны ей в такой же мере, как и всякой другой революционной пропаганде, все равно среди кого бы она ни велась. Так, например, полиция с одинаковой энергией преследует тайные типографии, не спрашивая, печатаются ли в них воззвания к «обществу» или к рабочим. Одинаково же трудно, или, если хотите, одинаково легко перевозить запрещенные книги через границу, независимо от того, предназначаются ли эти книги для «общества» или для рабочих. Вы, конечно, скажете, что легче распространять такие книги в обществе, чем в народе вообще и в рабочей среде в частности. Но это не подтверждается опытом нашего движения. В то время, когда у нас еще велась пропаганда в крестьянстве и между рабочими — в огромном большинстве случаев поводом к арестам служила не сама эта пропаганда, а те неосторожности, которые совершались пропагандистами при посторонних сношениях, т. е. при переписке, при заведении так называемых конспиративных квартир и т. п. Процент арестованных *на деле* совсем ничтожен. Общество *«Земля и Воля»* вело, например, очень де-ятельную пропаганду между рабочими больших городов. За несколько лет своего существования это общество понесло очень-большие потери, но едва ли хоть одну из них можно отнести непосредственно на счет рабочей пропаганды. Можно сказать более. Благодаря разумной организации этого дела, об-щество «Земля и Воля» просто не знало, что такое потери на пропаганде среди рабочих. Наибольшей опасности под-вергались те из его членов, которые вращались в «интеллигентной» среде, т. е. именно там, где приходится

вращаться теперь революционерам, от-

пицающим возможность пропаганды среди рабочих. Я не думаю, что указанная опасность уменьшится, если мы превратимся в простых конституциона-листов. Молодым людям, принимавшимся за пропаганду в 80-х годах, часто приходилось встречать, правда, весьма большие трудности, но эти трудности целиком должны быть отнесены на счет их практической неопытности и отсутствия строго выработанной организации. Эти два обстоятельства давали им чувствовать себя во всем: при заведении тайных типографий, при террористических попытках и т. д. Мне никогда не приходило в голову утверждать, что для пропаганды среди рабочих не нужно опытности; но ведь опытность дело наживное. Она приобретается практикой и по мере ее приобретения уменьшаются те трудности, которые приходится преодолевать сначала.

К. — Но, ведь, повторяю вам, при современных условиях вся такая деятельность поневоле сведется к самым ничтожным размерам, к вербовке отдельных личностей, и много-много к организации небольших рабочих кружков. Рабочие массы останутся не затронутыми пропагандой, а между тем все ваши доводы в ее пользу предполагают именно влияние на массу.

С. — Я не говорю, что теперь можно было бы устраивать открытые рабочие собрания в Москве или Петербурге. *Пропаганда* велась бы, конечно, в тайных кружках, а следовательно, влияла бы лишь на небольшие группы лиц. Но через посредство этих лиц ее влияние необходимо распространялось бы на массы. Тогда пропаганда становилась бы уже *агитацией.* Что такая агитация возможна, — это доказывается, между прочим, историей наших стачек. Возьмем хоть знаменитую стачку на фабрике Морозова. Несколько *отдельных лиц,* Волков, Моисеенко и другие, стали во главе *целых тысяч рабочих,* руководя ими во всех столкно-

вениях с полицией и фабричной администрацией. Владимирского губернатора в особенности обижало то обстоятельство, что, между тем, как рабочие не обращали никакого внимания на его слова, они безусловно повиновались своим вожакам. Вот вам и влияние на массу! Чтобы оно не осталось мимолетным, Волкову и Мосеенку нужно было лишь обобщить требования рабочих, выяснить им общий характер их отношений к хозяевам и правительству. А раз зашла речь об отношениях к этому последнему, то вот вам уже и повод для *политической агитации.* Желябов на Воронежском съезде утверждал, что в России каждая стачка есть не столько экономическое, сколько политическое событие, потому что во всех стачках рабочий больше всего терпит от полицейских притеснений. Поддерживать рабочих в таких случаях, говорил он, значит

уже вести политическую агитацию. И в самом деле. Преследуемые полицией, рабочие не могут остаться глухи к тому, что вы стали бы говорить им о свободе сходок, собраний, союзов, о неприкосновенности лица и жилища. Тот, кто хоть немного знает русских рабочих, знает также, до какой степени глубоко врезывается в их умы всякая общая мысль, всякое общее положение, наглядно освещенное и подкрепленное такими выдающимися событиями, как стачки и вообще столкновения с хозяевами и полицией. Рабочие уже не забывают их, и при случае сами повторяют, нередко в очень наивной, но, тем не менее, весьма убедительной для их собратьев форме.

Наша так называемая интеллигенция убеждена, что для нее, при настоящих условиях, невозможно влияние на рабочую массу. Но в сущности она уже повлияла на нее, так сказать, без своего ведома. Вы знаете, как распространены в народе предрассудки по отношению к «студентам», т. е. к революционерам. Наши крестьяне считают революционера противником не только царя, но и народа. Такой взгляд на

студентов был в начале 70-х годов распространен и между петербургскими рабочими. Прошло несколько лет, и дело изменилось, благодаря пропаганде и участию «студентов» в петербургских стачках. В 1878 году был такой факт: рабочие одной небольшой фабрики за Нарвской заставой отправили делегатов на другую фабрику с просьбою найти «студентов», которые им нужны, потому что их притесняет хозяин, и они хотят сделать стачку. Таким образом рабочая масса, не переставая видеть в студентах врагов царя, стала в то же время видеть в них лучших защитников ее собственного дела. На суде по поводу стачки на фабрике Морозова выяснилось, что рабочие называли одного из своих вожаков «студентом»; на вопрос председателя, почему они дали ему такую кличку, подсудимые отвечали: «очень уж умен и за нас стоит крепко». Мне кажется, что подобные факты не подтверждают мысли о невозможности влияния интеллигенции на рабочую массу. Если бы у нас началось какое-нибудь политическое движение, то рабочие Морозовской фабрики, вероятно, откликнулись бы на призыв «студентов», которые, по их мнению, очень умны и «крепко стоят за них». А какие личности вырабатываются теперь в рабочей среде, представляющейся нашей интеллигенции средою тьмы, забитости и невежества, также показала вышеназванная стачка. «Если бы я не знал, что передо мною стоит рабочий, ежедневно проводящий 15 часов у ткацкого станка, — говорит об одном из подсудимых корреспондент одной из московских газет, — то по разумности его ответов, по языку и по манерам, я, наверное, принял бы его за интеллигентного

человека». Названный корреспондент с удивлением констатировал появление у нас совершенно нового типа *интеллигентного рабочего.* Появлению этого типа не мало способствовала наша интеллигенция, способствовала, несмотря на то, что у нее никогда не было правильного взгляда на дело пропаганды среди рабочих. Проникнутые

народническими предрассудками, наши революционеры обыкновенно уверяли рабочих (когда снисходили до того, чтобы уверять их в чем-нибудь), что рабочий класс не имеет в России ни малейшего значения, что у нас главное -- крестьянин, что крестьянская жизнь совмещает в себе все добродетели, между тем, как рабочий развращен до мозга костей, — словом, что лучше всего было бы, если бы у нас совсем не было рабочих. Это называлось пропагандой, на такую-то пропаганду революционеры других фракций ссылаются в своих спорах с социал-демократами, говоря, что еще до появления этих последних у нас было обращено надлежащее внимание на городских рабочих. Но и эта *пропаганда рабочим против рабочих* принесла, как видите, блестящие плоды. Жизнь скоро устраняла предрассудки, привитые рабочим народниками. Раз затронутый пропагандой, рабочий сам додумывался до программы, соответствующей его классовому положению. Тут происходили иногда удивительно комичные qui-pro-quo: революционеры оказывались в положении курицы, высидевшей утят. Когда образовался «Северно-Русский Рабочий Союз», то общество «Земля и Воля» с ужасом увидело в его программе требование *политической* свободы и в одном из номеров своего журнала прочитало им нотацию за их будто бы буржуазные стремления. В 5-м номере этого журнала был помещен ответ рабочих, где они говорили, что они «не деревенские Сысойки», что рабочее движение без политической свободы невозможно, и что политические права должны служить рабочим средством для достижения их экономических целей. Как видите, история курицы, высидевшей утят, видоизменилась здесь в том смысле, что утята оказались разумными существами, ласково уверявшими свою маменьку, что в плавании по политическому морю для них нет никакой опасности. Маменька долго не верила утятам, а теперь, позабывши, как было дело, эта легкомысленная птица настойчиво утверждает, что утята вовсе неспособны к плаванию.

Подумайте, к каким результатам привела бы разумная, систематическая пропаганда, которая не уничтожила бы классового сознания рабочих, а, напротив, показала бы им, что рабочий класс есть «тот камень, на котором созиждется церковь настоящего»!

К. — Нет, батюшка, вы неисправимы. Я вижу, что, сколько ни спорь с вами, вы все-таки останетесь врагом конституционного движения.

С. — Из сказанного мною совсем нельзя сделать подобного вывода. Вы должны были видеть, напротив, что я *конституционалист,* только на *особый, социалистический манер.* По моему мнению, борьба за *политическую свободу должна быть первым фазисом рабочего движения в России.*

К. — А мы все должны превратиться в пропагандистов и нести на фабрику «Хитрую механику», брошюру Дикштейна «Кто чем живет?» и книгу Аксельрода «Рабочее движение и социальная демократия»?

С. — Пожалуйста, не приписывайте нам таких взглядов, которые никому из нас никогда не приходили в голову. Русское самодержавие представляет собою такое уродливое явление, такой чудовищный анахронизм, что я не удивился бы, если бы даже в так называемых высших сферах, между высокопревосходительными и другими «значительными лицами» нашлись люди, не чуждые конституционных стремлений. Можно даже с уверенностью сказать, что такие люди существуют: катковско-победоносцевская шайка, наверное, и там успела нажить себе горячих противников. Но какой же сумасшедший будет советовать этим «высокопоставленным» конституционалистам распространять между рабочими запрещенные книжки? Точно так же далека от нас мысль о пропагандистах из среды земских и думских деятелей и т. п. лиц, что называется, с положением. Я говорил о революционерах в собственном смысле этого слова, о тех разночинцах-пролетариях, которые в 70-х годах ходили в

народ, пополняли собою ряды «бунтарей» и террористов. Они должны идти в рабочую среду, потому что это их дело и потому что у них нет другого, более плодотворного дела в настоящее время. Не трудно представить себе, какую комическую роль пришлось бы играть нашему «революционеру-разночинцу» в гостиных наших чиновных конституционалистов, которые, впрочем, наверное, не захотели бы иметь с ним никаких политических сношений. Точно так же можно с уверенностью сказать, что он не имел бы успеха и в «обществе» в собственном смысле этого слова. Много-много, если бы он встретил там покровительственно-снисходительное отношение, как человек, правда, слишком горячий и «красный», но зато очень преданный делу и честный. Вообще, если бы наш разночинец-революционер действительно взялся за пропаганду в обществе, о которой он теперь так сильно поговаривает, то он частью очутился бы в положении лермонтовских молодых людей, вздыхавших об аристократических гостиных, куда их, по выражению Лермонтова, не пускали; частью же должен был бы убедиться в полной бесполезности принятой им роли. Что

нового сказал бы он этому обществу? Что наше правительство никуда не годится? Это давно уже все знали, а в настоящее время, вероятно, знает уже и само правительство. Или, может быть, он сообщил бы своим слушателям ту новую мысль, что от полицейского произвола много терпит русский обыватель? Или он стал бы доказывать преимущество представительного правления? Но какой же образованный человек в России не знает этих преимуществ? Наши университеты ежегодно выпускают сотни молодых людей, которые, под страхом получения единицы, должны были изучить все прелести «правового государства». Наша беда, т. е. беда всех противников абсолютизма, заключается не в том, что мы не знаем преимуществ конституционного режима, а в том, что мы никак не можем его добиться: видит око, да зуб неймет. И

пособить этому горю можно только одним путем: изменяя соотношение наших общественных сил в пользу политической свободы. Но я уже говорил вам, что для такого изменения необходимо содействие рабочего класса.

К. — Итак, мы договорились теперь, если я не ошибаюсь, вот до чего: общество бессильно в борьбе против правительства. Все наши надежды должны основываться на рабочих. Поэтому, бесполезна всякая агитация в обществе. Мы должны оставить всякую мысль о самостоятельном движении с нашей стороны и просить нашу революционную молодежь как можно скорее подготовить рабочих для борьбы с абсолютизмом. Если она послушает нас, то дело политической свободы будет выиграно, если же нет, — то абсолютизм останется непобедимым.

С. — Я вовсе не думаю, что судьба России находится в руках нескольких сотен или тысяч молодых людей. Я знаю, что все общественные условия, все то, что называется, обыкновенно, силою вещей, направляется у нас теперь против абсолютизма. Совершенно независимо от воздействия интеллигенции, совершается разложение наших старых экономических порядков, увеличивается численность рабочего класса и постепенно зреет его сознание. Мало того, недовольство существующим порядком накопляется даже в темной крестьянской массе, число столкновений крестьян с властями возрастает и несомненно будет возрастать с каждым годом. Все это расшатывает абсолютизм и пророчит ему близкую гибель. Его песенка спета во всяком случае. Но поскольку речь идет не о слепой силе вещей и обстоятельств, а о сознательном влиянии личностей на историю своей страны, постольку все сказанное мною остается неопровержимым и неоспоримым. Точно

также я вовсе не считаю бесполезной борьбу высших и средних классов против правительства, я первый приветствовал бы начало такой борьбы, потому что я

понимаю все ее *возможное значение.* Но я говорю, что это *возможное* значение не станет *действительным* до тех пор, пока рядом с движением в обществе не начнется движение в рабочей среде, и я приглашаю нашу революционную молодежь содействовать этому последнему движению. Я говорю ей, что только в рабочей среде она найдет плодотворную почву для своей деятельности, что, пробуждая сознание рабочего класса, она будет способствовать не только освобождению этого класса, но и всех других прогрессивных классов в России. А раз выступит наша молодежь на путь пропаганды среди рабочих, хотя бы во имя интересов конституции, она немедленно сама увидит, какова должна быть эта пропаганда. Она поймет, что нельзя изображать рабочим конституционный порядок, как последнюю ступень общественного развития. Она на деле столкнется с вопросом о современных отношениях труда к капиталу и станет организовать рабочих для борьбы с абсолютизмом, ни «а минуту не забывая выяснять им враждебную противоположность их интересов с интересами буржуазии, как выражаются Маркс и Энгельс в своем Коммунистическом Манифесте. Одним словом, пусть только идут наши революционеры к рабочим, *сама жизнь* сделает *их социал-демократами.* Русские революционеры никогда не закрывали глаз на социальный вопрос, но, как я сказал, они смотрели на него скорее с точки зрения мелкой буржуазии, чем пролетариата. Этому не мало способствовала принятая ими тактика борьбы. При агитации в крестьянской среде, не только можно, но и вполне естественно было сохранять мелкобуржуазные взгляды на общественные вопросы. Точно также террористическая борьба, начатая помимо всякой серьезной связи с рабочим классом, при всем своем героизме, не могла способствовать выяснению взглядов русских революционеров. Но лишь только центр тяжести всего движения перенесется в рабочую среду, — интересы пролетариата, по необходимости, станут главным или, вернее, единственным

критерием при оценке всяких программ и учений. Тогда впервые начнется настоящее, широкое социалистическое движение на Руси, и тогда, поверьте, недолго продержится русский абсолютизм! Рабочий Петр Алексеев недаром говорил в своей речи перед особым присутствием правительствующего сената, что «когда поднимется мускулистая рука рабочего, то окруженное солдатскими штыками здание абсолютизма разлетится в прах»!

31

Неизбежный поворот

«Революция или эволюция?», Женева 1888 г. - *«По поводу одного предисловия»,* 1888 г.

В последнее время в наших революционных кружках наделало много шума предисловие г. Тихомирова ко второму изданию его книги: «La Russie politique et sociale». Приверженцы партии Народной Воли справедливо увидели в этом предисловии разрыв г. Тихомирова с их программой. Против новых взглядов бывшего редактора «Вестника Народной Воли» появилось два печатных протеста или, вернее сказать, один протест и одна литературная распеканция. Протест озаглавлен «Революция или эволюция?»; под ним стоит подпись: «Прежние товарищи Тихомирова по деятельности и убеждениям», при чем г. Лавров с своей стороны, в особом приложении, свидетельствует, что авторы протеста действительно «имели полное право» назвать себя так. Распеканция носит название: «По поводу одного предисловия» и подписана «группой народовольцев». Авторы распеканции «ни в каких личных отношениях с Тихомировым не были», и сведения о нем, как и вообще, по-видимому, о русском революционном движении, черпают из книги Туна «Geschichte der revolutionären Bewegungen in Russland». Но так как названная книга представляет собою далеко не удовлетворительный источник для знакомства с русским

революционным движением, то не удивительно, что это обстоятельство невыгодно отзывается на содержании распеканции. Она не только не выясняет дела, а, напротив, повергает читателя в полнейшее недоумение. Подумайте, в самом деле, что говорит «группа народовольцев»! В течение многолетней революционной деятельности г. Тихомирова все шло хорошо, по крайней мере, до декабря 1886 г. «Затем начинается темный период — 1887 г. По-видимому, все обстоит благополучно, и вдруг — новое издание «La Russie politique et sociale» и предисловие к нему, помеченное 20 февраля 1888 г.» (стр. 7 и 8). В этот роковой день обнаружилось, что в течение «темного периода, 1887 года», г. Тихомиров успел превратиться в

«жалкое нравственное ничтожество» («По поводу одного предисловия», стр. 16). Что же это за метаморфоза? Каким же это образом человек, «с момента рождения партии Народной Воли ставший в ее ряды в одной из самых ответственных ролей, в роли вождя» и «руководивший всеми террористическими предприятиями партии», вдруг превратился в «жалкое ничтожество»? Неужели партия Народной Воли не могла выбрать, себе менее жалкого и более надежного вождя? Мы никогда не принадлежали к партии Народной Воли, но мы можем уверить «группу народовольцев» в том, что во главе русской террористической борьбы всегда стояли люди, как небо от земли далекие от «жалкого нравственного ничтожества». И если бы авторы распеканции были знакомы с деятельностью г. Тихомирова не по одной только книге Туна, то они знали бы, что и он не составляет исключения из этого общего правила.

Впрочем, «группа народовольцев» выражается таким образом, вероятно, лишь в силу своей необыкновенной горячности. Она, или вообще тот, кто писал ее брошюру, находится в состоянии того крайнего раздражения, при котором слова перестают соответствовать мыслям, и которое

заставило когда-то Сквозника-Дмухановского воскликнуть: «не до слов тут, душенька!». На шестнадцати страницах, из которых состоит распеканция, происходит какой-то невероятный крик и визг. Авторы топают ногами, скрежещут зубами, грозят очами и вообще окончательно сживают со свету несчастного автора предисловия. В одном месте эта горячность доводит их до того, что они начинают тузить самих себя; именно, говоря о «минимальной честности» и «нравственной чистоплотности», которых можно требовать от «каждого обыкновенного смертного», они категорически заявляют: «но тщетно мы станем искать чего-нибудь подобного в нашем анализе поступка г. Тихомирова» (стр. 15). По логическому смыслу выходит, что «тщетно мы стали бы искать» «минимальной честности» в написанном «группой народовольцев», и что г. Тихомиров виноват даже и в этом, по-видимому, совершенно не зависевшем от него обстоятельстве. Но с другой стороны очевидно, что они совсем не то хотели сказать и что они просто несколько... заговорились, так как им, действительно, уж «не до слов».

Не яснее выражаются и «прежние товарищи г. Тихомирова по деятельности и убеждениям». Упрекая его в том, что теперь он отрицает революционную деятельность, они противопоставляют настоящим его взглядам ту статью в № 4 «Вестника Народной Воли» (1885 г.), в которой он говорит, что «революционная мысль всегда реальна и

именно потому всегда имеет средство к пересозданию общества». Но и подобное противопоставление — и при том противопоставление мысли, в сущности, вовсе не «реальной» — тихомировскому предисловию тоже не объясняет дела. А кроме этого противопоставления в «Протесте» есть только несколько полемических выходок против г. Тихомирова и сожалений по поводу старых товарищей, «переходящих в другой лагерь».

Г. Лавров, засвидетельствовавший подлинность бывших

товарищей г. Тихомирова, в свою очередь, ссылается на какое-то «письмо без даты, но которое писано едва ли полгода тому назад», и в котором, по мнению Лаврова, г. Тихомиров еще признавал свою солидарность с программой «Вестника Народной Воли». Очевидно, что и сам г. Лавров находится в большом недоумении, и что для него превращение г. Тихомирова также совершилось «вдруг». Ему остается лишь «ставить» г. Тихомирову «вопросы».

Заметьте теперь следующее обстоятельство. Первое издание книги г. Тихомирова появилось еще два года тому назад, когда он был еще, как мы знаем, «вождем» партии «Народной Воли». Г. Тихомиров говорил в ней не о геологии или палеонтологии России, а об ее *социальном* и *политическом* положении. Если программа его партии вытекала из социального и политического положения России, то это с ясностью должно было обнаружиться в книге ее «вождя». Положим, что, по тем или другим соображениям, он не хотел «ставить точек над *i*», не хотел оттенять революционных выводов, вытекающих из его социальных и политических посылок. Но каждому мало-мальски мыслящему человеку и самому нетрудно было бы сделать эти выводы. Книга «вождя» партии, во всяком случае, должна была положить для них твердое основание. Так и посмотрели на эту книгу, при первом ее издании, сторонники партии «Народной Воли». Они видели в ней более спокойное и подробное обоснование тех взглядов, которые он высказывал в других своих произведениях. Если читатель даст себе труд сравнить содержание книги г. Тихомирова, например, с содержанием его статьи «*Чего нам ждать от революции?*» («Вестник Народной Воли», № 2), то он сам увидит и в той, и в другой совершенно одинаковые взгляды на социальное и политическое положение России.

Но вот выходит второе издание названной книги, и в предисловии к ней он высказывается таким образом, что «группа народовольцев» считает нужным переименовать его

из «вождей» в «жалкое нравственное ничтожество». Его прежние товарищи по деятельности и убеждениям горько упрекают его в из-мене, а г. Лавров в недоумении

перечитывает «письмо без даты, писанное едва ли полгода тому назад». Признавая полную уместность таких сожалений и недоумений (не той брани, однако, которой осыпает г. Тихомирова «группа народовольцев». Хотя эту брань и нельзя назвать *непечатной, в* известном смысле этого слова, но хорошо было бы, если бы она осталась *ненапечатанной),* признавая уместность сожалений, мы все-таки заметим от себя, что прежние товарищи г. Тихомирова должны были поступить иначе. Так как второе издание его книги вышло *без перемен,* то им следовало показать, что ее новое предисловие не соответствует ее содержанию, потому что в предисловии высказываются реакционные взгляды, между тем как сама книга представляет собою теоретическое обоснование программы партии «Народной Воли». Тогда г. Тихомиров был бы побит своим собственным оружием. Его товарищи могли бы с тем большей уверенностью держаться старой программы «Народной Воли», что они показали бы, до какой степени даже изменивший ей г. Тихомиров подкрепляет ее своей книгой. Почему же не сделали так ни его «прежние товарищи по деятельности и убеждениям», ни его «прежний соредактор» П. Л. Лавров? Почему они ограничились выражениями негодования и сожаления или ссылками на «письмо, писанное едва ли полгода тому назад».

Вождям западноевропейских рабочих партий, Гэду, Лафаргу, Бебелю, Либкнехту и т. д., нередко приходится характеризовать в своих сочинениях социальное и политическое положение своих стран. Представьте себе, что выходит новое издание сочинений одного из них, которое автор снабжает реакционным предисловием. Трудно ли было бы другим «вождям» показать, что изменивший своей прежней программе писатель противоречит сам себе?

Конечно, нет, «вожди» западноевропейских рабочих партий так смотрят на социальное и политическое положение своих стран, что из их взглядов можно умозаключить только к их программе.

Можно ли то же сказать о тех взглядах г. Тихомирова на социальное и политическое положение России, которые он высказал в книге «La Russie politique et sociale» или — что одно и то же — в статье «Чего нам ждать от революции?». That is the question!

В чем сущность этих взглядов? Г. Тихомиров смотрит на Россию так же, как смотрят на нее наши народники. И по его и по их мнению, социальное и политическое положение России совсем не похоже на социальное и политическое положение Запада. Запад характеризуется преобладанием капитализма, Россия — преобладанием кресть-

янско-общинного хозяйства. Запад идет к социализму *через капитализм,* Россия — *через общину.* На Западе есть классы и борьба классов, у нас нет ничего подобного. На Западе есть пролетариат, у нас всего каких-нибудь «800.000 рабочих», да и те остаются крестьянами по всем своим стремлениям. Так говорили народники, так говорил и г. Тихомиров. Знаменитое отныне предисловие дает все основания думать, что г. Тихомиров совершенно поки-нул теперь всякую мысль о революционном способе действия, но прежде он от вышеизложенных посылок умозаключал к революции. По вопросу о том, *как* сделать революцию, и начинались разногласия между ним и народника-ми. Народники главные свои силы направляли на то, чтобы вызвать революционное движение в крестьянстве; г. Тихомиров думал, что при современных условиях невозможно создание широкой революционной организации в наро-де. Поэтому перед ним оставался только один путь, на который уже раньше указывал нашим революционерам покойный П. Н. Ткачев, т. е. путь заговора с целью захвата власти. Так как г. Тихомиров думал,

что центральная власть в России без большого труда могла бы повести общину по пути социалистиче-ского развития, то естественно, что заговор с целью захвата власти сделался центром его программы, вокруг которого группировались все другие части ее, как подчиненные и второстепенные. Такое подчиненное положение занял, ме-жду прочим, и террор; он считался одним из средств для достижения главной цели.

Оставляя в стороне вопрос о том, насколько справедлива мысль о возможности перехода русского общинного землевладения в социалистиче-скую форму производства, очевидно, что держаться такой программы мог только тот, кто верил в возможность захвата власти нашими революционера-ми. Раз пошатнулась бы эта вера, — вся практическая программа должна бы-ла бы упасть сама собою. И ее бывший сторонник тотчас же очутился бы в со-мнении относительно того, каким путем добьется он осуществления своих экономических целей? Всякая отсрочка захвата власти имела бы в этом слу-чае значение нового препятствия, как это прекрасно понимал П. Н. Ткачев: Нам нельзя медлить, говорил он, потому что при современном положении дел община разлагается, и нарождающийся капитализм ставит новые препятствия нашему делу. Указывая на это обстоятельство, покойный редактор «Набата» незаметно для себя оттенял самую слабую сторону своей программы. Между тем как экономическое развитие все более и более приближает западные рабочие партии к их цели, экономическое

развитие России все более и более затрудняет дело сторонников ткачевской программы. Правда, г. Тихомиров питает, по-видимому, глубокую веру в несокрушимость русской общины, поэтому его не должны были пугать те соображения, которые пугали П. Н. Ткачева. Но у него могли явиться другие опасения. В нашу партию, мог он сказать себе, идут лучшие люди России. Когда власть будет в их руках, они

много сделают для экономического благосостояния народа. Но когда они захватят ее? Прошло уже много лет с тех пор, как я выработал свою программу, а между тем дело захвата власти не подвинулось ни на шаг, и я не могу даже предвидеть, когда обстоятельства изменятся в этом отношении к лучшему. Но ведь пока мы не у власти, мы не можем иметь никакого влияния на экономическое развитие нашей страны. Таким образом, силы лучших людей России пропадают для народного благосостояния. Но интересы народной массы для меня дороже всего на свете, ради этих интересов я стал социалистом-революционером, а затем, логически развивая свою мысль, сделался народовольцем *).

Не народ существует для революции, а революция должна быть сделана для народа. И если революция, в том смысле, как я ее понимаю, отодвигается в неопределенное будущее, то нужно посмотреть, нет ли каких-нибудь других путей для обеспечения интересов народной массы, которые, как я уже себе сказал, для меня дороже всего на свете. Конечно, для меня невозможно было бы возвращаться на точку зрения старого народничества, мечтать о крестьянской революции: это было бы даже наивнее, чем верить в скорый захват власти. Еще менее могу я стать на точку зрения русских социал-демократов. Этих сумасбродов и фантазеров я давно уже осмеял в одной из своих статей. Правда, они дали мне довольно-таки порядочную сдачу, и некоторые читатели припоминали потом французскую поговорку: rira bien qui rira le dernier, но, ведь, это ничего не изменяет. Об этих неисправимых западниках достаточно сказать, что они не признают великого значения нашей общины, а для меня без общины немыслимо благосостояние народной массы. Вообще, я слишком стар теперь, чтобы перейти в марксизм. Наконец, не могу я примкнуть и к либералам, которые хотят представительного правления и кое-каких политических «свобод»: стоит ли беспокоиться pour ce peu de chose? **). Ведь это не

*) См. статью г. Тихомирова, цитированную в распеканции.
**) См. предисловие г. Тихомирова.

подвинет общины к социализму. Куда же пойду я, однако? Припомним новейшую историю России. В царствование Николая был один *величайший государственный муж,* который без болтовни и без громких фраз о свободе и о социализме сумел обеспечить благосостояние государственных крестьян и сообщить их экономическому быту формы, очень напоминающие те, которые я сам постарался бы придать им, если бы действительно захватил власть. Великое дело община! Уж что могло быть хуже и нелепее николаевских порядков, а между тем и при них, благодаря общине, можно было приносить огромную пользу народу, имея в своих руках некоторую власть. Может быть, и теперь удастся что-нибудь подобное. Конечно, чтобы советовать нашим народолюбцам превращаться в маленьких Киселевых, нужно отказаться от революции вообще и от «Народной Воли», в частности. Но подобный отказ будет теперь таким же логическим развитием моей мысли, каким была некогда «программа партии Народной Воли». Интересы народной массы и дальнейшее развитие общины прежде всего.

Представьте себе, что такие размышления занимали г. Тихомирова «в течение темного периода - 1887 г.», и тогда вы поймете, что «20 февраля 1888 г.» наступило не «вдруг», как это думает «группа народовольцев», т. е. иначе сказать, что г. Тихомиров, лишь постепенно и «логически развивая свою мысль», пришел к тем взглядам, которые высказаны в пресловутом предисловии. Вы поймете также, что «письмо без даты, которое писано едва ли полгода тому назад», «едва ли» доказывает что-нибудь относительно внезапности происшедшего в мыслях г. Тихомирова переворота. Был ли бы г. Тихомиров неправ, если даже, ставит на свою новую точку зрения, он думал бы, что совсем не изменил своих взглядов *по существу* и сослался бы на них в «письме без даты», как на «известные всем тем, кто ими интересуется»? По нашему

мнению, «едва ли». Во взглядах г. Тихомирова *на социальное и политическое положение России,* действительно, не произошло никакого существенного изменения. Поэтому его новое предисловие и не противоречит содержанию его книги. Г. Тихомиров изменил только вытекающие из этих взглядов практические выводы, верность которых он и прежде признавал лишь условно, лишь поскольку верил в возможность захвата власти революционерами. Теперь ему кажется более вероятным, что власть очутится в руках какого-нибудь новейшего Киселева, и потому он старается выработать новую программу. Таким образом, вопрос об его отношении к революционному образу действий вообще и к терроризму в частности решается сак собою: революция

излишня, потому что и помимо ее новейший Киселев может исполнить свою экономическую миссию. А так как никакому Киселеву не придет в голову добиваться своего назначения на какую бы то ни было должность посредством *«террора»;* то ясно, что излишен и террор. Нельзя не сознаться, что г. Тихомиров обосновывает свое отрицательное отношение к террору несколько иначе и делает против него такие возражения, которые сами по себе не выдерживают никакой критики. Но это уже совершенно второстепенная или даже третьестепенная частность. Важно лишь то, что г. Тихомиров ни в каком случае не может теперь признавать целесообразность террористической борьбы.

На основании всего вышеизложенного, нам кажется, что бывший вождь партии Народной Воли без труда может ответить г. Лаврову на поставленные тем вопросы приблизительно следующим образом.

Вы спрашиваете меня, многоуважаемый Петр Лаврович, считаю ли я «дозволительным революционный путь для всех революционеров, которые не верят в мирную замену нынешнего капиталистического порядка социалистическим»? Но я не знаю, о чем вы говорите: если о *Западе,* то ведь я ни

слова не сказал о западных социалистах в своем предисловии; если же *о России,* то ведь во всех своих статьях я всегда доказывал, что у нас нет «капиталистического порядка»; ведь по этому поводу я нападал на группу «Освобождение Труда», которая утверждала, что он существует у нас; и не вы ли сами поддерживали меня, хотя, правда, поддерживали очень робко и нерешительно. Неужели вы не поняли, в чем состояла сущность нашего спора с ними? А если поняли, то зачем же вы задаете другой вопрос: как отношусь я, теперь, весною 1888 г., «к своим собственным статьям в журнале, который мы вместе редактировали»? К их основным положениям я отношусь и теперь совершенно так же, как я относился прежде. Но теперь я делаю из них другие выводы. И я берусь доказать вам, что эти новые выводы вытекают из них вполне логично.

Если г. Тихомиров поведет свою защиту таким образом, то мы думаем, что его позиция будет совершенно неприступна, и что его не собьют с нее ни литературные наездники из «группы народовольцев», ни «письма без даты», ни выражения сожаления и негодования. Новые взгляды г. Тихомирова можно разбить лишь с помощью таких снарядов критики, каких не имеется в арсенале партии «Народной Воли».

«Die Moral von der Geschichte» такова, что основные посылки программы названной партии крайне двусмысленны и притом *скорее ведут к реакционным, чем к революционным выводам;* а потому она

должна быть подвергнута коренному пересмотру; а потому и «прежние товарищи» г. Тихомирова слишком поторопились воскликнуть: «да здравствует старая Народная Воля и новые бойцы!». Если они будут продолжать вливать «вино новое в мехи старые», то мы сильно опасаемся, что примеру г. Тихомирова последуют многие и многие из их сторонников. А что они и теперь вливают свое вино в тот же самый мех, в

который льет его и г. Тихомиров, видно *из* отношения их к Киселевскому, с позволения сказать, социализму. «Мы не входим здесь в суть Киселевской реформы, — говорят они, — хотя должны заметить, что видим в ней лишь одну сторону, идею планомерного вмешательства государства в экономический строй». Стало быть, эта-то *«сторона»* не противоречит вашим взглядам, гг. «прежние товарищи Тихомирова»? И вы называете себя «социалистами-революционерами»! Но что же общего имеет названная «сторона» с революционным социализмом? Если бы всякое планомерное вмешательство всякого правительства в экономическую жизнь могло быть одобряемо социалистами, то тогда учреждение ротных портных должно бы быть признано социалистическим учреждением, как говорит Ф. Энгельс в своей брошюре «Развитие научного социализма» *).

Несколько лет тому назад мы, разбирая программу партии «Народной Воли», намекнули на то, что ее экономическая часть при своем осуществлении повела бы к созданию государства Инков на востоке Европы в конце XIX века. Тогда мы говорили это предположительно, доводя мысль наших противников до абсурда. Теперь оказывается, что гг. старые народовольцы не видят ничего нелепого в подобном предположении. В действительности Киселевская реформа есть не более, как неудачная попытка водворить в России XIX века бледную, полную противоречий, копию с экономических отношений государства Инков. А между тем «прежние товарищи» г. Тихомирова видят в ней «идею планомерного вмешательства государства в экономический строй», идею, по-видимому, совершенно не противоречащую их собственным «идеям». Или, может быть, это шутка! Но тогда почему же г. Лавров не заметил им, что это очень плохая шутка, способная сбить с толку многих читателей?

В книге *«Наши разногласия»* мы с большой горячностью напали на социально-политические взгляды г. Тихомирова. Мы не могли спо-

*) Кстати, знают ли гг. прежние товарищи Тихомирова, что осуществление киселевской «идеи» вызвало много волнений между крестьянами, волнений, которые были усмиряемы с помощью солдат и розог?

койно относиться к ним, потому что *прекрасно понимали, какие реакционные выводы вытекают из них.* В то время, когда мы писали эту книгу, до нас из России доходили совершенно недвусмысленные слухи о том, что часть русском молодежи, продолжая разделять экономические взгляды г. Тихомирова, начинает увлекаться царским или, если хотите, Киселевским социализмом. Мы считали своим долгом указать нашим революционерам на те реакционные элементы, которые кроются в народнических и «народовольских» взглядах и которые рано или поздно должны нанести огромный ущерб нашему революционному движению. Но гг. народовольцы не увидели в наших словах ничего, кроме пустого полемического задора. Теперь пример их собственного «вождя» показывает, до какой степени мы были правы и до какой степени были не правы они, предавая нас анафеме.

Лев Тихомиров. Почему я перестал быть революционером.

Paris 1888. Albert Savine éditeur.

Ты не Желябов, ты другой...
(Из стихотворения, посвященного г. Тихомирову).

Статья «Неизбежный поворот» (см. выше, стр. 31) была уже отпечатана, когда вышла в свет брошюра г. Тихомирова, название которой мы выписали. Из этой брошюры читатель увидит, до какой степени верно указали мы логическую сторону антиреволюционной «эволюции» г. Тихомирова. Местами он говорит об этой стороне дела почти теми же словами, какими говорили мы. Но, на основании предисловия ко второму изданию книги «La Russie politique et sociale», мы не могли, да и не считали себя в праве судить о *нравственной*

стороне его эволюции. Мы полагали, что г. Тихомиров переживает одно из самых тяжелых несчастий, которые может переживать честный политический деятель. Мы думали, что, взяв на себя критику взглядов г. Тихомирова, неумолимая логика вещей поставила его в то ужасное положение, когда с одной стороны человек не может молчать, а с другой — решаясь высказаться, он подписывает строгий приговор делу, которому служил, а следовательно, и самому себе. Из таких положений молодые и сильные люди выходят нравственно-изломанными стариками. И чем честнее попавшая в такое положение личность, чем *сильнее* ее характер, тем больше опустошений производят в ее душе подобные нравственные бури. Ураган вырывает с корнем могучие деревья, между тем как он лишь на время пригибает к земле слабую былинку. Вот почему нам казалось, что г. Тихомиров заслуживает не упреков, а сожаления. Но мы глубоко ошиблись в этом отношении. Только что вышедшая брошюра г. Тихомирова рисует его нравственное состояние совершенно в другом свете. Г. Тихомиров торжествует. Он любуется своей «эволюцией» и приглашает других любоваться ею. Он смотрит на себя, как

на счастливое исключение из общего правила, как на «одного из немногих, кто не боится дать себе отчет в своем опыте и ощущениях», и приглашает «колеблющихся и нерешительных» «обратить внимание» на его «эволюцию». Несчастный не понимает того, что на него нельзя смотреть иначе, как с самым обидным, самым унизительным для него «вниманием», что его пример останется классическим примером человека, который не столько *изменил свои убеждения,* сколько *изменил своим убеждениям.* В самом деле, эти комплименты, посылаемые г. Тихомировым по адресу «русского наследственного самодержца», которого «закон страны признает не подлежащим никакой ответственности, а церковь этой страны, признаваемая

огромным большинством населения, освящает званием своего главы»; большая буква, которой он кланяется этому «Самодержцу»; совет, даваемый им «партии законного прогресса», безропотно ждать того времени, «когда Император решит призвать ко власти эту партию»; наконец, упрек в «тирании», делаемый им «людям, которые, сознавая себя ничтожным меньшинством, позволяют себе убивать представителя народа» (т. е. царя) — все это наводит на мысль о том, что брошюра г. Тихомирова представляет собою лишь печатное дополнение к рукописному прошению о помиловании.

Если бы г. Тихомиров действительно «смело искал правды», то, даже заблудившись в таких поисках и попавши в кромешную тьму катковско-акса-ковского миросозерцания, он не забыл бы своего прошлого и не заговорил бы таким языком, который всем беспристрастным людям должен показаться не чем иным, как жалкою лестью раскаявшегося революционера. Да и на одних ли беспристрастных людей произведет его язык подобное впечатление? Наша реакционная партия очень рада будет обращению г. Тихомирова. Очень может быть, что сам «Император» одобрит его брошюру к распространению в учебных заведениях и призовет его в пределы отечества раньше, чем решится призвать ко власти «партию законного прогресса», может быть, даже, что он наградит его «крестишком или местечком», но, тем не менее, сами гг. Мещерские и Петровские никогда не будут смотреть на него иначе, как на ренегата. Это-то печальное для него обстоятельство и упустил из виду наш торжествующий автор.

Но пошленькой лести по адресу «Самодержавия» г. Тихомирову мало. Уже если каяться, так каяться вплотную, по рецепту «Московских Ведомостей». И вот он начинает инсинуировать. Говоря о студенческих волнениях, он очень кстати признается, что его «возмущает»,

когда он слышит рассуждения: «пусть бунтуют, это, конечно, пустяки, но из этих людей все равно ничего серьезного не может выйти, а тут все-таки протест». («Московские Ведомости» всегда старались уверить нашу молодежь в том, что она служит пушечным мясом для революционеров, хотя прекрасно понимали, что революционеры выходят из той же молодежи.) «Возмутивши» таким образом своих читателей против революционеров, он «сознается» в своем добродушии. Он «предпочитает видеть, что маленький, обыкновенный человек, «не годный ни к чему серьезному», живет, как умеет, счастливо, а не качается на перекладине и не гниет в каземате».

Видите ли, как добр г. Тихомиров и как злы революционеры? Это уже прямо достойно Незлобина.

И г. Тихомиров называет себя «работником мирного прогресса»! Нужно сознаться, что он так же *самобытен* в этой новой роли, как был он самобытен в роли революционера.

Постойте, мы забыли самое пикантное. Наш «работник мирного прогресса» не упустил случая воскурить фимиам покойному оракулу со Страстного бульвара. По его словам — Катков, «как практический политик, обладал проницательностью необыкновенной и самостоятельностью мысли, поразительной в России». Одно было плохо. Сторожевой государственный пес, как называл себя, не совсем изящно, Катков, «вовсе не был творческим умом в отношении социальных вопросов». А вот г. Тихомиров так уже вполне творческий ум. «В самых мечтах о революции» у него всегда преобладало «построение нового». Правда, «построение» это было очень неудачно, но это происходило потому, что самые «мечты» его о революции были несбыточны. Теперь же, остепенившись и обратившись на путь истинный, он, наверное, «построит» мною хорошего; не даром же он просит не мешать ему «думать о той положительной работе», которая его «единственно занимает». Вот бы кому поручить редакцию «Московских Ведомостей»! Творческий ум г. Тихомирова был

бы истинной находкой для нашей реакционной прессы. Не надо смущаться «мечтами» г. Тихомирова о законном прогрессе. Мечты эти совершенно безобидны. Если программа «Московских Ведомостей» сводится к повелительному *«жарь!»,* то г. Тихомиров уклончиво говорит: «Жарь, а, впрочем, как угодно». Разница, в сущности, так невелика, что о ней не стоит и распространяться.

Но нет, помня заповедь «возлюби ближнего, как самого себя», мы должны признаться, что даем такой совет совсем неискренно.

44

Г. Тихомиров никогда не блистал литературными талантами, и его писатель-ская деятельность не принесет много пользы русскому «Самодержавию». Его статья «Чего нам ждать от революции?» способна была дискредитировать дело революционеров. Теперь, когда этот «творческий ум» старается показать, «чего нам ждать от Императора», он дискредитирует дело абсолютизма. Все, что говорит он в защиту этого последнего, до такой степени старо, слабо, шатко и избито, что его доводы производят впечатление, совершенно обратное тому, которое они должны были произвести. Стало быть, плохо дело нашего «Самодержавия», — говорит себе читатель, — если г. Тихомиров не мог придумать в его защиту ничего, кроме того, что давно уже повторяют на все лады все полицейские участки. Беда с услужливыми медведями!

Г. Тихомиров утверждает, что если бы живы были его покойные друзья, Желябов, Михайлов, Перовская, то, вероятно, они давно бросили бы террористическую борьбу, «увидавши ее последствия». Может быть, они и «бросили бы» эту борьбу, но вопрос в том, как стали бы они вести себя после этого? Во всяком случае не так, как г. Тихомиров. Они «вероятно» не перестали бы быть революционерами и не льстили бы русскому самодержцу.

Впрочем, грехопадению г. Тихомирова не нужно придавать

большого значения. Всюду, где существуют партии и их борьба, существуют также ренегаты и перебежчики. Это печально, но это не ново. Политическая жизнь цивилизованных стран идет вперед, несмотря на эти печальные явления. Мы не воскликнем, конечно, вместе с «прежними товарищами» г. Тихомирова: «Да здравствует *старая* Народная Воля и *новые* бойцы!». Программа *старой* «Народной Воли» была скорее *реакционна,* чем *революционна,* по своему теоретическому основанию. Но мы скажем себе: один из революционеров перешел на сторону правительства; беда не велика, да здравствует революция!

45

Новый защитник самодержавия, или горе г. Л. Тихомирова.

(Ответ на брошюру «Почему я перестал быть революционером» *).

От автора.

Предлагаемая брошюра выходит позже, чем следовало. Болезнь помешала мне покончить с ней своевременно. Однако я все-таки выпускаю ее, потому что грехопадение г. Тихомирова до сих пор продолжает быть вопросом дня для многих читателей.

Божи, 3 марта 1889 года.

I.

Если бы г. Тихомиров отличался неразборчивым славолюбием Герострата, то он, конечно, благословил бы тот день и час, когда ему пришло в голову написать брошюру «Почему я перестал быть революционером». Она обратила на него всеобщее внимание. Его и прежде немалая известность возросла в огромной степени. Но г. Тихомиров не принадлежит к числу людей, способных удовольствоваться славой безумного грека. Он стремиться *поучать,* а не *удивлять,* или, если хотите, ему нужно *удивить* читателя *поучительностью* своей истории и необычайной зрелостью своих политических тенденций, теми «вполне сложившимися идеями общественного порядка и твердой государственной

власти», которые «издавна отличали» его в революционной среде *). Конечно, и он не отказывается бичевать себя за свои прошлые революционные заблуждения. Подобного отказа не допускает «вполне сложившийся» ритуал обращения революционера на путь истины. Но г. Тихомиров весьма ловко проделывает неизбежный обряд самобичевания. Делая вид, что заносит руку на самого себя, он исхитряется хлестнуть своих бывших товарищей, революционеров вообще, ту рево-

*) Почему я перестал быть революционером, стр. 11.

люционную «кружковщину», которая могла временно «связать и положить» даже его, столь замечательного человека. Приличие соблюдается вполне, а в то же время самобичевание не только не причиняет нашему кающемуся автору никакой боли, но является для него приятным упражнением, которое дает ему возможность порисоваться перед публикой. Иной вульгарный потрясатель основ кается с грубым простодушием совершенно неблаговоспитанного человека. «Я, в своем неистовстве, не раз называл дураком священную особу Его Императорского Величества», говорил, например, один из подсудимых по делу Петрашевского. Это не совсем изящно и совсем не расчетливо. Приятно ли Его Величеству выслушивать подобные признания? А ведь все дело в том, чтобы склонить его к милосердию. Г. Тихомиров ведет себя иначе. Он не даром много писал на своем веку: он умеет владеть словом. Он так хитроумно слагает свой покаянный псалом, что тот одновременно представляет собою и победную песнь по случаю одоления г. Тихомировым революционной гидры и хвалебный гимн в честь русского самодержавия... а также, кстати, и в честь самого г. Тихомирова. Растроганному и примиренному монарху остается лишь заключить своего блудного сына в свои августейшие объятия, прижать его некогда буйную головушку к своей жирной груди и распорядиться на счет заклания упитанного тельца для торжественного празднества. «Бестия наш брат, русский

человек!» воскликнул однажды Белинский. Ему следовало сказать: «Бестия наш брат, писатель!».

Говоря серьезно, мы не знаем, насколько жирен телец, которого собираются заколоть по случаю пробуждения верноподданнических чувств в сердце г. Тихомирова. Но что уже делаются некоторые приготовления к празднеству, — это показывает зависть, обуявшая добрых, никогда не бунтовавших сынов русского самодержца. Чувство это нашло свое выражение на страницах «Русского Вестника», который упорно не желает помириться с г. Тихомировым и сердито ворчит на «петербургские канцелярии» за их слишком снисходительное отношение к бывшему террористу. Не помогли, значит, и комплименты Каткову! Надо думать, что попечительное начальство не замедлит вразумить редакцию названного журнала, напомнив ей мораль притчи о блудном сыне. Тем не менее, выходки «Русского Вестника» все-таки отравят г. Тихомирову приятную минуту примирения с «твердой властью».

Если бы не «Русский Вестник», то г. Тихомиров считал бы себя счастливейшим из смертных. Он чрезвычайно доволен собою и своей

метаморфозой. Он «приглашает колеблющихся и нерешительных» обратить на нее большое внимание и, заранее уверенный в их восторженных одобрениях, он дарит их целой коллекцией советов, содержащих в себе замечательно оригинальные и дельные мысли. Он говорит им, что нужно учиться, думать, не увлекаться фразами и т. п. Представим же себе, что мы принадлежим к числу «колеблющихся и нерешительных» и «обратим внимание» на пережитую нашим автором метаморфозу. История этой метаморфозы рассказана в брошюре «Почему я перестал быть революционером».

II.

«У нас, да и не только у нас, — говорит г. Тихомиров, —

глубоко укоренилась мысль, будто мы живем в каком-то «периоде разрушения», который, как веруют, кончится страшным переворотом, с реками крови, треском динамита и т. п. За сим — предполагается — начнется «период созидательный». Эта социальная концепция совершенно ошибочна, и, как уже замечалось, составляет просто политическое отражение старых идей Кювье и школы внезапных геологических катастроф. На самом деле, в действительной жизни, разрушение и созидание идут рука об руку и даже немыслимы одно без другого. Разрушение одного явления происходит собственно оттого, что в нем, на его месте. созидается нечто другое, и, наоборот, формирование нового есть не что иное, как разрушение старого» *).

Заключающаяся в этих словах «концепция» не поражает большою ясностью, но во всяком случае смысл их может быть сведен к двум положениям:

1) «У нас, да и не только у нас» революционеры не имеют никакого по-нятия об *эволюции,* о постепенном «изменении типа явлений», как выражает-ся г. Тихомиров в другом месте.

2) Если бы они имели понятие об эволюции, о постепенном «изменении типа явлений», то не воображали бы, «будто мы живем в каком-то периоде разрушения».

Посмотрим сначала, как обстоит дело на этот счет не *у нас,* т. е. на Западе.

В настоящее время там существует, как известно, революционное движение рабочего класса, который стремится к своему экономическому освобождению. Спрашивается, удалось ли теоретическим пред-

*) «Почему я перестал быть революционером», стр. 13.

ставителям этого движения, т. е. *социалистам,* согласить свои революцион-ные стремления со сколько-нибудь удовлетворительной теорией обществен-ного развития?

На этот вопрос, не колеблясь, ответит утвердительно всякий, кто имеет хоть какое-нибудь понятие о современном

социализме. Все серьезные социалисты в Европе и Америке держатся учения Маркса, а кому же не известно, что это ученье есть прежде всего ученье о развитии человеческих обществ? Маркс был горячим сторонником «революционной деятельности». Он глубоко сочувствовал *всякому* революционному движению, направленному против существующих общественных и политических порядков. Можно, если угодно, не разделять столь «разрушительных» симпатий; но уж, конечно, из существования их нельзя делать того вывода, что воображение Маркса было «фиксировано на насильственных переворотах», что он забывал о социальной эволюции, о медленном, постепенном развитии. Маркс не только не забывал об эволюции, но, напротив, открыл многие из важнейших ее законов. В его уме история человечества впервые сложилась в одну стройную, нефантастическую картину. Он первый показал, что *экономическая эволюция ведет к политическим революциям.* Благодаря ему, современное революционное движение получило ясно намеченную цель и строго выработанную теоретическую основу. Но если это так, то почему же г. Тихомиров воображает, что несколькими бессвязными фразами об общественном «созидании» он может показать несостоятельность революционных стремлений, «у нас, да и не только у нас» существующих? Не потому ли, что он не дал себе труда понять ученье современных социалистов?

Г. Тихомиров чувствует теперь отвращение к «внезапным катастрофам» и «насильственным переворотам». Это в конце концов его дело: в этом случае он не первый и не последний. Но напрасно он думает, что «внезапные катастрофы» невозможны ни в природе, ни в человеческих обществах. Во-первых, «внезапность» подобных катастроф есть представление относительное. *Внезапное* для одного может быть вовсе не внезапным для другого: солнечные затмения наступают внезапно для невежды и вовсе не внезапно для астронома. Совершенно также и революции, эти

политические «катастрофы», случаются «внезапно» для невежд и для великого множества самодовольных филистеров, но очень часто бывают совсем не внезапными для человека, отдающего себе отчет в окружающих его общественных явлениях. Во-вторых, если бы г. Тихомиров попробовал взглянуть на природу

и на историю с точки зрения усвоенной им теперь теории, то его ожидал бы целый ряд самых поразительных сюрпризов. Он твердо запомнил, что природа скачков не делает, что, покидая мир революционных фантазий и опускаясь на почву действительности, можно «в научном смысле» говорить только о медленном «изменении типа данного явления», а между тем природа скачет, не слушая никаких филиппик против «внезапности». Г. Тихомиров прекрасно знает, что «старые идеи Кювье» ошибочны, и что «внезапные геологические катастрофы» представляют собою не более, как ученую выдумку. Он безза-ботно проживает, положим, на юге Франции, не предвидя ни тревог, ни опасностей. И вдруг — землетрясение, подобное случившемуся там года два назад. Почва колеблется, дома разрушаются, жители бегут, объятые ужасом, ну, словом, происходит настоящая «катастрофа», означающая невероятное легкомыслие в матери-природе! Наученный горьким опытом, г. Тихомиров вни-мательно проверяет свои геологические понятия и приходит к тому выводу, что медленное «изменение типа явлений» (в данном случае состояния земной коры) не исключает «переворотов», которые с известной точки зрения могут, пожалуй, показаться «внезапными» или «насильственными» *).

Г. Тихомиров кипятит воду, которая не перестает быть водой, не увлекается никакими внезапностями, нагреваясь от нуля до 80 градусов. Но вот она нагрелась до рокового предела и вдруг — о ужас! — «внезапная катастрофа»: вода превращается в пар, как будто бы воображение ее было

«фиксировано на насильственных переворотах».

Г. Тихомиров охлаждает воду, и тут опять повторяется та же странная история. Постепенно изменяется температура воды, при чем вода не перестает быть водою. Но вот охлаждение дошло до нуля, и вода превращается в лед, совершенно не помышляя о том, что «внезапные перевороты» представляют собою «ошибочную концепцию».

*) Из того, что наука опровергла геологические учения Кювье, еще не следует, что она вообще показала невозможность геологических «катастроф» или «переворотов». Этого она не могла показать, не противореча таким общеизвестным явлениям, как извержения вулканов, землетрясения и т. п. Задача науки заключалась в том, чтобы объяснить эти явления, как продукт накопленного действия тех естественных сил природы, медленное влияние которых мы, в малых размерах, можем наблюдать в каждое данное время. Иначе сказать, геология должна была объяснить *революции,* переживаемые земной корой, с помощью *эволюции* этой коры. С подобной задачей приходилось считаться и общественной науке, которая, в лице Гегеля и Маркса, решила ее тая же удачно, как и геология.

Г. Тихомиров наблюдает развитие одного из насекомых, переживающих метаморфозы. Медленно совершается процесс развития куколки, и до поры до времени она остается куколкой. Наш мыслитель потирает руки от удовольствия. «Здесь все идет хорошо, — думает он. — Ни общественный, ни животный организм не испытывает таких внезапных переворотов, какие мне пришлось заметить в неорганическом мире. Возвышаясь до создания живых существ, природа остепеняется». Но скоро радость его уступает место огорчению. В один прекрасный день куколка совершает «насильственный переворот» и является на свет божий в виде бабочки. Таким образом г. Тихомирову приходится убедиться, что и органическая природа не застрахована от «внезапностей».

Точно также, если г. Тихомиров когда-нибудь серьезно «обратит внимание» на свою собственную «эволюцию», то он, наверное, и в ней найдет подобную точку поворота или «переворота». Он припомнит, какая именно капля переполнила чашу его впечатлений и превратила его из более или менее колеблющегося *защитника* «революции» в ее более

или менее искреннего *противника.*

Мы с г. Тихомировым упражняемся в арифметическом сложении. Мы берем число *пять* и, как люди солидные, *«постепенно»* прибавляем к нему по единице: шесть, семь, восемь... До девяти все обстоит благополучно. Но как только мы решаемся увеличить это последнее число еще на единицу, с нами происходит несчастье: наши *единицы,* вдруг, без всяких причин благовидных превращаются в *десяток.* Такое же горе приходится нам пережить при переходе от *десятков к сотне.*

Музыкой мы с г. Тихомировым совсем заниматься не станем: там слишком много всяких «внезапных» переходов, и это обстоятельство может привести в расстройство все наши «концепции».

На все запутанные рассуждения г. Тихомирова о «насильственных переворотах» современные революционеры могут победоносно возразить одним простым вопросом: как же прикажете быть с теми переворотами, которые уже имели место в «действительной жизни» и которые во всяком случае представляют собою «периоды разрушения»? Объявить ли нам их -- nuls et non avenus, или считать делами таких пустых и вздорных людей, на поступки которых серьезному «социологу» не стоит обращать внимания? Но ведь как там ни смотри на эти явления, а надо же признать, что случались в истории насильственные

перевороты и политические «катастрофы». Почему г. Тихомиров думает, что допускать возможность подобных явлений в будущем — значить иметь «оши-бочные социальные концепции»?

История скачков не делает! Это совершенно верно. Но, с другой стороны, верно также и то, что история наделала множество «скачков», совершила массу насильственных «переворотов». Примеры таких переворотов бесчисленны. Что же значит это противоречие? Оно означает только то, что

первое из этих положений формулировано не совсем точно, а потому и понимается многими неправильно. Следовало бы сказать, что история не делает неподготовленных скачков. Ни один скачек не может иметь места без достаточной причины, которая заключается в предыдущем ходе общественного развития. Но так как это развитие никогда не останавливается в прогрессирующих обществах, то можно сказать, что история постоянно занимается подготовкой скачков и переворотов. Она прилежно и неуклонно делает это дело, она работает медленно, но результаты ее работы (скачки и политические катастрофы) неотвратимы и неизбежны.

Медленно совершается «изменение типа» французской буржуазии. Горожанин эпохи регентства не похож на горожанина времен Людовика XI-го, но в общем он все-таки остается верен типу буржуа старого режима. Он сделался богаче, образованнее, требовательнее, но не перестал быть roturier, который всегда и всюду должен давать дорогу аристократу. Но вот наступает 1789 г., буржуа гордо подымает голову; проходит еще несколько лет, и он становится господином положения, да ведь каким образом становится! — «с реками крови», с громом барабанов, с «треском пороха», если не динамита, в то время еще не изобретенного. Он заставляет Францию пережить настоящий «период разрушения», ни мало не заботясь о том, что со временем найдется, может быть, педант, который объявит насильственные перевороты «ошибочной концепцией».

Медленно изменяется «тип» русских общественных отношений. Исчезают удельные княжества, бояре окончательно подчиняются царской власти и становятся простыми членами служилого сословия. Москва покоряет татар-ские царства, приобретает Сибирь, присоединяет к себе половину южной Руси, но все-таки остается старей азиатской Москвою. Является Петр и совершает «насильственный переворот» в государственной жизни России. Начинается

новый, европейский период русской истории. Славянофилы ругали Петра антихристом именно за внезапность» сделанного им переворота. Они утверждали, что в своем

реформаторском рвении он позабыл об эволюции, о медленном «изменении типа» общественного строя. Но всякий мыслящий человек легко сообразит, что петровский переворот был необходим в силу пережитой Россией исторической «эволюции», что он был *подготовлен* ею.

Количественные изменения, постепенно накопляясь, переходят, наконец, в качественные. Эти переходы совершаются скачками и не могут совершать-ся иначе. Политические постепеновцы всех цветов и оттенков, Молчалины, возводящие в догмат умеренность и аккурат-ность, никак не могут понять это-го обстоятельства, давно уже прекрасно выясненного немецкой философией. В этом случае, как и во многих других, полезно припомнить взгляд Гегеля, которого, конечно, трудно было бы обвинить в пристрастии к «революцион-ной деятельности». «Когда хотят понять *возникновение* или *исчезновение* че-го-либо, — говорит он, - то воображают обыкновенно, что уясняют себе дело посредством представления о *постепенности* такого возникновения или уничтожения. Однако изменения бытия совершаются не только путем перехода одного количества в другое, но также путем перехода качественных различий в количественные, и наоборот, — того перехода, который *прерывает постепенность,* ставя на место одного явления дру-гое, качественно отличное от него. В основе ученья о постепенности лежит представление о том, что возникающее уже существует в действительности и незаметно лишь благодаря своим малым размерам. Точно также, говоря о постепенном уничтожении, воображают, будто небытие данного явления или то новое явление, которое должно занять его место, уже существует, хотя пока еще не заметно... Но таким образом устраняется всякое понятие о

возникновении и уничтожении... Объяснять возникновение или уничтожение постепенностью изменения значит сводить все дело к скучной тавтологии и представлять себе возникающее или уничтожающееся уже в готовом виде», т. е. *уже возникшим* или *уничтожившимся* *). Значит, если вам нужно объяснить возникновение государства, то вы просто-напросто воображаете себе микроскопическую государственную организацию, которая, постепенно изменяясь в своем объеме, дает, наконец, «обывателям» почувствовать свое существование. Точно также, если вам нужно объяснить исчезновение первобытных родовых отношений, то вы даете себе труд вообразить маленькое небытие этих отношений, - и дело в шляпе. Само

*) «Wissenschaft der Logik», erster Band, S. S. 313—314. Мы цитируем no нюренбергскому изданию 1812 года.

собою разумеется, что с такими приемами мышления в науке далеко не уедешь. Одна из величайших заслуг Гегеля заключается в том, что он очистил ученье о развитии от подобных нелепостей. Но какое дело г. Тихомирову до Гегеля и до его заслуг! Он раз навсегда затвердил, что западные теории к нам неприменимы.

Вопреки мнению нашего автора о насильственных переворотах и политических катастрофах, мы с уверенностью скажем, что в настоящее время история подготовляет в передовых странах чрезвычайно важный переворот, относительно которого есть все основания думать, что он совершится насильственно. Он будет состоять в изменении способа распределения продуктов. Экономическая эволюция создала колоссальные производительные силы, которые для своего употребления в дело требуют совершенно определенной организации производства. Они применимы только в крупных промышленных предприятиях, основанных на коллективном труде, на общественном производстве.

Но в резком противоречии с этим общественным способом

производства стоит индивидуальное *присвоение* продуктов, выросшее при совершенно иных экономических условиях, в эпоху процветания мелкой промышленности и мелкой земельной культуры. Продукты общественного труда работников поступают, таким образом, в частную собственность предпринимателей. Этим коренным экономическим противоречием обусловливаются все другие общественные и политические противоречия, замечаемые в современных обществах. И это коренное противоречие становится все более и более интенсивным. Предприниматели не могут отказаться от общественной организации производства, потому что в ней заключается источник их богатства. Напротив, конкуренция заставляет их распространять эту организацию на другие отрасли промышленности, в которых она прежде не имела места. Крупные промышленные предприятия убивают мелких производителей и, таким образом, увеличивают численность, а следовательно, и силу рабочего класса. Роковая развязка приближается. Чтобы устранить вредное для них противоречие между способом производства продуктов с одной стороны и способом их распределения — с другой, — рабочие должны будут овладеть политической властью, которая фактически находится теперь в руках буржуазии. Если угодно, вы можете сказать, что рабочие должны будут совершить «политическую катастрофу». *Экономическая эволюция* роковым образом ведет к *политической революции,* а эта последняя будет, в свою очередь, источником важных изменений в экономическом строе общества. Способ *производства* про-

луктов медленно и постепенно принимает общественный характер. Соответствующий ему способ *присвоения их* явится результатом насильственного переворота.

Так происходит историческое движение *не у нас,* на Западе, о социальном быте которого г. Тихомиров не имеет никакой «концепции», хотя и занимался «наблюдением

могучей французской культуры».

Насильственные перевороты, «реки крови», топоры и плахи, порох и динамит, — все это весьма печальные «явления». Но что же прикажете делать, если они неизбежны? Сила всегда играла роль повивальной бабки, когда рождалось новое общество. Так говорил Маркс, и так думал не один он. Историк Шлоссер был убежден, что только «огнем и мечем» совершаются великие перевороты в судьбе человечества *). Откуда же является эта печальная необходимость? Кто виной?

Иль силе правды
На земле не все доступно?

Нет, пока еще не все. И происходит это благодаря различию классовых интересов в обществе. Одному классу полезно или даже существенно необходимо перестроить известным образом общественные отношения. Другому — полезно или даже существенно необходимо противиться такому переустройству. Одним оно сулит счастье и свободу, другим грозит отменой их привилегированного положения, грозит прямо уничтожить их, как привилегированный общественный класс. А какой же класс не борется за свое существование, не имеет чувства самосохранения? Выгодный данному классу общественный строй кажется ему не только справедливым, но даже единственным возможным. По его мнению, пытаться изменить этот строй — значит разрушать основы всякого человеческого общежития. Он считает себя призванным охранять эти основы хотя бы даже силою оружия. Отсюда — «реки крови»; отсюда — борьба и насилие.

*) Основательное знание истории, по-видимому, располагало Шлоссера даже к принятию старых геологических взглядов Кювье. Вот что говорит он по поводу проектов реформ Тюрго, до сих пор приводящих в умиление филистеров. «Эти проекты заключают в себе все существенные выгоды, которые приобрела Франция впоследствии посредством революции. Только революцией они могли быть достигнуты, потому что министерство Тюрго в своих ожиданиях обнаруживало слишком сангвинико-философский дух: оно надеялось, вопреки опыту и истории, единственно своими предписаниями переменить социальное устройство, образовавшееся в течение времени и скрепленное прочными связями. Радикальные преобразования, *как в природе,* так и в истории, возможны не прежде, как по уничтожении всего существующего огнем, мечем я

разрушением». «История восемнадцатого столетия», русский перевод, 2-е издание, СПБ. 1868, т. III, стр. 461. Удивительный фантазер этот ученый немец, скажет г. Тихомиров.

Впрочем, социалисты, размышляя о предстоящем общественном перевороте, могут утешать себя тою мыслью, что чем больше распространятся их «разрушительные» учения, тем развитее, организованнее и дисциплинированнее будет рабочий класс, а чем развитее, организованнее и дисциплинированнее будет рабочий класс, тем меньших жертв потребует неизбежная «катастрофа».

При том же, торжество пролетариата, положив конец всякой эксплуатации человека человеком, а следовательно, и разделению общества на класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых, сделает гражданские войны не только излишними, но даже и прямо невозможными. Тогда человечество будет двигаться одной «силой правды» и не будет иметь надобности в аргументации с помощью оружия.

III.

Перейдем теперь к России.

Западные социалисты держатся ученья Маркса. Между русскими революционерами до последнего времени преобладали социалисты-народники. Отличие западного социалиста, т. е. *социал-демократа,* от социалиста-народни-ка состоит в том, что первый обращается к рабочему классу и рассчитывает только на рабочий класс, — второй давно уже обращается к одной «интелли-генции», т. е. к самому себе, и рассчитывает только на интеллигенцию, т. е. только на самого себя. Социал-демократ как нельзя более боится попасть в изолированное, а потому ложное положение, при котором голос его перестал бы доходить до массы пролетариата и оказался бы голосом вопиющего в пустыне. Социалист-народник, не имея никакой поддержки в народе, даже и не подозревает ложности своего положения; он добровольно удаляется в пустыню, заботясь единственно о том, чтобы его голос долетал до его собственных ушей и

радовал его собственное сердце. Рабочий класс, как он представляется социал-демократу, есть могучая, вечно подвижная, неугомонная сила, которая одна только и может теперь вести общество по пути прогресса. Народ, как он представляется социалисту-народнику, - неуклюжий, черноземный богатырь, способный сотни лет оставаться неподвижным на своих пресловутых «устоях». В этой неподвижности нашего Ильи Муромца социалист-народник видит не недостаток, а весьма большую заслугу. Он не только не огорчается ею, но просит у истории одной милости: не сталкивать русского богатыря с его уже порядочно-таки просиженных устоев, вплоть до той счастливой поры,

когда он, добрый социалист-народник, управившись с капитализмом, царизмом и прочими вредными «влияниями», довольный и сияющий, явится к Илье Муромцу и почтительно доложит: Monsieur est servi! Кушать подано! Богатырю останется лишь единым духом осушить для аппетита чару зелена вина в полтретья ведра и спокойно усесться за приготовленную для него общественную трапезу... Социал-демократ внимательно изучает законы и ход исторического развития. Русский социалист-народник, много и охотно мечтая о том народном развитии, которое начнется когда-то со временем, на том свете, «на другой день после революции», знать не хочет той невымышленной экономической эволюции, которая ежедневно и ежечасно происходит в современной России. Социал-демократ плывет по течению истории. Напротив, историче-ское течение уносит социалиста-народника все далее и далее от его «идеа-лов». Социал-демократ *опирается* на эволюцию; русский социалист-народ-ник *отпирается* от нее посредством всевозможных софизмов.

Более того. Сто-двести лет тому назад община была бесконечно прочнее, чем в настоящее время. Поэтому социалисту-народнику ужасно хотелось бы украдкой

перевести на сто или двести лет назад часы истории *).

Отсюда следует, что в применении к русским социалистам-народникам отзыв г. Тихомирова совершенно верен; они действительно не умели согласить этих двух понятий: *эволюция* и *революция.*

Только наш автор не счел нужным прибавить, что он был самым главным, самым плодовитым литературным выразителем этого направления в нашей революционной партии. Он долго и упорно боролся в своих статьях против всякой попытки установить разумную связь между требованиями русских революционеров и неотвратимым ходом русского общественного развития. Сельская община с одной стороны и «интеллигенция» с другой — всегда были предельными понятиями, дальше которых не шел «революционизм» г. Тихомирова.

Но само собой разумеется, что революционерам данной страны нельзя безнаказанно игнорировать ее эволюции. Горький опыт немедленно показал это русским социалистам-народникам. Они не всегда обращались только к самим себе, не всегда возлагали свои упования на одну только «интеллигенцию». Было время, когда они пытались поднять

*) Под социалистами-народниками мы понимаем всех тех социалистов, по мнению которых община должна составлять главный экономический базис социалистической революции в России. В этом смысле народниками нужно признать и «народовольцев». И они сами признавали себя таковыми. В «Программе Исполнительного Комитета» они прямо называют себя социалистами-народниками.

«народ», под именем которого понимался, конечно, крестьянин, этот носитель общинных идеалов и представитель общинной солидарности. Но, как и следовало ожидать, крестьянин остался глух к их революционным призывам, так что они поневоле должны были попытаться сделать революцию своими собственными силами. Но что могли сделать они с этими силами? У них никогда не было ни малейшей возможности вступить в открытую борьбу с правительством. Политические манифестации второй

половины семидесятых годов весьма убедительно дали почувствовать «интеллигенции», что ее сил недостаточно даже для победы над дворниками и городовыми. При таком положении дел и при указанных взглядах русских социалистов-народников у них не было другого пути, кроме так называемого у нас террора, или, как выражается г. Тихомиров, *единоличного бунта.* Но «единоличный бунт» не может свергнуть никакого правительства. «Защитники политических убийств очень редко, полагаю, сознают, что настоящую силу терроризма в России составляет бессилие революции», — ехидно замечает наш автор. И это совершенно справедливо. Напрасно только он воображает, что нужен был его «созидательный» ум для открытия столь простой истины. На нее указывали в эпоху Липецкого и Воронежского съездов те из наших революционеров, которым хотелось удержать старую программу «Земли и Воли». Они были совершенно правы, когда говорили, что без поддержки со стороны хоть некоторой части народной массы невозможно никакое революционное движение. Но, оставаясь на старой, народнической точке зрения, они не могли иметь даже и смутного представления о том, какой же способ деятельности в состоянии обеспечить нашей революционной партии плодотворное влияние на массу, а следовательно, и предохранить ее от неизбежного при террористической борьбе обессиления. В то же время «террористическая борьба» имела одно неоспоримое преимущество над всеми старыми программами: фактически она, во всяком случае, была борьбой за политическую свободу, о которой и слышать не хотели революционеры старого закала.

Раз ступивши на почву политической борьбы, социалисты-народники лицом к лицу столкнулись с вопросом об *эволюции.* Для социалиста завоевание политической свободы не может быть последним шагом его революционной деятельности. Права, гарантируемые гражданам современным парламентаризмом, являются в его глазах не

более, как промежуточной станцией на пути к его главной цели: т. е. к переустройству экономических отношений. Между завоеванием политических прав и переустройством названных отношений необходимо должен

пройти известный промежуток времени. Спрашивается, не изменится ли, и если — да, то в каком смысле изменится русская общественная жизнь в течение этого промежутка? Не поведет ли конституционный порядок к разрушению старых, дорогих социалистам-народникам устоев крестьянской жизни? Чтобы удовлетворительно ответить на этот вопрос, необходимо было подвергнуть критике главнейшие положения народничества.

Не трудно было бы отметить в нашей революционной литературе все более и более возраставшее сознание необходимости уяснить, наконец, связь между русской *революцией* и русской *эволюцией.* Г. Тихомиров, который был, как мы уже сказали, самым упорным из наших революционных староверов и усердно охранял усвоенную им народническую догматику от вторжения всякой новой мысли, — даже г. Тихомиров испытал на себе влияние этой переходной эпохи. Брошюра «Почему я перестал быть революционером» содержит в себе весьма недвусмысленные указания на этот счет. Рассказывая историю пережитого им превращения, г. Тихомиров упоминает об одной статье, написанной им для № 5 «Вестника Народной Воли», но не одобренной товарищами по изданию, а потому не напечатанной. По его словам, он развивал в этой статье то положение, что *«только известная эволюция в народной жизни может создавать почву для революционной деятельности»... «мой революционизм, — говорит он, — именно и отыскивал эту эволюцию, этот исторический процесс изменения типа, чтобы действовать сообразно с нею»* *). Что же нашел «революционизм» г. Тихомирова? «Я требую единения партии со страною, — вещает наш автор. — Я

требую уничтожения террора и выработки великой национальной партии... но тогда для чего же самые заговоры, восстания, перевороты? Такая партия, о создании которой я хлопотал, очевидно, сумела бы выработать систему улучшений, совершенно возможных и явно плодотворных, а, стало быть, нашла бы силы и способность показать это и правительству, которое не потребовало бы ничего лучшего, как стать самому во главе реформы» **).

Очевидно, что, «отыскивая» *эволюцию,* «революционизм» г. Тихомирова, «захлопотавшись», обронил *революцию,* от которой не осталось и следа в его нынешних взглядах. Это печально, но в этом есть своя *неизбежная логика.* Человеку, ни за что не хотевшему отказаться от идеализации допотопных экономических отношений русской дерев-

*) Стр. 13—14 его брошюры.
**) Стр. 12—13.

ни, естественно было кончить идеализацией царизма, этого естественного политического плода названных отношений. Нынешние взгляды г Тихомирова представляют собою не более, как логический, хотя и весьма некрасивый вывод из теоретических посылок социалистов-народников, которые он всегда считал неоспоримыми.

Но, с другой стороны, несомненно также, что вывод этот не имеет решительно ничего общего с какой бы то ни было *эволюцией.*

Г. Тихомиров искал эволюции там, где ее никогда не бывало и где, поэтому, и невозможно было найти ее.

Что такое «единение партии со страной»? Во всякой стране, вышедшей из ребяческого возраста, существуют классы или сословия, интересы которых частью различны, а частью и вовсе противоположны. Никакая партия не может примирить этих интересов; поэтому никакая партия не может объединиться со страной *в ее целом.* Всякая партия может быть выразительницей интересов только известного класса, или известного сословия. Это не значит, конечно, что всякая

партия осуждена представлять в политике лишь эгоистические интересы того или другого класса. В каждую данную историческую эпоху есть класс, торжество которого связано с интересами дальнейшего развития страны. Служить интересам страны можно лишь, содействуя торжеству этого класса. Следовательно, «единение партии со страною», может иметь только один разумный смысл: единение партии с классом, являющимся в данное время носителем прогресса. Но слова г. Тихомирова вовсе не имеют подобного смысла. Он всегда отрицал, а теперь тем более отрицает существование каких бы то ни было классов в нашем отечестве.

Различие классовых интересов создается ходом общественного развития, *исторической эволюции.* Понять различие классовых интересов значит понять ход исторического развития, и, наоборот, не понимать его, значит не иметь ни малейшего понятия об историческом развитии, значит оставаться в той теоретической темноте, в которой все кошки серы и как две капли воды похожи одна на другую. И если пребывающий в подобном сумраке писатель тем не менее говорит вам об эволюции, то вы можете быть уверены, что он принимает за эволюцию нечто ей совершенно противоположное.

Но, даже оставив в стороне все эти соображения, нельзя не задать . Тихомирову следующего интересного вопроса. Почему он думает, что Раз партии удалось бы «соединиться» со страною, то правительство «не потребовало бы ничего лучшего, как самому стать во главе ре-

формы», требуемой этой партией? Наш автор помнит, вероятно, что ровно сто лет тому назад был такой случай: представители третьего сословия одной страны выражали интересы огромного большинства ее населения; они «выработали систему улучшений совершенно возможных и явно плодотворных». Но правительство этой страны не пожелало «стать во главе реформы» и принялось «хлопотать»

о том, как бы задавить ее с помощью иностранного войска. Это не помешало, конечно, реформе войти в жизнь, но «хлопоты» правительства кончились самым плачевным для него образом. Впрочем, г. Тихомиров, по-видимому, думает, что правительство такого самобытного государства, как Россия, непременно пошло бы в подобном случае своей самобытной дорогой и что поэтому пример других стран нам не указ.

Наш автор искал путей для объединения партии со страною и по ошибке попал на путь, который привел его к соединению с абсолютизмом. Но что же общего между развитием России и интересами самодержавия?

«Я смотрю на вопрос о самодержавной власти так, — читаем мы на странице 25-й тихомировской брошюры. — Прежде всего она составляет в России (какова она есть) явление, которое совершенно бесполезно обсуждать. Это такой результат русской истории, который не нуждается ни в чьем признании, и никем не может быть уничтожен, пока существуют в стране десятки и десятки миллионов, которые в политике не знают и не хотят знать ничего другого».

Г. Тихомиров старался понять смысл русской «эволюции». Чтобы с успехом решить эту задачу, ему нужно было уяснить себе не только, *какова есть Россия,* но главное, *какою она становится,* в каком смысле «изменяется тип» ее общественных отношений. Кто не обращает снимания на эту сторону дела, тот имеет право говорить лишь о *застое,* а не о *развитии.* Но именно на эту сторону дела и не обратил внимания г. Тихомиров. Поэтому с ним случилось то же, что случается со всеми людьми «охранительного» направления. Они воображают, что имеют в виду «страну», *«какова она есть»,* а на самом деле их умственные взоры устремлены на «страну», какою она *была* когда-то и какою в значительной своей части она уже не есть в данное время. Их охранительные «мечты» основываются на идеализации старых, уже отживших экономических и политических отношений.

Заговорите с г. Тихомировым об экономических отношениях России. Он скажет вам: община, это — «такой результат русской истории, который не нуждается ни в чьем признании, пока десятки и де-

сятки миллионов в экономии не знают и не хотят знать ничего другого». Но в этом маленьком словечке пока и заключается вся суть вопроса. Человек, велеречиво толкующий об *эволюции,* не должен ограничиваться ссылкой на настоящее время. Если он хочет убедить нас, что община имеет прочное будущее, он должен показать, что вышеуказанное *«пока»* не осуждено на скорую гибель, что община не носит в себе и никогда или, по крайней мере, долго не будет носить в себе элементов своего разложения. Точно также, если он хочет убедить нас в прочном будущем русского самодержавия, он должен показать, что в наших общественных отношениях нет таких факторов, под влиянием которых «десятки и десятки миллионов» быть может скоро и слышать не захотят о самодержавии. «Пока» — это крайне неопределенное выражение, это — *икс,* который может быть равен миллиону, а может быть не далек от нуля. Определить свойства *икса* и составляло задачу нашего эволюциониста. Но подобная задача была ему не по плечу. До краев наполненный «самобытностью», он всегда жил в таких натянутых отношениях с наукой, идущей к нам, как известно, с Запада, что ему решительно не под силу серьезное решение каких бы то ни было вопросов.

Определяя политические взгляды русского народа, г. Тихомиров говорит о России, *какова она есть* или, лучше сказать, какою она ему представляется. Но его взоры бесповоротно устремляются в *прошлое,* когда он переходит к вопросу о том, — не мешает ли существование самодержавия успехам русской «культуры». Всякому не предубежденному и не софистизирующему человеку очевидно, что вопрос этот может быть формулирован лишь таким образом: препятствует

или содействует современный абсолютизм, *«каков он есть»,* дальнейшему развитию России? Г. Тихомиров предпочитает иную постановку вопроса. Он указывает на абсолютизм *каков он был,* по его мнению, когда - то. «Можно ли до такой степени забывать свою собственную историю, чтобы восклицать — «какая культурная работа при царях»! (так восклицают к огорчению г. Тихомирова многие русские люди). Да разве Петр не царь? А есть ли во всемирной истории эпоха более быстрой и широкой культурной работы? — горячится наш автор. — Разве не царица Екатерина II? Разве не при Николае развивались все общественные идеи, какими до сих пор живет русское общество? Наконец, много ли республик, которые в течение 26-ти лет сделали бы так много улучшений, как сделал Император Александр II? На все такие факты у нас только и находятся

жалкие фразы, вроде того, что это сделано «вопреки самодержавию». Но если бы даже и так: не все ли вам равно «благодаря» или «вопреки», коль скоро прогресс и очень быстрый оказывается возможен?» *).

Но позвольте же спросить вас, о премудрый сторонник эволюции, неужели вы не понимаете того простого обстоятельства, что настоящее может быть не похоже на прошлое, и что пример Петра, Екатерины или даже Александра II вовсе не указ для Александра III или Николая II? Петр старался заставить Россию сделаться просвещенной страной; Александру III хотелось бы вернуть ее в варварское состояние. Россия может поставить двадцать новых памятников Петру и в то же время находить, что Александр III заслуживает только виселицы. Зачем же сворачивать на Петра Великого, когда речь идет только об Александре толстом?

Кроме того, как понимать ссылку на царствование Николая? «При Николае развились многие из тех идей, которыми до сих пор живет русское общество». Это правда, но

не сердитесь, г. Тихомиров, и позвольте спросить вас, какова была при этом роль Николая, этого «гвардейского папы всех реакций»? Представьте себе, что происходит война между кошками и мышами. Мыши находят, что кошки сильно вредят их благосостоянию, и всячески стараются покончить с кошачьим вопросом. Вдруг является Рейнеке-Лис и, лукаво виляя своим пушистым хвостом, обращается к мышам с такой речью: «Неразумные и неблагодарные мыши, я решительно не понимаю, можно ли до такой степени забывать собственную историю, чтобы восклицать: «Какое благосостояние при кошках? Но разве Васька не кот? Разве Машка не кошка? Но разве не при Ваське число ваше размножилось до такой степени, что хозяин обитаемого вами дома должен был позаботиться о покупке новых мышеловок? Правда, Васька старательно истреблял вас, но вы все-таки размножились и не все ли вам равно: размножились ли вы благодаря Ваське или вопреки ему!» Что должны были бы отвечать мыши подобному сикофанту?

«Величайший прогресс литературы совместим с Самодержавной Монархией» — уверяет г. Тихомиров (стр. 26). Но это, право, слишком уже бес... церемонно! Или он думает, что его читатели не знают истории многострадальной русской литературы? Но кто же не помнит Новикова и Радищева, отведавших когтей просвещенной Екатерины; ссылки Пушкина при «благословенном» Александре; Полежаева, загубленного «не-

*) Стр. 25.

забвенным» Николаем; Лермонтова, сосланного за стихотворение, не заключавшего в себе ничего опасного для «основ»; Шевченка, изнывавшего под солдатской шинелью; Достоевского, который без всякой вины был сначала приговорен к смертной казни, а затем «помилованный» сослан на каторгу, заключен в «Мертвый дом», где два раза подвергался телесному наказанию; Белинского, которого

лишь смерть спасла от знакомства с жандармами? Или г. Тихомиров полагает, что его читатели забыли ссылку Щапова, Михайлова, погибшего в Сибири, Чернышевского, остававшегося там более двадцати лет; Писарева, просидевшего в крепости лучшие годы своей жизни; современных русских писателей, между которыми редко можно встретить независимого человека, не побывавшего под надзором полиции или в местах различной степени отдаленности; наконец, все неистовства русской цензуры, рассказам о которых не хотят верить люди, не знающие, что такое наша «Самодержавная Монархия»? Беспощадное преследование всякой живой мысли красной нитью проходит через всю историю русского императорства, и наша литература неслыханно-дорогой ценой заплатила за свое развитие *«вопреки»* самодержавию. Это известно всем и каждому, и мы советуем г. Тихомирову распространяться о чем ему угодно, писать торжественные оды на тему: «гром победы раздавайся, веселися, храбрый росс», но оставить в покое русскую литературу. Достаточно вспомнить о ней, чтобы почувствовать самую жгучую ненависть к нашим самодержцам!

Когда-то Греч, возражая на книгу Кюстина о николаевской России, утверждал, что в Петербурге можно так же свободно писать, как в Париже или в Лондоне. Рассуждения г. Тихомирова о процветании русской литературы под эгидой самодержавной власти представляют собою не более, как дальнейшее развитие смелой мысли Греча. По выходе брошюры «Почему я перестал быть революционером» многие подумали, что г. Тихомиров желает изобразить из себя нового Каткова, одаренного умом более «созидательным», чем ум покойного редактора «Московских Ведомостей». Но это ошибка. При внимательном отношении к делу ясно, что г. Тихомирову не давала спать слава Греча. И нужно сознаться, что этого последнего напоминает вся писательская манера г. Тихомирова. Новейшим Катковым ему быть не суждено, но е

него есть все данные для того, чтобы сделаться новейшим Гречем, конечно, в несколько уменьшенных размерах.

Не все ли нам равно, «вопреки» или «благодаря» царям совершается наше общественное развитие! Нет, г. Тихомиров, далеко не все

равно! Для нас не все равно, если наши учебные заведения отдаются во власть Толстых, Деляновых, Руничей и Магницких. Для нас не все равно, если доступ в них ограничивается, если, по манию царской руки, в каждую данную минуту их могут совсем закрыть, дав обучающемуся в них юношеству «фельдфебелей в Вольтеры». Для нас не все равно, если нашими студентами заселяют северные и восточные окраины и если в настоящее время, отпустив сына в высшее учебное заведение, родители смотрят на него, как на почти уже погибшего. Для нас не все равно, если в нашем самодержавно-полицей-ском государстве ежегодно по крайней мере пятая часть «обывателей» (кре-стьян) подвер-гается телесным наказаниям при взыскании податей. Для нас не все равно, если за малейший протест против адских фабричных порядков рабочие испытывают беззаконные преследования со стороны администрации, а когда вздумается нашему самодержцу, то могут быть преданы даже военному суду, как это неоднократно бывало при Николае. Все это для нас далеко не все равно. Самодурство самодержцев обходится нам слишком дорого. Было время, когда и для вас это было далеко не все равно, г. Тихомиров, и знаете ли что? Если в вас сохранилась хоть капля человечности, вы невольно и несмотря на свойство вашей «эволюции» еще не раз вспомните это время, как самую благородную пору вашей жизни.

По мнению г. Тихомирова, если нашу учащуюся молодежь окружают опасности, то в этом виноваты «подстрекатели», вовлекающие ее в политику. «Студенческое вмешательство в политику дает наиболее вредные последствия в форме разных

демонстраций, когда чуть ли не в 24 часа из-за грошового протеста против какого-нибудь несчастного инспектора погибает для страны несколько сотен молодых, незаменимых сил». Заметим, во-первых, что одно дело «студенческое вмешательство в политику», а другое дело — так называемые студенческие истории. Для студентов есть другие способы «вмешиваться в политику», помимо борьбы с инспекторами. Во-вторых, мы покорнейше попросим г. Тихомирова сказать нам, кто же виноват в гибели этих действительно дорогих и поистине незаменимых сил? Не виновато ли в ней правительство, способное губить сотни молодых людей «из-за грошового протеста против какого-нибудь несчастного инспектора»? Замечательно, что даже в изображении г. Тихомирова абсолютизм наш является каким-то Змеем Горынычем, по отношению к которому вся политическая мудрость состоит лишь в том, чтобы не попасться ему в лапы.

О, конечно, «для страны» было бы в миллионы раз лучше, если бы наша молодежь могла спокойно учиться и развиваться! Кто спорит против этого? Но, к сожалению, у нее не будет такой возможности, пока не погибнет, наконец, та политическая система, которая губит ныне ее молодые силы. Правительство никогда не простит ей «вмешательства в политику», а она никогда не воздержится от такого вмешательства. В борьбе за политическую свободу учащаяся молодежь везде и всюду принимала самое деятельное участие. Филистерам, осуждавшим ее за это, Жорж Санд давно уже и вполне верно возразила: если все, что есть лучшего и благородного в молодежи направляется против существующего строя, то это служит лучшим доказательством его негодности.

Но г. Тихомирову хотелось бы отвлечь от политической борьбы не одну только учащуюся молодежь. Он советует забыть о ней всем, даже самым престарелым своим читателям, а в виде выхода указывает им на «культурную

работу»... с дозволения начальства. По его словам, никакие департаменты препон и препятствий не могут *воспрепятствовать* подобной работе. «Каково бы ни было правительство, — говорит он, — оно может отнять у народа все, что угодно представить, но не возможность культурной работы, предполагая, что народ к ней способен». Это отрадно; одна беда: мы никак не можем догадаться, что это за удивительная «работа», которой, так сказать, ни моль не точит, ни ржа не ест, и которой мы спокойно будем заниматься даже в том случае, когда правительство отнимет у нас «все, *что* угодно *представить»?* Распространение просвещения есть, например, самая культурная из всех культурных работ. Но эту работу всегда может «отнять» у нас правительство, и сам г. Тихомиров, конечно, знает много примеров подобного отнятия. Литературная деятельность также должна быть признана культурной работой. Но как и это хорошо известно г. Тихомирову, каждому из нас правительство легко может запретить ее во всякое время. О какой же «работе» говорит наш автор? О постройке железных дорог, о споспешествовании успехам «отечественной промышленности»? Но и в этом случае дело зависит от бюрократического произвола. Правительство всегда может не разрешить вашего предприятия или убить его тяжелым налогом, нелепым тарифом и т. п. Много ли у нас останется, раз правительство «отнимет все, что угодно представить»? (По правде сказать, оно уже и теперь недалеко от этого.)

Нам кажется, что г. Тихомирову следовало бы быть откровеннее со своими читателями и без всяких уверток обратиться к ним с

теми утешительными словами, *с* какими стоики обращались когда-то к рабам: ваши господа могут отнять у вас все, что угодно представить, но они не в силах лишить вас внутренней свободы вашего «я»; для разумного же человека только эта внутренняя свобода и имеет значение. Наверное многие

сумели бы понять всю справедливость этого философского соображения.

Если на долю русского «интеллигентного» человека выпадет молодость, бурная в политическом отношении, и если ему в более зрелом возрасте захочется отдохнуть и пожить в свое удовольствие, то он начинает вздыхать о «культурной работе». В чем должна состоять она — этого он и сам хорошенько не знает. Из его сбивчивых объяснений обыкновенно понятно только одно: весьма значительная часть будущей «работы» пойдет на охранение и сохранение его «культурной особы». Помилуйте, у нас дорог каждый образованный человек, — уверяет будущий культуртрегер, избегая при этом смотреть вам прямо в глаза. Иначе сказать, он до такой степени хорош и поучителен в своей «интеллигентности», что, взирая на него, русский народ уже тем самым излечится от многих болезней, подобно тому как евреи исцелялись в пустыне, взирая на медного змия. Эту-то «работу» изображения из себя российского медного змия и рекомендует своим читателям г. Тихомиров. Человек, увлекавшийся некогда славой Робеспьера или Сен-Жюста, делает теперь вид, что увлекается доблестными примерами образцового помещика Костанжогло или ангельски-доброго откупщика Муразова.

Но, говоря о такой работе, он не должен был ссылаться на историю. Напоминая читателям о Петре, Екатерине и Александре II, наш автор сделал боль-шую неосторожность. Вникнув в смысл указанных им примеров, читатель может сказать себе так: много или мало было «культурной работы» в царство-вание того или другого из названных лиц, но поскольку она действительно имела место «в стране», — она состояла в переустройстве общественных отношений сообразно с наиболее вопиющими нуждами того времени. Спрашивается, способен ли теперь царизм, «каков он есть», взять на себя почин полезного и сообразного с нуждами *нашего* времени переустройства русских общественных

отношений? Говорят, что самое необходимое переустройство этих отношений заключается в ограничении царской власти. Возьмется ли царь за эту «культурную работу»? Опасные эти мысли, г. Тихомиров! Читатель, задавший себе подобный вопрос, недалек от совершенной неблагонамеренности. Но этого мало; некоторые читатели

могут пойти еще дальше и предаться, например, такого рода «разрушитель-ным» размышлениям: Реформы Александра II вызваны были крымским по-громом, который навязал нам программу преобразований, безусловно необхо-димых для самосохранения России как европейской страны. Основанием всех других реформ было тогда уничтожение крепостного права. Оно, кроме общих экономических соображений, было предпринято еще и потому, что ежегодно возраставшее число крестьянских бунтов заставляло опасаться народного восстания. Отсюда следует, по-видимому, тот вывод, что, когда мы захотим заставить царя взяться за «культурную работу», мы должны припугнуть его восстанием и уж, конечно, припугнуть серьезно, т. е. не ограничиваться сло-вами, а на самом деле готовиться к восстанию. А это значит, что революционная деятельность есть та же культурная работа, но только с другой стороны. И этот последний род «культурной работы» в сущности выгоден для самих самодержцев. Побуждаемые опасностью восстания, они с большей легкостью будут превращаться в «освободителей». Для того, чтобы Александр II задумался о реформах, нужно было то отчаянное положение России, при котором Николаю оставалось лишь покончить самоубийством. Революционеры примирят царей с неизбежной перспективой «культурной работы»; тогда и царские самоубийства окажутся может быть излишними.

Видите ли, г. Греч, в какой соблазн вводите вы своих читателей? Как же это вы ведете себя так необдуманно? А еще хвалитесь тем «отпечатком положительности», который

будто бы всегда «отличал» вас! Зачем вы сунулись в историю? Ограничились бы превознесением той, любезной вашему сердцу «культурной работы», которая ни мало не касается общественных отношений и которая сторицею вознаградит нас за все злоключения даже в том случае, если абсолютизм отнимет у храбрых Россов все, «что угодно представить».

Наш новейший Греч и сам знает, как мало трудолюбия обнаруживают русские монархи на поприще исторической «культурной работы». Поэтому он хочет подействовать на наш патриотизм, указывая на русские «национальные задачи», разрешить которые может, по его мнению, только «прочное правительство». В известном смысле наш царизм, кажется, никогда не имел недостатка в «прочности», но много ли способствовало это обстоятельство разрешению наших культурных задач? Припомним хоть ближайшую к нам историю восточного вопроса.

Нам говорили, что наши «национальные задачи» требуют освобождения Молдавии и Валахии. Мы боролись за это освобождение, а

когда оно состоялось, то наш абсолютизм сумел сделать из румын наших врагов. Восстановлять их против России — значило ли содействовать разрешению русских «национальных задач»?

Нам говорили, что освобождение Сербии необходимо ввиду наших «наци-ональных задач». Мы содействовали ему, а царская политика толкнула сербов в объятия Австро-Венгрии. Подвинуло ли это вперед решение названных за-дач?

Нам говорили, что в интересах России необходимо освобождение Болгарии. Не мало русской крови было пролито по этому поводу, а теперь, благодаря политике нашего «твердого» и «прочного» правительства, болгары ненавидят нас, как своих злейших притеснителей Выгодно ли это России?

Для решения национальных задач всякой данной страны

необходимо прежде всего одно условие: «прочное» согласие политики ее правительства с ее национальными интересами. А у нас этого-то условия и нет, да и быть не может, потому что наша политика находится в полнейшей зависимости от августейших фантазий. Воюет Елизавета с Фридрихом прусским, и Россия обязана думать, что война ведется ради ее национальных задач. Но вот вступает на престол Петр III, который, еще будучи наследником, изменнически вел себя по отношению к России, — и русские солдаты, только что сражавшиеся *против* Фридриха, немедленно переходят *на его сторону,* и русские обыватели обязаны думать, что такого перехода требуют их национальные задачи? А то пусть г. Тихомиров припомнит самодержавные проказы Павла или Николая, который думал, что главнейшая национальная задача России состоит в неукоснительном исполнении роли европейского жандарма. Что выиграла Россия от похода в Венгрию? Спустя несколько лет после этого похода, Незабвенный, разговаривая с одним поляком, спросил его: кто был в Польше самым глупым королем после Яна Собеского? И когда его собеседник не знал, что ответить, — я, сказал он, потому что я также не кстати спас Вену. Но ведь глупость Его Величества польского короля и русского императора, не могла же не отражаться самым вредным образом на национальных интересах России.

Важнейшая из всех наших национальных задач состоит в завоевании свободных политических учреждений, благодаря которым силы нашего отечества перестали бы, наконец, быть игрушкой в руках какого-нибудь коронованного Кита Китыча. Говоря о национальных задачах России, апологеты самодержавия прежде всего невольно напоминают ей именно об этой задаче.

Наш автор пишет, что только «отчаянный романтизм революционеров» позволяет им «третировать русских наследственных самодержцев, как позво-лительно

третировать какого-нибудь узурпатора. Русский царь не похищал своей власти, он получил ее от торжественно избранных предков, и до сих пор огромное большинство народа ни единым звуком не показало своего же-лания отобрать у Романовых их полномочий». Чтобы еще более выставить величие царской власти, т. Тихомиров указывает на то обстоятельство, что русская церковь, признаваемая огромным большинством населения, «освяща-ет» царя «зва-нием своего светского главы» *).

Сделаем прежде всего маленькое замечаньице: не церковь решила «освятить» русского царя званием своего светского главы, а русский царь, по собственному побуждению и в интересах своей власти, решил преподнести себе сие почетное звание. В этом нет большого преступления, но зачем же г. Тихомиров искажает историю?

Далее, о каких это Романовых говорит он? Было время, когда на русском престоле точно сидели Романовы. Нельзя сказать, чтобы эта династия была избрана в силу каких-нибудь особенно «торжественных» соображений. Неко-торые историки уверяют, будто бояре стояли за «Мишу Романова», потому что тот был «разумом слабенек», и они надеялись забрать его в руки. Погова-ривают также, будто избранный царь давал в свою очередь «торжественные» обещания уважать права «страны». Но определенного на этот счет ничего не известно, и по погоду избрания Романовых приходится сказать словами гр. А. Толстого:

Свершилося то летом;
Но был ли уговор,
История об этом
Молчит до этих пор.

Как бы то ни было, Романовы действительно были выбраны, и русские цари могли бы ссылаться на народное избрание, если бы они действительно принадлежали к этой династии. Но она давно уже не существует. По смерти Елизаветы вступил на престол Петр Гольштейн-Готторпский, и от брака его с принцессой Ангальт-Цербтской ни в каком случае не

могло произойти Рома-новых, даже если допустить законное происхождение Павла, которое катего-рически отрицает сама Екатерина в своих «Записках». В избрании Петра Гольштейнского страна не принимала решительно никакого участия. Правда, по женской линии он находился в родственных отношениях к угасшей дина-

*) Стр. 16.

стии, но ведь если на этом основании его и его потомков величать Романовы-ми, то нужно называть также и детей, например, принца Эдинбургского, а это, кажется, еще никому не приходило в голову. Для русских революционеров, конечно, все равно, кого ни свергнуть с престола; Романовых или Гольштейн-Готторпских, но еще раз, зачем же искажать историю?

Русских царей нельзя третировать как узурпаторов! Вот новость! А мы всегда думали, что их нельзя третировать *иначе как узурпаторов.* Мы думали так потому, что русские цари сами нередко третировали своих предшественников как узурпаторов. Помнит ли г. Тихомиров историю XVIII века? Помнит ли он восшествие на престол Елизаветы и Екатерины второй? Одно из двух: или ces dames *узурпировали* царскую власть или если они поступили законно, то их предшественники были *узурпаторами.* Павел всегда называл поступок Екатерины *узурпацией,* и говорят, что Николай разделял его мнение на этот счет. Помнит ли г. Тихомиров об убийстве Павла? Помнит ли он, что в этом деле можно бы обвинить Александра «Благословенного», по крайней мере, «в знании и недонесении»? Как назвать человека, который вступил на престол посредством заговора против своего отца и императора? Конечно, русским революционерам все равно, имеют ли они дело с царями «божьей милостью» или с царями милостью «лейб-кампанцев» и прочих преторианцев. Но еще и еще раз, зачем же искажать историю, зачем говорить о законном переходе власти «от предков», зачем

«фантазировать» о святости трона, загаженного всевозможнейшими преступлениями?

Или г. Тихомиров думает, что его читатели не знают русской истории, и спекулирует на их невежестве, или он сам не знает ее и, что называется, не спросись броду, суется в воду.

Муж многоопытный, губит тебя твоя храбрость!

И такого-то храброго защитника не понял и не оценил «Русский Вестник»! Он уверяет, что г. Тихомиров не сказал ничего нового. Но откуда же взять это новое, если вы, господа, исчерпали решительно все, что можно сказать в пользу абсолютизма? А кроме того, уверение «Русского Вестника» не совсем справедливо. В брошюре т. Тихомирова есть совершенно новый прием отпугивания людей от революционной деятельности. Вот он, этот драгоценный плод тихомировской оригинальности. «Влияние самого образа жизни, — говорится на стр. 18 его брошюры, — чрезвычайно неблагоприятно для террориста-заговор-

щика... Господствующее над всем сознание, — это сознание того, что не только нынче или завтра, но каждую секунду он должен быть готов погибнуть. Единственная возможность жить при таком сознании - это *не думать о* множестве вещей, о которых, однако, нужно думать, если хочешь остаться человеком развитым. Привязанность сколько-нибудь серьезная и какого бы то ни было рода — есть в этом состоянии истинное несчастие. Изучение какого бы ни было вопроса, общественного явления и т. п. — немыслимо. План действия мало-мальски сложный, мало-мальски обширный, не может прийти даже в голову. Всех поголовно (исключая 5—10 единомышленников) нужно обманывать с утра до ночи, от всех скрываться, во всяком человеке подозревать врага». Словом, жизнь заговорщика-террориста есть «жизнь травленого волка», а борьба его против правительства есть борьба «принижающая» его самого.

Что, каково сравненье? Не дурен оборот? — спросим мы словами Некрасова. Вдумайтесь в смысл этих доводов и вы увидите, что г. Тихомиров вовсе не так прост, как он часто кажется. В России существует суровая беспощадная сила, которая гнетет нас и отнимает у нас «все, что угодно представить». Мы протестуем против этой силы по одиночке, — она стирает нас в порошок. Мы организуемся, чтобы бороться систематически, и в результате этой борьбы, которая, как нам казалось, должна была освободить нас, получается наше собственное *«принижение».* Мораль очевидна: если не хочешь *«принижаться»,* не протестуй, подчинись власти от бога установленной, «смирись, гордый человек»!

Этот вывод, по-видимому, непосредственно применим только к террори-стам, но если основательны его посылки, то *всякая революционная* борьба в России должна быть признана «принижающей», потому что всем революцио-нерам без различия приходится *«бороться»* со шпионами и примириться с мыслью о возможности погибнуть «не только нынче или завтра, но каждую секунду». Однако прав ли наш автор? К счастью нет, далеко не прав, не толь-ко не прав, но говорит нечто совершенно противоположное истине, и достаточно небольшого внимания читателя, чтобы тихомировская софистика разле-телась, как дым.

Начнем с небольшой, но необходимой поправочки. Революционеры *борются* не со шпионами, а с русским правительством, *которое преследует их* с *помощью* «очей царевых», *сыщиков и провокаторов.* Подобный прием борьбы против революционеров действует самым «принижающим» образом именно на правительство. Об этом умалчи-

вает г. Тихомиров, но это ясно само собою*). Что же касается революционе-ров, то как могут отражаться на них шпионские преследования? Прежде всего в каждом из них эти преследования должны поддерживать сознание того, «что не только нынче или завтра, но каждую секунду он должен быть

готов погибнуть» за свои убеждения. Не всякий в состоянии перенести постоянное присутствие подобной мысли. В истории тайных обществ любой страны можно найти примеры слабости, робости, «принижения» и даже полного падения. Но к несчастью деспотизма не все революционеры таковы. На людей, более сильных, постоянные преследования оказывают совсем противоположное влияние: они развивают в них не *боязнь* преследований, а полную и постоянную *готовность погибнуть* в борьбе за правое дело. И эта готовность поддерживает в них такое настроение, о каком мирные филистеры, никогда не возбуждавшие подозрения ни в одном шпионе, не имеют даже приблизительного понятия. Все личное, все эгоистическое отходит на задний план или, вернее, совершенно забывается, — остается лишь общий политический интерес, «одной лишь думы власть, одна, но пламенная страсть». Человек возвышается до героизма. И таких людей было не мало в нашем революционном движении. Посмотрите, что пишет Кеннан, познакомившийся с нашими ссыльными в Сибири. «То, что я увидал и узнал в Сибири, затронуло затаенные струны моего сердца, открыло мне целый мир новых ощущении, во многих отношениях очистило и возвысило мои нравственные понятия, — говорит он в одном из своих писем, цитируемых г-жей Dawes в августовской книжке американского журнала «The Century» за 1888 год. — Я познакомился там с характерами воистину героическими, столь же высокого типа, как самые высокие, известные нам из истории человечества. Я видел там людей мужественных и сильных, с бесконечною готовностью к жертве и гибели за свои убеждения... Я отправился в Сибирь с сильными предубеждениями против политических изгнанников, уезжая, я расставался с ними, сжимая их в своих объятиях, с глазами, полными слез». Что скажет об этих людях г. Тихомиров? «Принижающая» борь-

*) Стоит только припомнить похороны Судейкина, чтобы видеть, в какую унизительную близость к шпионам ставит наших царей их способ

борьбы против революционеров. Во время знаменитого гатчинского «сиденья» Александра III мы прочли, не помним уже в какой газете, что августейшая семья устроила на Рождество елку... для чинов дворцовой полиции. Государыня всемилостивейше изволила собственноручно раздавать этим чинам подарки. После такой любезности по отношению к *явной* полиции, никто не удивился бы, если бы на Святой Неделе появилось в газетах известие о том, что Их Величества братски христосовались с представителями *тайной* полиции или попросту со шпионами, своими «ближайшими единомышленниками».

ба со шпионами очевидно не имела на этих людей никакого принижающего влияния. Ах, г. Греч, г. Греч, слона-то вы и не заметили!

Что говорить! Гораздо лучше было бы, если бы революционерам не приходилось подвергаться преследованиям шпионов. Но ведь это уже зависит от правительства. Тихомиров сделал бы нам большую услугу, если бы он внушил нашим правящим сферам, что не всякие средства хороши в борьбе против революционеров и что «царевы очи» выглядят очень непривлекательно.

Касательно обманов, которыми будто бы «с утра до ночи» приходится заниматься революционерам, мы можем поставить г. Тихомирову такое соображение. Мы не знаем, много ли народу он обманул, когда считался революционером. Очень возможно, что много. Его собственные признания показывают, что во время издания «Вестника Народной Воли» его литературная деятельность была *обманом* читателей: он тогда уже не верил в дело, которое защищал. Но из этого вовсе не следует, что все революционеры по самой силе вещей должны быть обманщиками. Печальный пример г. Тихомирова для них не указ. Революционная деятельность требует только *сохранения тайны,* а от сохранения тайны до *обманов* еще очень далеко. Тайны могут быть у самого правдивого человека, не сказавшего во всю свою жизнь ни одного лживого слова, и такой человек имеет полнейшее нравственное право посвящать в них *только* своих «единомышленников». Неужели г. Греч не понимает этого?

Но удивительнейшая вещь, читатель, русский абсолютизм

так чудовищен, что даже сам обратившийся на путь истины г. Тихомиров не выдерживает своей роли верноподданного писателя. После всяких натяжек и софизмов, измышленных в защиту царской власти, он совершенно неожиданно начинает иронизировать, впадая в тон Щедрина. «Источник власти законодательной и исполнительной — по русским законам — есть Государь страны, — пишет он. — В странах республиканских этим источником являются избиратели. Та и другая форма имеет свои преимущества, но в обоих случаях политическое действие, из какого бы источника не (ни) исходило, проявляется не иначе, как посредством известных учреждений (иногда, например, таких «учреждений», как баррикады, г. Тихомиров). Эти учреждения в России представляют не менее способов к деятельности, чем в другой стране. У нас есть Государственный Совет, Сенат, Министерства, с разными добавочными органами, вроде Департамента торговли и мануфактур и целого ряда постоянно существующих комиссий» (стр. 31). За эту едкую на-

смешку можно простить нашему автору много прегрешений против логики и здравого смысла, хотя, конечно, не против политической порядочности.

IV.

Изо всего написанного нами читатель может быть сделает то заключение, что мы не признаем никаких заслуг за нашим деспотизмом. Но это было бы не совсем верно. И за русским деспотизмом есть несомненные исторические заслуга, и главнейшая из них та, что он занес в Россию семя своей собственной гибели. Правда, он был вынужден к этому соседством с Западной Европой, но он все-таки сделал это и заслуживает самой искренней признательности с нашей стороны.

Старая московская Русь отличалась совершенно азиатским характером. Он бросается в глаза, как в экономическом быте

страны, так и во всех нравах и во всей системе государственного управления. Москва была своего рода Китаем, но этот Китай находился не в Азии, а в Европе. Отсюда — то существенное различие, что между тем как настоящий Китай всеми силами отбивался от Европы, наш московский Китай еще со времен Ивана Грозного с оружием в руках стремился прорубить себе в нее хоть маленькое окошечко. Петру удалось решить, эту великую задачу. Он совершил огромный переворот, спасший Россию от окостенения. Но царь Петр мог сделать лишь то, что было, доступно царской власти. Он завел постоянное, по-европейски вооруженное войско и европеизировал систему нашего государственного управления. Словом, к азиатскому туловищу московской Руси «царь-плотник» приделал европейские руки. «На социальной основе, восходившей чуть ли не *к* одиннадцатому столетию, явилась дипломатия, постоянная армия, бюрократическая иерархия, промышленность, удовлетворявшая вкусам роскоши, школы, академий» и проч., прекрасно говорит Рамбо об этом периоде нашей истории. Сила новых, европейских рук, оказывая России большие услуги в ее международных сношениях, невыгодно отражалась на многих сторонах ее внутреннего быта. Вздернув Россию, по выражению Пушкина, «на дыбы», великий царь раздавил народ под бременем налогов и довел деспотизм до неслыханной степени могущества. Все учреждения, хоть отчасти сдерживавшие царскую власть, были уничтожены, все предания и обычаи, хоть немного охранявшие его достоинство, были забыты, и тотчас по смерти Петра начинаются те «лейб-кам-панские» шалости, благодаря которым история

русского императорства долгое время была, по выражению одного итальянского писателя, трагедией nel un lupanar. Петровская «реформа» нравилась нашим царям и царицам больше всего потому, что она страшно усилила

самодержавную власть. Что же касается до начатой Петром «культурной работы», то они отбояривались от нее до последней возможности, и нужны были потрясающие события для того, чтобы русские монархи вспоминали о русской «культуре». Так, несчастный исход крымской войны заставил, как мы уже сказали, вспомнить о ней Александра II. Крымский погром показал, какое огромное расстояние отделяет нас от Западной Европы. Между тем как мы почивали на лаврах, пожатых во время наполеоновских войн, и возлагали все свои надежды на азиатское терпение нашего солдата да на молодецкие свойства русского штыка, передовые народы Европы сумели воспользоваться всеми успехами новейшей техники. Волей-неволей приходилось пошевеливаться и нам. Государству нужны были новые средства, новые источники доходов. Но для того, чтобы найти их, необходимо было уничтожить крепостное право, сильно стеснявшее тогда наше промышленное развитие. Александр II сделал это, и после 19 февраля 1861 г. можно было сказать, что наш абсолютизм совершил в пределах земных все земное.

С начала шестидесятых годов в России стали назревать новые общественные потребности, которых самодержавие не может удовлетворить, не переставши быть самодержавием.

Дело в том, что европейские руки мало-помалу оказали огромное влияние на туловище нашего общественного организма. Из азиатского — оно само стало постепенно превращаться в европейское. Для поддержания учреждений, заведенных Петром в России, нужны были во-первых деньги, во-вторых деньги и в-третьих деньги. Выбивая их из народа, правительство тем самым содействовало развитию у нас товарного производства. Затем, для поддержания тех же учреждений нужна была хоть какая-нибудь фабрично-заводская промышленность. Петр положил начало этой промышленности в России. Сначала — и совершенно сообразно своему происхождению — эта промышленность находилась в совершенно подчиненных, служебных отношениях

к государству. Она была закрепощена на службе у него, подобно всем прочим общественным силам в России. Она сама держалась крепостным трудом крестьян, приписанных к фабрикам и заводам. Но, тем не менее, она все-таки делала свое дело, при чем ей сильно помогали все те же международные отношения. Успехи русского экономического развития в период времени, протекший от Петра до Александра II, лучше

всего видны из того обстоятельства, что тогда как реформы Петра *требовали усиления крепостной зависимости крестьян,* — реформы Александра И *немыслимы были без ее уничтожения.* В 28 лет, отделяющие нас от 19 февраля 1861 года, русская промышленность так быстро двигалась вперед, что отношения ее к государству изменились самым существенным образом. Когда-то совершенно *подчиненная ему,* она стремится теперь *подчинить его себе,* поставить его в служебные к себе отношения. Нижегородское ярмарочное купечество, в одной из челобитных, почти ежегодно подаваемых им правительству, наивно называет министерство финансов органом торгово-промышленно-го сословия. Предприниматели, прежде не умевшие шагу ступить без указаний правительства, требуют теперь, чтобы правительство следовало *их* указаниям. Те же нижегородские купцы выражают скромное желание, чтобы меры, могущие повлиять на состояние нашей промышленности, принимались не иначе, как с одобрения представителей от их «сословия». В деле русского экономического развития песенка абсолютизма оказывается, таким образом, уже спетой. Его опека не только уже *не* нужна, но прямо *вредна* нашей промышленности. И недалеко то время, когда наше «торгово-промышленное сословие», испытав тщетность кротких увещаний, вынуждено будет более строгим голосом напомнить царизму о том, что tempora mutantur et nos mutamur in illis *).

Г. Тихомиров, когда-то превозносивший «настоящего»

крестьянина, как грозную революционную силу, указывает теперь на его реакционные свойства, как на нечто само собою подразумевающееся.

*) У нас обыкновенно думают, что раз правительство вводит покровительственный таможенный тариф и не скупится на субсидии той или иной акционерной компании, то значит наша буржуазия не имеет никаких причин быть недовольной им. Это взгляд совершенно ошибочный. Одних добрых намерений в этом случае, как и во всех других, еще не достаточно: нужно *уменье,* а его-то и нет у нашего правительства. И. С. Аксаков, которого в этом случае вдохновляло наше московское купечество, утверждал, например, в своей «Руси» (от 30 октября 1882 г.), что все усилия наших купцов и промышленников найти новые внешние рынки для сбыта своих товаров «не только встречают слабую поддержку со стороны русской администрации, но можно сказать — беспрестанно парализуются отсутствием ясно сознан-ной общей торговой политики в нашем правительстве». Отсутствие это он объяснял тем совершенно верным соображением, что «таков уж наш бюрократический строй, в котором все части управления распределены по ведомствам, в ущерб целому, и каждое ведомство чуть не государство в государстве». В доказательство он приводит такие доводы. «Министерство Финансов, например, вырабатывает и устанавливает целую систему поощрений и поддержек русской промышленности и торговле, между прочим, и тариф для ввозимых в Россию иностранных- товаров, а железнодорожные управления, которые ведает другое министерство, министерство путей сообщения, устанавливает такой провозный железнодорожный тариф, который приводит тарифные комбинации министерства Финансов к совершенному нулю и покровительствует иностранной торговле в ущерб русской. А третье министерство,

Именно «мужичка» имеет он в виду, когда говорит, что десятки и десятки миллионов населения не хотят у нас слышать ни о чем, кроме царизма. Подобно прокурору в шуточном стихотворении «Речь Желеховского», он готов умильным голосом воскликнуть теперь:

Христу благодарение,
В мужичке для нас спасение;

И действительно, мужичек спас бы г. Тихомирова и его нынешних «единомышленников», если бы г. Тихомиров и его нынешние единомышленники могли спасти мужичка, завещанного нам добрым старым временем. Но «его не спасет никакая уж сила».

Развитие товарного и капиталистического производства радикально изменило быт трудящегося населения России. Наш московский и петербургский деспотизм опирался на неразвитость сельского населения, которое жило при экономических условиях, восходивших, по вышеприведенному

выражению Рамбо, чуть ли не к XI веку. Капитализм привел к полному расстройству наших старых патриархальных деревенских отношений. Г. И. Успенский, с фотографической верностью изобразивший «настоящего» мужика в своих очерках, признается, что этому мужику уже не долго жить на свете, что старые деревенские порядки разлагаются, что в деревне образуются два новые «сословия»: буржуазия и пролетариат, который, по мере своего возникновения, покидает деревню и идет в города, в промышленные центры, на фабрики и заводы.

Что развитие пролетариата революционизирует общественные отношения — это известно всякому, даже не обучавшемуся в семинарии. Все знают, какую роль играл рабочий класс в новейшей истории Европы. В современном европейском обществе, где господствующие классы представляют отвратительнейшее зрелище лицемерия, лжи, разврата, обмана, биржевых спекуляций и политической подкупности, он

внутренних дел, ведающее не искусственные, а натуральные дорога, запускает и доводит до непроездности важный старинный торговый тракт, а министерство иностранных дед вдруг заключит какой-либо трактат без внимательного соображения с русскими торговыми интересами (хоть бы допустив, например, в Берлинском трактате обязательство для Болгарии руководиться турецким тарифом, самым неблагоприятным для России и самым благоприятным для Англии с Австрией и т. д. и т. д.)». В следующем № «Руси» Аксаков утверждал, что всякое ограждение интересов русской промышленности нашим предпринимателям приходилось брать «просто с боя, т. е. после долгих и упорных настоятельств». Там же, по поводу вопроса о кавказском транзите, редактор славянофильского органа, которого, повторяем, вдохновляли в этом случае московские Фабриканты, говорит, что «наш промышленный мир», недовольный направлением, приданным этому вопросу в Петербурге, «пристыжен, смущен, скорбит духом и уже утратил всякую надежду на энергическую поддержку, русских национальных (sic!) интересов в петербургской официальной сфере». Кажется, ясно!

является единственной опорой и единственной надеждой всех искренних и мыслящих сторонников прогресса.

В нашем отечестве образование этого класса имеет еще большее значение. С его появлением изменяется самый характер русской культуры, исчезает наш старый, *азиатский* экономический быт, уступая место новому, *европейскому.*

Рабочему классу суждено завершить у нас великое дело Петра: довести до конца процесс *европеизации* Россия. Но рабочий класс придаст совершенно новый характер этому делу. от которого зависит самое существование России, как цивилизованной страны. Начатое когда-то *сверху,* железной волей самого *деспотичного* из русских *деспотов,* оно будет закончено *снизу,* путем *освободительного* движения самого *революционного* изо всех классов, какие только знала история. Герцен замечает в своем «Дневнике», что в России, собственно говоря, нет народа, а есть только коленопреклоненная толпа и палач. В лице рабочего класса в России создается теперь *народ* в европейском смысле этого слова. В его лице трудящееся население нашего отечества впервые встанет во весь рост и позовет к ответу своих палачей. Тогда пробьет час русского самодержавия.

Таким образом, неотвратимый ход исторического развития разрешает все те противоречия, которые характеризовали у нас положение не только революционной, но и вообще всякой «интеллигенции». Русская «интеллигенция» сама есть плод, хотя, правда, совершенно нечаянный, петровского переворота, т. е. начавшегося с тех пор обучения молодежи в «школах и академиях». Устроенные более или менее по-европейски, школы эти прививали обучавшемуся в них юношеству многие европейские понятия, которым на каждом шагу противоречили русские порядки и прежде всего практика самодержавия: Понятно, поэтому, что часть русских образованных людей, не удовлетворяясь величественной перспективой табели о рангах, становится в оппозиционное отношение к правительству. Так образовался у нас слой, обыкновенно называемый интеллигенцией. Пока этот слой существовал на социальной основе, восходившей чуть ли не к одиннадцатому столетию, до тех пор он мог «бунтовать» и увлекаться какими ему угодно утопиями, но не мот ровно ничего изменить в окружающей его действительности. В общем ходе русской жизни этот слой был слоем «лишних

людей», он весь представлял собою какую-то *«умную ненужность»,* как выразился Герцен о некоторых из принадлежавших к нему разновидностей. С разрушением старой экономической основы русских общественных отношений, с появлением у нас рабочего класса, дело из-

меняется. Идя в рабочую среду, неся науку к работникам, пробуждая классовое сознание пролетариев, наши революционеры из «интеллигенции» могут стать могучим фактором общественного развития, — они, которые нередко в полном отчаянии опускали руки, напрасно меняя программу за программой, как безнадежный больной напрасно бросается от одного медицинского снадобья к другому. Именно в среде пролетариата русские революционеры найдут себе ту *«народную»* поддержку, которой у них не было до последнего времени. *Сила* рабочего класса спасет русскую «революцию» от *обессиления,* о котором теперь с довольной улыбкой на устах говорят г. Тихомиров и его «единомышленники». «Единоличные бунты», действительно, не способные разрушить какую бы то ни было политическую систему (а всякое движение одной «интеллигенции» есть не более, как известное число «единоличных бунтов»), эти единоличные бунты сольются с массовым *«бунтом» целого класса,* как отдельные ручейки сливаются с широкою рекою.

Теперь есть еще время, теперь *пока еще не поздно.* Поймет ли наша «интеллигенция» свое положение, сумеет ли она войти в ту благодарную роль, которую отводит для нее история?

Поймет или нет, но события ждать ее не станут. Отсутствие союзников из «интеллигенции» не помешает нашему рабочему классу сознать свои интересы, понять свои задачи, выдвинуть вожаков из своей собственной среды, создать свою собственную, *рабочую интеллигенцию. Такая* интеллигенция не изменит его делу, не оставит его на произвол судьбы.

Нужно, однако, еще раз заметить, что в своей борьбе с

самодержавием рабочий класс будет, по всей вероятности, не один, хотя, разумеется, только он один способен придать ей решительный оборот. Само положение дел необходимо будет толкать на *посильную для нее* борьбу всю нашу буржуазию, т. е. наше «общество», наш торгово-промышленный мир, наших помещиков, этих дворян в мещанстве, и, наконец, даже деревенское «третье сословие».

Колупаевы и Разуваевы до такой степени нелепы и консервативны, что на первый взгляд кажется, будто они призваны служить в будущем незыблемой основой «порядка». Со временем они действительно войдут в эту роль, но они по необходимости должны предварительно пережить свой «период бурных стремлений».

Наша финансовая система основана на закрепощении крестьянина государству, которое берет от него «все, что угодно представить», руководствуясь нехитрым соображением: «ён достанет!». Всевынося-

щий «ён» долго оправдывал эту лестную для него уверенность, но теперь и его удивительная способность к «доставанию» приходит в упадок. Как мы уже сказали, «ён» переживает процесс дифференциации, превращаясь в пролетария с одной стороны и в кулака — с другой. Так как из легкомысленных пролетариев немного может выбить самое усердное и бдительное начальство, то тяжесть лежащих на общине податей все более и более падает на зажиточных общинников. Правда, те стараются вознаградить себя присвоением брошенных пролетариями участков; однако не трудно понять, что они, по отношению к податям и налогам, ни в каком случае не могут являть из себя таких бессребренников, каким был добрый старый «ён». В своем простодушии, «ён» мечтал лишь о том, чтобы вести самостоятельное хозяйство, и когда ему удавалось это, — а при старых порядках это удавалось ему в огромнейшем большинстве случаев, — его можно было закрепостить

государству, отбирая все известные и неизвестные экономистам категории дохода, кроме самой жалкой заработной платы. Кулак не может удовольствоваться такой платой. Он должен отдать ее своему батраку, а для себя ему нужно обеспечить *приличную прибыль.* Но это немыслимо без коренных изменений в русском финансовом хозяйстве, изменений, которые будут под силу лишь представителям всей страны. И не нужно быть пророком, чтобы наперед знать, что по этому поводу произойдут сильные неудовольствия между кулаком и его «батюшкой-царем».

Так русский абсолютизм подготовлял и подготовляет свою собственную гибель. Недалеко то время, когда он сделается совершенно невозможным в России, и уж, конечно, не много найдется у нас образованных людей, которые пожалеют об этом. Можно и даже полезно спорить относительно того, какими путями добиваться нам политической свободы. Но между честными и развитыми людьми не может быть вопроса о том, — нужна ли нам эта свобода? «Мы достаточно знаем, что такое наш старый абсолютизм. Поэтому прочь всякие компромиссы! Прочь всякая нерешительность! За горло его и колено ему на грудь!» *).

V.

В заключение еще два слова по поводу нашего Греча. Читатель видит теперь, в чем должен был состоять и в чем будет состоять прогресс

*) Слова Лассаля из его речи «Was nun?».

наших революционных теорий. Как мы заметили выше, наши социалисты-народники всевозможных фракций и направлений до партии «Народной Воли» включительно, не *опирались* на эволюцию, а отпирались от нее всевозможными софизмами. Их учения представляли собою идеализацию того экономического строя, который — будь он в действительности так прочен и непоколебим, как им казалось — навсегда осудил бы их на полное бессилие. Критика народничества

была, поэтому, первым и необходимым шагом вперед по пути дальнейшего развития нашего революционного движения. Если г. Тихомирова серьезно огорчало неуменье русских революционеров согласить эволюцию с революцией, то ему стоило лишь взяться за эту критику. Он поступил как раз наоборот. Он не критиковал народничество, он только довел до крайности его основные положения. Ошибки, лежавшие в основе народнического миросозерцания достигли в его голове таких колоссальных размеров, что он разве в шутку может называть себя «работником прогресса» (мирного или не мирного — это в данном случае все равно). Короче, если народники исходили из некоторых ошибочных положений, то г. Тихомиров, доведя до уродства эти ошибочные положения, счастливо исходит теперь прямо из абсурда. Но не далеко уедет он на этом коне!

Такова печальная история «революционизма» нашего автора. Этот «революционизм» долго пребывал в полном теоретическом одиночестве, но пришло время, когда он увидел, что ему «не добро быть едину», и пожелал вступить в законный брак с той или другой теорией эволюции. Несколько лет «отыскивал» он себе подходящую партию и, наконец, с любовью остановил свои взоры на теории «единения партии со страной». Сия весьма скромная с виду девица, выдававшая себя за самую настоящую, так сказать, столбовую теорию эволюции, оказалась, во-первых, злою женой, вогнавшей в гроб «революционизм» г. Тихомирова, а, во-вторых, — самозванкой, не имеющей ничего общего ни с каким учением о социальном развитии.

И г. Тихомиров воображает, что в этой истории очень много поучительно-го! Она поучительна, но только в самом нелестном для него смысле.

Он воображает, что, прочитавши брошюру «Почему я перестал быть революционером», всякий читатель скажет себе: это ясно само собою, автор был революционером лишь по вине других, лишь благодаря тому, что все наши

образованные люди отличаются крайне нелепыми привычками мысли, а перестал быть революционером г. Тихомиров, благодаря выдающимся особенностям своего «созидательного»

ума и замечательной глубине своего патриотизма. Но — увы! — такого заключения не сделал даже «Русский Вестник».

В жалобах г. Тихомирова на неприятности, пережитые им от революцио-неров по поводу его «эволюции», сквозит гордое сознание своего превосход-ства. Он умнее других; другие не поняли, не оценили и ужасно обижали его в то время, когда должны были бы аплодировать ему.

Но г. Тихомиров жестоко ошибается. Своей «эволюцией» он обязан лишь своей *неразвитости.* Горе от ума не его горе. Его горе есть горе от невежества.

И этот-то человек, имеющий о социализме ровно столько же понятия, сколько его имеет любой писец петербургского полицейского участка, долгое время считался пророком и истолкователем какого-то особого «русского» социализма, который он охотно противопоставлял — западноевропейскому! Революционная молодежь внимала его рассуждениям, считая его продолжателем дела Желябова и Перовской. Теперь она видит, каков был этот мнимый продолжатель. Измена г. Тихомирова заставила наших революционеров критически отнестись к его особе. Но этого мало. Они обязаны теперь критически проверить все, *что писал* г. Тихомиров во все продолжение восьмидесятых годов, когда он, сам не веря тому, что говорил, считал однако нужным выступать в литературе в качестве революционера *). Много вздору наговорил, много вопросов запутал в течение этого времени г. Тихомиров. И пока мы не разберемся в этой путанице, до тех пор мы, даже разорвав с ним всякие сношения и оценивши его по заслугам, все-таки не избавимся от *теоретической тихомировщины, от которой нам однако* необходимо *избавиться.*

Теперь прощайте, г. Тихомиров. Да пошлет вам здоровья наш православный бог, а наш самодержавный бог да наградит вас генеральским чином!

*) См. стр.. 8 его брошюры. «Верой и правдой, по совести и убеждению» г. Тихомиров «прослужил» революционному делу лишь «до почти конца 1880 года». С этих отдаленных времен у него оставалась одна лишь «Формальная» верность знамени. Но это не помешало ему написать множество рассуждений на революционные темы, рассуждений, которые, по его словам, составляют «более 600 страниц мелкого шрифта».

Политические задачи русских социалистов.

Социально-политические вопросы, как и все на свете, имеют свою судьбу, и иногда, на первый взгляд, довольно странную судьбу. Так, например, социалистическое движение существует у нас уже давно; можно было бы думать поэтому, что вопрос о политических задачах социалистов принадлежит у нас к числу окончательно и бесповоротно решенных. На деле оказывается, однако, иначе. У нас именно теперь ведутся об этом предмете горячие споры, которые хотя и свидетельствуют о значительной отсталости нашей социалистической мысли, но в то же время показывают, что она не стоит на одном месте. Было время, когда русские социалисты совсем не спорили о своих политических задачах, потому что и слышать не хотели о существовании подобных задач. Так было в 70-х годах, в эпоху процветания народничества. Народники полагали, что социалистам не пристало заниматься политической борьбой, так как она, в конце концов, может привести лишь к политической свободе, которая нужна и полезна не народу, а его врагам, т. е. высшим классам. Но жизнь обращает, как известно, очень мало внимания на доктрины и доктринки общественных деятелей. Она имеет очень бесцеремонные привыч-ки, и если только человек не сидит сложа руки, она распоряжается им по-сво-ему, насильно заставляя его действовать сообразно с нуждами времени. Совершенно так поступила она и с народ-никами, хотя они считали всякого рода политические задачи

не более, как буржуазными выдумками, но на деле все-таки занимались политической борьбой, потому что невозможно было не заниматься ею. С особенною энергией вела ее партия «Н. В.». Казалось бы, что именно эта партия — и именно потому, что она с необыкновенной энергией вела политическую борьбу — должна была решить, наконец, вопрос об отношении социализма к «политике». Но она не решила, а только обошла его, поставив захват власти своею ближайшею политическою целью.

Таким образом они теперь, в конце 80-х годов, стоят перед тем самый вопросом, о решении которого нам следовало позаботиться в начале семидесятых. Нам и теперь приходится спрашивать себя: да полно, могут ли у социалистов быть какие-нибудь особые политические задачи, и если — могут, то в чем же именно они заключаются?

Человек, незнакомый с историей нашего революционного движения, с полным правом мог сказать, что все это по меньшей мере странно. Но всякая странность имеет свою достаточную причину. При ближайшем знакомстве с делом оказывается, что отношение русских социалистов к «политике» обусловливалось общим характером их миросозерцания.

Пределы статьи не позволяют нам даже вкратце очертить здесь историю народничества, в котором причудливо переплелись учения утопического социализма тридцатых и сороковых годов с бакунинским анархизмом и с теориями славянофилов. Поэтому мы ограничимся указанием главных и наиболее характерных черт этого учения.

«Социальная революция», к которой стремились революционеры-народни-ки, была анархической революцией. Народники были принципиальными вра-гами государства, — не того или другого вида государственной организации, не государства царей и бюрократического централизма, и не буржуазного го-сударства, а государства во всех его видах и

формах — бывших, существую-щих и имеющих существовать. Вслед за Бакуниным, они считали государство главным виновником всех бедствий народа, который, будто бы, боролся против него в продолжение всей своей истории и не покорился до настоящего времени. Все, даже самомалейшие случаи столкновения народа с администрацией объяснялись ими исключительно в этом смысле. Задача революционеров сводилась для них к поддержанию и расширению антигосударственных движений народа. Каждому отдельному «протесту», каждому «бунту», хотя бы он ограничивался пределами одной только деревни, придавалось огромное воспитательное значение. Поэтому наши революционеры-народники называли себя также «бунтарями». Им казалось, что всякие другие способы влияния на народ, помимо «бунтарских», или невозможны, или даже прямо вредны, потому что, как выражался Бакунин, «заражают его, официально, общественным ядом и, во всяком случае, отвлекают его хоть на малое время от единственно ныне полезного и спасительного дела — от «бунта».

Понятно, что, с этой точки зрения, всякая попытка борьбы за политическую свободу казалась изменой народному делу. Стремясь.

к полному разрушению государства, народники и слышать не хотели о замене нашего полицейского государства так называемым правовым, т. е. конституционным. Участие народа в политической жизни своей страны считалось ими даже особенно вредным, потому что оно означает, говорили они, признание народом государства, примирения его с ним, а хуже этого они и представить себе ничего не могли. Известно, что в конституционных странах последователи Бакунина настойчиво рекомендовали народу «политическое воздержание».

Экономические учения революционеров - народников достаточно известны. Они почти ничем не отличаются от

учения мирных народников, никогда не сходивших с пути законом дозволенной деятельности. Вся разница между этими двумя разновидностями народничества заключалась в том, что «бунтари» считали возможным дальнейшее развитие поземельной общины лишь при условии полного разрушения государства. Освобожденные от государственного гнета, крестьяне получат, наконец, возможность осуществить свои идеалы и перейдут от общинного владения землею к общинному производству и, сообразному с этим, распределению продуктов. До тех же пор, пока существует государство, общинное землевладение и связанные с ним народные идеалы могут только падать и разрушаться. Отсюда видно, что экономические взгляды народников должны были сильно укреплять склонность их к «политическому воздержанию». Идеализация общины давала даже новый довод в пользу такого воздержания. Народники понимали, что падение самодержавия окончательно развяжет руки нашей буржуазии и послужит сигналом неслыханного развития русского капитализма, а следовательно, и быстрого разложения общины. А так как на общине основывались все их социалистические упования, то неудивительно, что у них не было ни малейшей охоты содействовать своей борьбой торжеству буржуазии. Отрицание «политики» логически вытекало из всех основных положений народничества.

Мы уже сказали, что народничество развилось под сильным влиянием бакунизма. Если припомнить, что влияние Бакунина сказывалось не только в России, но и за границей: в Италии, в Испании, в Швейцарии и отчасти во Франции, то станет понятно, почему даже те из наших «бунтарей», которые не на словах только изучали социалистические теории Запада и старались познакомиться с его рабочим движением, не легко приходили к мысли о теоретической и практической несостоятельности народничества. На Западе они сочувствовали более всего анархистами, во многих случаях вполне разделявшими их взгляды

на вещи. Русским народникам казалось даже по временам, что они имеют право смотреть на Запад с некоторым снисходительным сожалением, так как он, бедный, давно уже утратил естественное основание социалистического строя, — поземельную общину. Во всяком случае, рассматривая западноевропейскую жизнь сквозь анархическую призму, они еще более убеждались в том, что социализм исключает всякую политику.

Не западная, а русская жизнь впервые показала нашим народникам практическую несостоятельность принципа политического воздержания. С Запада пришла к нам теоретическая критика этого принципа, но пришла гораздо позже, когда на деле «политика» поглощала уже все силы революционеров. Со свойственной ему любезностью и преду-предительностью, русское правительство взяло на себя труд, путем доказательства от противного, убедить их в необходимости политической *борьбы,* показав им важное значение политической свободы. Так называемый терроризм был не чем иным, как борьбой за эту свободу. Но всякая борьба нуждается в известном теоретическом оправдании. Сознавая политическое значение принятого ими способа действий, на-ши террористы не могли уже, без очевидного и вопиющего противоречия, держаться принципа политического невмешательства. Они отказались от него, равно как и от бакунинского взгляда на государство. Желябов на суде называл анархические увлечения ошибками молодости русских революционе-ров. Отношение партии «Народной Воли» к государству было диаметрально противоположно отношению к нему народников. Народо-вольцы не стремились уже к разрушению государства, но, наоборот, смотрели на него, как на рычаг, с помощью которого только и может совершиться и упрочиться экономическая революция. Они задались целью овладеть этим рычагом, т. е. захватить политическую власть в свои

руки. Таким образом, *«бунтари»* уступи-ли место *заговорщикам.* У русских социалистов явилась *положительная* политическая задача.

Заговор с целью захвата власти представляет собой несравненна более осмысленное революционное действие, чем анархическое «бунтарство» с его чисто отрицательными задачами. В известных, правда, совершенно исключительных случаях, заговорщицкий способ действия следует признать уместным и целесообразным. Но если для социалистов данной страны все шансы «социальной революции» сводятся к заговору, и если он заслоняет собою все их политическое положение, то можно быть уверенным, что они не выяснили себе исторических условий торжества своего дела и политических задач своей партии. Исход заговора

зависит от ловкости отдельных лиц: торжество социализма подготовляется общим ходом исторического развития. Заговор всегда был и будет делом слу-чайным и произвольным. Историческое развитие совершается со всею силою необходимости. Толковать о заговоре, и в то же время закрывать глаза на историческое развитие своей страны, значит придавать своему делу характер случайности и произвольности, не справляясь об его исторической необходимости. При таком взгляде заговорщиков на характер своей деятельности может случиться одно из двух: или направление этой деятельности случайно со-впадает с направлением исторического движения страны, или оно стоит в противоречии с ним. В первом случае торжество заговорщиков будет возможным, во втором — навсегда останется совершенно немыслимым. Нужно сознаться, что стремление партии «Народной Воли» — как общества заговор-щиков — совсем не совпадает с общим ходом русского исторического разви-тия. Поэтому заговорщицкие планы ее были заранее осуждены на неудачу. Во всем, что касалось экономических отношений России, «народовольцы» совер-

шенно разделяли взгляды своих предшественников — народников, или, вер-нее сказать, они сами были *народниками.* Это обстоятельство отмечено было еще в программе Исполнительного Комитета. «По основным своим убеждениям, мы — социалисты-народники», говорят ее составители. В качестве народников они по-прежнему идеализировали общину и с благочестивым ужасом смотрели на развитие капитализма в России. Они стремились захватить власть именно для того, чтобы путем государственного вмешательства остановить развитие капитализма и содействовать непосредственному переходу общинного быта в социалистический строй. В возможности такого перехода никто из них не сомневался. Но если в руках «социалистов-народников» государственная машина могла бы, как они думали, способствовать дальнейшему развитию народных «устоев», то с другой стороны они не могли не видеть, что все современные наши общественные и государственные порядки очень неблагоприятны не только для дальнейшего развития, но даже и для дальнейшего существования страны общинного быта. Только слепой мог не видеть его страшного и повсеместного упадка. Таким образом оказалось, что в непосредственном переходе общинного быта в социалистический строй ручалась партия «Народной Воли», т. е. более или менее значительное тайное об-щество заговорщиков, а против него выступала пассивная сила существующих отношений и активная сила начавшегося капиталистического развития. Взвесив все это, ни один народоволец не мог бы, положа руку на сердце, сказать, что он имеет

много разумных оснований «верить» в удачу задуманного его партией социально-политического переворота.

Но, в таком случае, какое же значение могла иметь его политическая борьба с правительством? Если тотчас же после падения абсолютизма власть не может попасть в руки

революционеров-заговорщиков, то она не минует рук либеральной буржуазии. В качестве «социалистов-народников» народовольцы не могли не пугаться такого исхода, дорожа участью общинного тыла, который, как мы уже знаем, был им самим дорог не менее, чем «бунтарям». Политическая свобода привлекательна для всякого честного и развитого человека. Но русские революционеры не могли со спокойной совестью бороться за нее, не отказавшись от экономических взглядов народников. Поскольку народовольцы придерживались этих взглядов, постольку они не успели еще согласить в своем уме интересов народной массы с интересами политической свободы и продолжали противопоставлять социализм всякой другой политике, кроме политики заговора с целью непосредственного экономического переворота.

Чтобы всесторонне уяснить себе политические задачи социализма, русские революционеры должны были начинать с критики основных положений социалистического народничества. Но где же они могли найти мерило для подобной критики? Не трудно видеть, что его можно было найти только на родине социализма, т. е. на Западе.

В доброе старое время «бунтарства» и отрицания «политики», мы из всех революционных течений Запада сочувствовали по преимуществу анархическому течению. Анархизм казался нам последним словом западноевропейского социализма. Между тем, рядом с анархическими *кружками,* на западе существовали *целые партии,* состоявшие почти исключительно из рабочих, твердо державшиеся социалистической программы и в то же время далеко не равнодушные к «политике». В разных странах и в разные годы эти партии носили разные названия, но в действительности все они в большей или меньшей степени проникнуты были *«социал-демократическим духом»*.

Руководители социальной демократии никогда не разделяли предрассудка относительно несогласимости политики с социализмом. «Надо быть очень ограниченным, — пишет Лассаль в своем знаменитом «Гласном ответе Центральному Комитету, учрежденному для созвания общего германского рабочего конгресса в Лейпциге» — надо быть очень ограниченным, чтобы находить, что работника не должно интересовать политическое движение и развитие!»

Наоборот, только от *политической свободы* может он ожидать удовлетворения своих законных интересов. Уже самый вопрос о вашем праве собираться обсуждать ваши интересы, составлять для осуществления их общества и пр. — есть вопрос, зависящий от политического положения и политического законодательства страны, и потому не стоит больше тратить слова на опровержение столь ограниченного воззрения. Противником «политики» в период лассалевской агитации явился консервативный социалист Родбертус, который советовал рабочим остаться на почве чисто экономических требований. Лассаль решился лучше потерять в лице Родбертуса союзника, которым очень дорожил, чем последовать его политическим или, лучше сказать, антиполитическим указаниям. В этом случае основатель «Общегерманского Рабочего Союза» остался вполне верен лучшим преданиям немецкого социализма. Еще задолго до начала лассалевской агитации, накануне революционных движений 1848 года, Маркс и Энгельс едко смеялись в своем «Коммунистическом Манифесте» над истинными (по нашей терминологии следовало бы сказать *чистыми)* социалистами, которые уверяли народную массу, что в борьбе за политическую свободу она ничего не может выиграть, но скорее рискует все потерять. Авторы «Манифеста» без церемонии называли таких «чистых» социалистов реакционерами.

Это было резко, но совершенно справедливо.

Противополагать социализм политике просто нелепо. Социализм это — та же политика, но только политика рабочего класса, стремящегося к своему экономическому освобождению. Политика рабочего класса немедленно становится социализмом, когда рабочий класс сознательно задается такою целью и сообразно с нею организуется в особую партию. Поэтому понимающий человек может и должен противополагать не социализм политике и не политику социализму, а политику рабочего класса — политике буржуазии, политику эксплуатируемых — политике эксплуататоров. *Такое* противоположение имеет глубокий смысл, так как оно основывается на борьбе интересов в современном обществе. Но и создается не отрицательное отношение к политике, а наоборот, стремление принять в политической жизни деятельное и сознательное участие. Экономическое освобождение рабочего класса может быть достигнуто путем политической борьбы и только путем политической борьбы. Так называемая чисто экономическая борьба рабочих с предпринимателями велась и ведется с тех самых пор, как существуют рабочие и предприниматели. Пока рабочий класс занимается чисто экономической борьбой, он еще не думает о коренном изменений своего положения. Он заботится тогда

о том, чтобы несколько улучшить его в пределах существующего экономиче-ского строя. Так, он борется, например, за повышение платы, даже не помыш-ляя о возможности устранения таких экономических порядков, благодаря ко-торым сила продается, как товар, на рынке. При таком положении дел почти всегда бывает, что, борясь с отдельными представителями буржуазного класса, т. е. со своими предпринимателями, рабочие в то же время поддерживают буржуазию, как целый *класс,* идя в хвосте буржуазных политических партий. Этим затрудняется достижение даже тех скромных и безобидных экономических

целей, которые преследуются тогда рабочими. Имея в своих руках всю политическую власть и не встречая в пользовании ею никакого противодействия со стороны рабочих, буржуазия всегда имеет полную возможность свести, как говорится, на нет все успехи рабочих в области экономической борьбы. Но как только борьба рабочих против предпринимателей, обобщаясь и расширяясь, принимает более серьезный, глубокий и решительный характер, она переносится с узкой арены фабрик и мастерских на несравненно более широкую арену государственной жизни. Рабочие перестают поддерживать буржуазию в политике и сплачиваются в особую политическую партию. Тогда борьба их принимает классовый характер: «всякая классовая борьба есть борьба политическая». Сплотившись в особую политическую партию, рабочие говорят с буржуазией уже совсем другим языком и борются с ней гораздо более грозным оружием. Тогда в чисто экономической области буржуазия делается более уступчивой. И это понятно. Там, где интересы общественных классов до такой степени противоположны и враждебны, как враждебны и противоположны интересы рабочих и предпринимателей, уступки могут быть вынуждены только *силой,* политическая же борьба представляет собою наиболее производительную затрату сил всякого данного класса, не исключая и класса рабочих. Но вырванные у буржуазии экономические уступки, это — только побочный результат политической борьбы рабочего класса. Самым главным и незаменимым результатом этой борьбы является его политическое воспитание. На арене политической жизни рабочий класс быстро растет и умственно и нравственно, его мужество крепнет, его сознание проясняется, и он зреет для полной победы над буржуазией. Вообще не нужно обманываться на счет цели участия рабочих в политической жизни современных обществ. Как только пролетариат выступает на путь политической борьбы за свои интересы, он, подобно всем другим классам, начинает стремиться к

полному политическому господству. Неотвратимый ход экономического развития забо-

тится о том, чтобы обеспечить ему победу. «Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же именно ею создается». Правда, рабочий класс воспользуется своим господством для того, чтобы положить конец разделению общества на классы, а следовательно, и своему собственному классовому господству.

Эта цель навязывается ему сентиментальными соображениями о безнравственности господства одного класса над другим. Подобные соображения легко забываются там, где против них говорит экономическая выгода. Но в данном случае в пользу указанной цели политического господства пролетариата возвышает свой повелительный голос сама экономическая необходимость. Без уничтожения классов немыслимо экономическое освобождение пролетариата. Но это уже более отдаленная цель, к которой пролетариат не может придти без политического господства. Следовательно, политическое господство должно быть непосредственною целью его политической борьбы с буржуазией. Эта ближайшая цель также не может быть достигнута одним смелым скачком, одним удачным политическим действием. Ее достижение предполагает более или менее продолжительный процесс развития рабочего класса. Но важно то, что социал-демократы приурочивают к ней все другие части своей программы и что в сравнении с нею все они являются второстепенными и подчиненными.

Так смотрит на политическую борьбу социальная демократия. Вечная, неустанная, беспощадная борьба с буржуазией — вот краткая формула ее «политики». В этой борьбе речь идет не о существовании рабочей партии рядом с партиями буржуазными, а о полном устранении того порядка, при котором существуют буржуазия и пролетариат. Эта

борьба есть борьба *политическая:* сначала борьба за политические *права,* как за необходимое условие дальнейшего развития рабочего класса; потом борьба за политическое господство, как за необходимое условие его экономического освобождения. Конечно, в различных странах, сообразно с их культурно-историческими особенностями, программа социальной демократии получает различные видоизменения. Но общий характер ее остается неизменным. Социал-демократы убеждены, что естественная логика вещей, естественное развитие современных отношений должны привести к политическому и экономическому поражению буржуазии. Поэтому они поддерживают всякое поступательное движение, обнаруживаю-щееся в среде современных обществ, как движение, ускоряющее неизбежную развязку. Правда, в тех странах, где буржуаз-

ный строй достиг уже полного своего развития, прогрессивные движения могут иметь место только среди рабочего класса. Буржуазия играет там исключительно консервативную, если не реакционную роль: Но не то мы видим в отсталых странах, где буржуазные порядки еще не сделались господствующими. Там сама буржуазия играет революционную роль по отношению к старым, отжившим общественным порядкам. Такова, например, была Германия до 1848 г. Немецкая буржуазия боролась против абсолютизма и обращалась к рабочему классу за помощью и поддержкой. «Истинные» или «чистые» социалисты говорили, что рабочим не следует принимать участие в этой борьбе, потому что исход ее важен для одной буржуазии. Социал-демократы, или, по-тогдашнему, коммунисты, советовали рабочим поддерживать буржуазию в ее борьбе против абсолютной монархии, но в то же время «ни на минуту не переставали вырабатывать в их умах возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата». Они хотели, чтобы «общественные и

политические условия, которые принесет с собой господство буржуазии, могли послужить немецким рабочим оружием против той же буржуазии, чтобы борьба против нее началась тотчас же после падения реакционных классов в Германии». После контрреволюции 1848—1849 гг. коммунистам и революционным слоят буржуазии пришлось снова бороться с правительством посредством тайных обществ. Тогда возник вопрос о созыве всех революционных элементов в одну антиправительственную партию. Это была проповедь политики, «чистой» от всякого классового антагонизма. Коммунисты отвечали на эту проповедь простым и ясным образом: мы готовы поддерживать вас в борьбе против реакции, говорили они, потому что такая борьба лежит в интересах пролетариата. Но мы ни за что не сольемся с вами в одну политическую партию, потому что такое слияние было бы равносильно отказу пролетариата от всякой самостоятельной роли и низведению его на степень послушного хора, служащего простым отголоском требований демократической буржуазии. Напротив, мы употребим все усилия для того, чтобы создать самостоятельную организацию рабочих, которая могла бы обсуждать интересы своего класса независимо от всяких буржуазных влияний. На случай нашей совместной борьбы против общего врага мы не имеем надобности в полном предварительном соединении. «Оно произойдет на деле, если только радикальная буржуазия не убоится опасности. Что же касается до нас, то мы не замедлим занять в столкновениях с правительством надлежащее нам первое место». От подобной тактики по отношению к буржуазным партиям не-

мецкие социал-демократы не отказались вплоть до настоящего времени, и быстрый рост политического сознания немецкого пролетариата убедительнее длинных рассуждений доказывает ее целесообразность.

Итак, социальная демократия успела слить социализм с

«политикой» в одно стройное гармоничное целое. Если бы русские революционеры стали на ее точку зрения, они сразу покончили бы с тою путаницей экономических и политических понятий, которые нередко обращали в ничто их самоотверженные усилия. Они могут это сделать, не опасаясь последствий, потому что учение социальной демократии по своей выработанности и последовательности оставляет бесконечно далеко позади себя противоречивые теории анархистов и народников. Даже враги называют это учение *научным социализмом,* и при некотором знакомстве с делом, очевидно, что только оно, только учение социальной демократии и может иметь основательную претензию на такое название. С точки зрения социальной демократии экономическая задача русских социалистов представляется совершенно в новом свете.

Последователи научного социализма борются во имя ближайших задач и интересов рабочего класса, но в то же время они отстаивают и будущность движения.

Имея в виду будущность русского рабочего движения, наши социалисты не станут уже, подобно социалистам-народникам, восставать против развития у нас капитализма, потому что капитализм ежедневно и ежечасно увеличивает численность пролетариата и создает те производительные силы (фабрики, заводы, пути сообщения и пр.), те материальные условия, без которых освобождение рабочего класса навсегда осталось бы мечтою.

Точно также в интересах будущности рабочего движения русские социалисты, усвоившие точку зрения социальной демократии, не смогут, подобно анархистам, относиться к государству с голым отрицанием. Конечно, современная государственная власть по существу своему враждебна интересам рабочих. Но, *взявши государственную власть в свои руки,* революционный пролетариат сумеет сделать ее самым действительным оружием своего экономического освобождения. Говоря вообще, социал-демократы не придают

значения захвату власти горстью заговорщиков, хотя бы заговорщики были одушевлены самыми лучшими намерениями по отношению к рабочим, но они считают политическое

господство рабочего класса необходимым прологом экономической революции. Главнейшая политическая задача их заключается, как мы видели, в том, чтобы, по возможности, приблизить время этого господства. Поэтому русские социал-демократы не станут толковать о так называемом чистом социализме, т. е. о социализме, чистом от всякой политики. Политическая свобода необходима для роста и развития их партии. Весь социализм есть в их глазах не что иное, как *политическая* борьба рабочего класса за свое *экономическое* освобождение. «Чистый» социализм кажется им реакционной утопией. Но их нельзя сбить с толку и мнимыми выгодами «чистой» политики. Для них «чистая» политика есть или простая дополнительная ошибка к «чистому» социализму, нелепая крайность, вызванная другою, не менее нелепою крайностью, или софизм, с помощью которого либеральное лицемерие старается отвлечь внимание рабочих от жгучих экономических вопросов. Русские социал-демократы сумеют понять интересы политической свободы, не закрывая глаз на экономические интересы пролетариата.

Самая первая, самая настоящая, в то же время самая очевидная и самая бесспорная из всех ближайших задач русских социалистов, заключается в поддержании своего *существования, как особой, социалистической партии, рядом с другими, либеральными партиями,* образующимися или имеющими образоваться для борьбы с абсолютизмом. Слиться с такими партиями для русских социалистов значило бы совершить политическое самоубийство, потому что, в случае слияния, не либералы примут их программу, а им придется принять программу либералов, т. е. на долгое время оставить

даже всякие попытки о социализме. Но, с другой стороны, поддержать свое существование, как особой партии, русские социалисты могут только при одном необходимом условии: именно при условии возбуждения сознательно политического движения в среде рабочего класса. Вне этого класса социалистическое движение немыслимо. Движение, ограниченное тесными пределами интеллигенции, ни в каком случае не может быть названо социалистическим. Оно способно служить только преддверием и предвестием настоящего социалистического движения, т. е. *движения рабочих.* Забывши эту простую истину, наша революционная интеллигенция, какими бы кличками она ни тешила свое самолюбие, на деле тотчас же перестала бы быть социалистической и превратилась бы в левое крыло либеральной буржуазии. Ни подобное превращение было бы выгодно только для дела русского самодержавия. Для завоевания политической свободы недостаточно сил высших классов. Рано или поздно за нее придется проливать свою кровь

95

русским рабочим. Весь вопрос сводится в этом случае к тому, будут ли рабочие бороться против абсолютизма в качества слепых орудий либералов, или их борьбе суждено сделаться первым политическим шагом самостоятельной рабочей партии в России.

От нашей социалистической интеллигенции в значительной степени зависит будущее решение этого вопроса.

96

Политическое социально-революционное обозрение.

«Свободная Россия», № 1, февраль 1889 г. Редакторы: Вл. Бурцев и Вл. Дебогорий-Мокриевич.

Г. Вл. Дебогорий-Мокриевич был когда-то одним из самых энергичных и самых видных бакунистов в России. Его имя достаточно известно в нашей революционной среде. Но

нельзя того же сказать о г. Бурцеве. Он известен гораздо менее. По-видимому, именно поэтому он и решил в особой статье, озаглавленной «Из моих воспоминаний» (с эпиграфом: «Иных уж нет — а те далече»), познакомить читающую публику как со своею предыдущею деятельностью, так и с теми взглядами, которые он имел прежде, чем остановился на программе «Свободной России». Правда, при чтении этой статьи кажется иногда, что она написана не столько ad narrandum, сколько ad probandum, для оправдания нынешней точки зрения автора. Верно также и то, что она составлена как-то второпях и недостаточно обдумана, так что в ней, несмотря на очевидную словоохотливость автора, есть много неясностей, недомолвок и противоречий. Тем не менее, она так интересна и поучительна, что всякому, желающему составить себе понятие о «Свободной России», мы советуем начать со статьи «Из моих воспоминаний». В ней очень хорошо изложен процесс пережитых г. Бурцевым превращений. В своем разборе мы также начнем с этой статьи.

Однажды осенью 1883 года к г. Бурцеву, бывшему студенту петербургского университета, пришел его старый приятель и предложил ему вступить во вновь образующийся революционный кружок. Тот охотно принял приятельское предложение. Кружок, в который он вступил, состоял из 17 человек — «наполовину студенчество, учителя и т. п.», и принял название «рабочего кружка». Это было, конечно, с его стороны некоторою поэтической вольностью, но она объясняется тем, что кружок поставил главной своей целью пропаганду среди рабочих. Несколько более странно то обстоятельство, что в то время мог быть кружок, придававший такое большое значение названной пропаганде. Из воспомн-

наний г. Бурцева мы узнаем, что он стоял в то время — как, разумеется, и все его товарищи — на точке зрения «революционного народничества». Известно, что и мирные и

«революционные» народники исходили из тех своеобразных теоретических положений, в силу которых крестьянство, с его общинным бытом, считалось единственной основой социального прогресса в России. Разложение общинного быта и связанное с ним развитие капитализма казалось с этой точки зрения огромным несчастием для всей страны, которое должно быть предупреждено «революцией». Люди, державшиеся таких взгля-дов и умевшие делать правильные выводы из своих посылок, смотрели на русский рабочий класс, как на печальный плод несчастного хода нашего общественного развития и, уж конечно, не могли отводить ему главного места в своей философии русской истории. Если они и брались по временам за пропаганду среди рабочих, то делали это, спустя рукава, мимоходом, без увлечения, в надежде воспользоваться силами своих рабочих последователей для целей, разумеется, тоже революционных, но не имеющих прямой связи с задачами рабочего движения в собственном смысле этого слова. Так поступали люди, умевшие делать правильные выводы из своих посылок. Те же, которые не обладали этою способностью, вели себя, как это теперь видно из воспоминаний г. Бурцева, иначе. Они группировались в «рабочие» кружки, были «страстно преданы рабочей пропаганде» и «ни о чем, кроме нее не думали». Г. Бурцев и сам видит, что подобная «преданность» может показаться неестественной, и потому старается объяснить ее целым рядом, весьма, впрочем, неудачных выводов. «Все впечатления, которые мы получали в жизни с разных сторон, говорили об одной рабочей постановке дела (какие же это впечатления? Очевидно, что к числу их не относятся «впечатления», получавшиеся от народнических программ и теорий, а равно и от революционной литературы, которая никогда не выясняла надлежащим образом рабочего вопроса). Все неразрывно связывали в своем уме слова — революционер и рабочий (кто же эти «все»? Известно, что в то время «все», напротив, смотрели на рабочих с

народнической точки зрения, одно понятие без другого стало немыслимо. (Почему же это? и с каких пор?) Само общество предыдущей историей было приурочено к рабочей постановке революционного дела (не могло быть «приурочено» к рабочей постановке», потому что предыдущая «постановка» была народнической), и ему трудно было представить себе революционеров, не затевавших каких-либо попыток рабочих движений (наоборот, очень легко, потому что и прежде попыток «рабочих движений» было очень мало сравни-

тельно с попытками всяких других «движений»). Такой (какой?) общий голос поддерживал уверенность в необходимости этого пути и, очень вероятно (действительно, очень вероятно!), у всех впервые останавливал внимание на рабочем вопросе. — Литература (нел.) говорила только о рабочем. (Вот уж напраслина-то! Она почти никогда этого не делала а в тот период, о котором идет речь, она всеми силами старалась доказать, что рабочих у нас самая малость и потому они не заслуживают большого внимания со стороны революционеров). Как бы там, однако, HÜ было, кружок г. Бурцева взялся за пропаганду. Впрочем, далеко не в полном своем составе. «Пропаганда в нашем кружке только для некоторых была вопросом практическим, — говорит он, — большинства же, признавая ее теоретически, не считало себя пригодным для этого дела и занималось разными другими конспиративными делами». Таким образом, оказывается, что большинство думало не об одной только рабочей пропаганде. К числу «разных других конспиративных дел», которыми занималось непригодное для рабочей пропаганды большинство «рабочего» кружка, принадлежало издание книг и брошюр революционного содержания. По словам г. Бурцева, кружок его уже вскоре после своего возникновения «присоединился» к издательской деятельности. Если судить по названиям книг и брошюр, то можно было бы подумать, что издатели понимали задачи и нужды нашей

социалистической литературы. Они выпустили в свет (в гектографированном и литографированном виде) такие сочинения, как «Манифест Коммунистической Партии» Маркса и Энгельса, «Развитие научного социализма» Энгельса, «Программу работников» Лассаля, его же «Капитал и труд» и т. п. Конечно, в таких сочинениях не было и следа народничества. Издательская деятельность кружка так же мало соответствовала его народническим взглядам, как и пропаганда среди рабочих. Но это было зло не столь большой руки. Ознакомясь с учениями современного научного социализма, издатели по необходимости должны были бы отказаться от народнических предрассудков. Таким путем сгладилось бы противоречие между их взглядами и их деятельностью. Но, к сожалению, товарищи г. Бурцева и книжное дело, также как и рабочую пропаганду, признавали больше «теоретически», т. е., издавая книги, не сочли нужным ознакомиться с их содержанием. Наш автор прямо говорит, что они не читали их. И он, по-видимому, совершенно оправдывает своих товарищей. Ему кажется, что изданные ими сочинения следует отнести к категории: «не знай для кого», «не знай для чего». Кому же охота читать подобные сочинения? Произведения Маркса, Энгельса и Лассаля могут

читать с толком и с пользой для себя лишь такие люди, которые знают «для кого» и «для чего» пишутся эти произведения. Для людей, не знающих этого, они совершенно бесполезны. Это понятно само собою. Но, с другой стороны, понятно также и то, что господа, не знавшие, для кого и для чего существуют сочинения, подобные «Развитию научного социализма» Энгельса или «Манифесту Коммунистической Партии», ни в каком случае не могли быть хорошими пропагандистами. Читателю уже известно, что в «рабочем» кружке г. Бурцева большинство не считало себя «пригодным» для пропаганды. Теперь он согласится, вероятно, что за этим

большинством была хоть та заслуга, что оно познало себя. За меньшинством кружка не было и такой заслуги, потому что оно, как видно, считало себя «пригодным» для просвещения рабочих. Факты показывают, что оно жестоко ошибалось в этом случае. Вот, например, одно из интереснейших признаний г. Бурцева. «Один из рабочих, бывший особенно ценным человеком (наборщик тайной типографии), присылает из тюрьмы слезное письмо: — сколько времени я был знаком с вами, господа, а вы мне не объяснили целей партии; мне было очень совестно, когда я не мог, как следует, ответить прокурору». Нельзя не пожалеть честного работника, имевшего несчастье столкнуться с неумелыми просветителями. Но в то же время нельзя не видеть, что он требовал от господ членов «рабочего» кружка вещи, совершенно для них невозможной. Что сказали бы они ему о целях партии? Если бы даже они и понимали их, то и тогда они могли бы лишь вносить страшную путаницу в головы своих рабочих слушателей. Как народники, наши «рабочие» господа постарались бы доказать настоящим рабочим, что появление в России рабочего класса представляет собою истинное злодейство со стороны старухи-истории и не только не облегчает, но прямо затрудняет достижения «целей партии». Самый немудрящий прокурор без малейшего труда мог бы сбить с позиции рабочих, напоенных подобной премудростью. Других же взглядов на рабочий вопрос у наших пропагандистов не могло быть, благодаря их исключительно «теоретическому» отношению к современной социалистической литературе.

Когда человек не ведает, что творит, то, как бы ни был он «страстно предан» взятой на себя работе, он всегда очень недалек от разочарования. Две-три неудачи, причиненные не сущностью дела, а неудачным способом ведения его или просто естественные и неизбежные всюду, где приходится иметь дело с людьми, а следовательно, и с их слабостями, способны привести его к таким неожиданными

умозаключениям, самой возможности которых не подозревают люди, ясно понимающие

свою задачу. Разочарование является так же внезапно, как и «страстная преданность», а тогда

> Как же становится зол
> Крылья свои опаливший орел!

Кружок г. Бурцева не замедлил разочароваться. Мы чуть было не написали поспешил разочароваться, и, право, такая описка едва ли не соответствовала бы действительному ходу дела. Разочарование приближалось к кружку такими огромными, семимильными шагами, что невольно спрашиваешь себя, да неужели же эти господа в самом деле были когда-нибудь «страстно преданы рабочей пропаганде»? В конце 1883 г. «некоторые» члены «рабочего» кружка принялись за пропаганду, причем о ней только и «думали». Но уже зимою 1883—1884 гг. пропагандисты убедились в бесплодности своего дела и стали склоняться к фабричному и аграрному «террору». Следующею осенью, хотя кое-кто и поговаривал еще о рабочей пропаганде, но, как уверяет г. Бурцев, — большинству она *«была нужна для того, чтобы иметь сочувствующих революционерам рабочих на другой день победы* (курсив г. Бурцева); для *более крайних радикалов — рабочие необходимы были для политической революции — не более»* (курсив опять принадлежит г. Бурцеву). Автор хочет сказать этим, что «рабочий вопрос» отошел тогда на задний план, и этому не трудно поверить. В подтверждение можно сослаться на те воспоминания, которые нахлынули на г. Бурцева и его товарищей после их ареста. «На типографии мы употребляем большие, лучшие силы, — говорили они друг другу в 1884 году, — они заняли все наше время, и другие дела были заброшены». К этим «другим делам», очевидно, следует отнести и «рабочую пропаганду». Но если это так, то на чем же было основано разочарование наших пропагандистов? Конечно, уж не на

опыте, потому что для всякого опыта нужно время, а его-то и было очень мало в их распоряжении. Пропагандисты разочаровывались на скорую руку, на авось, не отличая достаточной причины разочарования от вымышленной. Хотя у нашего автора, по его словам, и «полные руки фактов», но, к сожалению, он ограничивается сообщением случаев, подобных следующим, которыми и исчерпывается вся его аргументация. «Другой выдающийся рабочий выгоняется с фабрики с аттестатом бунтовщика... и он тщетно ищет себе работы. Пропаганда на его квартире продолжалась некоторое время, но скоро комнату нечем было топить, голодают жена и дети — и мало-помалу из уст рабочего слышатся фразы: «из-за Вас», «это — Вы» и пр. Начинаются сборы «для рабочего, лишившегося работы», но собранных денег хватает не надолго. Раз, два ока-

зывается помощь, потом она прекращается, и сношения с рабочим прерываются. Самый близкий к рабочему человек — революционер, его бывший пропагандист (sic!) категорически заявляет: «не могу, не пойду». — Бывали случаи ареста рабочих по революционному делу, — без средств остается мать старуха, семья голодает. Причина несчастья очевидна. «Смутьяны» — на лицо. Я не буду передавать, что пришлось испытать нашему пропагандисту, который понес в одну из таких семей несколько грошей (Почему же нет, г. Бурцев?)... Помню, приходилось в таких случаях иметь неприятные столкновения с целыми артелями».

В настоящее время г. Бурцев, махнувши рукой на «рабочий вопрос», увлекается «либералами». Но он так впечатлителен, что и на новом пути его ожидает не мало огорчений. Есть ли что-нибудь невероятное вот хоть в таком предположении? Занимающий теплое местечко «либерал» подвергается полицейским преследованиям за сношения с «нигилистами». Он лишается места, впадает в бедность, ему нечем топить, его семья голодает». Тогда мало-помалу из уст либерала

«нигилисты» слышат фразы: «из-за Вас», «это Вы» и т. п., а мать этого бедствующего либерала так даже и прямо гонит вон «смутьянов» и грозится донести на них полиции. Все это вполне возможно, мы сами знаем несколько таких случаев; но позволительно ли, основываясь на них, утверждать, что пропаганда между либералами бесплодна? Конечно, нет. А если нет, то подобные «факты» ничего не говорят и против пропаганды между рабочими. Что касается пропагандистов, «раз, два» оказавших помощь прогнанному с фабрики «бунтовщику»-рабочему, а затем прервавших «сношения» с ним, то их пример доказывает только, что они не научились относиться к рабочим, как следует. Представьте себе, что кто-нибудь из не рабочих членов «рабочего кружка» попал бы в бедственное положение. Ему, наверное, помогли бы не «раз» и не «два», ему дали бы не «несколько грошей», с ним поделились бы последним, а потому с ним и не пришлось бы «прерывать сношений», и это было бы тем лучше, что, вообще, очень непохвально, даже на основании самых нежных побуждений («не могу, не пойду»!), прерывать сношения с человеком, находящимся в беде. Впрочем, «рабочему кружку» г. Бурцева деньги нужны были на другие «конспиративные дела» и, между прочим, ни издание книг, содержание которых осталось ему неизвестным.

Разочаровавшись в рабочих, гг. пропагандисты стали понемногу да помаленьку очаровываться либералами. Этому в особенности помогли их летние путешествия в провинцию. «Мне пришлось побывать в некоторых провинциальных городах, — рассказывает г. Бурцев, — там я столк-

нулся с местными либералами, земцами, провинциальными литераторами и проч... В беседах, в деловых сношениях и т. д. я узнал массу новых понятий, у меня появилась новая мерка событий». Но еще более важное значение в истории умственного развития г. Бурцева имели либеральные органы нашей печати. «Я внимательно проштудировал «Земство»,

«Страну», «Порядок», «Московский Телеграф», — повествует он, — здесь я пооткрывал для себя (именно для себя!) настоящие Америки». Новооткрытые Америки познакомили автора с «земским движением» 1879—1881 гг. Оказывается, что «ничего об этом я не слышал ни разу в революционных кружках, или — что еще хуже — то, что доходило до нас, было извращено до неузнаваемости». Можно подумать, что революционные кружки запрещали своим членам читать либеральные газеты или изготовляли для них особые, поддельные издания этих газет, подобно тому, как полиция изготовляла, говорят, для Александра II поддельные №№ «Колокола». Но что же это за напраслина на революционные кружки? Неужели они виноваты в том, что г. Бурцев не давал себе труда заглянуть в газеты, которые в Петербурге достать было, наверное, легче, чем в провинции? Но если г. Бурцев не читал даже либеральных газет вплоть до того времени, когда его осенила либеральная благодать, то какого чтения он придерживался? Ведь к социалистической литературе «издатели» также имели более «теоретическое» отношение? Неужели все свои политические теории он и ere товарищи строили просто, что называется, «из головы»? Удивляйтесь теперь тому, что просвещенные ими рабочие не могли объяснить «Целей партии»!

Разработка открытых в либеральных Америках теоретических Калифорний предпринята была г. Бурцевым не сразу. Некоторое время «прежняя программа и новый уклад моей мысли продолжали уживаться вместе, при чем формально я по-прежнему был аграрником (очень мил этот «аграрник», «страстно преданный» «рабочему вопросу»!), но нередко и тогда уже ловил себя в либеральных ересях». В 1885 году г. Бурцев был арестован и воспользовался выпавшим на его долю невольным досугом для проверки своих взглядов. Новооткрытые Америки привлекали его своим широким либеральным раздольем. «Эволюция» нашего автора все более и более направлялась в сторону либерализма. В

начале 1889 года он является уже в Женеве редактором «Свободной России». Не трудно догадаться теперь, какова программа редактируемого им органа. Она, конечно, не может грешить излишней симпатией к «рабочей постановке революционного дела»: разочарованному чужды все оболыценья прежних дней! Но, тем не менее, все-таки позволительно

спросить себя, что было бы, если бы г. Бурцев так же внимательно «проштудировал» сочинения Маркса, Энгельса и Лассаля, как «штудировал» оп либеральные газеты?

Мы уверены, что эволюция г. Бурцева приняла бы другое направление. Теперь, однако, не в том дело. Посмотрим, к каким результатам пришел он в настоящее время.

«Политическая свобода — вот в двух словах программа нашего органа. Под политической свободой мы понимаем — личные права и самоуправле-ние», — читаем мы в передовой статье, которую г. Бурцев называет своею. Затем следует перечисление требуемых автором личных прав и определение самоуправления. Все это очень хорошо вообще и в особенности хорошо потому, что ни мало не противоречит духу открытых им «Америк». Может, конечно, показаться странным, что, перечисляя всевозможные права, до «права судебного иска против чиновников» включительно, автор ни единым словом не упомянул о всеобщем избирательном праве. Но и это обстоятельство объясняется, вероятно, влия-нием все тех же «Америк». Известно, что наши либеральные «capacités» не имеют большой симпатии к названному праву. Наши либералы вообще вряд ли отличаются демократическим образом мыслей. И это нужно помнить революционерам. Либерализм сам по себе может быть прямо враждебен народу: ведь и Тьер был либералом. Но кто же скажет, что такие люди, как либеральный Тьер, расстрелявший десятки тысяч рабочих, и демократ Иоганн Якоби, искренний защитник интересов рабочего класса,

могли бы идти вместе, если бы были детьми одной страны? Они всегда были бы врагами. Еще страннее то, что г. Бурцев называет себя «убежденным социалистом». В этом случае в нем сказывается, конечно, прежний «уклад» его мысли. Но так как этот уклад в действительности ничего не имел общего с социализмом, то влияние его сказывается весьма своеобразно. «Убежденный социалист» старается убедить читающую публику в том, что социализма в настоящее время совсем не нужно. Доводы его, как и следовало ожидать, не лишены значительной доли оригинальности. «Как убежденные социалисты, мы думаем, что, в конце концов, все экономические отношения будут построены в духе социалистических идеалов», — уверяет он читателей. Это очень приятно слышать; жаль только, что убеждение нашего автора высказано в такой, слишком уже неопределенной форме. «Будут построены в духе социалистических идеалов»... Но кем же «будут построены»? Уж, конечно, не либералами, периодические издания которых причинили неожиданное просияние ума г. Бурцева. Либералы потому и — либералы, что «социа-

листических идеалов» у них не имеется. За неимением же у них таких идеалов, «убежденным социалистам» следовало бы самим поработать на пользу переустройства экономических отношений в духе, указанной г. Бурцевым. Он прекрасно сознает, по-видимому, что именно так следовало бы поступать «убежденным социалистам», но его смущает современное положение дел в России. Он думает, что «теперь в России нет и не может быть никаких иных задач, кроме чисто политических». Но почему же нет? И почему не может быть? Ведь наши «экономические отношения» пока еще очень далеки от «со-циалистических идеалов». Г. Бурцев говорит, что нелепо обращаться с экономическими требованиями к правительству Александра III. Это справедливо. Обращаться к нему с такими требованиями может только г. Тихомиров. Но

кто же говорит об Александре III? Не только у нас в России, но везде и всюду, следовательно, даже там, где уже имеются «органы самоуправления», социалисты обращаются со своими требованиями не к правительству, а к рабочему классу, которому они стараются объяснить «цели партии». Конечно, для осуществления этих целей, социалисты должны иметь не только политические права, но еще и нечто гораздо большее: именно политическую власть, без которой они всегда были бы только оппозиционной, а не господствующей партией. Для переустройства общественных отношений «в духе социалистических идеалов» необходимо господство социалистов. В этом смысле можно и должно говорить, что перед социалистами стоят, прежде всего, политические задачи. Но из этого вовсе не следует, чтобы перед «убежденными» социалистами стояли только, или «чисто» политические задачи. Всякая политическая партия всегда старается защитить социальные интересы и осуществить социальные стремления того класса или слоя, который она представляет. Есть политические партии, которые представляют и защищают интересы буржуа-зии. Их называют, поэтому, буржуазными политическими партиями. Есть другие политические партии, или, лучше сказать, есть одна всемирная политическая партия, которая защищает интересы рабочего класса. Эта партия на-зывается социалистической. Политика всегда вырастала и всегда будет вырастать из социальных отношений. Она всегда имела и всегда будет иметь под собой известную социальную основу. О «чистой» политике, т. е. о поли-тике, лишенной всякой социальной основы, могут говорить только очень на-ивные люди, ничего не «штудировавшие» на своем веку, кроме «Страны», «Порядка» и т. п. К величайшему нашему сожалению, мы вынуждены думать, что к таким людям принадлежит и г. Бурцев. Но, может быть, мы ошибаемся — а мы, при-

знаться, очень хотели бы ошибиться — может быть, г. Бурцев не принадлежит к таким людям и понимает, что политическая программа любой партии всегда выражает известную сторону существующих социальных отношений и стремлений? В таком случае нам остается только одно предположение: вероятно г. Бурцев считает социальные отношения современной России до такой степени гармоничными, что, по его мнению, все они с удобством могут выразиться в либеральной программе, которую он и называет чисто политической. Так думают многие настоящие либералы. Но могут ли думать так либералы из «убежденных социалистов»?

Беседуя с настоящими либералами, мы не редко слыхали от них, что финансовых затруднений русского правительства может быть достаточно для того, чтобы заставить его пойти на уступки. Вероятно и г. Бурцев не станет отрицать, что финансовый вопрос сыграет свою роль в деле обуздания русского самодержавия. Мы желали бы знать, полагает ли он, что финансовые вопросы относятся к области «чистой» политики? Нам всегда казалось, что эти вопросы следовало бы отнести к области «чистой» экономии, если бы только существовала экономия, чистая от связи с политикой. Думает ли г. Бурцев, что для трудящихся классов России будет решительно все равно, кто ни возьмется со временем за решение этих экономических вопросов: гг. банкиры и предприниматели, или, напротив, представители интересов крестьян и рабочих? Многие настоящие либералы, в особенности из господ банкиров и предпринимателей, ответили бы на этот вопрос утвердительно. Но могут ли ответить на него утвердительно гг. либералы из «убежденных социалистов»?

Можно с уверенностью сказать, что наши высшие классы до тех пор не выступят решительно против самодержавия, пока действительность не покажет им много и много раз, что самодержавие вредит их экономическим интересам. Когда

они убедятся в этом, они станут склонны к либерализму и к разговорам о «чистой» политике, которая будет для них предпочтительнее всякой другой уже по одному тому, что она обходит жгучие экономические вопросы и даже скрывает от низших классов самое существование таких вопросов. Склонность к «чистой» политике вполне понятна в либералах из эксплуататоров. Но она удивляет в либералах из «убежденных социалистов».

Г. Бурцеву хочется, чтобы «перед нами» были органы самоуправления. Против этого желания ничего возразить невозможно. Но повторяем, для низших классов нашего населения далеко не безразлично, как

и кем будут выбираться депутаты в органы государственного и местного самоуправления. Если в них попадут только представители эксплуататоров, то подобное «самоуправление» окажется очень похожим на буржуазное самоуправство. Между настоящими либералами, наверно, есть такие люди, которым хотелось бы убедить публику в том, что именно избиратели, принадлежащие к высшим классам, и пошлют в упомянутые органы истинных защитников народных интересов. Но могут ли согласиться с ними либералы из «убежденных социалистов»? Таким образом, выходит, что даже по «чисто политическим» вопросам неизбежно разногласие между противниками самодержавия. Нам кажется, что г. Бурцев упустил из виду это обстоятельство.

Впрочем, справедливость заставляет нас признать, что другой редактор «Свободной Росси», г. Дебогорий-Мокриевич, как видно, уже перерос наивные фантазии на тему о «чистой политике». Говоря о передовой статье 11—12 № «Народной Воли», он делает по ее поводу следующее справедливое замечание. «Народнические соображения на ту тему, что в России все классы слабы, кроме крестьян и рабочих, и что поэтому у нас не может быть, да на самом деле

и нет партии, которая воспользовалась бы переворотом для своих эгоистических целей», — привели автора к противоречивому заключению, что ближайшее будущее в России принадлежит народу, который, конечно, сделавшись «самодержавным», уничтожит «эксплуатацию труда». Ясно, что г. Дебогорий-Мокриевич чужд подобных предрассудков и далек от столь «противоречивых» выводов. Иначе сказать, ясно, что, по мнению г. Дебогория-Мокриевича, ближайшее будущее вовсе не принадлежит у нас народу и что у нас в России существует «партия», которая может воспользоваться политической свободой «для своих эгоистических интересов». И это мнение совершенно справедливо. Видно, что г. Мокриевич смотрит на вещи гораздо трезвее, чем г. Бурцев. Это различие, конечно, объясняется тем, что в семидесятых годах «мы — т. е. г. Мокриевичи и его революционные сверстники и товарищи — изучали социалистические теории, знакомились с социалистическим движением на Западе, рассуждали и спорили о применении социализма на русской почве» (см. статью г. Мокриевича «Политическая свобода в революционных программах» в том же № «Св. России») — и наоборот, в восьмидесятых годах, в том кружке, к которому принадлежал г. Бурцев, хотя, вероятно, и рассуждали «о применении социализма на русской почве», но, как мы видели, ровно ничего не изучали, вплоть до той поры, когда г. Бурцев засел за либеральные га-

зеты *). Хотя «мы» и были в семидесятых годах бакунистами, т. е. иначе сказать, изучая «социалистические теории», понимали их навыворот, а многого даже и совсем не понимали, но все-таки «мы» трудились недаром, все-таки «мы» знаем больше, чем люди, потрудившиеся лишь над открытием либеральных «Америк». Ввиду такой трезвости взглядов г. Мокриевича, мы спросим его: если у нас может быть партия, которая воспользуется падением самодержавия «для своих эгоистических целей», то почему бы «убежденным

социалистам» не постараться организовать другую, социалистическую, партию, которая постаралась бы, по мере сил, отстоять интересы народа?

Г. Мокриевич, по-видимому, совсем не верит в возможность существова-ния такой партии в современной России. Но даже и в этом случае как-то странно звучит его восклицание: «пора забыть враждебное деление на нас — социалистов и на буржуа — либералов». Ведь забыть это деление — значит, забыть о той партии, которая может воспользоваться падением самодержавии «для своих эгоистических целей». А забывши об этой партии и об ее эгоизме, мы, как раз, можем очутиться в ее рядах. Приятен ли такой исход гг. «убежденным социалистам»?

Г. Мокриевич совершенно иначе смотрел бы теперь на многие обществен-ные вопросы, если бы при «изучении» социальных теорий и рабочего движе-ния на Западе, он поменьше увлекался бакунинским анархизмом и побольше обратил внимания на учение Маркса...

В том же номере нового органа помещена статья г. Драгоманова: «Земский либерализм в России». С достойным историка беспристрастием и с обычным своим талантом автор показывает в ней, до какой степени плохи наши либералы и до какой степени они мало сделали до сих пор. Мы очень советуем читателям обратить внимание на эту статью. Она одна в состоянии убедить их в том, что наши либералы совсем ненадежные союзники. Г. Драгоманов сам чувствует, что таково должно быть впечатление, производимое его статьей; в то же время он знает, что сделанное им изображение вполне верно действительности. Поэтому он спешит оговориться. Ему нравятся ставшие теперь модными толки о соединении социалистов с «обществом». «Но, с своей стороны, мы опаса-

*) Впрочем, читатель не должен забывать, что мы говорим об этом кружке единственно на основании статьи «Из моих воспоминаний». Известно, что всякого рода воспоминания очень субъективны. Вполне возможно, что многие из тех товарищей г. Бурцева, которых уже «нет» или которые «далече» вспомнили бы о времени, описанном нашим автором совсем иначе, а потому и воспоминания их производили бы

совершенно иное впечатление. В наших глазах воспоминания г. Бурцева имеют непререкаемый авторитет лишь в той мере, в какой они относятся лично к нем).

емся, — говорит он, — как бы и это «хождение» в общество и земство не при-вело к разочарованию, подобному тому, какое последовало за хождением в народ, — опасаемся, что в настоящих наших общественно-земских кругах найдется только сознание необходимости и форм (?) политической свободы, но мало сил, способных на немедленную деятельную борьбу за нее, — так что может оказаться, что нашим активным радикалам и сближаться будет не с кем». Мы, в свою очередь, не только «опасаемся» этого, но совершенно *в* этом уверены и к тому же не думаем, что такому горю можно пособить мерами, указанными г. Драгомановым. «Если это так, — продолжает он, — то нашим младшим поколениям (даже целым поколениям? гм! гм!) радикального направления самим надо будет стать людьми общества и земцами и активными либералами». Другими словами, это значит, что за негодностью современных либералов г. Драгоманов советует завести новых, зачислив по либеральной части нынешних «убежденных социалистов». А что, если, переведясь в либералы, наши «активные радикалы» заразятся общею болезнью своей новой партии и утратят всякую активность? Правда, говорят, что не место красит человека, а человек место. Но, с другой стороны, не подлежит также сомнению, что активность той или другой партии много зависит от места, занимаемого ею по отношению к другим общественным и политическим силам страны. Место же, занимаемое нашими либералами по отношению к народу, с одной стороны, и к правительству — с другой, по-видимому, вовсе неблагоприятно для развития в них мужества и энергии.

Статья Е. А. Серебрякова... Мы спросим только, каким образом могла она попасть в «Свободную Россию»? Ей там не место.

Минуя другие статьи, обратим внимание читателя на

корреспонденцию из Череповца, рассказывающую о закрытии череповецкого земства. Это очень поучительная история. Но мы думаем, что социалистам («убежденным» и всяким другим) в ней может показаться странным одно: череповецкая управа не раз настойчиво напоминала губернатору о том, что земская касса пуста, «вследствие бездействия чинов полиции». Какого именно действия требовала управа от полиции? Известно, что когда полицейские «чины» начинают у нас действовать при взыскании податей, то многое множество крестьян подвергается телесному наказанию. Названные «чины» уверяют, что иначе и поступать нельзя, и что сечение крестьян составляет необходимую, хотя и печальную, сторону процесса наполнения государственной и земской касс. В одном из очерков г. Успенского превосходно изображено затруднительное поло-

жение старшины, которому подвизающиеся в земстве «хорошие, добрые господа» постоянно твердят, что с крестьянами нужно обращаться мягко, «внушать им регелиозно» и проч. В то же время и тот же старшина получает строжайшие предписания взыскивать земские и другие подати «немедленно», «без послаблений». «Ну и секу в свою голову!» — трагически восклицает бедный старшина.

Наконец, отметим здесь еще корреспонденцию из Сербии. Начало и середина ее посвящены сербским делам, а в конце корреспондент «Свободной России» обрушивается на «не в меру рьяных марксистов», говорящих об «условиях земледельческого труда» и говорящих такие вещи, с которыми он, корреспондент, не согласен. Приятно видеть в корреспонденте такой интерес к общим философско-историческим вопросам. Но о каких же это марксистах говорит он? Надо думать, что о сербских, потому что у нас в России об «условиях земледельческого труда» чуть ли не первый заговорил и больше всех написал Г. И. Успенский,

столь же далекий от марксизма, как и от религиозного учения Магомета.

Итак, что же сказать о «Свободной России»? Ей хотелось бы подвинуть на политическую борьбу наших либералов. Это очень хорошее намерение, дай ей бог успеха. Но в то же время она стремится превратить всех наших революционеров в «убежденных социалистов», не признающих ничего, кроме либеральной программы (конечно, «теперь», «пока» и т. п.). Она старается убедить их в том, что хорошо было бы, если бы их проглотила (повторяем, только на время, как кит пророка Иону) либеральная партия, во чреве которой их ждет неслыханный успех и самое завидное процветание. Это уже другое дело, которому ты не только не сочувствуем, но и желаем от всей души неудачи.

Начиная свою литературную кампанию, «Свободная Россия» атаковала не только самодержавие, но и... странно сказать — русских рабочих. Ее редакторы и сотрудники с редким и трогательным единодушием почти во всех своих статьях неизменно повторяют один и тот же припев: не нужно рабочих, мы и без них управимся с неограниченной монархией. Г. Вас. Жук приписал даже русскому рабочему классу такое свойство, которое очень дурно аттестовало бы этот класс, если бы не было вымышлено. Но так как оно вымышлено, то оно, благодаря бога, дурно аттестует лишь самого г. сочинителя *).

*) «Скажем более: даже успешная пропаганда среди отдельных даровитых рабочих не окупает той массы жертв, которых требует. В большинстве же случаев рабочие, принимавшие так или иначе участие в революционном движении, приходя в столкновение с властями... *падали духом и не могли стойко защищать свои убеждения, ко-*

Нерасположение «Свободной России» к «рабочей постановке революци-онного дела» имеет свою выгодную сторону. Оно ручается за то, что чаша ан-тисоциалистической проповеди «убежденных социалистов» минует, по край-ней мере, наших рабочих. С другой стороны, оно вредно в том смысле, что без поддержки со стороны рабочих все наши

либеральные выходки против самодержавия будут напоминать старую повесть о том, как мыши кота хоронили. Эта повесть исполнена неподдельного комизма; мы не отрицаем ее достоинств. Но, тем не менее, мы никому не советуем изображать ее в лицах.

Мы еще поняли бы увлечение либерализмом со стороны «Свободной России», если бы мы видели хоть какие-нибудь признаки начинающегося либерального движения *в* обществе. Но в настоящее время заметно нечто прямо противоположное. Г. Н. Ш. в мартовской книжке «Русской Мысли» говорит, что между русскими либералами обнаруживается сильное «попятное движение». И он говорит совершенную истину. Ввиду этого, мы не только не оправдываем увлечения наших «убежденных социалистов», но просто не понимаем его.

Еще два слова. По отношению к социализму наши «убежденные социалисты» ведут себя таким образом, что убежденным либералам остается только рукоплескать им. На этом основании читатели могли бы, пожалуй, заподозрить их искренность и подумать, что имеют дело с самыми заурядными либералами, которые по политическим расчетам озаботились изготовлением нескольких, ни к чему, впрочем, не обязывающих, фраз по адресу социализма. Таких либералов не мало в современной Франции. Но это было бы несправедливо. В искренности редакторов «Свободной России» едва л» можно усомниться. Но нельзя сомневаться и в том, что они имеют очень странные представления о социализме. Если бы они дали себе труд серьезно ознакомиться с современным социализмом, то, конечно, они не говорили бы: «теперь мы все либералы, теперь мы все революционеры, и никто не имеет права отказаться от долга и чести быть либералом (нечего сказать, хороша честь!) и революционером». Тогда они, наверное, не были бы либералами, но были бы социалистами, умеющими отвести политической свободе надлежащее место в своей программе

и бороться за нее.

торые, казалось, были имя так хорошо восприняты на воле. *Аресты среди рабочих вели обыкновенно за собою и разрушение революционных организаций, имевших соприкосновение с ними»* (курсив везде наш), — читаем мы в статье г. Вас. Жука: «Крестьянские и рабочие волнения». — Это *неправда.*

111

Борьба. Политическая и общественная газета. №№ 1—2. 15 апр. и 1 мая (?) 1889 г.

О «Борьбе» можно сказать одно: странный это журнал! Не то, чтобы нельзя было определить его политических симпатий и антипатий. Они, пожалуй, и ясны. Но выражены они таким странным языком, формулированы таким оригинальным образом, что читателю остается только развести руками. В «Борьбе» есть прозаические статьи, которые кажутся неудавшимися поэтическими произведениями. Есть в ней стихи, которые кажутся недостаточно продуманной и при том очень плохой прозой. Как знать, может быть, 1—2 (почему не просто первый?) № «Борьбы» вышел бы лучше, если бы содержание стихотворений было изложено в прозаических статьях, а прозаические статьи написаны стихами.

Самоуправление. Орган социалистов-революционеров. №№ 3—4. Февраль и март 1889 года.

«Самоуправление» стало выходить в начале прошлого года. После появления второго номера оно погрузилось как бы в летаргическое состояние, из которого вышло только в нынешнем феврале. Мы тем более рады пробуждению этого органа, что за время своей болезни он значительно изменился к лучшему. В 3 и 4 №№ его нет и следа тех странных рассуждений, которыми был в особенности богат первый номер и которые способны были нагнать хандру на самого жизнерадостного читателя.

Было бы очень жаль, если бы этот журнал, продолжая круг своих превращений, вернулся к прежнему своему виду. И, наоборот, было бы очень хорошо, если бы «Самоуправление»

сохранило вид, приобретенный им в новом периоде его жизни. Тогда мы имели бы хотя и не мудрствующую, но живую и интересную газетку. В особенности приятно отметить нам то обстоятельство, что 3 и 4 №№ «Самоуправления» хороши в литературном отношении. У нас пока это еще редкость, и подобного комплимента нельзя, к сожалению, сделать ни «Борьбе», ни «Свободной России».

Предисловие к речи Алексеева.

В 1877 году, в течение 22 дней, с 21-го февраля по 14 марта, в Петербурге, в особом присутствии правительствующего Сената, происходил суд над 50 лицами, обвиняемыми в социально-революционной пропаганде между рабочими различных фабрик, т. е. в распространении между ними социалистических и революционных учений. В числе обвиняемых было несколько человек рабочих, и между ними Петр Алексеевич Алексеев, крестьянин деревни Новинской, Сычевского уезда, Смоленской губернии. Когда судьи предложили ему выбрать себе защитника (адвоката), он ответил: «Что мне защитник? Какой смысл имеет защита, когда всякому известно, что в подобных процессах приговор суда бывает составлен заранее, так что весь этот суд есть не более, как комедия: защищайся, не защищайся, все равно. Я отказываюсь от защиты». 10 марта он произнес свою речь, в которой не *защищался* и не *оправдывался,* а, напротив, *обвинял* правительство и капиталистов. Мы издаем эту речь для русских рабочих. Она принадлежит им по праву. Не велика она, но пусть прочтут ее рабочие, и они увидят, что в ней, в немногих словах, сказано много и много такого, над чем им стоит крепко призадуматься. Правда и то, что речь эта не бог знает как искусно составлена. Если она попадется в руки какому-нибудь «настоящему», «заправскому» писателю, то он без труда найдет в ней много недостатков. Начать ее, — скажет он — нужно было так-то, а продолжать вот как; в

середину вставить вот то, а к концу подогнать вот это. Но дело не в том, *как* сказал Петр Алексеев; дело в том, *что* сказал он. Сказал же он вещи не только совершенно верные, но еще глубоко им прочувствованные. Описывая бедственное положение русских рабочих, он снова, в зале суда, испытывал то негодование, ту злобу против врагов рабочего класса, которые заставили его сделаться революционером. Вот почему нельзя читать его речи без увлечения, хотя в ней, с внешней стороны, бесспорно есть недостатки.

Петр Алексеев говорит, главным образом, о тяжелом положении своих товарищей, русских рабочих. Но мимоходом упоминает о том, как могут рабочие выйти из такого положения. «Русскому рабочему народу остается надеяться только на самого себя», — говорит он. — Это так же справедливо, как и все сказанное им в своей речи. Целые миллионы рабочих западноевропейских стран давно уже пришли к этой мысли. Когда в 1864 году в Лондоне образовалось Международное Рабочее Общество, то в уставе его было прежде всего сказано: «Освобождение *рабочих* должно *быть* делом *самих рабочих».* Это значит, что рабочий класс не должен рассчитывать ни на правительство, ни на высшие классы (дворянство, купечество и т. п.), потому что ни правительство, ни высшие классы, живущие насчет труда рабочих, никогда ничего для них не сделают. Рабочим остается позаботиться самим о себе. На западе передовая партия рабочих смотрит теперь на это дело так; по ее мнению, рабочие должны сделать революцию: свергнуть существующие правительства и, захвативши государственную власть в свои руки, распорядиться со своими притеснителями по своему. Этого, конечно, вдруг не сделаешь, для этого нужна сила и большая сила. До сих пор еще многие рабочие не понимают своих собственных выгод и сами поддерживают теперешние порядки. Революционная рабо-чая партия должна убедить, просветить их, растолковать им свои цели и

стремления, перевести их на свою сторону. Этим она и занимается во всех западных странах. Этим и у нас в России следует заняться понявшим дело рабочим. Чем скорее они возьмутся за это, тем скорее придет время победы. В ожидании же этого времени западные рабочие стараются вынудить у своих правительств разные второстепенные уступки: там настоят на сокращении рабочего дня, в другом месте добьются заведения хороших школ для народа, или облегчения податей и налогов, и так далее. Но чего больше всего добиваются рабочие — так это политических прав для своего класса:

1) свободы собираться для обсуждения своих нужд и говорить на этих собраниях все, что вздумается, не отвечая за это ни перед судом, ни перед полицией;

2) свободы устраивать всякие общества для взаимной помощи и под-держки в борьбе с хозяевами и с самими же правительствами;

3) свободы печати. (На западе рабочие не только читают газеты и журналы, но и сами печатают их, обсуждая в них свои нужды и потребности).

Правом свободы печати, свободы собраний и обществ очень дорожат западноевропейские рабочие. Не меньше того дорожат они и своим избирательным правом. Известно, что в западных странах делами государства заведуют не одни только короли, как у нас заправляет ими только один царь. Есть страны (республики, например, Франция и Швейцария), где королей и совсем нет. Во всех западных странах ход дел зависит больше всего от выборных (депутатов), которые съезжаются в столицы и образуют там законодательные собрания. Вот тут-то для западных рабочих и является вопрос, кто имеет право назначать таких выборных: весь ли народ, то есть стало быть и все рабочие, или одни только богатые, то есть землевладельцы, купцы, фабриканты и проч. Рабочие везде стоят за назначение выборных всем народом, т. е. за

всеобщее избирательное право.

Надо думать, что скоро и у нас высшие классы потребуют ограничения царской власти: очень уж надоели всем наши нынешние порядки. И это, конечно, будет очень хорошо. Рабочие непременно должны сами требовать ограничения царской власти. Но и тогда следует помнить им великое правило: освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. Когда будет ограничена царская власть, нужно, чтобы рабочие добились права посылать своих выборных в Законодательное собрание, или, как мы уже называли его, *всеобщего избирательного прав».* Пользуясь таким правом, рабочие сумеют послать в Законодательное собрание своих истинных представителей, которые, конечно, будут отстаивать их дело не так, как отстаивали бы их господа помещики, купцы и фабриканты. Те ведь только о себе и думают.

Но кто же эти истинные представители рабочего класса?

Во-первых, свои же братья-рабочие. В западноевропейских Законодательных собраниях уже есть такие рабочие избранники рабочего класса, которые не бьют лицом в грязь перед заседающими там «господами». Со временем бу-дут и у нас такие рабочие. Кроме их, могут очень и очень пригодиться такие люди, которые, хотя и не принадлежат по своему рождению к высшим клас-сам, но настолько сочувствуют рабочим, что им можно довериться без бояз-ни. Петр Алексеев в своей речи с увлечением отзывается о нашей «интелли-гентной молодежи», или как часто выражаются рабочие о «студентах». «Она одна — говорит он — братски протянула к нам свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голос на все слышанные крестьянские стоны Российской империи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значит, и отчего это отовсюду слышны крестьянские стоны. Она одна не может

холодно смотреть на этого изнуренного, стонущего под ярмом

деспотизма, угнетенного крестьянина. Она одна, как добрый друг, братски протянула к нам свою руку и от искреннего сердца желает вытащить нас из затягивающей пучины на благоприятный для всех стонущих путь. Она одна, не опуская руки, ведет нас, раскрывая все отрасли для выхода всех наших собратьев из этой лукаво построенной ловушки, до тех пор, пока не сделает нас самостоятельными проводниками к общему благу народа. И она одна неразлучно пойдет с нами до тех пор, пока подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах...». Во всем этом много правды. Революционеры из «студентов» много сделали для пробуждения рабочих. Но беда в том, что теперь наша «интеллигентная молодежь» начинает как-то забывать о «народе», о котором она так много кричала лет пятнадцать тому назад. Теперь между революционерами из «интеллигентной молодежи» есть даже много таких господ, что прямо говорят против рабочего класса. Одни уверяют, что будто и нет его совсем в России; другие соглашаются, что он есть, но прибавляют, что все рабочие очень глупы и необразованны, а потому и внимания на них обращать не стоит. А недавно в одной, тоже пожалуй «интеллигентной», газетке (выходившей за границей) один барчонок написал, что мол с рабочими дела иметь не стоит, потому что, как только их заберет полиция, так они сейчас же все и всех выдадут. На таких «интеллигентных» (а лучше сказать вовсе неинтеллигентных, то есть вовсе неумных господ) рабочему классу, конечно, рассчитывать не-возможно. Их нужно даже опасаться. Они кричат теперь: не нужно нам рабо-чих. Придет время, когда они запоют совсем другое и прикинутся лучшими друзьями рабочего класса (именно, когда они увидят, что рабочие могут быть полезны им в борьбе против царя). Но пусть же русские рабочие не забывают теперешнего отношения к ним подобных господ «интеллигентов». Пусть они отплатят им равнодушием за равнодушие, презрением за

презрение. Пусть они скажут им: «Вам не нужно было *нас,* теперь нам не нужно *вас.* Мы и без вас добьемся политической свободы и политических прав и уж, конечно, воспользуемся ими не для того, чтобы выбирать вас в Законодательное собрание. Кто не за нас, тот против нас, а кто против нас, того нам глупо было бы и поддерживать».

Но относясь таким образом к «интеллигентам», желающим «обойтись без рабочих», русские рабочие должны тем более дорожить поддержкой тех революционеров из «интеллигентной молодежи», которые

целиком перешли на их сторону и стараются теперь же, несмотря на опасность, распространять между ними правильные взгляды на вещи. Такие люди являются истинными друзьями рабочих, и к ним вполне может быть применено все сказанное Петром Алексеевым об «интел-лигентной молодежи.

Еще раз о принципах и тактике русских социалистов.

Уважаемый товарищ! С недавнего времени мое имя стало часто появляться на столбцах вашего уважаемого органа. Повод к этому дало маленькое предисловие к маленькой брошюре, которую сначала расхвалили не по заслугам, потом, однако, подвергли уничтожающей критике и, наконец, снова взя-ли под защиту. Если я не считал нужным отвечать на литературные упражне-ния господина Бека, то появившаяся в № 17 «Социал-демократа» статья, под заглавием: «О пропаганде среди русских рабочих», заставляет меня, напротив, просить вас уделить мне несколько строк вашего органа для немногих важных замечаний. Дело в том, что некоторые фразы в ответе тов. Осиповича на выдвинутые господином Беком пункты могут, как нам кажется, породить известные недоразумения насчет отношений нашей партии к затронутым вопросам. Так, в ответ на замечание г. Бека, что

русские рабочие нуждаются в серьезной литературе, тов. Осипович заявляет: русские рабочие еще слишком незрелы, чтобы быть в состоянии понимать «рассуждения», которые имеет в виду г. Бек. Я не знаю, о какого рода «рассуждениях» идет речь. Может быть, имеются в виду такие глубокомысленные трактаты, которые были бы недоступны и западноевропейскому рабочему. Я не могу поэтому поручиться и за то, что между предпринятыми нами изданиями найдется хоть одна пропагандистская брошюра, способная удовлетворить глубокомысленного г. Бека. Но, поскольку я знаю русских рабочих, я могу поручиться за то, что теории современного социализма, если они, разумеется, изложены в ясной и удобочитаемой форме, вполне доступны их уровню понимания. Если я не затрагивал в своем предисловии никаких научных вопросов, то это произошло просто потому, что мое предисловие ставило себе единственной целью — разъяснить и дополнить некоторые, высказанные Петром Алексеевым в его речи мысли. Я хотел только, пользуясь представив-

шимся поводом, обратить внимание рабочих на некоторые политические требования, осуществление которых безусловно необходимо для успеха их движения. Эти требования могут быть выражены в краткой формуле: всеобщее избирательное право и политическая свобода. Вы понимаете, конечно, насколько это право и эта свобода важны для рабочего движения вообще. Вы знаете также, какое особенное значение должно иметь развитие политического сознания у нас в России, где царский деспотизм всегда был так силен. Не следует, наконец, забывать, что мы, русские, должны особенно подчеркивать политические требования пролетариата, так как бакунистская пропаганда имела своим результатом страшную путаницу понятий у наших социалистов. У нас можно до сих пор встретить людей, которые противопоставляют «социализм» «политике» и

искренне убеждены, что чистый социализм ничего общего не имеет с политическими вопросами. Вот почему я думаю, что мое предисловие, не претендующее на «научность», не находится в противоречии с основами современного научного социализма.

Что касается тех немногих слов, которые были направлены мною по адресу «интеллигенции», то я имел этим в виду недавно возникшую у нас либеральную интеллигенцию, имеющую, в числе прочих, своим органом «Свободную Россию». Эта либеральная интеллигенция выступила с настоящим крестовым походом против социализма, объявила учение Маркса устаревшей метафизикой и даже позволила себе инсинуировать по адресу русских рабочих. Одного приверженца этой партии, выступившего со лживым утверждением, будто русские рабочие всегда становились предателями, как только попадали в руки полиции, я назвал «маленьким юнкером» и прибавил, что такие господа не должны смущать русских рабочих. Что наши новоявленные «прогрессисты» не преминут превратиться в «друзей рабочего класса», как только мы вступим в конституционный период — это не подлежит никакому сомнению Вы можете судить об этом на основании истерии западноевропей-ских стран. Вы знаете также, что чем раньше срывают маску с таких «рабоче-любцев», тем успешнее развивается рабочее движение.

У меня не было, да и никогда не будет, намерения развенчать в глазах рабочих память русских террористов конца 70-х и начала 80-х годов. Эти люди вели героическую борьбу с царизмом, и, хотя многие из них действительно исповедовали «бланкистские воззрения» — эта им не мешало быть революционерами. Но эта борьба отошла теперь уже в область прошлого. Теперь существуют в России и за границей только более или менее «террористически» настроенные отдельные лич-

ности и группы, но не существует более широкой организации, наподобие партии «Народной Воли». Мы переживаем теперь критический период, революционная партия должна быть сызнова организована. Мы твердо убеждены, что это в скором времени произойдет. Порукой в том служат нам уродливости современного русского режима. Вопрос только в том, на каких основах должна произойти реорганизация нашей революционной партии. Нам эти основы представляются в следующем виде:

1) Теоретически наши социалисты должны покончить со всеми форма-ми бакунизма (также с той его разновидностью, которую представлял покой-ный Петр Ткачев и которую осмеял Энгельс в своей брошюре «Социальное из России», но к которой, по-видимому, питает некоторую склонность г. Бек). Учение Маркса может и должно образовать незыблемую теоретическую осно-ву социалистического движения в России.

2) В практическом отношении русские социалисты из среды интелли-генции должны втянуть в движение рабочих. Русский царизм, опиравшийся в течение столетий на тупость русских крестьян, найдет своего непобедимого врага в мощи сознательного пролетариата, который, благодаря быстрому развитию капитализма, с каждым днем растет численно.

Опыт нашего революционного движения ясно показал нам, что силами одной интеллигенции царизм не может быть побежден. Чтобы свергнуть его, необходимо ввести в бой новые армии, те армии, которые до сих пор стояли в резерве — армии рабочего класса. Мы не можем рассчитывать на прочную поддержку буржуазии. Если немецкая буржуазия, как выражается Энгельс, поздно пришла, то русская бур-жуазия еще более опоздала. Кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации.

Мы не так наивны, чтобы разделять взгляды тех, которые

рассматривают студентов и гимназистов, как «особый общественный класс», призванный играть самостоятельную роль в истории. Вот те взгляды, которые мы уже семь лет стараемся распространить среди русской интеллигенции.

Многим наши взгляды не нравятся, но нам они кажутся единственно верными, и мы не можем поступиться ими. Мы рассматриваем этот способ борьбы с точки зрения практической целесообразности.

Но мы решительно отвергаем террористические фразы во вкусе Моста и французских анархистов. Такие фразы, по нашему твердому убеждению, могут только принести вред всякому движению. Не это ли именно отвращение к фразам и кажется г. Беку большим преступлением с нашей стороны?

Русский рабочий в революционном движении.

(По личным воспоминаниям)

Лицам, произнесшим речи на собраниях петербургских рабочих, состоявшихся по поводу всемирной демонстрации 1-го мая.

Дорогие и уважаемые товарищи.

Вам, продолжающим дело революционеров семидесятых годов, принадлежат по праву эти воспоминания, о которых я могу с чистой совестью сказать, что они написаны *совершенно правдиво.* Позвольте же мне посвятить их Вам и тем представить хоть слабое доказательство моего сочувствия Вашим стремлениям. Мы, социал-демократы, готовы поддерживать всякое революционное движение, направленное против существующего общественного порядка. Тем понятнее наше сочувствие Вам, решительно ставшим под *социал-демократическое знамя,* которое является теперь знаменем *революционного пролетариата* всех стран. У нас нет и не будет другой задачи, кроме посильного содействия развитию политического сознания русского рабочего класса.

Вы поставили себе ту же самую задачу. Пойдем же вместе к нашей великой цели, пойдем без оглядок и без колебаний, поддерживаемые гордою уверенностью в том, что мера наших успехов будет мерой политического развития нашей родины. Ваш предшественник, рабочий Петр Алексеев, еще в 1877 г. смело сказал своим судьям, что когда поднимется мускулистая рука рабочего — ярмо деспотизма, окруженное солдатскими штыками, разлетится в прах. К его словам можно и должно прибавить, что *только тогда и разлетится в прах ярмо* деспотизма, когда *поднимется мускулистая рука рабочего.*

122

Предисловие ко второму изданию.

Народники семидесятых годов смотрели на крестьянство как на главную в России революционную силу, а на крестьянскую поземельную общину как на исходную точку развития нашей страны в сторону социализма. Развитие у нас товарного производства и крупной капиталистической промышленности представлялись им весьма плачевными явлениями, расшатывающими прочность старых «устоев» экономической жизни нашего народа, и потому задерживающими приближение социальной революции. Поэтому деятельность в рабочей среде никогда не занимала широкого места в народнической программе: рабочими интересовались лишь в той мере, в какой считали их способными *поддержать* крестьянское восстание, которое, по мнению народников, должно было вспыхнуть вдали от промышленных центров, на окраинах, еще не позабывших крупных крестьянско-казацких бунтов и хранящих строго *«народные идеалы»* *). Казалось бы, что при таком взгляде на рабочих народники могли не торопиться сближением с ними: прежде, чем браться за организацию вспомогательного отряда, естественно было озаботиться организацией главных сил будущей революционной армии, т. е. сил *крестьянства.* Но на самом деле народники занимались рабочими более, чем

этого требовала их программа. Народники были энергичные люди, не любившие сидеть сложа руки. Многие из них, попадая в города, сближались с рабочими, чтобы не терять даром времени.

И хотя такое сближение не могло быть систематичным, хотя в большинстве случаев сближавшиеся с рабочими народники принимали все меры к тому, чтобы как можно скорее покинуть город и уйти в деревню, но так как в каждое данное время в городах проживало не малое число народников, и так как передовой слой городского рабочего класса и тогда уже был очень восприимчив к революционной про-

*) Этот взгляд на рабочих, как на класс, способный играть лишь роль *вспомогательного отряда* революционной армии, целиком перешел от народников к народовольцам (см. напечатанную в «Календаре Народной Воли» записку: «Подготовительная работа партии», руб. Б. городские рабочие). Оно и понятно. Народовольцы не даром говорили о себе, что *по основным своим воззрения и они — социалисты - народники.*

паганде, то рабочее дело все-таки росло и расширялось, поражая самих деятелей своей неожиданной успешностью. Первым крупным плодом сближения народников с петербургским пролетариатом явилась так называемая Казанская демонстрация 6-го декабря 1876 года. А к концу семидесятых годов у народнического общества «Земля и Воля» был уже довольно значительный опыт по части пропаганды, агитации и организации в среде рабочих.

В передовой статье, напечатанной в № 4 газеты «Земля и Воля», я подвел итоги этому опыту. Оказывалось, что «рабочий вопрос» все чаше и все настоятельнее напоминал о себе *вопреки* их народнической теории, выдвигавшей на первый план вопрос крестьянский. Но в то же время очевидно было и то, что революционеры еще далеко не приобрели всего того влияния на городскую рабочую массу, которую они *могли* приобрести. Это я объяснял тем, что они мало агитируют. Я говорил, что революционеры придают преувеличенное значение рабочим кружкам, в которых

ведется *пропаганда* (читаются лекции о каменном веке и планетах небесных, как выразился я, иронизируя над пропагандистами), и не видят, что необходимо расшевелить *всю* массу. *Агитация на экономической почве,* — главным образом, во время стачек, — *такова была ближайшая практическая задача, на которую я указывал тем из наших товарищей, «которые занимались с рабочими».*

Тогдашние члены общества «Земля и Воля» тем легче согласились со мною, что вопрос о приемах нашей революционной деятельности в крестьянской среде давно был решен в том же самом смысле: никому из наших «деревенщиков» не приходило в голову вести кружковую пропаганду между крестьянами; все они твердо были убеждены в том, что приобрести влияние на крестьянскую массу они могут только посредством *агитации на почве ее ближайших,* — и преимущественно экономических, — *требований.* И это убеждение держалось среди наших революционеров вплоть до тех пор, пока так называемый *террор* не отвлек их внимания в другую сторону, и пока между ними не распространился тот взгляд, — *впервые* высказанный газетой «Народная Воля», — что при наших политических условиях работать в крестьянстве, значит бесплодно *«биться, как рыба об лед».*

С половины восьмидесятых годов между революционерами, действовав-шими в России, начали распространяться *социал-демократические идеи.* Рас-пространение этих идей совершалось очень медленно частью по причине общественной реакции, наступившей после того как правительству удалось разгромить партию «Народной Воли», а

частью потому, что старая народническая теория еще крепко сидела в головах русских людей, сочувствовавших социализму. И все-таки к началу девяностых годов, когда стали показываться первые слабые признаки нового

общественного пробуждения, число социал-демократов было уже настолько значительно, что они задумываются о том, каким образом можно было бы им приобрести широкое практическое влияние на рабочий класс. Опыт семидесятых годов указывал на *агитацию,* как на неизбежный путь к этой цели. Но опыт семидесятых годов был совершенно неизвестен нашим молодым товарищам, огромнейшее большинство которых знакомо было тогда только с приемами *кружковой пропаганды.* Чтобы помочь этому горю, чтобы ознакомить молодых социал-демократов с практическими выводами, завещанными нам народнической эпохой, чтобы показать им, как можно и должно *агитировать, я* и написал свои воспоминания о русском рабочем движении семидесятых годов. Я думал, что, познакомив читателей с тем, что *было* сделано *их предшественниками,* я этим пролью некоторый свет на то, что *предстоит сделать им самим.* Но не мог удовольствоваться простым рассказом. В конце семидесятых годов, когда я писал Е «Земле и Воле» о необходимости *агитации на экономической почве,* я был народником до конца ногтей. В начале девяностых годов, когда я брался за перо, чтобы писать свои воспоминания, увлечение народничеством давно уже заменилось во мне критическим к нему отношением, потому что я давно уже стоял тогда на *социал-демократической* точке зрения. В качестве социал-демократа я хорошо видел то, чего не замечал прежде в качестве народника, именно то, что агитация на экономической почве может и должна быть использована агитаторами для политического воспитания рабочей массы. Читатель видит, что предлагаемые воспоминания содержат в се-бе также и посильное разъяснение этой стороны вопроса.

Я указываю на все это потому, что некоторые «сочинители» выдвигают теперь против меня в частности, и против группы «Освобождение Труда» вообще, упрек в том, что мы, будто бы, не понимали значения агитации, а потому не могли своевременно указать на него нашим молодым

товарищам. Если бы гг. «сочинители» лучше знали историю нашего движения, то они сами без труда поняли бы, как нелепо их *«сочинение».*

Правда, еще очень недалеко от нас то время, когда *наш* взгляд на агитацию находили неправильным многие наши молодые товарищи, настойчиво противопоставлявшие ему взгляд, который был подробно

изложен в известной брошюре «Об агитации». Я не стану разбирать здесь эту брошюру. Мое отношение к ней высказано еще очень недавно в статье «Еще раз социализм и политическая борьба», напечатанной в первой книжке «Зари». Замечу одно: последовательные защитники взгляда, изложенного в брошюре «Об агитации», скоро стали, и неизбежно должны были стать, *«экономистами»,* между тем как взгляд группы «Освобождение Труда» разделяется теперь всеми мыслящими сторонниками «политического» направления. Оппозиция, которую некогда встречал этот взгляд в некоторой части наших социал-демократов, свидетельствовала лишь о том, что эти социал-демократы еще не вполне поняли не только ближайшую политическую задачу своей партии, но и вообще весь дух социал-демократической теории. И чем более и чем скорее сознавали они свои ошибки, тем более и тем скорее приближались они ко взгляду гр. «Освобождение Труда».

Упрек, выдвинутый против нас вышеупомянутыми «сочинителями», совсем не заслуживал бы внимания, если бы они не считали себя призванными исправить и наверстать то, что было будто бы упущено и будто бы испорчено нами и нашими ближайшими товарищами. Но именно поя предлогом такого исправления и такого наверстания эти господа, которые крайне бедны собственными идеями, но зато чрезвычайно богаты непониманием чужих идей, проповедуют такой отчаянный вздор о «тактике-процессе» и об отношении экономической агитации к политической, что поистине

заслуживают названия великих людей... по части путаницы понятий. Ну, а великих людей игнорировать невозможно; мы не имеем права обходить молчанием их упреки.

Но оставим пока гг. «сочинителей» и бросим взгляд на путь, пройденный русской социал-демократией с того времени, когда вышло первое издание моих воспоминаний. В то время наши товарищи только еще спрашивали себя, можно ли и следует ли им перейти от пропаганды *к агитации;* теперь агитация приняла такие широкие размеры, о каких они тогда боялись и мечтать. В то время наши товарищи уже приобрели прочное и плодотворное влияние в рабочих *кружках;* теперь рабочая масса, или, — выражаясь скромнее, но зато точнее, — передовые *слои рабочей пассы,* видят в них своих надежнейших руководителей и внимательно прислушиваются к их голосу. В то время наши товарищи только еще стремились занять господствующее положение в русской революционной среде; теперь это положение принадлежит им бесспорно, безраздельно и бесповоротно. И всего этого они достигли, — *несмотря* на усердие полиции и на иудины поцелуи «крити-

ков». Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожит. За нас, русских социал-де-мократов, ворожит *бабушка-история,* и ее ворожба быстро подвинула вперед наше дело.

Известно, однако, что noblesse oblige. У кого есть такая знатная бабушка, тот и сам должен непрестанно «содержать себя в струне» и помнить, что на нем лежат великие обязанности. До сих пор наше дело подвигалось вперед очень быстро, но поступательное его движение, наверное, сильно замедлится в будущем, если мы не сумеем разрешить тех практических задач, которые выросли перед нами именно благодаря нашим огромным успехам. Самой важной из этих задач является, без всякого сомнения, *организация.* Вопрос о ней имеет теперь такое же решающее значение, какое лет десять тому назад имел вопрос об *агитации.* Он лежит в

центре всех остальных практических вопросов настоящего времени. Не разрешив его, мы ни для одного из них не найдем вполне удовлетворительного решения. А когда он будет разрешен, они решатся, можно сказать, сами собой. Тогда нами будет сделан новый, огромный шаг вперед, с которым начнется новая эпоха в истории нашей партии. Тогда даже наиболее упорные хулители русской социал-демократии вынуждены будут признать, что ей суждено собрать под свое знамя все живые силы революционной России. И тогда она будет иметь полное право сказать всякому искреннему революционеру, как говорил Иегова еврейскому народу:

«Аз *есмь Господь Бог твой, и* да не *будут бози ннии разве мене!»*

I.

Первый рабочий революционер, с которым столкнула меня судьба, был довольно известный когда-то в русской революционной среде Митрофанов, впоследствии утерший в тюрьме от чахотки. Я познакомился с ним у студентов медицинской академии братьев Х. в конце 1875 года. Митрофанов был уже тогда «нелегальным» и жил у братьев Х., скрываясь от полиции. Как и все студенты - революционеры того времени, я, конечно, был большим народолюбцем и собирался идти в «народ», понятие о котором было у меня, однако, — опять-таки как и у всех нас студентов - революционеров того времени — очень смутным и неопределенным. Любя «народ», я знал его очень мало, а лучше сказать, не знал совсем, хотя и вырос в деревне. Когда я в первый раз встретился с Митрофановым и узнал, что он рабочий, т. е. один из представителей «народа», в моей душе шевельнулось смешанное чувство жалости и какой-то неловкости, точно будто я в чем-нибудь перед ним провинился. Мне очень хотелось заговорить с ним, но в то же время я решительно не знал, как и в каких выражениях стану с ним разговаривать. Мне казалось, что язык нашего брата студента будет совершенно непонятен этому «сыну народа» и что в

разговоре с ним я должен держаться того нелепого, переряженного слова, которым были написаны многие из наших революционных брошюр. К счастью, Митрофанов вывел меня из затруднения. Он заговорил первый, и, не помню уже как, разговор перешел на революционную литературу. Я увидел, что мой собеседник читал не одни только ряженые брошюры. Ему знакомы были сочинения Чернышевского, Бакунина, Лаврова, и он умел отнестись к ним критически. Журнал и газета «Вперед!» казались ему недостаточно революционными. Он склонялся к «бунтарству» и отстаивал этот способ действия с помощью тех же самых доводов, которые приводились обыкновенно «бун-тарями» - студентами. Удивлению моему не было границ. Личность Митро-фанова решительно не входила в узкие рамки моего сантиментального пред-ставления о «народе». Зато тем более Заинтересовала она меня. Я стал часто встречаться с Митрофановым, жадно расспрашивал его об его революцион-ной деятельности в народ-

ной среде. Из всех слоев народа ближе всего ко мне, по моему тогдашнему положению, были, конечно, петербургские рабочие, и вот я засыпал своего нового знакомого вопросами о том, что представляют они собой. Митрофанов относился к ним отрицательно. Из его слов выходило, что настоящий народ это крестьянство, городские же рабочие в значительной степени развращены и проникнуты буржуазным духом, вследствие чего революционеры должны идти в деревню. Подобные отзывы, вполне соответствовавшие нашим собственным представлениям о народе, не могли возбудить во мне склонности к ближайшему знакомству с петербургской рабочей средой, и в течение нескольких месяцев Митрофанов оставался единственным, лично известным мне рабочим. А между тем, в то время велась в этой среде довольно деятельная пропаганда, в которой и мне пришлось вскоре принять посильное участие.

В самом начале 1876 года случилось так, что не было подходящей квартиры для революционной рабочей сходки. У меня на Петербургской стороне была прекрасная, большая комната и очень добрая хозяйка-чухонка, решительно не понимавшая, что может быть предосудительного в многолюдных вечерних собраниях молодежи. Опасаться каких-либо доносов с ее стороны не было оснований. Напротив, «в случае чего», она первая постаралась бы предупредить и выручить из беды своего постояльца. Об этих доблестях моей хозяйки знали все мои знакомые революционеры, между которыми были люди, занимавшиеся пропагандой в среде рабочих. Разумеется, по доброму революционному обычаю, люди эти, до поры до времени, держали свои занятия втайне от меня, непосвященною. Но так как у них не было причин не доверять мне, то они и открылись тотчас, как только им представилась надобность, — если не лично во мне, то в моей комнате. На вопрос, может ли собраться у меня рабочая сходка, я отвечал полнейшим согласием, и, несмотря на заимствованное от Митрофанова предубеждение против городских рабочих, с нетерпением ждал назначенного для сходки времени.

Дело было под какой-то большой праздник. Около 8 часов вечера ко мне пришло сначала человек 5-6 интеллигентных «революционеров» — некоторых из них я видел тогда в первый раз, — а затем стали собираться рабочие. Собрание было открыто, как это водилось и, вероятно, до сих пор водится в России, без всяких формальностей. Частные беседы, подойдя к предмету сходки, мало-помалу перешли в общий разговор, и каждый, желавший что-нибудь сказать, вставлял

свое замечание, ни мало не справляясь о том, кому в данную минуту «принадлежит слово». «Слово» принадлежало всем вообще и никому в частности. Благодаря этому, прения много теряли в смысле порядка, но с другой стороны не мало выигрывали в смысле задушевности. Состоявшаяся у меня

сходка имела важное значение. Как раз в то время вырабатывалась программа *«бунтарей» народников.* Большинство революционеров из «интеллигенции» думало, что главные силы русской социалистической партии должны быть направлены на *«агитацию на почве существующих народных требований»,* а за *«пропаганду»* стояли только так называемые *«лавристы»,* люди мало деятельные и потому мало влиятельные в революционной среде. В качестве бунтарей, интеллигенты, собравшиеся у меня, старались склонить рабочих на путь «агитации». Рабочие вообще плохо схватывали отличительные признаки различных революционных программ; «интеллигенции», нужно было положить много труда, прежде чем тот или другой из них постигал, наконец, спорные программные вопросы, подобно Митрофанову, до тонкости. Но это я заметил уже впоследствии. Теперь же видел только, что на доводы бунтарей рабочие поддаются довольно туго. Нужно заметить, что у меня собрались лучшие, наиболее надежные и влиятельные люди из петербургских рабочих-революционеров. Многие из них уже подвергались преследованиям по делу о революционной пропаганде 73—74 годов (из которого вырос потом знаменитый процесс 193) и, сидя в тюрьме, много учились и читали. По выходе на волю они опять горячо принялись за революционную деятельность, но смотрели на революционные рабочие кружки прежде всего как на *кружки самообразования.* Когда бунтари, излагая перед ними свои взгляды, выразили ту мысль, что «пропаганда» не имеет никакого революционного значения, рабочие горячо запротестовали.

— Как не стыдно вам говорить это? — с жаром воскликнул некто В., работавший, если не ошибаюсь, на Василеостровском патронном заводе и только что оставивший Дом предварительного заключения, где он сидел по делу «чайковцев», — каждого из вас, интеллигентов, в пяти школах учили, в семи водах мыли, а ведь иной рабочий не знает, как

отворяется дверь школы! Вам не нужно больше учиться: вы и так много знаете, а рабочим без этого нельзя!

- Не страшно пропасть за дело, когда понимаешь его, — говорил молодой, стройный рабочий В. Я. - а когда пропадешь неизвестно за что, это уже плохо. Мало хорошего добьетесь вы от такого рабочего, который ничего не знает!

— Каждый рабочий — революционер по самому положению своему, — возражали бунтари, — разве он не видит, не понимает, что хозяин наживается на его счет?

— Понимает, да плохо; видит, да не так, как следует, — стояли на своем рабочие. — Другому кажется, что иначе и быть не может, что так уж Богу угодно, чтобы терпел рабочий. А вы покажите ему, что может быть иначе. То-гда он станет настоящим революционером.

Спор затянулся надолго. В конце концов обе стороны пошли на уступки. Решено было не пренебрегать *пропагандой,* но в то же время не упускать удобных случаев для *агитации.* Я уверен, впрочем, что рабочим было очень неясно тогда, какой именно агитации добиваются от них бунтари. Да и у самих бунтарей с этим словом соединялось тогда, я думаю, несколько смутное представление.

Как бы там ни было, споры прекратились; сходка могла считаться оконченной. Бунтари ушли, ушли также некоторые из рабочих, но большинство продолжало сидеть, деятельно занимаясь чаепитием. Кто-то сбегал за пивом, произошла легкая выпивка, и разговор принял шутливый характер. В. рассказывал разные смешные случаи из своей тюремной жизни, а В. Я., тот самый В. Я., который говорил, что человек может с самоотвержением относиться только к понятному для него делу, — спел даже песню, сложенную, по его словам, колпинскими рабочими после каракозовского покушения. У меня осталось в памяти только начало этой песни:

Каракозову спасибо, что хотел убить царя...

Веселая компания засиделась у меня далеко за полночь, и

я расстался со своими гостями, как со старыми приятелями.

Впечатление, произведенное ими на меня, было потрясающее. Я совершенно забыл мрачные отзывы Митрофанова о петербургских рабочих. Я видел и помнил только то, что все эти люди, самым несомненным образом принадлежавшие к «народу», были сравнительно очень развитыми людьми, с которыми я мог говорить так же просто и, следовательно, так же искренно, как со своими знакомыми-студентами. Мало того, на тех из них, которые уже отсидели известное время в тюрьме, я смотрел снизу вверх: «я еще ничем «е доказал своей преданности делу, а они уже успели постоять за него», говорил я себе и смотрел на них почти с благоволением, как смотрит, вероятно, всякий искренний и молодой, не бывавший *в* переделках, революционер на опытного, *пострадавшего за* дело товарища. Такое же впечатление вынес и я из знаком-

ства с нелегальным Митрофановым, но Митрофанова я считал исключением; теперь я узнал, что подобных ему исключений много. Дело сближения с народом, прежде пугавшее меня своими трудностями, показалось мне теперь простым и легким. Не откладывая его в долгий ящик, я решил немедленно же и как можно ближе сойтись с моими новыми знакомыми. Поддержать раз завязавшиеся сношения с ними было тем легче, что некоторые из них дали мне свои адреса и звали к себе в гости.

Прежде всего я пошел к некоему Г—у, жившему, как оказалось, по соседству со мной. Г. был оригинальный человек, едва ли имевший в своем характере хоть одну из тех черт, которые «интеллигенция» того времени любила приписывать «народу». В нем не было и следа крестьянской непосредствено-сти, крестьянской склонности жить и думать так, как жили и думали предки. При самых обыкновенных способностях он отличался редкой жаждой знания и поистине удивительной энергией в деле его приобретения.

Работая на заводе по 10—и часов в сутки и возвращаясь домой только вечером, он ежедневно просиживал за книгами до часу ночи. Читал он медленно и, как я заметил, не легко усваивал прочитанное, но то, что усваивал, знал очень основательно. Маленький, слабогрудый и бледный, безбородый, с небольшими, тонкими усиками, он носил длинные волосы и синие очки. В зимние холода он поверх короткого драпового пальто накидывал широкий плед и тогда уже окончательно выглядел студентом. Он и жил по студенчески, занимая крошечную комнатку, единственный стол которой был завален книгами. Когда я короче познакомился с ним, я был поражен разнообразием и множеством осаждавших его теоретических вопросов. Чем только не интересовался этот человек, в детстве едва научившийся грамоте! Политическая экономия и химия, социальные вопросы и теория Дарвина одинаково привлекали к себе его внимание, возбуждали в нем одинаковый интерес и, казалось, нужны были десятки лет, чтобы, при его положении, хоть немного утолить его умственный голод. Меня и обрадовала, и вместе как бы опечалила эта черта его характера. Почему обрадовала — это понятно без пояснений; опечалила же потому, что я был сильно проникнут тогда бунтарскими взглядами, а у бунтарей излишнее пристрастие к книге считалось недостатком, признаком холодного, нереволю-ционного темперамента. Впрочем, по темпераменту Г. действительно, не был революционером. Он, наверное, всегда лучше чувствовал бы себя в библиотеке, чем на шумном политическом собрании. Но от товарищей он не отставал, а положиться на него можно было, как на каменную гору.

В сопровождении Г—а я посетил почти всех остальных рабочих, бывших на вышеописанной сходке в моей комнате, а затем приобрел между ними много новых знакомых. Видя, как заинтересовало меня «рабочее дело», бунтари приняли меня в свой кружок, так что «занятия с рабочими» стали с тех пор

моей революционной обязанностью.

II.

Само собою разумеется, что между рабочими, как и повсюду, я встречал людей, очень различавшихся между собою по характеру, по способностям и даже по образованию. Одни, подобно Г—у, читали очень много, другие так себе, не много и не мало, а третьи предпочитали книжке «умные» разговоры за стаканом чаю или за бутылкой пива. Но в общем вся эта среда отличалась значительной умственной развитостью и высоким уровнем своих житейских потребностей. Я с удивлением увидел, что эти рабочие живут нисколько не хуже, а многие из них даже гораздо лучше, чем студенты. В среднем каждый из них зарабатывал 1 руб. 25 коп., до 2 рублей в день. Разумеется, и на этот сравнительно хороший заработок не легко было существовать семейным людям. Но холостые — а они составляли тогда между знакомыми мне рабочими большинство — могли расходовать вдвое больше небогатого студента. Были среди них и настоящие «богачи», вроде механика С., ежедневный заработок которого доходил до трех рублей. С. жил на Васильевском острове вместе с В. (который, на сходке у меня, гак горячо отстаивал пропаганду в рабочих кружках). Эти два друга занимали прекрасную меблированную комнату, покупали книги и любили иногда побаловать себя бутылкою хорошего вина. Одевались они, в особенности С., настоящими франтами. Впрочем, все рабочие этого слоя одевались несравненно лучше, а главное, опрятнее, чище нашего брата студента. Каждый из них имел для больших оказий хорошую черную пару и когда облекался в нее, то выглядел «барином» гораздо больше любого студента. Революционеры из «интеллигенции» часто и горько упрекали рабочих за «буржуазную» склонность к франтовству, но не могли ни искоренить, ни даже хотя бы отчасти ослабить эту, будто бы вредную склонность. Привычка и здесь оказалась второй натурой. В действительности рабочие заботились о своей наружности не

больше, чем «интеллигенты» о своей, но только заботливость их выражалась иначе. «Интеллигент» любил принарядиться по «демократически», в красную рубаху или в засаленную блузу, а рабочий, которому надоела засаленная блуза, надоела и намозолила глаза в ма-

стерской, любил, придя домой, одеться в чистое, как нам казалось, — *буржуазное* платье. Своим, часто преувеличенно небрежным, костюмом интеллигент протестовал против светской хлыщеватости; рабочий же, заботясь о чистоте и нарядности своей одежды, протестовал против тех общественных условий, благодаря которым он слишком часто видит себя *вынужденным* одеваться в грязные лохмотья. Теперь, вероятно, всякий согласится, что этот второй протест много серьезнее первого. Но в то время дело представлялось нам иначе: пропитанные духом аскетического социализма, мы готовы были проповедовать рабочим то самое «отсутствие потребностей», в котором Лассаль видел одно из главных препятствий для успеха рабочего движения.

Чем больше знакомился я с петербургскими рабочими, тем больше поражался их культурностью. Бойкие и речистые, умеющие постоять за себя и критически отнестись к окружающему, они были *горожанами* в лучшем смы-сле этого слова. Многие из нас держались тогда такого мнения, что «спропа-гандированные» городские рабочие должны идти в деревню, чтобы действо-вать там в духе той или иной революционной программы. Мнение это разделялось и некоторыми рабочими. Я уже сказал, как исключительно стоял Митрофанов за деятельность в деревне. Такой взгляд был непосредственным и неизбежным плодом нарождающе-гося тогда народничества, с его презрением к городской цивилизации, с его идеализацией крестьянского быта. Господствовавшие в среде революционной интеллигенции народнические идеи естественно налагали свою печать также и на *взгляды* рабочих. Но *привычек* их они переделать не

могли, и потому настоящие городские рабочие, т. е. рабочие, совершенно свыкшиеся с условиями городской жизни, в большинстве случаев, оказывались непригодными для деревни. Сойтись с крестьянами им было •еще труднее, чем революционерам «интеллигентам». Горожанин, если Только он не «кающийся дворянин» и не совсем проникся влиянием дворян этого разряда, всегда смотрит сверху вниз на деревенского человека. Именно так смотрели на этого человека петербургские рабочие. Они называли его *серым* и в душе всегда несколько презирали его, хотя совершенно искренно сочувствовали его бедствиям. В этом отношении Митрофанов, с его нелюбовью к городу, представлял собой несомненное исключение из общего правила. Но Митрофанов, по своей нелегальности, долго жил среди «интеллигенции» и совершенно проникся всеми ее чувствами.

Нужно сказать и то, что между петербургскими рабочими «серый» деревенский человек, нередко являл собой довольно жалкую фигуру. На

Василеостровский патронный завод поступил, в качестве смазчика, крестьянин Смоленской губернии С. На этом заводе у рабочих было свое потребительное товарищество и своя столовая, служившая в то же время и читальней, так как она была снабжена почти всеми столичными газетами. Дело было в разгаре герцеговинского восстания. Новый смазчик отправился есть в общую столовую, где за обедом газеты читались, по обыкновению, вслух. В тот день, не знаю уж в какой газете, шла речь об одном из «славных защитников Герцеговины». Деревенский человек вмешался в поднявшиеся по этому поводу разговоры и высказал неожиданное предположение о том, что «он, должно быть, любовник ейный».

— Кто? чей? — спросили удивленные собеседники.

— Да герцогинин-то защитник; с чего же бы стал он защищать ее, кабы промеж них ничего не было.

Присутствующие разразились громким хохотом. «Так по-твоему Герцеговина не страна, а баба, — восклицали они, — ничего-то ты не понимаешь, прямая деревенщина!» С тех пор за ним надолго установилось прозвище — *серый.* Это прозвище очень удивило меня, когда я познакомился с ним глубокой осенью в 1876 году, когда он был уже убежденным революционером и самым деятельным пропагандистом. - Почему вы так называете его? — спросил я рабочих.

— Да как же, ведь он какую штуку отмочил у нас в столовой; ведь он думал...

Последовал рассказ о герцогинином любовнике.

- Да что ж, ну, ошибся, — добродушно оправдывался смазчик, — ведь я что же понимал тогда?

Подобные происшествия подавали повод лишь к насмешке. Но между «серыми» людьми деревни и петербургскими рабочими происходили иногда недоразумения гораздо более печального свойства. По делу о пропаганде в 37 губерниях попал в тюрьму рабочий Б—н, родом из Новгородской или Петербургской губернии. Выпущенный после почти двухлетнего заключения, Б—н отправился на родину, если не ошибаюсь, для перемены паспорта. Тотчас по его приходе он был засажен в «холодную», а затем «старички» решили «постегать малого» за недоимки. Ему сообщили об этом решении, как о чем-то весьма обыкновенном и совершенно неизбежном.

- Да вы с ума сошли, — возопил Б—н, — да попробуйте только тронуть меня, я и деревню-то всю сожгу, да и вы-то голов не сносите: сам пропаду, да уж и вы пожалеете, что связались со мной!

«Старички» струсили. Они решили, что совсем ошалел их «острожник» и что лучше, в самом деле, с ним «не путаться». Та« и ушел Б—н из родной деревни, не вкусив благодетельных лозанов. Но он уже никогда не мог забыть этого происшествия.

— Нет, — говорил он нам, — я по-прежнему готов заниматься пропаган-дой между рабочими, но в деревню никогда и ни за что не пойду. Незачем. Крестьяне — бараны, они никогда не поймут революционеров.

Я не раз замечал, что на телесное наказание рабочие смотрят как на крайнюю степень унижения человеческого достоинства. Иногда они с негодованием показывали мне газетные сообщения о порках крестьян, и я всегда затруднялся решить, что больше возмущает их: свирепость истязающих или безответная покорность истязуемых.

Когда сложившееся в 1876 году общество «Земля и Воля» стало заводить свои революционные поселения в народе, нам удалось склонить к переезду в Саратовскую губернию некоторых петербургских рабочих. Это были испытанные люди, искренно преданные народническим идеалам и глубоко проникнутые народническими взглядами. Но попытки их устроиться в деревне не привели ни к чему. Побродив по деревням с целью высмотреть подходящее место для своего поселения (при чем некоторые из них были приняты за немцев), они махнули рукой на это дело и кончили тем, что вернулись в Саратов, где завели сношения с местными рабочими. Как ни удивляла нас эта отчужденность от «народа» его городских детей, но факт был на лицо, и мы должны были оставить мысль о привлечении рабочих к собственно крестьянскому делу.

Прошу читателя иметь в виду, что я говорю здесь о так называемых *заводских* рабочих, составлявших значительную часть петербургского рабочего населения и сильно отличавшихся от *фабричных,* как по своему сравнительно сносному экономическому положению, так и по своим привычкам. Фабричный работал больше заводского (12—14 часов в сутки), а зарабатывал значительно меньше: рублей 20—25 в месяц. Он носил ситцевую рубаху и долгополую поддевку, над которыми подсмеивались заводские. Он не имел возможности нанимать отдельную квартиру или

комнату, а жил в общем артельном помещении. У него были более прочные связи с деревней, чем у заводского рабочего. Он знал и читал гораздо меньше, чем заводской, и вообще был ближе к крестьянину. Заводской рабочий представлял собой что-то среднее между «интеллигентом» и фабричным: фабричный — что-то среднее между крестьянином и заводским рабочим. К кому он ближе

по своим понятиям, к крестьянину или заводскому, — это зависело от того, как долго прожил он в городе. Только что пришедший из деревни фабричный, разумеется, оставался в течение некоторого времени настоящим крестьянином. Он и жаловался не на хозяйскую прижимку, а на тяжелые подати, да на крестьянское малоземелье. Пребывание в городе казалось ему временной и притом очень неприятной необходимостью. Но мало-помалу городская жизнь подчиняла его своему влиянию; незаметно для себя, он приобретал привычки и взгляды горожанина. Проработав в городе несколько лет, он уже плохо чувствовал себя в деревне и неохотно возвращался в нее, в особенности если ему удавалось столкнуться с «умственными» людьми, столкновения с которыми возбудили в нем интерес к книге. Я знавал таких фабричных, которые, будучи принуждены вернуться на время домой, ехали туда как в ссылку, а возвращались назад, подобно заводскому рабочему Б—ну, решительными недругами «деревенщины». Причина была всегда одна и та же: деревенские нравы и порядки становились невыносимыми для человека, личность которого начинала хоть немного развиваться. И чем даровитее был рабочий, чем больше думал и учился он в городе, тем скорее и решительней разрывал он с деревней. Фабричный, несколько лет принимавший участие в революционном движении, обыкновенно не мог и нескольких месяцев выжить у себя на родине. Иногда отношения таких рабочих к их старикам-родителям принимали поистине трагический

характер. «Отцы» горько плакались на непочтительность «детей», а дети с тяжелым сердцем убеждались, что стали в семье совершенно чужими, и их неудержимо тянуло в город, в тесные, дружеские кружки товарищей-революционеров.

Едва ли нужно объяснять, где лежит причина лучшего экономического положения заводских рабочих. Она заключается в свойствах их труда. Можно легко и скоро выучиться хорошо работать на фабрике, на прядильном или на ткацком станке. Для этого достаточно нескольких недель. Но для того, чтобы сделаться столяром, токарем или слесарем, нужно, по крайней мере, около года. Рабочий, знающий одно из этих ремесел, считается уже «мастеровым человеком», и именно такие мастеровые нужны для заводов *). Несомненно также, что не остаются без влияния в этом случае и наши знаменитые «устои». Нужда и необходимость платить подати, часто во много раз превышающие доходность крестьянских наделов, ежегодно выгоняют из деревень

*) Само собой разумеется, что я не говорю здесь о кирпичных, сахарных и им подобных заводах, на которых работают совсем «серые» люди.

массу «общинников», которые со всех сторон стремятся на фабрики, своим соперничеством страшно понижая заработную плату. На заводах этот наплыв менее ощутителен, так как туда редко удастся попасть человеку без специальной подготовки. При том же, многие из заводских рабочих — городские мещане, т. е. люди, имеющие редко достающееся на долю русского работника счастье быть пролетариями и потому не обязанные прямыми платежами по отношению к государству. Разумеется, и одного голода более чем достаточно для того, чтобы поставить продавца рабочей силы в условия, очень невыгодные для ее продажи. Но у «крепких земле» фабричных к *голоду* присоединяется еще и *податной гнет.* Государство сперва связывает им руки, а потом предоставляет им бороться с нуждой, как они умеют.

В качестве коренных горожан, многие заводские рабочие с

детства имеют гораздо больше средств к образованию, чем фабричные. Между знакомыми мне заводскими рабочими я не встречал людей, совершенно не бывших в школе. Одни из них учились в обыкновенных городских первоначальных школах, другие в школах Технического и Человеколюбивого обществ. Я совсем не знаком со школами Человеколюбивого общества (слышал только от рабочих, что одна из них имеет несколько классов), но школы Технического общества известны мне очень хорошо. Бедно обставленные, они все-таки недурно делают свое дело, обучая заводскую молодежь чтению, письму и ариф-метике. Для взрослых рабочих в этих школах устраиваются, или, по крайней мере, устраивались субботние (вечерние) и воскресные (утренние) чтения по космографии и по другим естественным наукам. На чтения эти всегда являлась многочисленная публика, и нужно было видеть, с каким вниманием слушала она учителя! Я сам не раз был свидетелем того, как после урока пожилые рабочие подходили к учителю и горячо благодарили его за труд: «очень уж интересно, — говорили они, — большое вам спасибо ото всех нас». На некоторых заводах рабочие-пропагандисты сделали такое замечание: если человек не ходит на чтения, то на него надежды мало; и наоборот, чем внима-тель-нее следит он за ними, тем с большей уверенностью можно сказать, что он станет со временем надежным революционером. Этой приметой они неизмен-но руководствовались в деле привлечения к своим кружкам новых членов.

Некоторые из заинтересовавшихся книжкой рабочих не прочь были иногда и сами взяться за перо. На Василеостровском патронном заводе в течение некоторого времени рабочими велся рукописный журнал, — род резкой сатирической летописи заводской жизни. Достава-

лось в нем больше всего заводскому начальству, но иногда бич рабочей сатиры хватал и выше. Так, например, помню,

журнал доводит до сведения своих читателей, что в правительственных сферах обсуждается проект закона, в силу которого будут получать особые награды предприниматели, в течение года изувечившие на своих фабриках и заводах наибольшее число рабочих («награды будут соразмерны количеству оторванных пальцев, рук и носов», говорилось в этом сообщении). Эта горькая насмешка метко характеризовала положение дел в стране, законодательство которой, заботливо охраняя интересы нанимателей, самым беззастенчивым образом пренебрегает интересами нанимаемых.

Рабочая молодежь, подростки и дети, насколько я заметил, отличаются гораздо большей самостоятельностью, чем молодежь высших классов. Жизнь в более раннем возрасте и с большею суровостью толкает их на борьбу за существование, чем и налагает особую печать находчивости и закаленности на тех из них, которым удается спастись от преждевременной гибели. Я знал тринадцатилетнего мальчугана, круглого сироту, который, работая в Галерной Гавани на заводе Макферсона, жил один-одинешенек, по-видимому, не чувствуя ни малейшей нужды в какой-либо посторонней поддержке. Он сам рассчитывался с конторой и сам, без чужих указаний, умел соблюдать равновесие в своем маленьком бюджете. Не знаю, был ли у него опекун: это как-то слишком нежно для рабочего; но если и был, то, наверное, не много имел хлопот с опекаемым.

Столкновения с мастерами и хозяевами развивают в рабочей молодежи замечательное единодушие. Весной 1878 года, во время стачки на Новой Бумагопрядильне, было арестовано и посажено в участок несколько малолетних фабричных. Товарищи их, такие же малолетние и такие же «бунтовщики», как и арестованные, немедленно отправились толпой в участок, требуя их освобождения. Вышла своеобразная детская демонстрация. Взрослые рабочие не принимали в ней никакого участия. Они только наблюдали ее

издали: «Вишь, как наши ребятишки-то действуют, — одобрительно говорили они, — ничего, пущай учатся». Впрочем, в данном случае учиться ребятишкам было нечему: они и без того принимали в стачке самое деятельное и самое полезное участие, прекрасно понимая, в чем дело. Когда на обширном дворе Бумагопрядильни происходили большие собрания стачечников, малолетние играли обыкновенную роль казачьих разъездов. Они каким-то чутьем узнавали о приближении неприятеля и немедленно доводили о нем до сведения старших. «Пристав едет, пристав едет», — со всех

сторон кричали звонкие детские голоса, и извещенное вовремя собрание расходилось. Когда пристав появлялся на место действия, то хватать было уже некого. Взрослая полиция Александра II страшно злобилась на эту малолетнюю полицию рабочих. Многие из этих маленьких стачечников были подвергнуты тогда «исправительному наказанию при полиции». Не думаю однако, чтобы наказание «исправило» их в желательном для начальства смысле.

Много интересного мог бы подметить в рабочей среде такой тонкий наблюдатель, как Г. И. Успенский. Но наши народники-беллетристы обыкновенно не обращали на нее никакого внимания. Для них «народ» кончался там, где исчезала крестьянская непосредственность и где завещанная предками философия Ивана Ермолаевича *) разлагается под влиянием пробудившейся мысли работника. Правда, в семидесятых годах этим грехом грешны были не одни беллетристы-народники и вообще не одна легальная литература. Нелегальные писатели с своей стороны не мало содействовали ложной идеализации крестьянства и торжеству самобытных теорий «русского социализма», никогда не умевшего взглянуть на рабочий вопрос с правильной точки зрения. Проникнутые народническими предрассудками, все мы видели тогда в торжестве капитализма и в развитии пролетариата величайшее зло для

России. Благодаря этому, наше отношение к рабочим всегда было двойственным и совершенно непоследовательным. С одной стороны, в своих программах, мы не отводили пролетариату никакой самостоятельной политической роли и возлагали свои упования исключительно на крестьянские бунты; а с другой стороны — мы все-таки считали нужным «заниматься с рабочими» и не могли отказаться от этого дела уже по одному тому, что оно, при несравненно меньшей затрате сил, оказывалось несравненно более плодотворным, чем наши излюбленные «поселения в народе». Но, идя к рабочим не то чтобы против воли, а, так сказать, *против теории,* мы, разумеется, не могли хорошо выяснить им то, что Лассаль называл *идеей рабочего сословия.* Мы проповедовали им не социализм и даже не либерализм, а именно тот переделанный на русский лад бакунизм, который учил рабочих презирать «буржуазные» политические права и «буржуазную» политическую свободу и ставил перед ними, в виде соблазнительного идеала, допотопные крестьянские

*) *Примечание ко второму изданию.* Нынешнему читателю не мешает, пожалуй, напомнить, что Иван Ермолаевич есть герой одного из очерков Г. И. Успенского. Это чрезвычайно художественный тип «настоящего» русского крестьянина доброго старого времени. Он заключает в себе ответ на многие «проклятые» вопросы русской истории.

учреждения. Слушая нас, рабочий мог проникнуться ненавистью к правительству и «бунтарским» духом, мог научиться сочувствовать «серому» мужику и желать ему всего лучшего, но ни в каком случае не мог он понять, в чем заключается его собственная задача, социально-политическая задача пролетария. До этого ему приходилось додумываться собственным умом, и читатель увидит ниже, что когда рабочие додумались до этого, то ужаснули всех правоверных «интеллигентов» *).

Здесь надо оговориться. Сказанное мною об отношениях интеллигенции к рабочему вопросу касается только бунтарей-«землевольцев» и лиц, стоявших на их, т. е. на народнической, точке зрения. Рядом с ними действовали еще

«лавристы». Люди этого направления были тогда в меньшинстве и быстро сходили со сцены. Но надо отдать им справедливость: *их* пропаганда, вероятно, была разумнее нашей. Правда, и они, подобно нам, отрицали «буржуазную» политическую свободу, и они — по крайней мере, многие из них — готовы были трепетать за участь «устоев». В их взглядах было тоже много непоследовательности, но их непоследовательность имела одну счастливую особенность: отрицая «политику», они с величайшим сочувствием относились к немецкой социальной демократии. Нельзя быть высокого мнения о логичности человека, отрицающего «политику и в то же время сочувствующего названной мной *политической* рабочей партии. Но своими рассказами о ней такой человек может заронить семя здоровых понятий в другие головы, которые, при благоприятных обстоятельствах, сумеют вполне усвоить социал-демократическую программу или хоть приблизиться к ней в большей или меньшей степени. В таком случае за ним останется все-таки не малая заслуга. Именно такую заслугу и нужно признать за лавристами. Вспоминая теперь лекции, читанные в рабочих кружках «бунтарями», я думаю, что существенную пользу рабочие могли выносить только из лекций по политической экономии покойного И. Ф. Фесенко. Этот, к сожалению, слишком рано умерший

*) *Примечание ко второму изданию.* Противники социал-демократов нередко говорят им теперь: «Не вы первые обратились к рабочим. Революционеры начали действовать в рабочей среде раньше, чем возникла социал-демократия». С одной стороны это верно, как показывают, между прочим, и мои воспоминания о рабочем движении семидесятых годов, т. е. того времени, когда в нашей революционной среде господствовали *народнические* взгляды. Но вопрос не в том, действовали или нет в рабочей среде русские революционеры до возникновения социал-демократии, а в том, *как они действовали и какое место отводилось в их программах деятельности этою рода.* Наши противники охотно забывают об этом, а в этом — самое главное: действовать в среде пролетариата, не отвозя ему никакой самостоятельной роли в общественном развитии, значит *не развивать, а запутывать* его классовое самосознание.

человек, хорошо знал выбранный им предмет и умел излагать его общедос-тупно и увлекательно. Но его лекции

продолжались всего несколько месяцев. С его отъездом из Петербурга политическая экономия была у нас совсем заброшена; на первый план выступили «очерки из русской истории», сводившиеся, главным образом, к рассказам о бунтах Разина, Булавина и Пугачева, да отчасти к истории крестьянства (преимущественно по известной книге Беляева: «Крестьяне на Руси»). Для уразумения рабочего вопроса эти «очерки» ничего не давали. Иногда мы говорили своим слушателям и о Международном Обществе Рабочих, но в качестве «бунтарей», разумеется, превозносили деятельность Бакунина, а «централистов», т. е. сторонников Маркса и Энгельса, изображали довольно-таки злостными реакционерами. Такое освещение истории Международного Общества не могло содействовать политическому развитию наших слушателей. У лавристов было хорошо хоть то, что они изображали не в превратном виде западноевропейское рабочее движение, и под влиянием *их* рассказов русский рабочий мог лучше выяснить себе свою собственную задачу. Если в программе образовавшегося зимой 78—79 года Северно-Русского Рабочего Союза сильно слышалась социал-демократическая нота, то это, кажется, в значительной степени нужно приписать влиянию лавристов.

Но вообще в роли лектора тогдашний интеллигент-революционер был не блестящ по той простой причине, что знал он мало, а то, что знал, не всегда понимал как следует. Он полезен был рабочим больше в качестве удалого доброго молодца, способного и книжку запрещенную достать, и паспорт сделать, и устроить подходящую квартиру для тайных собраний, словом научить всем тонкостям «конспиративного» дела. Он шевелил, будил и увлекал вперед рабочих своей подвижностью, своим самоотвержением, своей удалью и своей безграничной склонностью ко всяческому «отрицанию». Хотя многие, в особенности более развитые рабочие иногда скептически относились к интеллигенту, но обойтись без этого незаменимого фактора «конспирации» они

не могли. Под влиянием Халтурина и его ближайших товарищей, рабочее движение Петербурга в течение некоторого времени стало совершенно самостоятельным делом самих рабочих. Но и Халтурину постоянно приходилось обращаться к интеллигенции за помощью то в том, то в другом практическом деле.

Какие книги больше всего читались в рабочей среде? Во всяком случае не те революционные брошюры, — сказки о четырех братьях и о копейке, Мудрица Наумовна и пр., — которые в особенности пред-

назначались революционерами для народа. Все они так бедны содержанием, что удовлетворить хоть сколько-нибудь грамотного рабочего не могли. Они годились разве только для ничего не читавших новичков, да и по отношению к тем служили больше пробным камнем их настроения: если рабочий, прочитав такую книжку, не испугался, значит — из него будет толк, значит верноподданнические чувства и «страх иудейский» сидят в нем не глубоко; если — струсил, значит — иди от него подальше или, по крайней мере, будь с ним осторожнее. Но раз вы убедились в революционном настроении рабочего, вы должны были — или доставлять для его чтения более серьезный печатный материал, или в личной беседе отвечать на возникавшие в его голове вопросы. Только изданная в Женеве книга «Сытые и голодные», анархическая и по духу и по литературному исполнению, да еще, пожалуй, «Хитрая механика» считались рабочими более основательным чтением. На все остальные революционные брошюры для народа они смотрели как на нечто слишком уже элементарное. «Это *для серых»,* — говорили о них заводские рабочие. Вообще я заметил, что, читая книжку, изданную специально для «народа», способный рабочий чувствует себя как бы несколько униженным, поставленным в положение ребенка, читающего детскую сказку. Ему хочется поскорее перейти к сочинениям, предназначающимся для всех вообще

толковых читателей, а не только для «серого» народа. Для многих рабочих чтение серьезных и даже ученых книг было своего рода вопросом чести. Я помню некоего И. Е., здоровенного молотобойца из Архангельской губернии, который с усердием, достойным более подходящего для него чтения, сидел по вечерам над «Основами биологии» Спенсера. «Что это, вы думаете, что уж мы, рабочие, — совсем дураки», — сердито отвечал он мне, когда я советовал ему взять что-нибудь полегче. Такие рабочие охотно читали все, что печаталось революционерами для интеллигенции: «Государственность и анархию» Бакунина, «Вперед!», «Общину», «Землю и Волю», переизданную в Петербурге брошюру г. Драгоманова «До чего довоевались?» и т. п. Но тут являлась новая беда. В революционных изданиях «для интеллигенции» много и часто говорилось о таких вещах, которые не могли иметь большого интереса для рабочего. Таковы были, например, специально «интеллигентные» вопросы о «долге образованных классов народу» и о вытекающих из этого долга нравственных обязательствах, об отношении революционеров к «обществу» и споры о «программах», т. е., иначе сказать, споры о том, как легче и удобнее воздействовать «а народ и, между прочим, на того же рабочего. К таким программным

спорам, как уже сказано и как это, впрочем, понятно само собой, рабочие относились довольно равнодушно, хотя для них было далеко не все равно, в какую сторону направится их собственная революционная деятельность.

- Нет, не для нас этот журнал, — наш журнал должен вестись совсем иначе, — часто говорил мне Халтурин по поводу издававшейся тогда в Петербурге «Земли и Воли». И он был, разумеется, совершенно прав. «Земля и Воля» — как и «Община», как и «Вперед!» — не могла быть рабочей газетой ни по содержанию, ни по направлению.

Спрашивая рабочих, чего именно требуют они от

революционной литературы, я получал самые разнообразные ответы. В большинстве случаев каждому из них хотелось, чтобы она разрешила вопросы, почему-нибудь занимавшие его в данное время. А вопросов этих через голову мыслящих рабочих проходило многое множество, и у каждого рабочего, смотря по его наклонностям и характеру ума, были свои излюбленные вопросы. Один больше всего интересовался вопросом о боге и утверждал, что революционная литература должна направить главные свои усилия на разрушение религиозных верований народа. Других интересовали преимущественно исторические, политические или естественно-научные вопросы. В числе моих приятелей-фабричных был даже такой, которого особенно занимал женский вопрос. Он находил, что рабочие не уважают женщины и обращаются с ней как с низшим существом. По его словам, многие женатые рабочие даже удаляли своих жен, когда гости их заводили революционные разговоры: «не нужно, мол, путать баб в это дело». Поэтому у женщин не было никаких общественных интересов, что, в свою очередь, вредно отзывалось на мужчинах, которых они, по своей неразвитости, всегда старались отвлечь от опасного революционного дела. Мой приятель никогда не упускал случая «спропагандировать» женщину и всеми силами старался заводить особые революционные кружки между работницами. Своим товарищам он очень энергично — т. е. не отступая перед употреблением крепкого слова — внушал достойные развитых людей взгляды на женщин. Занятый своей идеей, он, естественно, требовал помощи от революционной литературы и сожалел, что она слишком мало занимается женским вопросом.

Замечу мимоходом, что этот горячий сторонник женского освобождения принадлежал к числу тех фабричных, для которых жизнь деревне стала совершенно немыслимой. Когда я познакомился с ним, и был еще очень молодым парнем, но считался уже «старым» рево-

люционером, так как был «спропагандирован» еще чайковцами. В 73 или 74 году, совсем мальчиком, попал он в Дом предварительного заключения *(задушения,* как говорили «политические»), где прекрасно держал себя и пристрастился к чтению. По выходе на волю он не раз ездил в Тверскую губернию к своим родным, но ладу с ними у него уже не было. Они называли его студентом и считали пропащим человеком. Он поражал их и привычками, и взглядами, и непочтительным отношением к начальству. Впрочем, они утешали себя пословицей: женится — переменится, и, едва стукнуло ему восемнадцать лет, «приглядели» ему невесту. А он как раз в это время увлекся женским вопросом и не допускал даже мысли о том, что порядочный человек может жениться на незнакомой женщине. Чтобы избежать бесполезных столкновений, он решился совсем не заглядывать на родину. Родина, со своей стороны, решила, что парень вконец «избаловался»; не знаю уж, согласились ли бы с нею в данном случае наши народники.

Между работницами Петербурга было несколько революционерок, случались у них даже стачки (на табачных фабриках), но вообще в тогдашнем рабочем движении женщины стояли действительно на самом заднем плане. Некоторые заводские рабочие-революционеры не женились прямо потому, что в окружавшей их среде не было подходящих для них женщин. «Наши бабы совсем дуры, а интеллигентки за нашего брата не пойдут, им подавай студентов», — не без горечи говаривали такие рабочие. Думаю, что и в этом случае в них сказывалось не городское «баловство», а серьезное нравственное развитие.

Я вовсе не намерен идеализировать условия современной городской жизни: — довольно уж мы упражнялись в ложной идеализации. Я видел и знаю отрицательные стороны этой жизни. Попадая из деревни в город, рабочий, иногда, действительно, начинает «пошаливать». В деревне он жил по

завету отцов, без рассуждений подчиняясь их исстари установившимся обычаям. В городе обычаи эти сразу теряют смысл. Чтобы человек не лишился всякого нравственного мерила, они необходимо должны замениться новыми обычаями, новыми взглядами на вещи. Такая замена постепенно и происходит в действительности, так как уже одна неизбежная и повседневная борьба с хозяином налагает на рабочих взаимные нравственные обязательства. Но «пока что», пока еще рабочий не успел проникнуться новой моралью, он все-таки переживает нравственный перелом, выражающийся иногда в довольно некрасивом поведении. Здесь повторяется то, что переживает всякий общественный класс, всякое общество при переходе от узких патриар-

хальных порядков к другим, более широким, но зато более сложным и более запутанным. Рассудочность вступает в свои права и, «закусив удила», приводит тотчас к антисоциальным выводам. Рассудок вообще способен ошибаться сильнее, чем «объективный разум» обычая. За это он и проклинается всеми охранителями. Но до тех пор, пока люди будут идти вперед, неизбежной останется и периодическая ломка обычаев. И как ни «балуется» иногда во время такой ломки рассудок, но его ошибок не поправишь охранением отживших порядков. Поправляет их обыкновенно дальнейший ход самой жизни. Чем больше развиваются новые порядки, тем яснее становятся для всех и каждого обусловленные ими новые нравственные требования, мало-помалу приобретающие прочность обычая, который и сдерживает затем излишнее «баловство» рассудка. Таким образом отрицательные стороны развития устраняются его собственными положительными приобретениями, и роль мыслящего человека в этом неизбежном историческом движении определяется сама собой.

Я знал одного молодого фабричного, который был вполне честным малым, пока его не коснулась революционная

пропаганда. Но как только ему сделались известными социалистические нападки на эксплуататоров, он начал «шалить», считая позволительным обманывать и обкрадывать людей, принадле-жащих к высшим классам. «Все равно, у нас же накрали», — возражал он на упреки товарищей, которым откровенно показывал и предлагал братски раз-делить попавшуюся под руку добычу. Будь известен этот случай покойному Достоевскому, он, конечно, не преминул бы уколоть им глаза революционе-рам в «Братьях Карамазовых», где вывел бы упомянутого парня рядом с Смердяковым, этой жертвой «интеллигентного» свободомыслия, или в «Бесах», где, как известно, «что ни шаг, то ужас». Интересно, что сами товарищи, едва ли когда читавшие произведения Достоевского, стали звать вороватого малого *Бесом.* Но в подвигах Беса они не винили ни интеллигенции вообще, ни социалистической пропаганды в частности. Они своим влиянием стара-лись, так сказать, доделать нравственную личность этого юноши и научить его бороться против высших классов не в качестве обманщика и вора, а в качестве революционного агитатора. Я скоро упустил Беса из виду и не знаю, разрешился ли в благоприятную сторону переживавшийся им тогда нравственный перелом. Но что благоприятный исход был вполне возможен, за это ручается, между прочим, то неодобрение, которое встречали его подвиги со стороны всех окружавших его рабочих-революционеров.

III

В настоящее время в среде «интеллигенции» много спорят о возможности революционной пропаганды между рабочими *). Я думаю, что всякий, кто хоть немного сталкивался с русскими рабочими, знает, как внимательно и как сочувственно относятся они к этой пропаганде. Говорят, что пропаганда встречает теперь непреодолимые препятствия со

стороны полиции. Но слишком часто говорят это люди, не давшие себе труда сделать хоть одну серьезную попытку в этом направлении. Иногда ссылаются, правда, и на «опыт». Но опыт опыту рознь. Без умения невозможно никакое революционное дело, а умелых людей не остановит никакая полиция. Общество «Земля и Воля» во все время своего существования вело деятельные сношения с рабочими через посредство некоторых из своих членов. И замечательно, что за все это время собственно рабочее дело привело у нас *только к одному,* да и то незначительному «провалу»: по доносу рабочего арестован был в 1878 году наш товарищ И., занимавшийся пропагандой на одной из московских фабрик. Многочисленные аресты рабочих, имевшие место весной того же года в Петербурге, аресты, благодаря которым в руки полиции попались покойный Хазов («Дедушка») и некоторые другие наши товарищи, причинены были самой же интеллигенцией. Именно, «нелегально» живший тогда в Москве Хазов попросил студентов Петровской академии спря-

*) *Примечание ко второму изданию.* Теперь об этом уже перестали спорить. Теперь все признают возможности такой пропаганды (равно как и *агитации).* Но когда я писал эти воспоминания, этот вопрос мог считаться решенным лишь *в отрицательном смысле.* Не далее, как в 1889 году г. В. Жук в «Свободной России», выходившей под редакцией Вл. Бурцева и Вл. Дебогория-Мокриевича, писал: «...Даже успешная пропаганда среди отдельных развитых рабочих не окупает той массы жертв, которых требует. В большинстве же случаев рабочие, принимавшие так или иначе участие в революционном движении, приходя в столкновение с властями в тюрьме, падали духом и не могли стойко защищать свои убеждения, которые, казалось, ими так хорошо восприняты на воле. Аресты среди рабочих вели обыкновенно за собой и разрушение революционных организации, имевших соприкосновение с ними. Конечно, жестоко и несправедливо было бы обвинять рабочих в этом (добрый и справедливый г. В. Жук! *Г. П.),* так как им негде было взять того мужества и той нравственной крепости, которые даются образованием и развитием» («Свободная Россия», *№* 1, стр. 37, 2-ая колонна). Я надлежащим образом заклеймил это удивительное мнение в предисловии к нашему изданию речи Алексеева (Женева 1889 г.). Но современному читателю трудно было даже и предста-вить себе, какую бурю вызвало это предисловие в заграничных русских колониях! Меня гото-вы были предать анафеме: против меня писали «протесты». Теперь *за это* предавать меня анафеме никто не станет. Но, разумеется, для анафемы и для «протестов» может найтись другой, столь же подходящий повод. Я очень хорошо знаю это и нимало этим не смущаюсь. *Общественное мнение — великое дело; но наш брат революционер должен уметь плавать против течения.* Без такого уменья *он никуда не годится, без него он революционер только по имени.*

тать кое-какие «конспиративные» бумаги. Те зарыли порученный им пакет в академическом саду, но зарыли, как оказалось, нехорошо и неглубоко. Какая-то некстати любопытная собака вырыла его из-под земли, а какой-то, к сожалению, слишком проницательный верноподданный, ознакомившись с его содержимым, представил его по начальству. Неожиданная находка оказалась настоящим кладом для полиции, которая тотчас же арестовала Хазова и кое-кого из его московских друзей. Как часто бывает в подобных случаях, эти аресты дали поводы для новых; «провалы» распространились на Петербург, где особенно пострадали многочисленные и хорошо сплоченные рабочие кружки Галерной Гавани. Наши потери были тогда очень серьезны, но мы понимали, что должны винить самих себя, а не рабочих.

В сношениях с рабочими «землевольцы» всегда держались следующих приемов. Те члены организации, которым поручалось ведение «рабочего дела» (их всегда было немного, самое большее: 4—5 человек), обязаны были со-ставить особые кружки из молодых «интеллигентов». Кружки эти, собственно говоря, не принадлежали к обществу «Земля и Воля», но, действуя под руководством его членов, они не могли работать иначе, как в духе его программы. Вот эти-то кружки и вступали в сношения с рабочими. Так как, благодаря пропаганде 73—74 годов, в петербургской рабочей среде было довольно мно-го революционеров, то задача «землевольцев» и их молодых помощников све-лась прежде всего к организации этих готовых сил. «Старые», по большей части уже испытанные революционеры-рабочие, присоединив к себе некоторых надежных новичков, составили ядро петербургской рабочей организации, с которым и сносилась, главным образом, «интеллигенция». На этих людей мы вполне могли положиться: нелепо было бы бояться, что они нас выдадут. Тем не менее, помня, что кашу маслом не портят, и что в тайном революционном деле осторожность обязательна даже тогда, когда кажется совершенно излишней, «земле-

вольцы» и этим испытанным рабочим не сообщали ни своих адресов, ни своих имен (т. е. тех имен, под которыми они были прописаны в участке). Прибавлю что так они поступали не с одними рабочими: адрес землевольца и то, по большей части вымышленное имя, под которым проживал он, в самой организации знали обыкновенно только очень немногие члены, занимавшиеся вместе с ним одной и той же отраслью революционного дела; остальные, занятые другими революционными специальностями, должны бы-ли довольствоваться встречами с ним на «конспиративной» квартире, где про-исходили общие кружковые собрания.

На обязанности центральной, отборной рабочей группы лежало руководство местными рабочими кружками, возникавшими в той или другой части Петербурга. Интеллигенция не вмешивалась в дела этих местных кружков, ограничиваясь доставлением им книг, помощью при за-ведении тайных квартир для собраний и т. п. Каждый местный кружок собственными силами должен был привлекать себе новых членов, которым сообщали, что существуют и другие подобные кружки в Петербурге, но где и какие именно, это было известно только членам центрального рабочего ядра, каждое воскресенье сходившимся на общее собрание. Революционеры-интеллигенты являлись с целью пропаганды и на собрания местных кружков. Но так как там они известны были под вымышленными именами, то если бы туда и забрался какой-нибудь шпион, он мог бы донести «пославшему его» только о том, что какой-то Федорыч, или Антон, или «Дедушка» в том-то месте и в таком-то часу потрясал основы, а где искать этого Федорыча, или Антона, или «Дедушку» оставалось покрыто мраком неизвестности. Проследить же на улице кого-нибудь из этих потрясателей было не так-то легко, потому что они на сей конец прибегали к особым мерам, в виде проходных дворов, извозчика, внезапно взятого в таком месте, где другого извозчика не

было, и где, таким образом, следовавший за потрясателем пеший шпион по необходимости должен был отстать от него и пр. и пр. При подобных предосторожностях мы могли благополучно заниматься своим делом даже в самые жестокие времена, когда не принадлежав-шие к организации революционеры (нигилисты, как называли мы их на своем жаргоне) за самомалейшие пустяки десятками попадались в руки бдительных аргусов.

Уже к концу 1876 г., когда землевольцы только еще приступали к устройству революционных «поселений в народе», пропаганда между рабочими при-няла довольно широкие размеры как в Петербурге (в Галерной Гавани, на Васильевском Острове, на Петербургской и на Выборгской сторонах, на Обводном канале, за Невской и Нарвской заставами), так и в его окрестностях (в Колпине, на Александровской мануфактуре, в Кронштадте и т. д.). Но я уже сказал, что «бунтари» не довольствовались пропагандой и во что бы то ни стало хотели *агитировать.* Наше настроение увлекло, наконец, и рабочих. В то время у всех была в памяти демонстрация, ознаменовавшая весной 1876 г. похороны убитого тюрьмой студента Чернышева, который был арестован по делу 193. Она произвела очень сильное впечатление на всю интеллигенцию, и все лето того года мы, что называется, бредили де-

монстрациями. Но в Чернышевской демонстрации рабочие не принимали уча-стия, так как произошла она в будни, да и подготовители ее как-то не вспом-нили о рабочих: Чернышева хоронила «интеллигенция». И вот рабочим захо-телось сделать свою демонстрацию, и притом такую, которая своим резко-ре-волюционным характером совершенно затмила бы демонстрацию «интелли-гентов». Они уверяли нас, что если хорошо взяться за дело и выбрать для де-монстрации праздничный день, то на нее соберется до двух тысяч рабочих. Мы сомневались в этом, но бунтарская жилка

заговорила в каждом из нас, и мы сдались. Так произошла известная Казанская демонстрация 6 (18) декабря 1876 года.

Теперь о Казанской демонстрации совсем забыли. Даже сам г. Драгоманов, любивший когда-то упрекнуть ею революционеров, вспоминает о ней все реже и реже. Но в свое время она возбудила много толков и споров. Одни осуждали, другие превозносили ее, хотя очень часто и те и другие имели о ней совершенно ошибочное понятие. Для «интеллигенции» цель демонстрации так и осталась невыясненной, вероятно потому, что в ее подготовлении «интеллигенция» принимала участие только в лице немногих «землевольцев», действовавших в рабочих кварталах Петербурга. Эти люди употребляли все зависевшие от них средства, чтобы привлечь на нее как можно больше рабочих, но об интеллигенции, насколько мне известно, они думали мало: придет, мол, и без зова, а не придет — беда не велика, пожалуй, даже лучше будет, выйдет чисто рабочая демонстрация. Тем не менее, утром 6-го декабря у Казанского собора собралось много учащейся молодежи. Произошло это, как мне кажется, главным образом, потому, что уже в течение всего ноября по Петербургу ходили слухи о какой-то демонстрации, имеющей произойти около Исакия, и публика была уже подготовлена. Кто задумал эту демонстрацию и какой характер собирались придать ей, мы, «землевольцы», хорошенько не знали, хотя, разумеется, явились бы к Исакию, если бы там действительно что-нибудь произошло. Но этой демонстрации не суждено было состояться, она все как-то откладывалась от одного праздника до другого, так что нетерпеливые «нигилисты» начали, наконец, сердиться. О демонстрации у Исакия стали говорить не иначе как с иронией. Не желая, чтобы публика смешала нас с этими медлителями, мы нарочно выбрали другое место — Казанский собор — для *нашей* демонстрации. И все-таки, когда в публику проникли слухи о наших замыслах, многие решили, что предстоящая Казанская демонстрация и есть та, которая должна была

произойти у Исакия. Давно жаждавшая сильных впечатлений,

революционная молодежь отовсюду повалила к Казанскому собору и, сравнительно с рабочими, оказалась там, вопреки нашим первоначальным расчетам, в большинстве.

Рабочих пришло немного: 200—250 человек. И это было совершенно понятно. Если для принадлежавших к революционным кружкам рабочих демонстрация имела смысл агитационной попытки, то для их незатронутых пропагандой товарищей она могла быть интересна разве лишь как новое, невиданное зрелище. Для деятельного участия в ней *у* них не было никакого осязательного повода. Поэтому они и не пошли на нее. Еще за несколько дней до демонстрации мы увидели, как несбыточны были розовые надежды задумавших ее революционных рабочих кружков. Но отступать было уже поздно. Мы все видели, как смешны стали в глазах публики слишком осторожные организаторы Исакиевской демонстрации, и не хотели уподобляться им. Вечером 4-го декабря собрание, на котором кроме нас, землевольцев, были влиятельнейшие рабочие с разных концов Петербурга, почти единогласно решило, что демонстрация должна состояться, если на нее соберется хоть несколько сот человек. На этом же собрании была предложена и одобрена мысль о красном знамени, о котором прежде никто не думал.

Вышитую на этом знамени надпись: *«Земля и Воля»* мы считали наилучшим выражением народных идеалов и требований. Но именно народу-то, по крайней мере, столичному народу, она и оказалась непонятной. «Как же это так, — рассуждали потом на некоторых фабриках, — они хотели земли и воли? Земля-то это так, земли точно надо бы дать крестьянам, а воля-то ведь уж дана. В чем же тут дело?» Вышло, что с своим девизом: *«Земля и Воля»* мы опоздали по меньшей мере на пятнадцать лет. Впрочем, местами в крестьянстве слышались на этот счет другие отзывы. Живший в Малороссии товарищ рассказывал мне, что раз при нем

между крестьянами зашла речь о Казанской демонстрации. «Они хорошего хотели, — заметил один старик, — этого все хотят, нам всем нужна земля и воля». Тот же старик никак не хотел поверить, что революционеров могут преследовать за столь справедливые требования. — «Ничего им не было, — утверждая он, — просто царь призвал их к себе и сказал: подождите, хлопцы, будет вам и земля, и воля, только не надо об этом кричать на улицах». Вообще о Казанской демонстрации так или иначе заговорила вся Россия.

Но как произошла самая демонстрация? Я сказал, что собрание 4-го декабря решило не откладывать ее, если соберется хоть несколько сот человек. Весь следующий день был посвящен нами на беготню па

рабочим кварталам. Утром 6-го декабря на место действия пришли все «бунтарские» рабочие кружки (лавристы были, разумеется, против демонстрации). В особенности хорошо были представлены гаванские рабочие: с одного из гаванских заводов пришла в полном составе целая мастерская в 40 — 45 человек. Но посторонних рабочих совсем не было. Мы видели, что сил у нас слишком мало и решились выжидать. Рабочие разошлись по ближайшим трактирам, оставив у соборной паперти только небольшую кучку для наблюдения за ходом дел. Между тем, учащаяся молодежь подходила большими группами. Находившаяся в церкви, очень, впрочем, малочисленная, публика уже к концу обедни была поражена странным наплывом совершенно необычных богомольцев. Церковный староста посматривал в их сторону с каким-то тревожным удивлением. Обедня кончилась, странные богомольцы не расходились. Тогда староста вступил с ними в переговоры. «Что вам угодно, господа?» — спросил он, как нарочно подойдя к группе «бунтарей».

- Желаем отслужить панихиду, — отвечали ему.

- Нельзя сегодня служить панихиду: царский день.

«Бунтари» изумились. Собственно в план демонстрации

богослужение вовсе не входило, но так как революционная публика все продолжала прибывать, и «бунтарям» нужно было выиграть время, то они придумали панихиду просто как благовидный предлог для дальнейшего пребывания в церкви. Когда староста разъяснил им, что нельзя служить панихиду, они недолго остава-лись в смущении.

- Я пойду закажу молебен, — шепнул мне покойный Сентянин.

- Идите, заплатите попам за наш постой, — ответил я, подавая ему трехрублевую бумажку.

Сентянин пошел. Но я и до сих пор не знаю, на чем он порешил с попами. Соскучившиеся «нигилисты» стали выходить на паперть, из соседних трактиров подошли заседавшие там «бунтари»-рабочие. Толпа приняла довольно внушительные размеры. Мы решили действовать *).

*) *Примечание ко второму изданию.* Лицо, написавшее некролог П. Г. Заичневского («Материалы для истории русского революционного движения. С приложением: С родины и на родину», № 6—7, стр. 505) говорит, между прочим, следующее: «Что особенно отвратило его (П. Г. Заичневского) от Земли и Воли, это — Казанская демонстрация, где он увидел прежде всего недостаток организации и несерьезность организаторов. Ему удалось тайно приехать в Петербург и на одной студенческой квартире он отчитал оратора (делая вид, что не знает, что этот оратор в той же комнате), осмелившегося произнести речь, когда организаторами было решено произносить ее только в том случае, когда соберется на площади три тысячи рабочих. Оратор должен был молча слушать, как Заичневский его клеймил».

До властей, вероятно, дошли слухи о наших приготовлениях. Однако на Казанской площади полицейских и жандармов было немного. Они смотрели на нас и «ждали поступков». Когда раздались первые слова революционной речи, они попытались было протискаться к говорившему, но их сейчас же оттеснили назад. Все участники демонстрации пришли в страшное возбуждение. Рабочие плотным кольцом сомкнулись вокруг говорившего. «Ребята, держись тесней, не выдавай, не подпускай полиции», — командовал Митрофанов, между тем как полицейские свистки оглашали площадь. Когда речь была окончена, развернули красное знамя, раздались крики: «Да здравствует социальная революция, да

здравствует Земля и Воля!». Митрофанов быстро сдернул шапку с говорившего и, надевши на него какую-то фуражку, закутал башлыком его голову. «Теперь пойдем все вместе, иначе будут арестовывать», — закричали какие-то голоса, и мы толпой двинулись по направлению к Невскому. Но едва мы сделали несколько шагов, как полиция, подкрепленная сбежавшимися на свистки городовыми и околоточными, стала хватать шедших в задних рядах. Тут общее возбуждение дошло до последней степени. Кто-то скомандовал: «стой, наших берут», и толпа бросилась отбивать арестованных. Полицейские были смяты и побежали за собор, в Казанскую улицу. Если бы, отразив этот первый неприятельский натиск, революционеры выказали больше самообладания, то они, вероятно, смогли бы отступить без потерь и в полном порядке. Землевольцы понимали это, и как только арестованные были отбиты, они закричали, чтобы публика снова со-

Лицо, написавшее эти строки, позабыло или не сочло нужным сообщить, *откуда знал Заичневский, при каких условиях решено было произносить речь:* ведь он к числу организаторов демонстрации не принадлежал и на их собраниях не был. па самом деле, решение, о котором говорит автор некролога, не только не было принято организаторами Казанской демонстрации, но его никто и не предлагал. На собрании 4-го декабря *решено было,* напротив, *действовать, если соберется на Казанской площади хоть несколько сот человек.* Да иначе нельзя было поступить при тогдашних условиях, *не внося деморализацию в среду революционеров.* Не зная о том, как была подготовлена и организована Казанская демонстрация; Заичневский не мог «отчитывать оратора» за его будто бы неповиновение решениям организаторов. На самом деде он «отчитывал» вовсе не «оратора», а прежде всего всех вообще революционеров-народников за *их ожидание активной поддержки со стороны народа.* Говорил он также и *против демонстрации,* но единственно по причине, которую хорошо разъясняет сам автор некролога: «Всякая демонстрация и террор безусловно им порицались, как прямая помеха организации» (там же, стр. 504). И почему «оратор должен был молча слушать» рассуждения Заичневского? Разве потому, что его самого мучила совесть ввиду содеянного им нарушения революционной дисциплины? Но — как я уже сказал — такого нарушения вовсе не было. В действительности «оратор» вовсе и не молчал, но очень возможно, что в течение некоторого времени «молча слушал» до тех пор не слыханное им от *революционера* мнение о неизбежной будто бы инертности народа. Это мнение глубоко поразило его некоторыми своими презрительными нотками.

мкнулась в тесные ряды. Но кому из принимавших когда-нибудь участие в подобных столкновениях неизвестно, как

трудно ввести в надлежащие границы раз прорвавшиеся наружу страсти? Публика продолжала преследовать обращенную в бегство полицию. Произошел страшный беспорядок, наши ряды совсем расстроились; между тем к полицейским явилось новое и сильное подкрепление. Целый отряд городовых, в сопровождении множества дворников, быстро приближался к площади по той самой Казанской улице, к которой направились бежавшие полицейские. Увлекшись преследованием, революционеры столкнулись с этим отрядом лицом к лицу. Началась жесточайшая свалка. Силы полиции ежеминутно возрастали. Революционеров окружали со всех сторон. Стройное отступление сделалось для них совершенно невозможным. Хорошо было уже и то, что они могли отступать более или менее значительными кучками. Такие кучки по большей части успешно, хотя и не без значительных телесных повреждений, отбивались от нападавших. Но зато тех, которые действовали в одиночку, тотчас хватали и, после зверских побоев, тащили в участки.

У меня нет охоты воспевать подвиги чьих бы то ни было кулаков. Но ввиду зверства, проявленного тогда полицией, я не без удовольствия замечу, что и ей досталось очень порядочно. Революционеры, из которых некоторые были вооружены кастетами, отчаянно защищались. С их стороны в особенности отличился тогда студент NN. Высокий и сильный, он поражал неприятелей, как могучий Аякс, сын Телатона, и там, где появлялась его плечистая фигура, защитникам порядка приходилось жутко. Как ни старалась схватить его полиция, он счастливо отбил все нападения и возвратился домой таким же «легальным» человеком, каким пришел на площадь. Пострадавшие от него защитники «порядка» знали только, что их тузил какой-то высокий сильный брюнет, но лица его они совсем не запомнили. Когда потом, уже по окончании столкновения на площади, им встретился на Морской Боголюбов, они вообразили, что он-то и есть их победоносный неприятель. Боголюбова схватили,

жестоко избили в участке, а потом, как известно, осудили на каторгу. Но *Боголюбов не принимал в* демонстрации *ни малейшего участия.*

Когда, по произнесении речи, развернули красное знамя, его схватил молодой крестьянин Потапов и, поднятый на руки рабочими, некоторое время держал его высоко над головами присутствующих. Полиция заметила его физиономию, однако арестовать его ей долго удавалось. Защищавшая его группа решительных и - смелых людей

медленно отступала по Невскому. Она дошла до угла Большой Садовой. Пре-следование постоянно ослабевало и, наконец, по-видимому, совершенно пре-кратилось. Тогда Потапов сел в конку, считая себя уже в безопасности. Но за ним следили шпионы. Пока он был не один, они держались на почтительном расстоянии, а когда спутники его удалились, шпионы бросились за конкой и, остановив ее, арестовали Потапова. На нем нашли знамя, которое само по себе составляло неопровержимую улику. Тем не менее суд приговорил Потапова лишь к заключению в монастырь «на покаяние». Сравнительная мягкость этого странного приговора объяснялась будто бы молодостью Потапова. Но известно, что в русских политических процессах судьи не стеснялись осуждать на каторжные работы, а потом, в военных судах, даже на смерть очень молодых подсудимых. В данном случае умысел был другой. Правительство нашло нужным щадить рабочих. На скамью подсудимых из них попало 10—12 чел., и всем им вынесен был довольно мягкий приговор: некоторых, подобно Потапову, приговорили к монастырскому покаянию, других к ссылке на поселение в Сибирь; подсудимые же из интеллигенции пошли по большей части в каторгу и при этом на очень долгие, неслыханные до тех пор, сроки. Судьи не могли не видеть, что виновность всех почти подсудимых этой последней категории по меньшей мере сомнительна. Зато у двух арестованных рабочих найдены

были записки, которые, по замечанию прокурора, «ясно указывали на сговор»; они действительно ясно указывали на него, но не менее ясно было и то, что никто из преданных суду «интеллигентных» революционеров в этом сговоре не участвовал. Третье отделение хорошо знало, что главные подготовители демонстрации арестованы не были. Но суд не смутился этим, отомстив арестованным «интеллигентам» за действия скрывшихся. Известно, что правительство всегда установляло в таких случаях род круговой поруки между революционерами. Но ему слишком неприятна была та мысль, что в среде рабочих могут быть такие же неисправимые «бунтовщики», как и в среде «интеллигенции». Оно старалось уверить себя и других, что лишь под дурным влиянием этой последней рабочие перестают быть верными подданными монарха, и очень неохотно сажало их на скамью подсудимых, предпочитая расправляться с ними административным порядком. Это было очень благоразумно. Пока в качестве политических преступников выступали только представители интеллигенции, можно было уверять крестьян, что преступники эти были барами, злившимися на царя за уничтожение крепостного права. По отношению к преступникам из

рабочей среды подобные уверения сразу лишались всякого смысла, и образ «бунтовщика» должен был принимать совершенно новый, очень неприятный для правительства, вид в народном воображении. Правительство очень хорошо понимало, какой невыгодный для него оборот примет революционное движение, если, не ограничиваясь одной интеллигенцией, оно увлечет хоть некоторые слои народа.

Казанская демонстрация была первой попыткой практического применения наших понятий об *агитации.* Понятия эти были в то время еще *слишком отвлеченны,* и уже по одному этому не могло быть удачным их практическое применение. Казанская демонстрация наглядно показала, что

мы будем всегда оставаться одни, если в своей революционной деятельности будем руководствоваться лишь своим отвлеченным пристрастием к «агитации», а не существующим настроением и данными насущными нуждами той среды, в которой собираемся агитировать.

Мы не забыли этого урока, но прошло более года прежде, чем нам представился случай снова взяться за агитацию в среде петербургского рабочего населения. Это был очень печальный случай. На Василеостровском патронном заводе произошел взрыв пороха. Нескольких рабочих страшно изуродовало, четырех убило на месте. На другой день умерли от тяжелых ран еще двое. Таким образом рабочим этого завода предстояло провожать на Смоленское кладбище шестерых товарищей. Взрыв произошел по непростительной вине заводского начальства. Пострадавшая мастерская помещалась во втором этаже и сообщалась с внешним миром одной только лестницей. Как раз при входе в мастерскую, около лестницы, лежал в особом чулане довольно значительный запас прессованного пороха, из которого приготовлялись патроны. Когда этот порох обтачивался на станках, от него поднималась мелкая пыль, покрывавшая станки, пол и стены мастерской. Достаточно было одной искры, чтобы пороховая пыль вспыхнула и, донеся огонь до помещавшегося у лестницы порохового чулана, отрезала рабочим всякий путь к спасению. Рабочие тем лучше сознавали грозившую им опасность, что искры часто получались во время работы от трения. Иногда от этих искр вспыхивала даже покрывавшая станки пороховая пыль. Но так как до поры до времени вспышки были незначительны, то начальство и полагалось на милость божию. Заявления рабочих оставались без внимания. Понятно, что, когда произошел взрыв, все рабочие этого завода были очень озлоблены. Существовавший там революци-онный кружок тотчас увидел, что ему следует действовать. Кто-то из его членов написал воззвание, в котором происшедший на

заводе несчастный случай ставился в связь с общим положением рабочего класса. Воззвание это, напечатанное в нашей тайной типографии, произвело хорошее впечатление, его с сочувствием читали даже и такие рабочие, которых прежде никто не замечал в сочувствии к революционерам. Но этого было мало. Революционный кружок патронного завода хотел придать предстоящим похоронам характер демонстрации.

Этот кружок не находился под исключительным влиянием «бунтарей». Сносясь с «бунтарями», он поддерживал постоянные дружеские сношения и с лавристами. Но ему было хорошо известно отрицательное отношение лавристов ко всякого рода «бунтовским попыткам», он боялся, что те не одобрят его мысли о демонстрации. Очень неприятно было рабочим огорчать друзей-лавристов, но отказаться от демонстрации было бы еще неприятнее. Вследствие этого они пустились на хитрость. Пригласив бунтарей придти на похороны, они настоятельно просили их ничего не сообщать лавристам. «Бог с ними совсем, — говорили они, — лавристы — люди хорошие, но пойдут спорить, доказывать, что мы затеяли пустое, а нам послушаться их нельзя, очень уж возбуждены все рабочие». Бунтари не имели, разумеется, никакой охоты выдавать их лавристам.

В день похорон, часов в девять утра, хорошо вооруженная группа «бунтарей» (в числе их покойный Валериан Осинский) подошла к зданию патронного завода, перед которым собралась уже большая толпа рабочих. К бунтарям тотчас присоединились члены заводского рабочего кружка, тоже вооружившиеся кой-чем «на всякий случай». Покойный Халтурин, работавший в то время на другом заводе, также пришел на похороны. Начались совещания: каково настроение рабочих и что именно могут сделать в виду его революционеры. Бунтари находили, что выступать с революционной речью было бы неуместно. Одетая по-празд-

ничному рабочая толпа показалась им слишком «буржуазною». И это впечатление было так сильно, что оно сообщилось не только тем «интеллигентам», которые, «занимаясь» с заводскими рабочими, казалось бы, знали их привычки, но — странно сказать — даже членам местного рабочего кружка. Те тоже сильно упали духом.

Показались гробы; присутствующие на минуту сняли шапки, и началось похоронное шествие. В тот день был жестокий мороз, еще более охлаждавший наши революционные порывы. «Нет, господа, революцию нужно делать летом, в этакий холод никого не расшевелишь», — шутили мы, оттирая побелевшие носы и уши.

Но вот и кладбище. В одном из отдаленнейших от входа углов его вырублено было в промерзшей земле шесть свежих могил, около которых лежали скромные деревянные кресты. Полиция, все время сопровождавшая шествие в довольно значительном количестве и усиленная новым отрядом городовых у входа на кладбище, стала вокруг могил; священник пропел последнюю молитву; гробы опустили в землю. Пока их зарывали, толпа оставалась вполне спокойной, и мы совсем было убедились, что с ней «ничего не поделаешь». Но когда все было кончено, и настало время расходиться, в ней началось какое-то движение. Незнакомый нам полный, рыжий рабочий протискался к одной из крайних могил.

- Господа, — воскликнул он дрожащим от волнения голосом. — Мы хороним сегодня шесть жертв, убитых не турками *), а попечительным начальством. Наше началь...

Его прервали.

Раздались полицейские свистки, и околоточный надзиратель положил ему руку на плечо со словами: «я вас арестую». Но едва успел он выговорить это, как произошло нечто совершенно неожиданное. Со всех сторон раздались негодующие крики, и толпа, та самая толпа, которая

произвела на нас безнадежное впечатление своею будто бы буржуазною прилизанностью, дружно кинулась на оторопевших полицейских. В одно мгновение арестованный был куда-то далеко унесен нахлынувшей рабочей волной, а пытавшийся взять его околоточный не совсем твердым голосом извинялся перед публикой.

- Ведь я же не могу иначе, господа, я сам отвечаю за беспорядки перед начальством.

- Рассказывай! Вот мы тебя вздуем, так ты впредь не будешь соваться куда не следует! — отвечали ему из толпы.

— Бей его! — кричали наиболее ожесточенные.

Положение полиции становилось критическим. Здесь, на далеком Смоленском кладбище, она была совершенно бессильна перед этой тысячью разъяренных рабочих. Но ее спасло именно ее, очевидное для всех, бессилие.

- Братцы, что ж мы их будем бить, — сказал чей-то голос. — Нас много, их мало, стыдно нам с ними связываться. Пускай себе идут по домам; никого из нас они тронуть не посмеют.

Эта не то дипломатическая, не то действительно великодушная, речь несколько успокоила рабочих. Крики поутихли; публика пере-

*) Это было во время русско-турецкой войны.

стала угрожать полиции побоями, но с другой стороны не хотела и отпустить ее с миром, так как боялась, что она проследит и арестует оратора. Толпа разделилась на две части: одна окружила полицейских, другая сплотилась вокруг оратора и торжественно повела его к воротам. Он, по-видимому, никак не ожидал такой чести и сконфуженно посматривал на товарищей, шумно выражавших ему свое сочувствие. Все окружавшие громко ругали начальство и полицию. Мне особенно бросилась в глаза худая, маленькая старушка, которая, ни к кому не обращаясь в частности и как будто разговаривая сама *с* собой, с жаром повторяла, что надо постоять за своего человека. И толпа несомненно готова была

постоять за него, но ее, по ее неопытности, могли перехитрить шпионы. «Бунтари» нашли нужным подать ей благоразумный совет. У главных ворот кладбища стояло, в ожидании седоков, несколько извозчиков. Одному из них революционеры посадили в сани пытавшегося говорить рабочего, а всем остальным запретили двигаться с места. Для большей верности лошадей взяли под уздцы. Таким образом ни один шпион не мог последовать за оратором, быстро уезжавшим в сопровождении двух надежных людей. Когда к воротам подошла остальная, конвоировавшая полицию, часть толпы, он уже совсем скрылся из виду. Полицейских продолжали, однако, держать в плену, отпуская на их счет различные, теперь уже по большей части добродушно-шутливые замечания. Но они едва не испортили дела излишним рвением. Очутившись за воротами, один околоточный, тот самый, который прервал оратора, выхватил из кармана свисток и быстро поднес его к губам, чтобы звать к себе на помощь. Публика снова заволновалась. У него вырвали свисток и несколько раз толкнули его довольно-таки внушительно. Ему оставалось только ругаться! «Это бунт, — кричал он в бессильной ярости, — вы все ответите за это, это вам так не пройдет!»

- А ты бы лучше помалкивал, покуда бока целы, — наставительно отвечали ему рабочие.

- Нечего мне молчать, я исполняю свою обязанность, а вы бунтовщики, — горячился он и вдруг, обращаясь к группе «бунтарей», заметил, что он всех их видел еще на Казанской площади.

- Очень приятно встретиться со старым знакомым, — любезно ответили «бунтари», — надеемся, что это не в последний раз.

Рабочие рассмеялись. Околоточный пожал плечами и умолк, изобразив на своем лице полнейшее негодование.

— Ну, что ж, пора их отпустить, пусть пойдут домой

погреются, — решила публика и стала расходиться кучками по двадцати-тридцати человек, ожив-ленно толкуя обо всем случившемся. Только самые непримиримые продолжа-ли еще бранить и даже толкать в спину размещавшихся по извозчичьим саням околоточных. Наконец, ушли и непри-миримые, и Смоленское кладбище при-няло свой обычный пустынный вид.

Дружный отпор, данный полиции рабочими патронного завода, произвел прекрасное впечатление как на рабочие кружки Петербурга, так и на «бунтарскую» интеллигенцию. Он доказывал, что даже незатронутые пропагандой рабочие вполне способны к решительному и единодушному действию и в подходящую минуту не испугаются союза с «бунтовщиками Казанской площади», т. е. с революционерами. Нам нужно было только не упускать таких минут, чтобы обеспечить себе сочувствие рабочей массы. И когда в марте того же года вспыхнула стачка на Новой Бумагопрядильне, мы были уверены, что легко сговоримся с этой массой.

Первая стачка на Новой Бумагопрядильне вызвана была, в марте 1878 г., значительным понижением заработной поштучной платы и длинным рядом «новых правил», целью которых являлось все то же, любезное предпринимательскому сердцу, удешевление рабочей силы. На этой фабрике существовал небольшой революционный кружок из 10—12 человек, только недавно привлеченных, неопытных и не испытанных на деле. Душою кружка был нелегальный, унтер-офицер Гоббст, впоследствии, в июле 1879 г., повешенный в Киеве, а в то время, о котором идет теперь речь, усердно разыскиваемый полицией по делу о пропаганде в войсках Одесского военного округа. Гоббст был не только вполне надежный, но положительно редкий, по своей преданности делу, человек. Он один стоил иного кружка. Однако с фабричной средой он не успел хорошенько познакомиться, да при том же на фабрике он не работал, а жил по соседству с

нею в качестве сапожника-хозяина единственной в той местности «конспиративной» квартиры. Таким образом непосредственного влияния на рабочую массу он не имел. Ко всему этому нужно прибавить, что на Новой Бумагопрядильне — самой большой из фабрик Обводного канала, занимавшей более двух тысяч человек — работали тогда, как нарочно, все «серые» люди, недавно попавшие в столицу и в целости сохранившие свои деревенские предрассудки. Можно представить себе, поэтому, те препятствия, которые должны были встретиться революционерам при их попытке войти в сношения со стачечниками.

Когда извещенные Гоббстом «землевольцы» явились на его конспиратив-ную квартиру, дело обстояло так. Рабочие были вполне уверены, что «началь-ство» немедленно вступится за них, как только поймет смысл «новых пра-вил». Разубедить их в этом не представлялось пока никакой возможности. Приходилось уступить их наивной уверенности, предоставив им из опыта узнать, как велика заботливость русского «начальства» о нуждах рабочего класса. Ближайшим к ста-чечникам представителем власти был местный полицейский пристав. К нему-то и обратились они прежде всего со своими жалобами. Пристав оказался большим дипломатом. Чтобы выиграть время, он ласкова принял «ходоков» и обещал им «переговорить» с управляющим фабрики. Простодушные рабочие заранее торжествовали победу. Но прошел день, про-шел другой, фабричные станки бездействовали, мелочные лавки начали отка-зывать стачечникам в кредите, а управляющий все еще не обнаруживал ни малейшей склонности к уступкам. Что же это могло означать? Неужели при-став не «переговорил» с ним? Снова отправились «ходоки» в участок, но на этот раз их приняли там не по-прежнему: пристав находил, что рабочие *обязаны* подчиниться новым правилам, «бунтовщикам» же грозил строгим наказанием. Стачечники усмотрели из этого, что он

«снюхался» с управляющим, и решили «идти выше», т. е. к градоначальнику. Нечего и говорить, что тот сделал для них не больше, чем пристав. Тогда поднялись толки о подаче прошения наследнику *).

На все это ушло с неделю, а за неделю революционеры успели уже довольно хорошо сойтись со стачечниками. С самого начала стачки рабочие заметили, что каждый раз, когда они собирались большой толпой, между ними появлялись какие-то незнакомые им люди, одетые не совсем по фабричному, пожалуй, даже вообще смахивавшие на «студентов», но неизменно тянувшие их руку. Эти люди подали уже немало дельных советов. Они говорили, что незачем ходить ни к приставу, ни к градоначальнику. Их не послушались, а вышло по-ихнему. Семейным стачечникам, на которых особенно тяжело отзывалась остановка работы, сопровождавшаяся, разумеется, прекращением заработка, раздавались денежные пособия, — раздавались, правда, своими же фабричными, но откуда у тех возьмутся деньги? Догадаться не трудно: деньги дают те же таинственные люди. Доверие стачечников к рево-

*) *Примечание ко второму изданию.* Читатель помнит, что это было еще в царствование Александра II.

люционерам росло с каждым днем. До какой степени дорожила рабочая масса их неожиданной поддержкой, покажет следующий пример. Одним из самых бойких членов местного революционного рабочего кружка был фабричный, которого мы назовем хоть Иваном. Прекрасный малый, очень неглупый, деятельный и энергичный, Иван имел страстишку выставиться и порисоваться. Этот недостаток его, с избытком искупавшийся, впрочем, его достоинствами, ставил иногда Ивана в довольно смешные положения. Однажды, к величайшему нашему удивлению и огорчению, он вздумал прочесть стачечникам лекцию о прибавочной стоимости. Слушателям было совсем не до того: они собрались поговорить о том, как вести себя ввиду неожиданной для них

измены пристава; лектор сам, как обнаружилось, плохо понимал свой предмет, да вдобавок еще сильно смутился на этом первом, так сказать, пробном чтении, и ничего, кроме вздора, из его популяризаторских усилий не вышло. Он был сильно сконфужен своей неудачей. Мы думали, что теперь он угомонится надолго, если не навсегда, но не тут-то было. Уже на другой день Иван позабыл об этом печальном происшествии, и его опять тянуло побаловать себя тем или другим эффектным положением. Приходит он однажды, в самый разгар стачки, часов около восьми утра на квартиру Гоббста и торжественно обращается к одному из присутствовавших там «бунтарей»: - Петр Петрович, надо бы смотр сделать!

— Какой смотр?

— Да больше ничего — выйти на улицу, людей посмотреть, себя показать. Скучает народ-то!

«Бунтарь», названный здесь Петром Петровичем, отчасти походил характером на Ивана, с которым, кстати сказать, был большим приятелем. Он быст-ро сообразил, чего тот хочет, и без возражений вышел с ним на улицу. Спустя несколько минут, за ними последовали и остальные бунтари, — их было два-три человека, — очень заинтересованные новой затеей неугомонного и неис-правимого Ивана. Дойдя до Обводного канала, они увидели такую картину.

Сотни стачечников покрывали набережною, образуя вдоль нее сплошную стену. Перед этой стеной медленно, торжественно шествовал Петр Петрович, а за ним, на некотором расстоянии, двигался Иван, слегка повернув в сторону свою почтительно наклоненную вперед голову, как бы затем, чтобы хоть одно ухо было поближе к начальству и не проронило ни слова из могущих последовать приказаний. Всюду, где проходила эта удивительная пара, рабочие снимали

шапки, приветливо кланяясь и отпуская на ее счет разные

одобрительные замечания. «Вон они, орлы-то наши, пошевеливаются! — любовно воскликнул в нескольких шагах от меня пожилой рабочий. Окружавшие его молчали, но видно было, что им появление «орлов» доставило большое удовольствие.

Комическая выдумка Ивана была подсказана ему верным пониманием настроения массы. «Народ» действительно «скучал», не видя революционеров. Он чувствовал себя бодрее и смелее в их присутствии.

Замечу, однако, что тогдашние представления огромного большинства стачечников об «орлах» были очень смутны. Стачечники видели в них своих друзей; заметили также, что «орлы» не ладят с полицией. Но это и все. В каких отношениях стоят революционеры к высшему начальству, — в особенности к царю, — об этом спрашивали себя тогда, вероятно, очень немногие из стачечников. Большинство приписывало нам, должно быть, свой собственный, вынесенный из деревни, взгляд на царя, как на верного защитника народных интересов. Наиболее же наивные доходили, пожалуй, до того, что принимали нас за тайных царских агентов. Я знаю, что в первое время стачки в существование таких агентов твердо верили, по крайней мере, некоторые рабочие. «Тише, братцы, — крикнул однажды собравшейся перед фабричным зданием толпе какой-то, должно быть, уже искушенный опытом, прядильщик, — тут таскаются фискалы!» — Какие фискалы? — полюбопытствовал другой, обращаясь к своему соседу. — «А это, брат ты мой, такие люди, — ответил тот, — которых царь тайно посылает разузнать, нет ли где притеснения народу. Они походят, послушают, да ему и расскажут. Фискалов бояться нечего, это он напрасно, фискалы правду наблюдают». Такое лестное мнение о фискалах скоро разбилось в прах при столкновении с действительностью. Не прошло и недели, как уже все стачечники хорошо знали, кому и о чем доносят фискалы. Фабричная молодежь стала устраивать на них настоящие

облавы. Обыкновенно они происходили вечером. Отряд охотников отправлялся в один из местных трактиров, куда во время стачки часто забегали шпионы пообогреться и прислушаться к разговорам публики, состоявшей из тех же стачечников. «Есть фискалы?» — спрашивает предводитель отряда кого-нибудь из знакомых. — «Вон сидит пара, давно уж тут вертятся, замечают, да подслушивают». Предводителю только этого и надо. Он шепчется со своими спутниками и располагается лить чай неподалеку от фискалов. Едва те выходят из трактира, он выбегает за ними. «Ребята, фискал, держи, держи!» — кричит он, что есть мочи.

фискалы бросаются бежать, но на первом же углу натыкаются на засаду. Их хватают и ведут к каналу. Здесь их вежливенько кладут на землю и, как по наклонной плоскости, пускают катиться вниз по крутому берегу. Вывалявшись в снегу и стукнувшись об лед, фискалы вскакивают и стремглав летят в участок. «Улю-лю-лю! улю-лю-лю!» — юмористически кричат им вслед рабочие и затем быстро расходятся по домам, во избежание полицейских возмездий. Рассказы об испытанных фискалами неприятностях очень потешали всех стачечников. Собственно говоря, революционеры были для них такими же неизвестными людьми, как и фискалы. Иногда, по тем или другим причинам, на место действия, вместо старых знакомых всей рабочей массе «орлов», являлись совершенно новые личности. Но замечательно, что стачечники никогда не ошибались, и ни разу ни одному революционеру не пришлось испытать на себе действие предназначенного для фискалов исправительного наказания. Рабочие каким-то чутьем отличали революционеров от полицейских сыщиков. Возможно, однако, что те из них, которые видели прежде в шпионах тайных агентов добродетельного царя, принимали потом за таких агентов самих революционеров. Возможно также, что они приписывали царской милости и раздачу денег лишившимся кредита семьям. По крайней мере

Сближение с революционерами не мешало большинству стачечников надеяться на помощь со стороны трона. Именно от «орлов»-то и ждали, что они напишут прошение («хорошенькую бумажку!»). Обращаться с такой просьбой к революционерам значило почти то же, что просить сатану отслужить молебен угоднику. Землевольцы заранее морщились при мысли о такого рода поручении, тем более, что «лавристы», недовольные принятым ими способом действия, давно уже обвиняли их в измене революционным принципам. Но делать было нечего. Веру в царя нужно было разрушать не словами, а опытом. И вот однажды утром в квартиру Гоббста принесен был проект требуемого прошения. Одобренный местным рабочим кружком, он был представлен на рассмотрение рабочего собрания, состоявшегося на обширном дворе Бумагопрядильни. Малолетние рабочие («ребятишки»), все время принимавшие деятельное участие в стачке, рассыпались по прилегающим улицам и переулкам, чтобы, в случае приближения полиции, вовремя предупредить собравшихся. Кто-то (кажется, все тот же Иван) забрался на большую кучу каменного угля и громогласно прочел прошение. Оно вызывало всеобщий восторг: «Вашему Императорскому Высочеству, — говорилось в нем, — небезызвестно, какие плохие были отведены нам наделы, и как сильно

страдаем мы от малоземелья!» — Верно, верно, — гремела толпа, — только звания, что земля, а пользы от нее никакой! — «Вашему Императорскому Вы-сочеству не безызвестно также, что за эти плохие наделы мы платим тяжелые подати», — продолжал чтец. — И это так, и это верно, — одобряли слушатели, — вздохнуть не дают с податями! — «Вашему Императорскому Высочеству не безызвестно, наконец, с какой жестокостью взыскиваются с нас эти тяжелые подати, — раздавалось с высокой каменноугольной трибуны, — нужда гонит нас на заработки в город, а здесь нас на каждом шагу

притесняют фабриканты и полиция». Далее следовал разбор вызвавших стачку новых правил, а в заключение говорилось, что, не видя ни откуда защиты, рабочие ждут ее от наследника престола, но если и он не обратит внимания на их просьбу, то ясно будет, что им остается надеяться *только на самих себя.* Заключение также найдено было очень рассудительным. «Если и от наследника ничего не добьемся, то уж надо будет, как никак, поправляться самим», — решили слушатели. Таким образом прошение было готово. Но как доставить его наследнику? Идти «ходоком» к Аничкову дворцу никому не хотелось, так как подобное путешествие могло закончиться очень неприятным образом. Решено было нести прошение целой толпой.

Полиция давно уже догадывалась, что стачечников поддерживают революционеры. «Фискалы» лезли из кожи вон, стараясь выследить «подстрекателей». Но землевольцев поймать было не легко, и шпионские усилия так и не привели бы, может быть, ни к чему, если бы не одна несчастная случайность.

Зимой 1877—78 г. «интеллигенция» находилась в крайне возбужденном состоянии. Процесс 193, этот долгий поединок между правительством и революционной партией, в течение нескольких месяцев волновал все оппозиционные элементы. Особенно горячилась учащаяся молодежь. В университете, в медико-хирургической академии и в технологическом институте происходили многолюдные сходки, на которых «нелегальные» ораторы «Земли и Воли», ни мало не стесняясь возможным присутствием шпионов, держали самые зажигательные речи. Недавно основанная тайная землевольческая типография усиленно работала. Кроме обширного отчета о «большом процессе», из нее вышло тогда множество воззваний и, между прочим, проект адреса министру юстиции Палену от учащейся молодежи, заключавший в себе редкий протест против жандармской инквизиции (мы называли в шутку этот проект русский

petition of rights). Все подобные издания широко распро-

странялись по России, но понятно, что больше всего их находилось в Петербурге, где их легко мог достать всякий желающий. Выстрел В. И. Засулич и вооруженное сопротивление жандармам Ковальского с товарищами в Одессе (30 января 1878 г.) еще более подлили масла в огонь. Жажда деятельности и борьбы пробуждалась в самых мирных людях, и не было революционного предприятия, для исполнения которого не нашлось бы немедленно многих и многих охотников.

Когда среди петербургской интеллигенции разнесся слух о стачке, студенты немедленно собрали в пользу забастовавших очень значительную сумму денег *). Но радикальная часть студенчества не довольствовалась денежными пожертвованиями. Ей хотелось поближе сойтись со стачечниками. Из студентов разных заведений составилась небольшая труппа, с целью пробраться на Обводный канал. Дойти до него было, конечно, не трудно, но никто из странников не имел связи между тамошними рабочими. Они зашли в портерную лавку, вероятно, рассчитывая встретить там стачечников. От портерной было рукой подать до Бумагопрядильни, и в нее, действительно, нередко заходили рабочие, но именно потому там во время стачки постоянно заседали «фискалы», разумеется, сейчас же обратившие внимание на необычных посетителей. Необычные посетители, со своей стороны, сообразили, с кем имеют дело, но отступить не захотели. Прилегавшие к Бумагопрядильне улицы уже имели тогда тот особенный вид, который обыкновенно принимают наши рабочие кварталы, когда в них пахнет хоть маленьким «бунтом»: шмыгают «фискалы», озабоченно бегают околоточные, на перекрестках стоят целые кучи городовых, иногда показываются казаки, а не участвующие в «бунте» редкие прохожие боязливо озираются по сторонам, точно вот-вот сейчас произойдет что-то очень страшное.

Такая картина даже на бывалого, видавшего виды революционера действует всегда самым возбуждающим образом. Тем более сильно должна была она подействовать на молодых студентов. Войдя в портерную, они, по-видимому, уже плохо владели собой, а когда заметили шпионов, совсем забыли всякую осторожность. «А вы слышали, господа, что в Ростове-на-Дону убили шпиона Никонова **)? Семь пуль всадили!» — сказал один из них, нарочно возвышая голос, чтобы его могли слышать те, кому слышать их вовсе не следовало. — «Не семь, а одиина-

*) Впрочем, деньги давали не одни студенты. Все либеральное общество отнеслось к стачечникам весьма сочувственно. Говорили, что даже г. Суворин разорился для их поддержки на три рубля. За достоверность этого слуха не могу, однако, поручиться.

**) Свежая тогда новость.

дцать», — поправил его шпион, надевая шапку и выходя на улицу. Через несколько минут он вернулся в сопровождении полицейских и пригласил господ студентов «на пару слов в участок». О поимке «подстрекателей» сейчас же известили начальника тайной полиции, который на подмогу вульгарным уличным шпионам отрядил какого-то чиновного сыщика. А тем временем полиция вошла во вкус арестов и стала хватать всех прохожих, почему-либо казавшихся ей подозрительными. Так взят был совершенно ни за что, ни про что один псковский мещанин, едва только за несколько часов перед тем приехавший в Петербург и отправившийся на Обводный канал по какому-то частному делу. Почти одновременно с ним схватили на улице двух землевольцев, только что оставивших конспиративную квартиру Гоббста и пробиравшихся восвояси. Арестовали также несколько рабочих, считавшихся «зачинщиками» и на самом деле принадлежавших к местному революционному кружку. Давно уже подготовлявшаяся, неизбежная полицейская гроза разразилась, наконец, со свойственной ей величавой силой.

Склонив управляющего на некоторые, вполне ничтожные уступки, усмирители отпечатали и распространили между

стачечниками новые, смягченные издания «новых правил» *), объявив, что всякий рабочий, отказавшийся подчиниться им, будет немедленно выслан на родину. К счастью, отказались все, а всех выслать было бы трудно даже для всемогущей русской полиции и невыгодно для фабрики.

Стачечники очень сочувствовали арестованным революционерам **). «Жаль, что не видели мы, как их брали, — говорили некоторые, — мы отбили бы их у полиции». Что же касается до арестов в их собственной среде, то они скорее ожесточали, чем запугивали рабочих. Во всяком случае, дня через два после описанных происшествий, снова под-

*) Одним из схваченных землевольцев был пишущий эти строки. В участке, куда привели арестованных, лежала на столе пачка «новых правил», напечатанных почти совершенно на таких же листках, на каких мы печатали наши воззвания. Я обратил внимание околоточного на редакцию этих правил: «Сначала в них идет речь о двух грошевых уступках, а дальше следует ряд статей, возвещающих понижение заработной платы. Надо было сделать наоборот: сначала возвестить о понижении платы, а потом уже обрадовать рабочих уступками. Таким образом они заели бы горькое сладким». — «Что прикажете делать, — возразил околоточный с видом глубокой, но грустной покорности судьбе, — рабочему человеку всегда будет горько, этого вы не перемените».

**) Арест мой продолжался всего один день. В качестве «нелегального», я имел недурной паспорт и носил ничем не запятнанное в глазах полиции имя какого-то потомственного почетного гражданина. Меня выпустили, обязав подпиской о невыезде. Я добросовестно исполнил это обязательство, так как долго после этого не покидал Петербурга.

нялись толки о подаче наследнику забытого на время прошения, которое и было торжественно отнесено к Аничкову дворцу. Там его принял, для передачи по назначению, тогдашний градоначальник Козлов. Рабочие уверяли после, что, когда Козлов брал у них прошение, наследник стоял у окна и видел все происходившее. Это обстоятельство было, вероятно, плодом их фантазии, но тем не менее пришлось оно очень кстати. Никто не мог бы убедить впоследствии стачечников, что их прошение скрыли от наследника недоброжелательные к ним придворные.

Отнеся «бумагу» во дворец, градоначальник опять вышел к просителям и объявил, что теперь наследник приказывает им разойтись, ответ же на их просьбу он даст им через несколько дней. Рабочие тотчас же и совершенно спокойно исполнили

это приказание.

Полиция притихла, не зная, как отнесется к прошению наследник, и стачка сделалась на время как бы совершенно законным явлением. О ней заговорили в газетах, осуждая действия фабричной администрации. Стачечники стали героями дня. Адвокаты предлагали им безвозмездные услуги, на них стремились посмотреть, как смотрят на модные диковины. Какой-то «нигилист», встретив случайно пары две этих интересных людей, затащил их к себе на квартиру, где их облюбовал целый десяток других «нигилистов», также непременно желавших видеть их у себя дома и показать друзьям, — и пошли наши рабочие гулять из одной нигилистической квартиры в другую, всюду возбуждая живейший интерес и с удивлением присматриваясь к незнакомому им мирку. Впрочем, это были бойкие «ребята», умевшие показать себя и ни мало не смущавшиеся непривычной обстановкой. Как сейчас помню визит их к одному либеральному адвокату, к которому затащили их «нигилисты», чтобы посоветоваться с ним «насчет стачки». Он встретил их торжественно и даже с некоторою робостью, как встретил бы провинциал «знатного иностранца», а они, порядочно уже избалованные бестолковым вниманием интеллигенции и успевшие возгордиться своим званием стачечников, обращались с ним снисходительно и преважно развалились в его мягких креслах. Землевольцы понимали, к каким нелепым последствиям может привести *подобное* сближение интеллигенции с рабочими. Они старались положить ему конец и при всяком удобном случае осмеивали его, как праздную забаву. Один из них уверял «нигилистов», что скоро в тайной землевольческой типографии будет напечатано такое объявление: «В доме № X, в квартире № Y, по такой-то улице (при этом точно обозначалась квартира, наиболее про-

славившаяся частыми приемами рабочих) от 2 до 6 часов

пополудни показываются рабочие, принадлежащие к редкой и интересной породе стачечников. За посмотрение обыкновенные нигилисты платят по 20 копеек, выпущенные *) по 10, нигилистки же смотрят бесплатно». Но насмешки действовали так же мало, как и увещания. В глазах многих «интеллигентов» путешествия рабочих по нигилистическим квартирам имели свою полезную сторону. Путешествия эти давали, по-видимому, возможность повлиять на стачечников даже таким революционным кружкам, которые, не имея никаких постоянных связей на Обводном канале, очень огорчались, однако, преобладающим и постоянно растущим влиянием там «Земли и Воли». Многие, не сочувствующие «бунтарству», революционеры были убеждены, что под нашим влиянием стачка непременно кончится кровавой вспышкой. Напрасно говорили мы, что у нас нет на уме ничего подобного; нам не верили и радовались всякому случаю противопоставить нам более *«мирное»* влияние. В этом, конечно, не было бы большой беды, если бы противодействия нам велись хоть сколько-нибудь толково. Но что могло выйти из таких, например, собеседований с рабочими? «Мирный пропагандист» настигает нескольких стачечников в какой-нибудь «нигилистической» квартире, переполненной «интеллигентами», и заводит с ними неизбежный разговор о стачке.

- Вы хотите, разумеется, чтобы стачка сохранила совершенно мирный характер? — спрашивает он их утвердительным тоном.

- Конечно, мирный, — отвечают вопрошаемые. — Нам что ж? Нам пусть отменят «новые правила», а больше нам ничего не нужно!

- Никаких беспорядков вы делать не желаете?

— Да зачем же нам делать беспорядки?! Какой в них толк?

— Ну, вот и прекрасно, именно так поступать и нужно, — заключает вопрошатель и рассказывает потом, что он «сам» говорил с рабочими и убедился, что бунтарям они вовсе не

сочувствуют.

Иногда случалось так, что едва оставлял рабочих «мирный пропагандист», их ловил и принимался допрашивать какой-нибудь молодой сторонник «вспышек».

- Ну, что, как у вас дела на фабрике?

— Да что ж наши дела, мы стоим на своем, а управляющий на своем, так вот и воловодимся.

*) Под именем «выпущенных» известны были тогда революционеры, привлекавшиеся по делу о пролагайте в 37 губ. и незадолго до «большого процесса» выпущенные на поруки. Их было тогда очень много в Петербурге.

- Не уступает?
- Нет, пока что, крепко держится, шут его возьми!
- Ну, вы, конечно, за себя постоите? Его, подлеца, надо так проучить, чтоб он и детям своим заказал притеснять рабочих!

— Да уж, само собой, не поддадимся, мы и фабрику-то всю разнесем вдрызг, машины переломаем. Вот он и считай тогда барыши!

Сторонник вспышек уходил, вполне убежденный, что стачечники настроены самым «бунтарским» образом. Сначала рабочие совсем не понимали, чего собственно хотят от них «интеллигентные» собеседники, и совершенно нелицемерно поддакивали людям противоположных мнений, так как на самом деле каждый стачечник с одной стороны вовсе не желал беспорядков, а с другой очень не прочь был помечтать о хорошем уроке управляющему. Но потом они начали соображать, в чем дело, поняли, какая разноголосица существует между «интеллигентными» революционерами, и пришли в тяжелое недоумение. «Ах, ты, Господи, твоя воля, — воскликнул при мне у Гоббста один, только что вернувшийся «из города» рабочий, — каждый-то кружок решает наше дело по-своему. Вот тут и разбирайся!»

— А ты бы больше шлялся по городу, не то бы еще услыхал, — сердито заворчал на него Гоббст, который, как человек

бывалый и крепко державшийся раз принятого направления, нимало не смущался революционными разногласиями. Но его молодой товарищ и сам, помнится, скоро убедился, что ему совсем нет надобности «шляться по городу».

Так как серьезные связи на месте были у одних только «землевольцев», то нечего и говорить, что влияние их на стачечников осталось непоколебимым. Рабочая масса по-прежнему видела в них «орлов» и с доверием прислушивалась к их советам. Мало того, обстоятельства складывались таким образом, что землевольцы могли говорить с нею совсем откровенно. Наследник не сдержал своего обещания, совсем ничего не ответив на просьбу стачечников. Некоторые, более доверчивые из них, продолжали еще ждать и надеяться, но зато другие — и таких с каждым днем становилось больше — решили, что и наследник «не хуже градоначальника» тянет руку управляющего. «Нечего было « ходить к нему, только сапоги трепали», — говорили теперь нередко те самые люди, которые прежде энергичнее всех стояли за подачу прошения. Вынесенный из деревни политический предрассудок быстро уступал место трезвому взгляду на вещи. Прежде стачечники смотрели на верховную власть, как на верную защитницу народных интересов, те-

перь они стали видеть в ней сообщницу капиталистов. Этот новый взгляд немедленно же выразился в неизвестно кем сочиненной басне о том, что наследник находится в интимной связи с женою управляющего и, кроме того, имеет свой пай в фабричном капитале. Едва ли кто из стачечников серьезно верил этой басне, но все охотно повторяли ее. Революционерам оставалось только подчеркивать те выводы, к которым пришли рабочие на основании собственного опыта.

Между тем, ничего не отвечая рабочим, наследник, очевидно, дал понять градоначальнику, что желает сохранить нейтралитет, и что поэтому полиция может действовать с обычным своим усердием. Для стачечников вернулось

тяжелое время. Полицейские преследования возобновились и росли с каждым днем. Дошло до того, что околоточные врывались в артельные квартиры и, с помощью городовых, насильно тащили рабочих на фабрику. Наиболее упорных отводили в участок, а оттуда в пересыльную тюрьму. По улицам разъезжали сильные казачьи и даже жандармские отряды, присутствие которых должно было подавлять у стачечников всякую мысль об открытом сопротивлении. Наконец, явилась еще одна редакция «новых правил», сулившая рабочим новые «уступки». Доведенные до крайности, они сдались, и, после двухнедельного затишья, Бумагопрядильня снова пошла полным ходом.

Стачка была подавлена не экономической силой капитала, а простым полицейским насилием: денежные сборы между «интеллигенцией» и рабочими разных промышленных заведений могли бы поддержать стачечников по край-ней мере еще в течение целого месяца; дела же акционерного общества Новой Бумагопрядильни шли тогда далеко не так хорошо, чтобы оно могло вынести столь продолжительное «воздержание» от эксплуатации чужого труда. Его выручила полиция. Стачечники ясно видели это, и нам представлялся прекрасный случай выяснить им великое значение политической свободы. Они хорошо запомнили бы наши слова, так как всякая общая мысль, схваченная ими во время таких движений, чрезвычайно прочно укрепляется в их голо-вах. Но мы сами презирали еще тогда «буржуазную свободу» и сочли бы себя изменниками, если бы вздумали восхвалять ее перед рабочими. В этом заключалась самая слабая сторона нашей тогдашней «агитации». Возбуждая рабочих против «властей» и «государства», она не сообщала им определенных политических взглядов и потому не придавала сознательного характера их неизбежной борьбе против *современного полицейского* государства. Замечательно, что с так называе-

мым обществом те же землевольцы считали возможным

говорить совершенно иначе: они выставляли перед ним, по крайней мере временами, довольно определенные *положительные* политические требования (см., напр., фельетоны «Земли и Воли»). Противопоставляя «социализм» «политике», землевольцы считали борьбу за политическую свободу делом буржуазии, рабочих же продолжали звать на «чисто» экономическую революцию.

Как бы там ни было, стачка на Новой Бумагопрядильне, несмотря на свой неудачный исход и на наши политические ошибки, принесла большую пользу делу рабочего движения в Петербурге. За ее ходом внимательно следили все петербургские рабочие, и многие очень «серые люди», наверное, пришли к тем же выводам относительно царской власти, какие сделаны были ткачами и прядильщиками Обводного канала. С своей стороны, власть эта, нужно отдать ей справедливость, не упускала случая показать, что она всецело стоит на стороне капиталистов.

В конце ноября 1878 года произошла стачка на прядильной фабрике Кенига за Нарвской Заставой. Тамошние рабочие также вздумали обратиться с «прошением» к наследнику, и утром 2 декабря их выборные (30 человек) отправились к Аничкову дворцу. Августейший сынок не только не помог стачечникам, но даже не принял их прошения. Ясно было, что правду говорили рабочие Новой Бумагопрядильни, что ходить к наследнику значило только «сапоги трепать» без всякой пользы.

Впрочем, прядильщики кениговской фабрики не очень нуждались в подобном уроке. Для них не прошел даром опыт их товарищей с Обводного канала. По всему видно, напротив, что многие из них и раньше путешествия их выборных к Аничкову дворцу знали, где искать настоящих друзей. Хотя на этой фабрике совсем не велась революционная пропаганда, но стачечники с первого же дня забастовки решили сойтись со «студентами» и отправили нескольких человек на Обводный канал разузнать, как можно найти этих людей, «помогающих

рабочим». Хождение к наследнику было предпринято с ведома революционеров и предпринято больше так себе, на всякий случай, чтобы окончательно убедить всех колеблющихся и сомневающихся, если бы оказались такие между стачечниками. При том же следует помнить, что, по русским законам, стачка есть уголовное преступление, и что, ввиду этого, «прошения», подаваемые властям рабочими, имеют нередко значение встречного иска, противопоставляемого неизбежному иску фабриканта.

В подавлении стачки на фабрике Кенига синяя полиция принимала более горячее участие, чем когда бы то ни было прежде. Рабочих прямо тащили в III отделение, где и происходили их объяснения с хозяином. Перед этим таинственным трибуналом г. Кениг утверждал, что рабочим у него не житье, а масленица, стачка же произошла вследствие «посторонних внушений». Он обещал даже узнать и сообщить полиции имена подстрекателей. В благодарность за это, третье-отделенские политики готовы были благословить будущего доносителя на самые противозаконные действия. Во всем этом деле их, разумеется, больше всего интересовал вопрос о подстрекателях. Только о подстрекателях и слышали рабочие, когда полиция принималась «разбирать» их жалобы на хозяина. «Вы слушаетесь злых людей, — кричал рабочим какой-то синий «генерал», явившись на фабрику в один из первых дней стачки, — у меня здесь сто шпионов следят за всем, что происходит у вас *), но если хозяин найдет, что этого мало, я пришлю еще столько же! Как только узнаю, что к вам ходят бунтовщики, всех вас в Архангельск сошлю!» Рабочие уверяли, что никаких бунтовщиков они не знают, а между тем продолжали свои сношения с революционерами и еще более проникались уважением к этим, прежде неведомым людям, которых так сильно боялись генералы всех цветов и хозяева всех гильдий.

Интересно, что стачка на фабрике Кенига начата была

малолетними рабочими. Дело в том, что на бумагопрядильных фабриках получается много отброса, состоящего из порвавшихся ниток. Этот отброс образует возле станков кучи так называемой *пыла.* Сортировкой «пыли» на фабриках Кенига занимается особый разряд работниц. Но незадолго до описываемого времени директор рассчитал этих работниц и возложил сортировку пыли на так называемых «задних мальчиков» **). Те «взбунтовались», заявивши мастеру, что не станут работать до тех пор, пока их не избавят от новой обузы. Кениг хотел было покончить дело поголовным изгнанием всех непокорных «задних мальчиков». Тогда вступили *в* стачку «средние мальчики» и взрослые рабочие.

Несмотря на все полицейские застращивания, стачечники держались превосходно. Они не уступили даже тогда, когда Кениг решился на крайнюю меру, т. е. прогнал их всех до *единого.* Петербургские ре-

*) Заметьте, что всех рабочих у Кенига бы то не больше 200.

**) Каждый прядильщик работал на двух станках, причем у него было два подручных «мальчика»: так называемый *средний,* 17—19 л., и *задний* 12—14 лет.

волюционные рабочие кружки постарались пристроить их на других фабриках.

Тот же 1878 г. ознаменовался некоторыми, правда, незначительными победами петербургских рабочих. Так, в конце августа на фортепьянной фабрике Беккера (на набережной Большой Невки) так называемые ящичники, т. е. столяры, делающие деревянный ящик фортепьяно, потребовали повышения заработной (поштучной) платы. Г. Беккер ответил, что они могут увеличить свой заработок, переставши «понедельничать», т. е. аккуратнее являясь на работу по понедельникам. Ящичники забастовали. Через три дня хозяин сдался.

Так же неудачно для хозяев кончились столкновения их с «рабочими руками» на табачных фабриках Мичри и бр. Шапшал. Эти столкновения интересны тем, что на названных

фабриках работали исключительно женщины.

24 сентября в мастерских табачной фабрики Мичри появилось объявление, гласившее, что папиросницы, получавшие 65 коп. за 1000 штук папирос первого сорта, впредь будут получать 55 коп.; а за 1000 шт. папирос второго сорта вместо прежних 55 к. будет платиться 45 к. Это понижение платы мотивировалось плохим сбытом товара. Мастерицы, как называют себя работницы, сорвали это объявление и пошли в контору для объяснений. Там они сказали приказчику, что не согласны работать за уменьшенную плату, и просили принять от них палочки и машинки для делания папирос. Тот обругал их непечатной бранью. Его грубость окончательно взорвала «мастериц»: палочки, машинки и даже скамейки полетели в окна; приказчик струсил и послал за хозяином. Г. Мичри не заставил долго себя ждать. Он немедленно явился на фабрику, и ласковая речь его, а больше всего обещания уступки, успокоили толпу, состоявшую приблизительно из сотни женщин. Попытка понизить и без того невысокую плату окончилась полной неудачей.

Через два дня такая же история повторилась на фабрике бр. Шапшал на Песках. Там приказчик вывесил следующее объявление:

МАСТЕРИЦАМ ТАБАЧНОЙ ФАБРИКИ ШАПШАЛ.

Сим объявляю, что, по случаю остановки сбыта товара, я сбавляю с каждой 1000 папирос по 10 к.

Шапшал.

Мастерицы, здесь уже в числе 200, немедленно сорвали это объявление и на его месте вывесили новое:

ХОЗЯИНУ ТАБАЧНОЙ ФАБРИКИ ШАПШАЛ.

Мы, мастерицы вашей фабрики, объявляем, что не согласны на сбавку, потому что и так от нашего заработка не можем порядочно одеться.

Мастерицы вашей фабрики.

Приказчик собрал мастериц и потребовал, чтобы они указали писавшую объявление. Они ответили, что это излишне, так как объявление писано от имени их всех, и стали уходить. Приказчик поспешил послать за хозяином. После напрасных попыток убедить мастериц работать за пониженную плату, г. Шапшал вынужден был уступить подобно г. Мичри.

В следующем, 1879 году, стачечная зараза охватила несколько фабрик одновременно. Обнаружилась она прежде всего на знакомой уже читателям Новой Бумагопрядильне.

С тяжелым сердцем уступив полицейскому насилию, рабочие Новой Бумагопрядильни говорили нам, что они покоряются не надолго и при первом же удобном случае опять забастуют. По правде сказать, мы не верили им, видя *в* их словах не более как желание утешить себя и нас в испытанной неудаче. Но мы ошибались. Уже в ноябре 1878 года полиция имела много хлопот с неугомонной Бумагопрядильней. Восьмого ноября (Михайлов день) тамошние рабочие не явились на фабрику, мотивируя это тем, что, дескать, — праздник, работать грех. Но на других фабриках работа шла своим чередом, и управляющий Бумагопрядильни вздумал наверстать потерянное время удлинением рабочего дня с 13 часов, как было до тех пор (от 5 час. утра до 8 ч. вечера, с вычетом 2 ч. на еду), до 13¼ и продолжать работу при этом условии до тех пор, пока из маленьких кусочков времени не составится полный день. Два дня работа шла до 8¼ ч., возбуждая сильное неудовольствие рабочих. На третий день кому-то пришло в голову завернуть главный газопроводный кран в 8 часов. Как только эта мысль была приведена в исполнение, рабочие густой толпой повалили с фабрики, при чем разбили несколько стекол и испортили 9 основ. Верный друг «отечественной промышленности», полиция не могла вовремя явиться для восстановления «порядка», но зато на следующее утро на

фабрику явилась целая орда охранителей, и в течение нескольких дней работа происходила в их благодетельном присутствии, хотя уже не до 8¼, а только до 8 часов. Началось следствие: кто потушил газ? Кто мог потушить? Человек 7 рабочих таскали в участок. Пристав горячился и кричал, что

«ушлет их в Архангельскую губернию». Однако это не помогло. Рабочие отвечали, что ничего не знают. Одна женщина, работавшая не далеко от крана, показала на допросе, что кран завернул какой-то рабочий, лицо которою было закрыто передником. Кто был этот рабочий, — осталось неизвестным; дело пришлось передать «суду и воле божией». С тех пор полиция стала зорко следить за рабочими.

15 января следующего года рабочие Бумагопрядильни по обыкновению пришли на фабрику рано утром. Несколько часов прошло обычным порядком; но перед обедом в ткацкое отделение явился главный мастер и вывесил объявление, приглашавшее 44-х ткачей к *расчету.* На вопрос — за что такая немилость? — мастер ответил, что эти 44 человека выбрасываются на улицу за свое «бунтовство» и что впредь все неблагонадежные будут прогоняемы. Заявил он также, что вообще администрация фабрики, ввиду постоянных бунтов, думает заменить ткачей-мужчин женщинами и детьми. Речь его была прервана взрывом негодования. Объявление было изорвано в клочки, сам оратор должен был ретироваться. Ткачи высыпали на улицу и разбрелись по домам обедать. После обеда они собрались перед воротами фабрики густой толпой, через которую не прошел ни один из тех, кто еще колебался пристать к стачке. Директор поспешил известить полицию о новом «бунте». Около фабрики забегали «фискалы», показались околоточные, в полной форме, с револьверами на боку; их сопровождали десятки городовых. Но полиция пока еще не обнаруживала большой стремительности, вероятно, потому, что не получила

еще надлежащих наставлений свыше.

К вечеру того же дня ткачи решили, кроме отмены распоряжения об изгнании бунтовщиков, требовать также: 1) повышения заработной платы — 5 к. на кусок ткани; 2) сокращения рабочего дня на 2½ часа; 3) отмены некоторых штрафов; 4) изгнания нескольких ненавистных им мастеров и подмастерьев; 5) присутствия выборных от рабочих при приеме сдаваемой ими ткани и, наконец, 6) выдачи им платы «за все время стачки, как будто работа и не прекращалась». Требования эти были немедленно записаны и, если не ошибаюсь, отпечатаны в тайной типографии «Земли и Воли».

Слухи о стачке на Новой Бумагопрядильне быстро распространились между фабричными, и на следующий день на Обводный канал явилось 40 выборных от ткачей фабрики Шау (Шавы, как произносили рабочие) за Нарвской заставой. «Шавинские» также решились

забастовать и предлагали «новоканавцам» *) выработать общие требования. Правда, полного тождества в требованиях стачечников этих двух фабрик быть не могло, так как порядки, практиковавшиеся г. Шау, значительно отличались от порядков, существовавших на Бумагопрядильне. У «Шавы» работа шла безостановочно день и ночь, при чем рабочие разделялись на две смены: одни сутки одна смена работала 16 часов, а другая 8, следующие — наоборот. Трудолюбивый фабрикант не прекращал работы даже вечером накануне праздников: она приостанавливалась только в 6 ч. праздничного утра. Г. Шау заботился также и о продовольствии рабочих: у него была мелочная лавка, в которой они *обязаны* были покупать продукты. Читатель легко может представить себе, как выгодно это было для заботливого капиталиста. Иногда, придя за получкой в контору, рабочий узнавал, что весь его заработок ушел на уплату по его забору в хозяйской лавке.

С одобрения «новоканавцев» «шавинские» рабочие

представили своему хозяину следующие требования:

1) Чтобы на каждый вытканный кусок прибавили платы по 5 коп.

2) Чтобы прогульные дни не считались, если сам хозяин виноват в прогуле.

3) Чтобы основы выдавали хорошие и чтобы материал выдавался при наших выборных.

4) Чтобы товар не браковали зря; чтобы за этим тоже следили наши выборные.

5) Чтобы не штрафовали за полом инструментов, за отсутствие из фабрики по болезни и надобности.

6) Чтобы за харчи платить не в конторе, как теперь, а в лавке, по получке денег на руки.

7) Чтобы на больницу платилось не по 1¼ коп. с рубля, а по 10 коп. в месяц.

8) Чтобы за кипяток **) на фабрике рабочие не платили.

9) Чтобы утром давалось время с 8½ до 9 ч. на завтрак.

10) Чтобы накануне праздников работа кончалась в 8 ч. вечера.

10) Чтобы газовые горелки расположить, как лучше для работы; мы сами укажем место для них; а то теперь в иных местах вовсе свету нет.

*) Рабочие называли иногда Обводный канал Новой Канавой.
**) Для чаю.

11) Чтобы прогнать с фабрики подмастерьев: Никифора Арсентьева и Нефеда Ефимова, Николая Волкова и шпульника Кирилла Симонова. Нам от них житья нет! и мы с ними не хотим работать.

12) За время стачки денег с нас не вычитать, потому что мы не работаем не по своей вине, а по упорству хозяев.

13) Чтобы никого из нас не брали в полицию за то, что не работаем, а тех, что теперь забрали, пусть выпустят *).

Предъявленное фабриканту последнее (14) требование с формальной точки зрения может показаться бессмыслицей. Но в действительности оно имело большой практический

смысл, так как аресты рабочих происходили по настоянию и, нередко, по личному указанию фабрикантов. Стачечники нашли полезным предупредить г. Шау, что даже в случае исполнения всех остальных требований они не станут работать, пока не прекратятся аресты и не будут освобождены арестованные.

На сходке представителей от обеих фабрик были, между прочим, обдуманы меры для поддержания беднейших из стачечников. Таких естественно должно было оказаться более у «Шавы», который грозился немедленно прекратить выдачу рабочим припасов из своей лавки. Решено было первые сборы предоставить в распоряжение его рабочих. Сборы же предполагалось делать на всех фабриках и заводах. И этом смысле были напечатаны (разумеется, в тайной типографии) воззвания ко всем петербургским рабочим. Надежда на их помощь не была напрасной: сборы делались почти повсеместно, и возбуждение рабочих во время этих сборов было подчас так велико, что грозило перейти, а местами и переходило, в забастовку.

На фабрике Мальцева (на Выборгской стороне) разбросаны были воззвания стачечников. По этому поводу полиция арестовала рабочего, заподозренного в их разбрасывании; его товарищи заволновались. Пошли толки о том, чтобы последовать примеру «новоканавцев», но хозяин ласковым обращением и обещанием разных благ в будущем восстановил спокойствие. Г. Чешеру (его фабрика тоже была на Выборгской стороне) не удалось отделаться одними обещаниями: он вынужден был прибавить по 3 к. на каждый кусок ткани. Волновались рабочие и на Охте. Так заразительно подействовал пример. А тем временем полиция и фискалы делали свое дело.

*) Подробности об этих и некоторых предыдущих стачках заимствованы мною из 3 и 4 №№ *«Земли и Воли»*, где они были описаны мною же на основаниях сведений, своевременно собранных на месте.

Уже в ночь с 16—17 числа произведено было несколько

арестов Арестовано было 6 человек из рабочих Шау, 20 человек с Н. Бумагопрядильни, один слесарь на Лиговке и т. д. Аресты еще более усилили раздражение рабочих. До 17 числа только ткачи участвовали в стачке на Н. Бумагопрядильне. С того же числа к ней пристали и прядильщики; фабрика совсем остановилась. О подаче каких бы то ни было «прошений» теперь уже никто не думал. «Новоканавцы» только смеялись, когда мы напоминали им об их прошлогоднем хождении к наследнику: «то-то дураки-то были!» — говорили они.

На фабрику Шау в качестве миротворца явился некий «полковник». Рабочие подали ему письменное изложение своих требований и категорически заявили, что на меньшем не помирятся.

— Согласны вы на эти требования? — спросил полковник хозяина.

Тот, разумеется, ответил отрицательно.

— Ну, так чего же вы, такие-сякие, хотите? — зарычал на рабочих миро-творец, — да я вас!.. и т. д. и т. д. — полились обычные в таких случаях словеса «кротости и увещания», т. е. брань, украшенная непечатными словами... — У меня, — закричал храбрый воин, — сейчас 25.000 солдат под ружьем, попробуйте только бунтовать!

- Больно уж много ты, ваше благородие, войска-то для нас наготовил-то, — насмешливо заметили рабочие, — нас всего-то здесь 300 человек и с бабами, и с ребятишками, а мужиков-то не будет больше сотни.

Полковник понял, что зарапортовался, и прикусил язык, приказав, для поддержания своего авторитета, схватить одного из остряков, но толпа окружила эту жертву полковничьего смущения и отстояла ее от полицейских покушений. Так и уехал ни с чем воинственный миротворец.

Не желая обращаться к властям ни с какими *прошениями,* стачечники предъявили им теперь очень настойчивые *требования.* Так, например, рабочие Н. Бумагопрядильни

решились требовать освобождения своих товарищей, арестованных ночью с 16 на 17 января. 18-го числа, часов около 10 утра, толпа около 200 ч. собралась недалеко от здания фабрики. Здесь было прочитано и одобрено следующее заявление:

«Мы, рабочие Новой Бумагопрядильни, сим заявляем, что не пойдем на работу, пока не будут уважены все наши заявленные хозяину требования. Что же касается полиции, то мы отказываемся от всякого вмешательства с ее стороны для примирения нас с хозяином, тюка не будут освобождены наши товарищи, люди, за которыми мы не знаем ничего худого. Если их обвиняют в чем-либо, пусть судят их у мирового,

при чем мы все будем свидетелями их невинности. Теперь же их арестовали и держат без суда и следствия, что противно даже существующим законам».

Когда читалось это заявление, подошел околоточный; он предложил рабочим пойти к участку для объяснения с приставом, но они предпочли переговорить с градоначальником. Путь их к дому градоначальника лежал через Загородный проспект. На нем есть или, по крайней мере, был дом «мещанской гильдии» с проходным двором. Едва рабочие прошли через этот двор и вышли на Фонтанку, их атаковали жандармы с приставом Бочарским во главе, тем самым приставом, который только что приглашал стачечников придти к нему для объяснений. По всей вероятности, полиция, еще накануне узнавши о намерении рабочих добиваться освобождения заключенных, заранее приготовилась к отпору, и переданное околоточным приглашение пристава было простой ловушкой. Видя, что не удастся заманить рабочих в участок, г. Бочарский пустился преследовать их, как Фараон убегавших из Египта евреев.

Произошла свалка. Жандармы мяли лошадьми рабочих, рабочие защищались, как умели. У некоторых оказались

кистени, а знакомый уже читателю Иван, опять принимавший горячее участие в стачке, вытащил даже кинжал и ранил им лошадь наскакавшего на него жандарма. Но силы были слишком неравны, нападение было слишком неожиданно. Жандармы победили. К счастью для рабочих, упомянутый проходной двор обеспечил им довольно безопасное, хотя и беспорядочное отступление.

Со времени этой битвы полиция удесятерила свою энергию. Начались беспрерывные аресты. Нескольких так называемых зачинщиков выслали на родину, других — в северные губернии. Рабочих били и даже грабили *). Лавочникам полиция прямо запретила давать стачечникам в долг продукты. Зараженные стачкой местности были буквально наводнены «силищей жандармскою». Через несколько дней упорного сопротивления рабочие сдались, получив некоторые ничтожные уступки.

Эта новая неудача изменила настроение бывших стачечники, разве только в смысле еще большего озлобления против всяческого начальства и еще боль-шего сочувствия к революционерам. Рабочая среда вообще все более привы-кала смотреть на революционеров, как на своих естественных друзей и союз-ников, а на тайную «Земледельческую» ти-

*) Один из стачечников проходил недалеко от Н. Бумагопрядильни, играя на гармонике. На него бросился жандарм и выхватил гармонику. Рабочий отправился жаловаться на этот «дневной грабеж» в участок. Его выругали, а гармоники не возвратили.

пографию, как на орудие гласности, всецело предназначенное к их услугам. Такой взгляд укреплялся даже в тех уголках Петербурга, куда не проникала революционная пропаганда

Однажды мне, как члену редакции «Земли и Воли», передали конверт с надписью: *Господину Редактору.* Я нашел в нем две четвертушки серой бумаги. «Господин редактор, — написано было на одной четвертушке, — пожалуйста, напечатайте наше воззвание и, если нужно, будьте так добры, поправьте». На другой написано было воззвание: *«Голос рабочего народа, работающих и страдающих* у *подлеца*

Максвеля». В воззвании говорилось, что рабочие фабрики Максвеля, доведенные до крайности хозяйскими притеснениями, видят себя вынужденными прибегнуть к стачке и, сообщая об этом остальным петербургским рабочим, просят их поддержки. Текста воззвания я на память, разумеется, восстановить не могу. Помню только одну фразу из середины: — *«мы работаем, старается, а он свенья не доволин нами»,* — да заключительные слова: — *«Будем же твердо стоять каждый за всех и все за каждого».* Зато я хорошо помню общее впечатление, произведенное воззванием на меня и на моих товарищей по редакции. Мы положительно пришли в восторг. Столько свежего чувства, столько простоты и непосредственности, столько трогательной неумелости и, вместе с тем, столько неотразимой убедительности было в этой далеко не грамотной прокламации, что мы сочли непозволительным делать в ней какие-нибудь существенные изменения и ограничились исправлением грамматических ошибок. Едва ли не на следующий же день воззвание было отпечатано и передано авторам.

Вот что узнал я о причине неудовольствия максвелевских фабричных.

Низкая плата, непомерно длинный рабочий день, штрафы и придирки мастеров и подмастерьев, — все это, разумеется, имело место на фабрике г. Максвеля, как и на других фабриках. Но этот находчивый предприниматель внес, кроме того, еще одну особенность в практикуемый им способ эксплуатации рабочей силы. Около своей фабрики (за Невской заставой) он выстроил большой дом для помещения своих рабочих. Другими словами, к выгодному ремеслу фабриканта он решил присоединить тоже не безвыгодное ремесло домовладельца. Надо отдать ему справедливость, дом его был построен очень хорошо, жить в нем было бы очень удобно, — несравненно удобнее, чем в тех грязных домах без воздуха и света, где ютились его рабочие. Беда заключалась

лишь в том,

что назначенные г. Максвелем квартирные цены были сравнительно очень высоки и уж, во всяком случае, не по средствам фабричных рабочих. Вот почему те и не хотели селиться в его фаланстере. С своей стороны, просвещенный капиталист так твердо решился облагодетельствовать свои «рабочие руки», что не отступал даже перед очень крутыми мерами. Он грозил немедленно прогнать с фабрики всех консерваторов, отказывающихся жить в его доме. Отсюда — раздражение рабочих, решившихся стачкой положить конец оздо-ровительному упорству г. Максвеля. Совершенно без всяких «посторонних внушений» и помимо всякого влияния затронутых революционной пропагандой «бунтовщиков», — таких не было на их фабрике, — они выработали план действий, а для исполнения его сочли необходимым обратиться за помощью к рабочему населению Петербурга и к революционному обществу «Земля и Воля». Нечего и говорить, что воззвание было написано ими самими, но следует прибавить, что мысль о нем подана была им примером «шавинских» и «ново-канавских» рабочих, которые, как я уже сказал, во время своей стачки обращались с воззванием «к *рабочим всех петербургских фабрик и* заводов». Вероятно, это последнее воззвание тогда же попало на фабрику Максвеля, очень вероятно также, что максвелев-ские рабочие не отказались поддержать «новоканавских» и «шавинских» стачечников своими трудовыми грошами, и теперь были уверены, что и им не откажут в такой же поддержке. Заключитель-ные слова «голоса рабочего народа, работающих и страдающих у подлеца Максвеля» были целиком заимствованы из одного воззвания, напечатанного по поводу второй стачки на Обводном канале. Эти слова: «будем же твердо стоять каждый за всех и все за каждого» — как видно, хорошо выразили тогдашнее настроение петербургских рабочих, потому что после неизменно

повторялись ими во всевозможных случаях их борьбы с полицией и предпринимателями.

Вообще в то время рабочее движение росло с небывалой быстротой. Любопытно видеть, как отражалось это явление в тогдашней революционной литературе.

Передовая статья № 4 «Земли и Воли», вышедшего в свет 20 февраля 1879 г., целиком посвящена была вопросу о роли городских рабочих «в боевой народно-революционной организации». «Волнения фабричного населения, — говорится в этой статье, — постоянно усиливающиеся и составляющие теперь злобу дня, заставляют нас, раньше чем мы рассчитывали, коснуться той роли, которая должна принадлежать нашим городским рабочим в этой организации. Вопрос о городском ра-

бочем принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самою жизнью, самостоятельно выдвигаются вперед, на подобающее им место, *вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей»* *) Чрезвычайно характерно это невзначай вырвавшееся у народника признание. Рабочий вопрос, действительно, самою жизнью выдвинулся вперед, *наперекор* народнической догматике. Неудивительно, что разрешить его с помощью этой догматики было совершенно невозможно. Народническая интеллигенция могла лишь, подобно автору указанной статьи**), рекомендовать рабочим-социали-стам «агитацию», «агитацию», «агитацию» и «агитацию», да упрекать их в том, что они, будто бы забывая об этой агитации, слушают «чтения о каменном периоде или о планетах небесных». К началу 1879 года *рабочее движение* переросло *народническое учение* на целую голову. Ввиду этого неудивительно, что наиболее развитая часть петербургских рабочих, вошедшая в основанный около того времени *«Северно-Русский Рабочий Союз»,* в своих политических взглядах и стремлениях значительно разошлась с бунтарями-народниками.

IV.

«Северно-Русский Рабочий Союз» естественным образом возник из того ядра петербургской рабочей организации, которое, как я говорил выше, составилось из «старых», испытанных революционеров-рабочих. Формальное основание Союза относится, насколько могу припомнить, к концу 1879 года. Уже с первых недель своего существования он насчитывал не менее 200 членов, а вокруг него группировалось, по крайней мере, столько же рабочих, сочувствующих, но еще не посвященных в организационную тайну. Большинство членов его принадлежало к числу «заводских». В каждом значительном рабочем квартале Петербурга были особые кружки, составлявшие местную ветвь Союза. Каждая ветвь имела свою кассу и свою «конспиративную» квартиру. Для заведывания ее делами выбирался небольшой комитет. Члены местного комитета были в то же время членами *Центрального Кружка,* который собирался через известные промежутки времени по общим делам Союза. В распоряжении *Центрального Кружка* находилась особая касса, а также союзная *библиотека.* Центральная касса, как и местные кассы, пополнялась членскими взносами. Около вре-

*) Курсив мой.

**) *Примечание ко второму изданию.* Должен признаться, что ее автором был я сам.

мени второй стачки на Новой Бумагопрядильне в ней было рублей 150—200. Эта «свободная наличность», как выразился бы русский министр финансов, вся ушла на поддержку стачечников, но члены Союза исправно делали свои взносы, и потому пустою касса его никогда не оставалась. Что касается библиотеки, то ею особенно дорожил и гордился Союз. И действительно, она была самым ценным его достоянием. Составилась она частью из купленных рабочими, а больше из пожертвованных интеллигенцией книг. Собирались эти книги в течение целого года и собирались так старательно, что едва ли хоть один гражданин «интеллигентной» республики

Петрополя избежал неожиданного книжного налога. Много хламу подарила рабочим интеллигенция, но подарила не один хлам. По пословице «с миру по нитке — голому рубаха», у Союза образовался большой запас книг по различным отраслям знания. Число книг было так велико, что нельзя было хранить их в одной рабочей квартире. Вследствие этого библиотека была подразделена на несколько частей и развезена по различным рабочим кварталам. Каждый квартал имел своего библио-текаря, у которого был полный список всех принадлежавших Союзу книг. Если кто-нибудь из членов местной ветви выбирал по этому списку такое сочинение, которого не было в библиотеке данного квартала, то библиотекарь представлял заявленное требование очередному собранию Центрального Кружка, и книга доставлялась из другого квартала. Благодаря такой постановке дела, полиции все же не так легко было открыть существование библиотеки и «накрыть» ее обладателей. Пользовались книгами, через посредство знакомых членов, и не принадлежавшие к Союзу рабочие, но о существовании библиотеки, разумеется, не знали.

Практика скоро обнаружила главнейший недостаток новой организации. Союз, как целое, мог действовать только по решению Центрального Кружка, собиравшегося раза два в неделю. Занятые работой и живущие в различных частях города, а иногда и за городом, члены Центрального Кружка не могли встречаться чаще. Но в промежуток времени между двумя его собраниями могли совершиться события, требовавшие немедленного действия со стороны Союза. Как поступить в таком случае, устав не говорил. Когда началась вторая стачка на Новой Бумагопрядильне, до очередного собрания Центрального Кружка оставалось два дня. Халтурин, тотчас узнавший о ней, очутился в очень затруднительном положении: стачка легко могла быть подавлена полицией еще до очередного собрания; а между тем, чтобы обегать всех членов Центрального Кружка и

созвать их на *чрезвычайное*

собрание (известно, что к почте русские революционеры, по понятной причине, прибегают очень неохотно), надо было тоже не менее двух дней. Замедление во всяком случае было неизбежно, и Халтурину пришлось на первое время ограничиться личными сношениями с стачечниками. Придать организации Союза большую подвижность можно было лишь избранием особого распорядительного комитета, состоящего из небольшого числа лиц и имеющего право, в важных случаях, действовать по собственному усмотрению, не дожидаясь очередного собрания. К этой мысли, кажется, и пришли потом члены Союза.

Возникновению Союза нельзя было не радоваться даже с нашей тогдашней, народнической, точки зрения. Но программа его причинила нам не малое огорчение. В ней — о, ужас! - прямо было сказано, что рабочие считают завоевание политической свободы необходимым условием дальнейших успехов своего движения. Мы, презиравшие «буржуазную» свободу и считавшие ее опасной ловушкой, оказались в положении курицы, высидевшей утят. В особой заметке, посвященной обзору новой программы, редакция «Земли и Воли» мягко, но решительно высказалась против неприятной ей рабочей ереси. В заметке повторены были те доводы, которые обыкновенно выставлялись народниками и ба-кунистами против «политики». Но членам Союза такие доводы уже перестали казаться убедительными. В ответ на заметку они присла-ли длинное письмо в редакцию, в котором говорили, что решительно не видят, как может успешно идти рабочее движение при отсутствии политической свободы и каким образом для рабочих может быть невыгодно приобретение ими политических прав *). Тяжело было народникам слышать от рабочих - и каких рабочих! - члены «Союза» составляли сливки революционного рабочего Петербурга столь «буржуазные» рассуждения. Но еще

тяжелее поразило их почудившееся им в письме презрение Союза к крестьянству. Дело в том, что, защищая свое требование политической свободы, авторы письма сказали, между прочим, что ведь они, рабочие, не *Сысойки* **). Это выражение истолко-вано было революционной интеллигенцией в смысле кичливого презрения к

*) К сожалению, у меня нет № 5 «Земли и Воли», в котором появилось письмо рабочих, и окончания 4-го №, содержащего вышеупомянутую заметку редакции. Поэтому я указываю только на общий смысл поднявшейся полемики, который я очень хорошо помню.

**) *Примечание ко второму изданию.* Сысойка — герой известного романа Решетникова «Подлнповцы» — был, как известно, совсем диким человеком, пока оставался в своей деревне.

крестьянству. Но правильно ли было подобное истолкование? Конечно, нет. Слова - «мы не Сысойки» свидетельствовали только о том, что русские рабо-чие уже тогда стояли бесконечно выше того «простонародья», на которое ссылались все социалисты — противники политической свободы. С давних пор наши социалисты «из интеллигенции» утверждали, что как у нас в России, так и за границей, «простонародью» не нужно свободы печати, потому что книг и газет оно не читает и, следовательно, цензурным уставом не интересуется; что ему не нужно политических прав, потому что, задавленное бедностью, оно политической жизнью своей страны не интересуется; что его интересы затрагиваются только *экономическими* порядками, *политические* же формы для него безразличны и т. п., и т. п. Так рассуждал иногда еще Черны-шевский, и так же рассуждали мы, когда предостерегали рабочих от увлече-ния политикой. Но развитому рабочему очень трудно было согласиться с нами. «Как же это так? Простому человеку не нужно свободы печати, потому что он *ничего не читает;* не нужно политических прав, потому что он не *интересуется* борьбою политических партий! Что же хорошего в простом человеке, отличающемся подобными отрицательными свойствами? Ведь это дикарь-Сысойка! И ведь пока простонародье будет состоять из дикарей-Сыеоек, социализм останется

несбыточной мечтою! Простонародье *должно читать,* а потому оно *должно* добиваться *свободы печати;* оно *должно интересоваться* политическими делами своей страны, а потому оно *должно добиваться политических прав;* оно *должно иметь свои союзы и собрания,* а потому оно должно *добиваться свободы союзов и собраний.* И не только *должно.* Оно отчасти уже читает книги, уже чувствует потребность в союзах и собраниях, уже стремится выступить на политическую арену. Оно уже переросло дика-рей-Сысоек. Мы, рабочие, уже не таковы, каким воображают народ его интел-лигентные доброжелатели. Доказательством этому служит наше собственное движение. Но все это только начало. Если мы хотим идти вперед, нам непре-менно нужно сбить заграждающие наш путь полицейские рогатки!» Вот — смысл ответного письма Союза и в особенности слов: «мы не Сысойки». Мо-жет быть, авторы письма не вполне выяснили его себе тогда со всех сторон; может быть, Сысоек они упомянули не затем, чтобы одним метким словом характеризовать тот идеальный «народ», которого бунтари готовы были противопоставлять будто бы зараженному буржуазным духом петербургскому пролетариату. Но характеристика все-таки была дана, хотя бы и не преднамеренно. Северно-Русский Ра-

бочий Союз сознавал, что он состоит не из Сысоек. И именно это сознание свидетельствовало об его политической зрелости.

Как бы там ни было, будущий историк революционного движение в России должен будет отметить тот факт, что в семидесятых годах требование политической свободы явилось *в рабочей программе раньше, чем в программах революционной интеллигенции* *). Это требование сближало Северно-Русский Рабочий Союз с западноевропейскими ра-бочими партиями, придавало ему *социал-демократическую* окраску. Говорю — *окраску,* потому что вполне социал-

демократической программу Союза признать было бы невозможно. В нее вошла не малая доза народничества. Этой прилипчивой болезни трудно было избежать в России, да при том авторы программы, разойдясь с нами по коренному вопросу о политической свободе, не чужды были, кажется, желания позолотить пилюлю, порадовав нас целой кучей народнических требований.

Напечатанная в виде отдельного листка программа Союза не была, к сожалению, перепечатана ни в одном революционном издании. Найти ее теперь можно было бы только в архивах покойного Третьего Отделения. Говоря о ней на память, я, разумеется, не могу входить ни в какие подробности.

Известие об основании Союза радостно встречено было рабочими всюду, куда оно проникло. Варшавские рабочие приветствовали петербургскую организацию адресом, в котором говорили, что пролетариат должен быть выше национальной вражды и преследовать общечеловеческие цели. Союз отвечал им в том же духе, выражал надежду на скорую победу над общими врагами и заявлял, что не отделяет своего дела от дела рабочих всего мира. Это был едва ли не первый пример дружеских сношений русских рабочих с польскими.

Союз не думал ограничивать поле своей деятельности одним Петербургом. Самое название его *(Северно-Русский* Союз) принято было лишь на время, лишь до тех пор, пока не пристанут к нему рабочее провинциальных городов. Идеалом вожаков Союза была единая и стройная *всероссийская рабочая организация.*

V.

Что представляли тогда собою провинциальные рабочие? Насколько коснулось их революционное движение? Читатель знает, что пропа-

*) *Примечание ко второму изданию.* Говоря это, я имею в виду наиболее деятельную и наиболее влиятельную часть тогдашней революционной интеллигенции: народников. Кроме народников, были

тогда полулибералы, толковавшие о политической свободе. Они издавали «Начало», но влияния они не имели.

ганда между рабочими считалась народнической интеллигенцией побочным делом; что ее революционные программы никогда не отводили рабочему классу самостоятельной роли. Главные силы интеллигентных революционеров направлялись на крестьянскую массу. Отсюда вытекали такого рода, на первый взгляд странные, явления.

Как промышленный центр, Москва почти не уступает Петербургу. Но в Петербурге происходило значительное рабочее движение, в Москве оно было слабее, чем в Киеве или в Одессе. «Рабочее дело» всегда было обязано своими успехами случайным причинам. Центром севернорусских революционных ор-ганизаций интеллигенции являлся Петербург. Там всегда было много свободных революционных сил. И уже одного этого было достаточно, чтобы там началась пропаганда между рабочими. Из Москвы революционные силы стре-мились в Петербург или даже в большие города юга. В Москве «рабочее дело» могло бы начаться только в том случае, если бы ему придавалось самостоятельное значение. Но это условие отсутствовало, поэтому и было слабо в Москве «рабочее дело».

В Саратове очень мало развита фабрично-заводская промышленность; тамошние рабочие были по преимуществу мелкими ремесленниками, а между тем в 1877—78—79 гг. там постоянно жил то тот, то другой «землеволец», занимавшийся исключительно пропагандой между рабочими. Владимирская губерния усеяна фабриками, ее население местами сплошь состоит из фабричных рабочих, но никому из землевольцев и в голову не пришло поселиться во Владимирской губернии. Отчего это? Понятно, отчего! Поволжье считалось местностью, в которой крестьянство еще сохранило свои революционные «предания». Поэтому оно избрано было главной ареной «бунтарской» деятельности. В Самарской, в

Саратовской, в Астраханской губерниях заводились «поселения в народе», Саратов был главной квартирой действовавших «в народе» землевольцев. Поэтому они считали полезным и нужным обеспечить себе поддержку со стороны его рабочего населения: когда поднимется поволжское крестьянство, пригодятся и саратовские ремесленники. Во Владимирском же промышленном округе торжествовал капитализм, в этой несчастной местности с незапамятных времен прекратились значительные крестьянские движения, в ней умерли народные «предания», исказились народные «идеалы». Поэтому ходить туда землевольцам было незачем. *Призрак оказался сильнее* действительности. *Мертвый схватил живого,* — по известному французскому выражению. Постоянно мелькавшие в воображении бун-та-

рей тени Разина и Пугачева больше влияли на распределение революционных сил, чем действительный ход русского экономического развития. До какой степени ошибались бунтари в оценке живых сил народа, может показать следующий замечательный факт. В 1878 г. землевольцы много толковали о том, чтобы проникнуть в Ярославскую губернию. Вы подумаете, может быть, что их почему-либо привлекало к себе тамошнее *рабочее население.* Совсем нет, о тамошних рабочих они забыли и думать. Тут была другая и уж поистине более тонкая причина. Из «Сборника правительственных сведений о раскольниках» Кельсиева землевольцы узнали, что в Ярославской губернии процветала когда-то секта бегунов. Один бунтарь «слышал» даже, что и теперь существуют бегуны в одном селе Ярославской губернии. Вот и думали снарядить экспедицию для их изловления. Но бегун потому и называется бегуном, что вечно бегает. Изловить его не так легко, как «поселиться» среди мирно живущего под игом своих «идеалов» крестьянства. Увидя, что подступа к ярославским бегунам не имеется,

бунтари махнули рукой на Ярославскую губернию. Интересоваться ею из-за одних рабочих не позволяла программа.

В тех же провинциальных городах, где интеллигенция, по тем или другим причинам, находила нужным шевелить трудящееся население, рабочие кружки непрерывно существовали с самого начала семидесятых годов. Иногда их разбивала полиция, иногда, вяло поддерживаемые интеллигенцией, занятой другим делом, они действовали очень вяло, но, в общем, почва для революционной рабочей организации была и в провинции подготовлена довольно хорошо.

В Одессе рабочая масса настолько сочувствовала революционерам, что во время суда над Ковальским (в июле 1878 г.) она принимала деятельное участие в демонстрации перед зданием суда *). Относительно Харькова у нас есть любопытное свидетельство местного губернатора.

*) См. статью «Одесса во время суда над Ковальским» в Л? 2 «Земли и Волн». «Из пяти дней судебного разбирательства три выпали на долю праздничных, когда народ не работает, говорит автор этой статьи. — Это обстоятельство в значительной степени содействовало скоплению публики у здания суда». Как вела себя эта, *в значительной степени* рабочая публика, читатель может видеть из той же статьи. Я приведу из нее только один эпизод. Когда войска оттеснили толпу от суда, часть ее направилась к приморскому бульвару. «На бульваре аристократия сибаритничала за столами, уставленными напитками и яствами. — Сволочь! — обратился один рабочий к благодушествующим, — вы объедаетесь и опиваетесь в ту минуту, когда осуждают людей на смертную казнь! Палачи предают смерти одного из лучших сынов русской земли, а вы любуетесь прекрасными видами! Будьте вы прокляты!». Это было сказано среди бела дня, под солдатскими ружьями и казацкими пиками.

«Социальные учения, — писал он в своем «всеподданнейшем» отчете за 1877-й год, — к счастью и несмотря на делаемые многочисленные попытки со стороны злоумышленников, можно сказать, вовсе еще не проникли в среду сель-ского населения, остающегося верным началам религии, нравственности и по-рядка. Нельзя того же сказать о низшем классе городского населения, кото-рое, подкапываемое социальными учениями, во многом утратило прежнюю неприкосновенность религиозных верований и

патриархальности семейных отношений. Класс фабричных рабочих, весьма многочисленный в Харькове *), требует усиленного надзора и не представляет залогов устойчивости против распространения новых учений. В среде этого населения революционная пропаганда встречает постоянное сочувствие, и, в случае какого-либо движения в смысле перехода от теории к действию, класс харьковских рабочих, в огромном большинстве своем, не представит отпора возмутителям. В этом отношении заслуживают особого внимания подслушанные агентом полиции в среде фабричного населения разговоры об обременительности податей, о неизвестности, на что и куда тратятся деньги, забираемые с народа, о бесконтрольности правительства и тому подобные суждения, неслыханные в простом народе еще несколько лет тому назад. Конечно, свобода суждений повременной печати могла частью навеять подобные мысли, но несомненно, что главные виновники подобного настроения фабричного населения, это — распространители революционной пропаганды, усиленно работающие между фа-бричными города Харькова. Вообще политическое состояние губернии, спо-койное в отношении массы сельского населения, поместного дворянства и во-обще владельцев недвижимой собственности, весьма тревожно в отношении низших классов городского населения, учащейся молодежи и тех подонков общества, не имеющих ничего терять, которые столь многочисленны в больших городах»**). В отчете Екатеринославского

*) Это неверно, фабричных рабочих вовсе было тогда немного в Харькове, но не в том дело.

**) См. «Извлечение из всеподданнейшею отчета харьковского губернатора за 1873-й год» в № 2 «Земли и Воли». «Подслушанные агентом полиции» толки «о бесконтрольности правительства» и т. д. показывают, что и харьковская рабочая среди начинала сознавать значение политических прав и политической свободы. Казалось бы, что нашим либералам нужно было прежде всего искать опоры в подобной среде. Но они, по крайней мере многие из них, ни о чем так охотно не рассуждают, как о незрелости и непригодности русского рабочего класса к борьбе за политическую свободу. Удивительно проницательные и глубокомысленные люди!

Примечание ко второму изданию. Так было до недавнего времени; так остается, пожалуй, и теперь, но теперь есть некоторые основания думать,

что скоро передо-

губернатора за 1879 г., наверное, заключались столь же резкие выражения по адресу «низшего класса населения» Ростова-на-Дону. Известно, что у ростовской полиции были в том году большие неприятности с рабочими.

Дело было так. Не помню точно, в какой день праздника Пасхи полицейские схватили на базаре подгулявшего рабочего и потащили его в часть, не жалея, как водится, пинков и подзатыльников. «Братцы, застудитесь, — закричал рабочий покрывавшему базарную площадь народу, — изувечат меня в части!». Народ зашевелился; довольно значительная группа рабочих последовала за уводившими арестованного полицейскими, прося их отпустить его. Те отвечали ругательствами и, введя арестованного в здание часта, принялись колотить его не на живот, а на смерть. Услыхав его отчаянные крики, эта группа стала бросать камни в окна и ломиться в ворота частного дома. Группа быстро разрослась в толпу. Кто-то крикнул, что следует разнести всю часть. Сделать это было не так-то легко: ее крепкие ворота были заперты, а в окнах нижнего этажа стояли городовые с обнаженными шашками и револьверами. Начался правильный приступ. Несколько дюжих молодцов притащили откуда-то огромное бревно; толпа поняла их мысль, бревно схватили десятки рук; распевая «дубинушку», им стали действовать как тараном, и через несколько минут ворота были выбиты. Народ ворвался в часть. Полицейские, которые успели тем временем сделать несколько выстрелов в нападавших, моментально скрылись. В самое короткое время часть была разнесена. Покончив с нею, толпа бросилась на другие полицейские части, потом опустошила квартиры полицеймейстера и некоторых квартальных. О сопротивлении ей никто не ду-мал. Полуживой от страха полицеймейстер прятался в Нахичевани, а военные власти Ростова не уверены были даже в том, что им удастся оборонить банк и острог (где

сидело несколько «политических»). Разумеется, полетели телеграммы к губернатору; из Новочеркасска двинулись для усмирения казаки, а в Таганроге стала готовиться к выступлению артиллерия *). Но, пока что, город был в руках «бунтовщиков».

вая часть нашей буржуазии радикально изменит свое отношение к политическому движению рабочих. Она постарается подчинить его своему влиянию. Понятно, это не в интересах социал-демократов.

*) Вскоре после этого я познакомился с одним из стоявших в Таганроге артиллерийских офицеров. «У нас офицеры говорили, что они не станут стрелять в народ, — сказал мне мой новый знакомый. Не знаю, как другие, а *этот* человек не ограничился бы словами. Впоследствии он делом доказал свое сочувствие революционерам.

Я приехал *в* Ростов на другой же день после «разнесения» частей и видел все его следы. Невозможно представить себе картину более полного опустошения. В зданиях частей выломаны были полы, выбиты стекла с рамами и двери с притолоками, разрушены печи, попорчены дымовые трубы и крыши. И на далекое расстояние мостовая, усеянная обломками мебели, покрыта была, как снегом, мелкими клочками разорванных полицейских бумаг.

Какая дикость! — воскликнет иной благовоспитанный читатель. Пожалуй, — дикость. Но ведь противодействие равняется действию, и странно удивляться, что *дикий произвол полиции* вызывает *дикую,* подчас, *ярость народа.*

А в то же время заметьте, что эта разъяренная толпа умела вполне сохранить свое достоинство. *Никто из опустошителей не позволил себе взять ничего из уничтожаемого имущества полицейских.* Это тогда же подтверждено было всеми очевидцами. Только когда стали «разносить» дом полицеймейстера и выкинули на улицу несколько штук прекрасного полотна, какой-то солдат попросил себе кусок на рубаху. Толпа удовлетворила просьбу «служивого», тут же уничтожив весь остаток.

Еще одна интересная черта. Разбивши одну часть и направляясь к другой, толпа проходила мимо еврейской синагоги. Мальчик кинул камень в ее окно. Его сейчас же

остановили. «Не трогай жидов, — сказали ему, — нужно бить не жидов, а полицию».

Настоящая дикость выступила на сцену только ночью, в лице многочисленных в Ростове *«босяков».* Буйно провела эту ночь и вдоволь потешилась ростовская «босая команда»! Обрадовавшись отсутствию полиции, она, прежде всего, поспешила разграбить питейные дома, а потом, напившись до беспамятства, обрушилась на публичные дома и стала бить несчастных проституток. Явившиеся на следующее утро войска положили конец этим безобразиям, в которых рабочие совсем не участвовали и которыми они возмущались до такой степени, что и без прихода войск их антиполицейское движение, вероятно, прекратилось бы в силу естественной реакции против подвигов босой команды. Несмотря на такой неожиданно-плачевный оборот ростовской «революции», воспоминание о ней долго еще ободряло рабочих, как наглядный пример того, что народ может дать хороший урок даже и всемогущей в России полиции.

Мне рассказывали, что, когда слух о «разнесении» ростовской полиции дошел до углекопов донецких копей, они двинулись отрядом в

150—200 человек на помощь ростовцам, но дорогой узнали о восстановлении «порядка» и поспешили возвратиться домой. За достоверность этого слуха я совсем не ручаюсь.

Что касается существовавших в провинциальных городах революционных рабочих кружков, то лично я знал такие кружки в Ростове, Саратове, Киеве и Харькове. По составу своему они были гораздо разнообразнее, смешаннее петербургских. В них попадались члены, по развитию и по высокому уровню потребностей не уступавшие петербургским заводским рабочим, но рядом с ними попадались и совсем «серые», иногда неграмотные. Нередко преобладали в них мелкие самостоятельные ремесленники, и при том не подмастерья, а именно *хозяева.* В Петербурге я совсем не

встречал подобных последователей социализма и чувствовал себя в странном положении, когда, случалось, революционер-хозяин, советовал мне остерегаться его *работника,* как *ненадежного* человека. «Да, ведь, ты сам эксплуататор, ведь на тебя два рабочих трудятся», — шутил иногда со своим приятелем - портным переехавший из Петербурга в Саратов «заводской» В. Я. Портной конфузился. «Да что же делать-то, брат ты мой? Я и сам не рад, что теперь такие порядки, а жить-то тож надо. Вот придет революция, тогда уж не буду «эксплуататором».

Мне хотелось допытаться, откуда берется недовольство у людей этого слоя, какая из темных сторон их положения яснее всего отражается в их сознании. «Очень уж нас притесняет дума, все городские расходы на нас, бедняков, сваливает», — объяснил мне один ростовский мещанин, горячий революционер, имевший свою кузницу и нескольких подмастерьев. Возможно, что и многие другие ремесленники-революционеры были разбужены прежде всего безобразиями нашего городскою «самоуправления».

«Чарочка», «пьянка», к сожалению, слишком привлекательны иногда для русских ремесленников. В этом отношении они далеко оставляют за собою фабричных и заводских рабочих, у которых я редко замечал склонность к сильному злоупотреблению спиртными напитками.

На Волге и на Дону между рабочими-революционерами попадались люди, прежде придерживавшиеся раскола. Раскол не имеет, да и никогда не имел, серьезного значения, как оппозиционная общественная сила. Часто он действует прямо вредно, приучая человека к обрядности, к буквоедству, отвлекая его мысль от земных нужд к неясному бла-

женству *). Но тяжелый жизненный опыт и потребность в чтении научили раскольников не бояться запрещенной книги и уважать людей, страдающих за свои убеждения. Землевольцы «спропагандировали» на Волге молодого бегуна,

очень способного парня. По их просьбе он написал воспоминания о своей жизни между раскольниками. Из этих воспоминаний я как сейчас помню то место, где он рассказывает о своей встрече с ссыльными поляками. Совсем еще ребенком ехал он с отцом из Тюмени в одну из внутренних губерний Европейской России. На дороге столкнулись с партией поляков. «Что это за люди?» — спросил мальчик отца. - «А это, мой милый, поляки; их гонит царь не хуже нас грешных. Много горя принимают они от правительства». Эта способность сочувствовать *политическому* «преступнику» уже сама по себе может послужить залогом сближения с таким «преступником», а потом — при благоприятных условиях — и полного усвоения его образа мыслей. И это тем более, что между раскольниками встречаются страстные и беспокойные искатели истины, неспособные надолго удовлетвориться сектантской догматикой. Я знал одного бывшего раскольника, который уже пятидесятилетним стариком пристал к революционной партии. Этот человек всю жизнь «ходил по верам», забредал даже в Турцию, ища между тамошними раскольниками «настоящих людей» и «настоящей правды», и, наконец, нашел искомую правду в социализме, распростясь навсегда с небесным царем, и всей душой возненавидел царя земного. Я не встречал более страстного, более неутомимого проповедника. Часто вспоминал он, бывало, о каком-то расколоучителе, очевидно, имевшем на него прежде сильное влияние. «Эх, кабы мне теперь встретить его, — восклицал он, — я бы объяснил ему, что есть истина!». Он был душою рабочего кружка (где именно, не скажу, «страха ради иудейска»), и его нельзя было запугать никакими преследованиями. Он с самых юных лет знал, что хорошо «принять мученический венец» за свои убеждения. Кончил он Сибирью.

Повторяю, всюду, где интеллигенция давала себе труд сходиться с провинциальными рабочими, она могла

похвалиться очень заметным успехом. А если бы делу сближения с рабочими она посвятила хоть половину тех сил и средств, которые потрачены были на «поселения» и на разные агитационные опыты в крестьянстве, то к концу семидесятых годов социально-революцион-ная партия твердо стояла бы уже на русской

*) *Примечание ко второму изданию.* Маркс недаром называл религию *опиумом* народа и говорил, что *критика религии* естественно превращается в *критику общественных отношений.*

почве. Рабочие охотно шли навстречу интеллигенции *). И в Харькове, и в Киеве, и в Ростове-на-Дону мне постоянно приходилось слышать одни и те же жалобы, одни и те же просьбы: «интеллигенция забывает о нас; займитесь рабочим делом; пришлите из Петербурга хоть нескольких знающих, ловких людей, — вы увидите, как пойдет оно в нашем городе».

Ввиду этого, как нельзя более своевременным являлось намерение Центрального Кружка Северно-Русского Рабочего Союза войти в правильные сношения с провинциальными рабочими. Между его членами были люди, которые и по знаниям, и по энергии, и по опытности могли поспорить с любым «интеллигентом». Таков был, например, Степан Халтурин.

Я уже несколько раз упоминал его имя, занимающее одно из самых почетных мест в истории русского революционного движения. Пора поближе познакомить читателя с этой замечательной личностью.

VI.

Степан Халтурин родился в Вятке. Его родители, бедные мещане, посылали его в детстве в какую-то школу, а затем отдали в учение к столяру. В начале семидесятых годов он приехал в Петербург, где скоро нашел место на заводе. Не знаю, когда именно и при каких обстоятельствах захватило его революционной волной, но в 1875—1876 гг. он был уже деятельным пропагандистом. Если не ошибаюсь, в первый раз я встретился с ним дня за два до описанных в первой статье

похорон убитых взрывом рабочих патронного завода. Я был в числе «бунтарей», приглашенных принять участие в задуманной по этому поводу демонстрации, он — в числе рабочих, подготовлявших демонстрацию. Он был из тех людей, наружность которых не дает даже приблизительно верного понятия об их характере. Молодой, высокий и стройный, с хорошим цветом лица и выразительными глазами, он производил впечатле-

*) В шестидесятых годах в Саратове жил под надзором полиции впоследствии оставивший Россию А. Х. Христофоров. Он сблизился со многими местными рабочими. Они долго помнили его. В 1877 г. они рассказывали нам, землевольцам, что со времени его пребывания в Саратове, в местной рабочей среде никогда не потухала зароненная им искорка революционной мысли. Люди, никогда не знавшие его лично, вели от него свою умственную родословную. Такой глубокий след оставляет в этой среде всякое доброе влияние!

ние очень красивого парня: но этим дело и ограничивалось. Ни о силе характера, ни о выдающемся уме не говорила эта привлекательная, но довольно заурядная наружность. В его манерах прежде всего бросалась в глаза какая-то застенчивая и почти женственная мягкость. Говоря с вами, он как будто и конфузился, и боялся обидеть вас не кстати сказанным словом, резко выраженным мнением. С его губ не сходила несколько смущенная улыбка, которою он как бы заранее хотел сказать вам: «я так думаю, но если это вам не нравится, прошу извинить». Такими манерами отличались иногда в доброе старое время молодые, благовоспитанные провинциалы на первых шагах своей светской карьеры. Но к рабочему она мало подходила, и во всяком случае не она могла убедить вас в том, что вы имеете дело с человеком, который далеко не грешил излишней мягкостью характера и недостатком самоуверенно-сти.

Близко сойтись с ним можно было только на деле. Рабочему, вообще, некогда вдаваться в те бесконечные собеседования, которыми любит услаждаться «за чаем» «интеллигентная» публика, и в которых собеседники выворачивают друг перед другом всю свою душу. Степан же в

особенности не любил душевных излияний. Хотя во внешнем обращении застенчивость его исчезала при более близком знакомстве с человеком, однако она всегда держала его настороже, делая для него совершенно невозможным то нравственное состояние, которое обозначается словами: «душа на распашку». Побеседовать и он был не прочь, и при том не только со своим братом рабочим, но и с «интеллигентами». Пока он был легальным, он даже охотно селился по соседству со студентами и искал их знакомства, заимствуясь у них книгами и всякого рода сведениями. Нередко за полночь засиживался он у таких соседей. Но и там он мало высказывался. Придет и поднимет разговор на какую-нибудь тео-ретическую тему. Хозяин оживится, обрадованный случаем просветить тем-ного рабочего человека, говорит долго, вразумительно и по возможности «популярно», а Степан слушает, лишь изредка вставляя свое слово и внимательно, несколько исподлобья, посматривая **на** собеседника своими умными глазами, в которых по временам появляется выражение добродушной насмешки. В его отношении к студентам всегда была некоторая доля юмора, пожалуй, даже иронии: знаю, мол, я цену вашему радикализму; пока учитесь, все вы — страшные революционеры, а кончите курс, да получите местечки, и как рукой снимет ваше революционное настроение! Подсмеивался он также над студенческим трудолюбием. «Видел я, как они работают, — говаривал он, —

разве это работа! Посидит часа два на лекциях, почитает час-другой книжку, — и готово, иди в гости чай пить и разговоры разговаривать!» К рабочим он относился совсем иначе, подшучивать над ними не позволял ни себе и ни кому другому, в особенности «интеллигенции». Как огонь вспыхивал он, когда «интеллигент» делал при нем какой-нибудь не совсем лестный отзыв о рабочих. В рабочих видел он самых надежных, прирожденных революционеров и

ухаживал за ними, как заботливая нянька: учил, доставал книги, «определял к местам», мирил ссорившихся, журил виноватых. Его очень любили товарищи. Он знал это и платил им еще большей любовью. При всем том, не думаю, чтобы и в обращении с ними его покидала привычная сдержанность. Не знаю, как вел он себя с теми рабочими, которых привлекал к делу, в революционных беседах с глазу на глаз. Может быть, тогда он и давал волю всему, что кипело у него на душе. Но на кружковых рабочих собраниях он говорил редко и неохотно. Только в тех случаях, когда дело не клеилось, когда собравшиеся говорили что-нибудь несообразное или уклонялись от предмета сходки, Степан прорывался. Краснобаем он не был, — иностранных слов, которыми любят щеголять иные рабочие, никогда почти не употреблял, - но говорил горячо, толково и убедительно. Его речью и исчерпывались обыкновенно прения. И не потому, чтобы его выдающаяся личность давила окружающих. Между петербургскими рабочими были люди, не менее его знавшие и способные, бы-ли люди, больше его видавшие на своем веку, пожившие за границей. Тайна огромного влияния, своего рода диктатуры Степана заключалась в неутомимом внимании его ко всякому делу. Еще задолго до сходки он переговорит со всеми, ознакомится с общим настроением, обдумает вопрос со всех сторон и потому, естественно, оказывается наилучше подготовленным. Он выражал общее настроение. То, что говорил он, сказал бы, вероятно, каждый из его товарищей, но они не так вдумчиво отнеслись к делу, — иные по лености, иные потому, что заняты были другими, может быть, даже гораздо более важными делами, а Степан ни к чему не мог относиться невнимательно. Не было такой ничтожной практической задачи, решение которой он беззаботно предоставил бы другим. Он приходил на собрание с совершенно установившимся взглядом на подлежавший обсуждению вопрос. Потому-то с ним и соглашались. А с другой стороны, потому-то он и досадовал, потому-то он и

горячился, когда прения затягивались без толку: «ведь это же все так просто, - говорило его выразительное лицо, — неужели же вас могут затруднять подобные пустяки?»

Халтурин отличался большою начитанностью *). Это вызывало невольное уважение к нему, но и эта черта не могла особенно удивить человека, знавшего заводских рабочих: страстные любители чтения вовсе не были редкостью между ними. При ближайшем знакомстве оказывалось, однако, что и читал Степан так, как умеют читать только немногие. Он всегда хорошо знал, зачем именно раскрывал такую-то книгу. К тому же *мысль* постоянно шла у него рука об руку с делом. У него, например, вовсе не было того интереса к естественным наукам, который замечается у многих рабочих. Все внимание его было поглощено общественными вопросами, и все эти вопросы, как радиусы из центра, исходили из одного коренного вопроса о задачах и нуждах нарождав-шегося русского рабочего движения. О чем бы ни читал он, — об английских ли рабочих союзах, о великой ли революции, или о современном социалистическом движении, — эти нужды и задачи никогда не уходили из его поля зрения. По тому, что читал Халтурин в данное время, можно было судить о том, какие практические планы шевелятся у него в голове. Еще задолго до организации «Северно-Русского Рабочего Союза» он принялся изучать европейские конституции.

— Что это ты на них набросился? — спрашивали его.

— Да что же, ведь, это интересно, — отвечал он.

Программа союза лучше его объяснила, почему он набросился на конституцию: он обдумывал политическую программу русских рабочих. В умственном труде, как и во всем остальном, Халтурин был силен умением сосредоточиться на данном предмете, не отвлекаясь от него ничем посторонним. Ум его до такой степени исключительно поглощен был рабочим вопросом, что ему едва ли когда случалось заинтересоваться пресловутыми «устоями»

крестьянской жизни. Он знакомился с интеллигентами, слушал их толки об общине, о расколе, о «народных идеалах», но народническое учение так и осталось для него чем-то почти совсем чуждым.

- Что ты пишешь теперь? — спросил он меня незадолго до своего поступления в Зимний Дворец. Я ответил, что пишу разбор одной только что вышедшей книги по истории общинного землевладения. Это была очень серьезная книга, лично мне оказавшая огромную услугу, так как она впервые и очень сильно поколебала мои народнические воззрения, хотя я и спорил еще против ее выводов. Я был сильно за-

*) *Примечание ко второму изданию.* Он читал гораздо прилежнее и больше, чем огромное большинство известных мне тогда революционеров-практиков из «интеллигенции».

интересован ею и подробно изложил Степану ее содержание. Он долго слушал, а потом вдруг сразил меня неожиданным вопросом: «да неужели это действительно так важно?». Община занимала самый почетный, передний угол в моем народническом миросозерцании, а он даже не знал хорошенько, стоит ли из-за нее ломать литературные копья!

Нелегко было бы мне теперь определить его тогдашние социально-полити-ческие взгляды. Тогда я сам смотрел на вещи далеко не так, как смотрю в настоящее время. Могу сказать одно: в сравнении с нами, землевольцами, Халтурин был крайним западником. Западничество развивалось и поддержива-лось в нем как общими условиями исклю-чительно интересной для него рабочей жизни столицы, так, может быть, отчасти и некоторыми случайными вли-яниями. С лавристами он познакомился раньше, чем с бунтарями, а лавристы умели, как уже сказано, возбудить в рабочих интерес к немецкому социал-де-мократическому движению. К тому же двое из близких товарищей Степана долго работали за границей, и западное влияние распространялось через них как лично на него, так и на весь Союз.

В Петербурге родственников у Степана не было. Жил он

всегда одиноко, занимая небольшую комнатку на манер студенческой кельи. К обстановке и одежде своей он относился с равнодушием, достойным самого «интеллигентного» нигилиста. Высокие сапоги, широкое, слишком длинное даже для его высокого роста пальто, на котором недостает нескольких пуговиц, довольно неуклюжая черная меховая шапка, — вот в каком костюме воскресает он теперь в моем воображении. Особого наряда для воскресенья у него, вопреки обычаю всех заводских рабочих, не полагалось. Разговорись о деле где-ни-будь в трактире или в портерной, он охотно выпивал бутылку-другую пива, но вряд ли когда принимал участие в веселых товарищеских пирушках. Других рабочих мне случалось иногда встречать подкутившими. Его — никогда.

И, однако, этот сдержанный, практичный человек был, если хотите, большим мечтателем. Его мечты постоянно и далеко опережали действительные успехи русского рабочего движения. Довольно долго мечтал он об одновременной стачке всех петербургских рабочих. Такая мечта была, разумеется, несбыточной. Но и она принесла свою пользу: Степан неутомимо носился из одного предместья в другое, везде заводил знакомства, везде собирал сведения о числе рабочие, о заработной плате, о продолжительности рабочего дня, о штрафах и т. д. Его присутствие везде действовало возбуждающим образом, а сам он приобретал новые драгоценные сведения о положении рабочего класса в Пе-

тербурге. Задавшись мыслью о всеобщей стачке, он, по своему обыкновению, стал искать подходящих указаний в книгах. Ему нужно было узнать численность петербургского рабочего населения. Но статистика очень мало дала ему в этом отношении. — «Удивительное дело, — не раз говорил он мне, — статистические данные о петербургских фабриках и заводах совсем никуда не го-дятся. Там, где на самом деле триста рабочих, их показано пятьдесят, — там, где пятьдесят

— записано сто или двести. А вообще в Петербурге несравненно больше рабочих, чем считает статистика». Как же помочь горю? «Мы сами соберем нужные данные лучше всяких статистиков», — решил Степан, и при-нялся разносить по фабрикам и заводам особые листки, требуя от знакомых рабочих, чтобы те вписывали точные ответы на поставленные в листках во-просы. Конечно, не все отвечали обстоятельно; многие и вовсе забывали отве-тить. Но через короткое время у Степана все-таки собралось множество дан-ных. Относительно некоторых фабрик он хвалился мне, что ему удастся точно высчитать все расходы и все доходы хозяев и таким образом определить степень эксплуатации работников. Относящиеся сюда выводы он собирался напечатать в отдельной брошюре.

Очень увлекался он также мечтами о будущей всероссийской рабочей организации. Когда он заговаривал о ней, собеседнику, под влиянием его горячей веры, невольно начинало казаться, что препятствия уже устранены, связи повсюду заведены, организация существует и остается только работать для ее дальнейшего развития. Но и в этих мечтах не было ничего маниловского. Еще летом 1878 года, за несколько месяцев до основания Северного Союза, Халтурин отправился на Волгу, переходил там с завода на завод и вступил в тесные сношения с тамошними рабочими. Собирался он пробраться и на Урал, но петербургские товарищи убедили его вернуться в Петербург. Он там был слишком нужен.

Тотчас по основании Северного Союза возникла мысль об издании рабочей газеты. Автор статьи *«Пребывание Халтурина в Зимнем дворце»* *) приписывает эту мысль исключительно Степану. Он ошибается. Кому принадлежала мысль об издании «Земли и Воли»? Всем землевольцам вообще и никому в частности. То же приходится сказать и относительно предполагавшегося издания рабочей газеты. Потребность в ней давно уже чувствовалась рабочими. Выхо-

дившая в 1875 г. в Женеве анархическая газета «Работник» была пер-

*) В Календаре Народной Воли.

вой попыткой удовлетворения этой потребности. Изданием «Работника» деятельно интересовались многие из рабочих, вошедших потом в «Северно-Рус-ский Рабочий Союз». Когда землевольцы завели тайную типографию в Петер-бурге, мысль о рабочей газете приняла новую форму. Стали говорить, что орган русских рабочих должен печататься в России. Возрастающие успехи рабочего движения делали его все более и более необходимым. Вопрос о нем стал очередным вопросом. При этом Степан был молчаливо и единогласно признан редактором будущей газеты. Таким образом он стал головою дела, почин которого принадлежал всему Союзу.

Будущий редактор держался того мнения, что газета должна иметь чисто агитационный характер. У Союза было много связей в рабочем мире. В достоверных сообщениях о темных сторонах фабрично-заводского быта недостатка быть не могло. Появление их в печати сочувственно встретили бы все рабочие. Таким сообщениям и должно было принадлежать главное место на столбцах газеты. Авторам передовых статей оставалось бы лишь надлежащим образом освещать эти, непосредственно из жизни взятые материалы. С распространением организации на провинциальные города явилась бы возможность обеспечить себе иногородные известия. Все это было очень практично, и казалось бы, что общество «Земля и Воля» должно было всеми силами под-держивать задуманное рабочими предприятие. Землевольцы много сделали для развития рабочего движения в России. Отстраняться от него теперь, когда оно стало так быстро расти и крепнуть, было бы по меньшей мере странно. Они и не отстранялись от него сознательно, но незаметно для них жизнь придавала их деятельности совершенно новый характер. Им некогда было думать о рабочей газете

VII.

Уже к весне 1879 года, т. е. в то время, когда Северно-Русский Рабочий Союз насчитывал едва несколько месяцев существования, общество «Земля и Воля» из *бунтарского,* каким оно было прежде, наполовину превратилось в *террористическое.* Те из его членов, которые остались верны старой программе, жили большею частью «в народе», «в поселениях», раскинувшихся в разных местах нижнего и среднего Поволжья, на Дону, в Воронежской и Тамбовской губерниях. Большинство же живших в Петербурге землевольцев с ревностью новообращенных стояло за террористическую деятельность, или, как тогда выражались, за дезорганизацию *правительства.* «Рабочее дело»

никем не отрицалось в принципе. Но на деле посвящавшиеся ему силы и средства стали убывать очень и очень заметно. Многие молодые революцио-неры, начавшие свою деятельность «занятием с рабочими», оставили это за-нятие под влиянием проповедовавших «дезорганизацию правительства» землевольцев. Революционное движение интеллигенции принимало, несомненно, более *острый характер,* но русло его все более и более *суживалось.* О вовлечении в борьбу *народной массы* переставали думать. Задача движения сводилась к единоборству между *правительством* и революционной *интеллигенцией.* В апреле 1879 г., за несколько дней до выстрела Соловьева, мне пришлось оставить Петербург, и я передал «сношения с рабочими» покойному Ширяеву. Вернувшись осенью того же года, я застал Халтурина в сильном негодова-нии против интеллигенции вообще, а против нас, землевольцев, в особенно-сти. «Человек, с которым ты познакомил меня перед своим отъездом, — гово-рил он, — был у нас один раз, обещал доставить шрифт для нашей типографии, а потом исчез, и я не видался с ним два месяца. А у нас уж и станок сделан, и наборщики есть, и квартира готова. Остановка только за

шрифтом. Да и кроме шрифта есть важное дело, нужно переговорить с кем-нибудь из ваших, а где искать их — неизвестно» *). Я был уверен, что явившееся у Степана новое важное дело относится, как и всегда, к рабочему движению. Вышло не так.

С самого основания своего Северно-Русский Рабочий Союз поставлен был террористической тактикой интеллигенции в довольно затруднительное положение. С каждым новым террористическим актом росли полицейские строгости, умножались обыски, аресты и высылки. Для нелегальных революционеров этот белый террор до поры до времени был почти совершенно безвреден, так как им удавалось скрывать свои следы от самых опытных сыщиков. В ином положении были легальные революционеры, чем-нибудь успевшие обратить на себя неблагосклонное внимание синего начальства. Они должны были готовиться к самым неприятным неожиданностям. В рабочем Союзе *нелегальных* было немного: кроме Халтурина, нелегального с 1878 г., еще, может быть, два-три человека. Но зато многие, — и часто самые деятельные, опытные и влия-

*) При тогдашнем положении дел — выезд из Петербурга всех «нелегальных» землевольцев (а таких было большинство) перед выстрелом Соловьева, суматоха, вызванная летними революционными съездами в Липецке и Воронеже, и, наконец, совершившееся осенью Формальное разделение общества «Земля и Воля», трудно было винить Ширяева за его халатность. Но Халтурин не знал этих смягчающих обстоятельств, и потому досада его совершенно понятна.

тельные — *легальные* — члены его давно уже находились у полиции на дурном счету. Им плохо приходилось от белого террора. Их хватали, держали в тюрьмах, высылали. Подобные потери тяжело отзывались *на неокрепшей* еще организации, и неудивительно, что Северно-Русский Рабочий Союз сначала очень неодобрительно относился к новому приему революционной борьбы. «Чистая беда, — восклицал Халтурин, — только-только наладится у нас дело, — хлоп! шарахнула кого-нибудь интеллигенция, и опять провалы. Хоть немного бы дали вы нам укрепиться!» Но революционный

террор все усиливался; усиливался и белый. Провалы учащались. Выстрел Соловьева довел полицейские строгости до неслыханной степени. Вместе с тем он же указывал, по-видимому, и выход из невыносимого положения. Падет царь, падет и царизм, наступит новая эра, эра свободы. Так думали тогда очень многие. Так стали думать и рабочие.

Летом 1879 г. кому-то из членов Союза предложено было место столяра в Зимнем дворце. Он сообщил об этом своим ближайшим товарищам. «Что же, поступай, — заметил один из них, — кстати уж и царя прикончишь». Это было сказано в шутку. Но шутка произвела на присутствовавших глубокое впечатление, они серьезно задумались о цареубийстве. Призвали на совет Халтурина. На первый раз он высказался неопределенно: посоветовал только не болтать, да разузнать получше о предлагаемом месте. Ему хотелось хорошенько обдумать это дело, при чем он тут же, вероятно, решил, что если найдет его возможным и полезным, то сам же за него и возьмется. А подумать ему было о чем. Как ни жутко приходилось Союзу от белого террора, но его положение все-таки было совсем не безнадежно. Это доказывал уже тот факт, что, несмотря на полицейские строгости, рабочие могли сделать почти все необходимые приготовления к изданию своей газеты. Сношения с провинциальными городами только что начинались и, опять-таки несмотря на все строгости, сулили успех. Намеченные полицией члены Союза высылались один за другим, но на их место являлись новые, *не* намеченные, которые, при осторожном ведении дела, могли продержаться довольно долго. Новое покушение на жизнь Александра II, в случае неудачи, наверное, причинило бы Союзу новые потери, тем более, что самому Халтурину приходилось идти почти на верную смерть. Он знал, какое расстройство внесет его гибель в дела Союза. Но все эти соображения не устояли перед одним: смерть Александра II *принесет с собою политическую свободу,* а при политической свободе рабочее дви-жение пойдет у нас не по-прежнему.

союзы, с рабочими же газетами не нужно будет прятаться *). Степан недолго колебался. Доступ во дворец был обеспечен. Оставалось запастись взрывчатыми веществами.

Как вел себя Халтурин в Зимнем дворце, — рассказано в Календаре Народной Воли **). Читателю известно, вероятно, какую смелость и какое самообладание проявил он там. Арест Квятковского, у которого найден был план Зимнего дворца, поставил Халтурина, по словам автора рассказа, «в истинно каторжное положение». На взятом у Квятковского плане царская столовая была отмечена крестом, и это обстоятельство заставило дворцовую полицию подозрительно относиться к столярам, жившим в подвальном этаже, как раз под столовой. В одной комнате с Халтуриным поместили жандарма; дворцовую прислугу часто и неожиданно обыскивали; динамит приходилось хранить под подушкой; предприятие, а с ним и жизнь Степана, постоянно висели на волоске. С поразительным хладнокровием обошел он все трудности, преодолел все препятствия, и когда приготовления были окончены, когда уже зажжен был роковой фитиль, он «просто восхитил Желябова» тем спокойствием, с которым произнес, «словно фразу из самого обычного разговора», многозначительное «готово». Только последующее его состояние показало, как страшно был он измучен. Придя после взрыва на приготовленную для него конспиративную квартиру, «усталый, больной, он едва мог стоять и только немедленно справился, есть ли в квартире достаточно оружия. Живой я не отдамся, — говорил он».

«Известие о том, что царь спасся, подействовало на Халтурина самым угнетающим образом. Он свалился совсем больной, и только рассказы о громадном впечатлении, произведенном 5-м февраля на всю Россию, могли его несколько утешить, хотя никогда он не хотел примириться со своей неудачей» ***), Не того ожидал он от своей попытки...

После 5-го февраля он продолжал действовать более двух лет. Пробовал он вернуться к своему любимому «рабочему делу». Но логика раз принятого способа действий ставила свои неотразимые требования. Степан снова пошел на «террор». Известно участие его в убийстве Стрельникова. Он умер на виселице 22 марта 1882 г. При аресте он храбро защищался вооруженной рукой.

Вскоре по поступлении Халтурина в Зимний дворец, я вынужден был оставить Россию. С тех пор о ходе русского рабочего движения

*) Подлинные слова Халтурина.
**) «Халтурин в Зимнем дворце».
***) Календарь, историко-литературный отдел, стр. 48.

я мог знать только по рассказам действовавших после меня товарищей. Автор статьи «Пребывание Халтурина в Зимнем дворце» говорит, что Северно-Русскому Рабочему Союзу удалось-таки приступить к изданию газеты, которая, однако, вместе с типографией была заарестована при наборе первого же нумера и не оставила по себе ничего, «кроме памяти о попытке чисто рабочего органа, не повторявшейся уже потом ни разу» *). Затем прекратилось и самое существование Союза. По-видимому, на его судьбе отразились программные разделения тогдашней интеллигенции. Несомненно, по крайней мере, что уже в 1880 г. появляются между петербургскими рабочими сторонники «партии Народной Воли» (см. программу рабочих этой партии, опубликованную в ноябре 1880 г., и сторонники «Черного Передела». В восьмидесятых годах в разное время издавалось в России несколько рабочих журналов: «Рабочая Газета» (с 15 декабря 1880 до конца 1881 г.), «Зерно» (приблизительно около того же времени), «Рабочий» (в 1885 г.). Правда, рабочие были только читателями этих журналов, редактировались же они «интеллигенцией», но это было, что называется, только полгоря. Во второй половине восьмидесятых годов перестали появляться в России и такие издания. Наступило, казалось,

полное затишье. Но раз зажженный огонек мысли не погас в рабочей среде, как об этом свидетельствует даже легальная печать. Почти совершенно оставленный интеллигенцией рабочий продолжал расти умственно и нравственно. Уже в конце восьмидесятых годов Г. И. Успенский мог поздравить русских писателей с «новым грядущим читателем». Недалеко то время, когда «интеллигентных» противников царизма можно будет поздравить с новым, незаменимым и непобедимым *политическим союзником.*

Когда наша революционная «интеллигенция», чувствуя недостаточность своих сил, спрашивает себя, где искать поддержки, te доброжелатели дают ей часто довольно странные ответы: «в обществе», в офицерской среде и т. п. О рабочих такие доброжелатели интеллигенции вспоминают редко и неохотно. О вкусах, конечно, не спорят, но факт тот, что русские рабочие внесли в освободительное движение последних двадцати лет несравненно больше сил, чем почтенное военное сословие, или — в особенности — наши милые, добрые, развитые, гуманные, образованные, но решительно никуда не годные либералы. А ведь до сих пор совершились только первые, правда, самые трудные, но зато и самые слабые шаги нашего рабочего движения. Что же будет

*) Автор относит эту попытку ко времени, предшествовавшему поступлению Халтурина во дворец. Но это ошибка.

дальше? Людям, претендующим на политическую дальновидность, не мешало бы подумать об этом.

История давно и безвозвратно осудила русский царизм. Но он существует и будет существовать до тех пор, пока та же история не заготовит достаточно сил для исполнения своего приговора. Она деятельно заготовляет их, беря их отовсюду. Пролетариат — самая могучая из создаваемых ею новых общественных сил. Пролетариат — это тот динамит, с помощью которого история взорвет русское самодержавие.

Но рабочему классу не годятся старые, более или менее фантастические революционные костюмы интеллигенции.

Наши рабочие, уже в *семидесятых* годах видевшие слабые стороны *народничества,* в девяностых годах сознательно станут под знамя всемирной рабочей партии, под знамя социал-демо-кратов.

Пусть же поскорее наступает эта счастливая пора! Много света внесет она в нашу темную жизнь!

Предисловие к четырем речам рабочих *).

Много тяжелых впечатлений пережили в последнее десятилетие все русские люди, не совсем беззаботные на счет политики. Реакция усиливалась с каждым годом, торопясь взять назад, одну за другою, те, в сущности, весьма жалкие уступки, которые правительство вынуждено было сделать общественному мнению после крымской войны. Человек, именем которого сделаны были эти уступки, Александр II, этот Манилов на престоле, оказался, в глазах своего сына и преемника, опасным «потрясателем основ», чуть не якобинцем. Сочувствовать его реформам значило обнаруживать неблагонадежный образ мыслей. При таком положении дел энергичная борьба за политическую свободу становилась необходимой более чем когда-нибудь, а между тем революционное движение постоянно ослабевало, силы революционной «интеллигенции», еще недавно казавшиеся неистощимыми, быстро убывали.

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие...

Торжество реакционеров было, по-видимому, надолго обеспечено. О России восьмидесятых годов без всякого преувеличения можно было сказать словами того же поэта:

Слышно только, о, ночь безрассветная,
Вихри злобы и бешенства носятся
Над тобою, страна безответная,
Все живое, все честное косится...

Но никакое правительство, никакая реакция не может остановить неотвратимый ход экономического развития. В то время, когда реакционеры праздновали свою победу над

революционной гидрой, когда правительство издавало распоряжения, которые способны были бы изумить даже Николая Незабвенного, когда врагам царизма, казалось, надо было

*) Первое мая 1891 года. Четыре речи рабочих, произнесенные на тайном собрании в Петербурге. Женева. 1892.

оставить всякую надежу, — в это печальное, мрачное время ни на минуту не прекращалось экономическое движение, роковым образом подготовляющее падение царского самовластия. Развитие капитализма шло все более и более ускоряющимся ходом, размывая и разлагая ту историческую почву, на которой выросло и окрепло наше самодержавие. Некогда сплошное деревенское население разделилось на два слоя, из которых один по своим интересам примыкает к крупной или мелкой *буржуазии,* а другой превращается в пролетариат. Крушение старых экономических порядков пробудило народ от его вековой спячки, подорвало его старые верования, вызвало у него новые нравственные и умственные потребности. Стремясь воскресить николаевские порядки, наши реакционеры очень последовательно добивались этой цели. Но они упустили из виду одну безделицу, именно, то обстоятельство, что *русский* народ *настоящего времени не похож на русский народ времен Незабвенного.* Печальные для них следствия этой маленькой ошибки понятны сами собой. Чем более свирепствовала реакция, тем сильнее становилось в народе недовольство существующим порядком вещей. Довольно смутное хотя, - тем не менее, — очень много обещающее в деревнях, оно принимает совершенно недвусмысленную окраску в крупных промышленных центрах. Промышленный рабочий стремится к политической свободе, он сознает ту неразрывную связь, которая существует между его *экономическими целями* и ведущими к ней *политическими средствами.* А это значит, что на сцену внутренней истории России выступает новая политическая сила, несравненно более грозная, чем сила нашей

революционной «интеллигенции». Разубедившись в существовании и непрерывном росте этой силы, мы, социалисты, можем с спокойной уверенностью смотреть в будущее. «Пусть будет, что будет, а будет все-таки на нашей улице праздник», говорил когда-то Н. Г. Чернышевский. «Пусть будет, что будет, а будет все-таки то, что русский пролетариат освободит и самого себя и всю Россию» — скажем мы в свою очередь.

В наиболее развитых кружках русских рабочих, в этом авангарде русского революционного пролетариата, сознание социально-политических задач рабочего класса теперь уже приняло настолько определенные формы, что нашему брату революционеру - «интеллигенту» остается лишь принять их к све-дению и руководству, навсегда прекратив свои многолетние искания самой лучшей из всех возможных программ. *Рабочие ясно высказали свою програм-му,* они ясно показали, что как в области политики, так и в области экономии они ни на волос не отклоняются от великих задач западного пролетариата.

Благодаря этому, всякого рода программные споры чрезвычайки упрощаются.

У нас привыкли толковать о русской самобытности, распространяться на ту тему, что Россия не Запад/ Привычка эта вкоренилась так сильно, что даже мы, западники до конца ногтей, поклонники всего человеческого и ненавистники всего «самобытного», не можем не заплатить ей дань. Да, Россия не Запад! Да, русская жизнь имеет свои неоспоримые особенности! Но в чем заключаются они, эти особенности? Не удаляясь вглубь времен, мы можем сказать, что теперь они сводятся к следующему. *Политическое сознание в русском рабочем классе пробудилось раньше, чет в русской буржуазии.* Наша буржуазия требует пока только субсидий, гарантий, покровительственного тарифа и вывозных пошлин; русские рабочие требуют *политических прав.* Это значит, что

рабочие опередили буржуазию и что все действительно передовые люди должны стать под знамя рабочих.

Тому, кто желал бы найти преувеличение в наших словах, мы предлагаем внимательно прочитать адрес, поднесенный петербургскими рабочими Н. В. Шелгунову незадолго до его смерти, и речи, сказанные рабочими на тайном рабочем собрании в Петербурге, созванном по поводу всемирной майской демонстрации. Ни адрес, ни речи не нуждаются в пространных толкованиях. И тот, и другие свидетельствуют в пользу политического сознания русских рабочих. Мы печатаем их, во-первых, потому, что полезно облегчить их распространение в более широких кругах рабочего класса, а, во-вторых, еще и потому, что они должны, по нашему мнению, произвести много и много обращений в рядах той «интеллигенции», которая до сих пор слушала толки о предстоящем пробуждении русского пролетариата как привлекательную, но совершенно фантастическую сказку.

В адресе Шелгунову нас приятнее всего поразил взгляд рабочих на литературные заслуги этого писателя. О них много говорили наши «передовые» писатели. Но замечательно, что рабочие взглянули на них совсем не с той стороны, с какой смотрели корифеи публицистики. Корифеи, в своих похвалах Шелгунову, толковали преимущественно о каких-то возвышенных туманностях. Рабочие выразили ему признательность за то, что он, своими статьями о пролетариате во Франции и Англии, дал им возможность ознакомиться с положением и движением их западноевропейских братьев. Это очень существенное различие.

Когда петербургские рабочие поднесли Г. И. Успенскому сочувственный адрес по поводу 25-летнего юбилея его литературной деятель-

кости, он поздравил русских писателей с появлением нового читателя, читателя из народной среды. Адрес Шелгунову

показывает, чего именно требует от писателей, на что охотнее всего отзывается этот новый читатель. Отождествив свои интересы с интересами западноевропейских рабочих, он естественно желает прежде всего подвести итог западноевропейскому рабочему движению.

Русский рабочий *не может не быть западником,* как русский интеллигент не мог не быть, по крайней мере, до известной степени и до поры до времени, *самобытником.* Русский социалист из «интеллигентной» среды знал, что западноевропейское рабочее движение есть исключительно движение рабочих. Но у себя на родине он видел лишь равнодушную ко всякого рода политическим вопросам народную массу. Не надеясь на поддержку со стороны этой массы, он невольно склонялся к тем теориям, которые уверяли его, что у нас в России, благодаря особенностям нашего экономического положения, можно сделать социалистическую революцию и *без народа,* хотя, разумеется, *для него.* А пока была у него такая склонность, ему труднее было усвоить учения *современного научного социализма,* чем верблюду войти в игольное ушко. Не то с рабочим. Как только пробуждается его политическая мысль, как только узнает он о великом западном движении, он тотчас же приходит к двум неоспоримым выводам: 1) по существу дела его экономическое положение, а следовательно, и его задачи, нисколько не отличаются от положения и задач его западных товарищей; 2) он во всех отношениях гораздо слабее западноевропейского рабочего. Так как первый вывод не оставляет места ни для каких самобытных утешений, то русский рабочий естественно склоняется к той уверенности, что он догонит западных рабочих, если только не станет сидеть сложа руки. Этой мужественной уверенностью дышат печатаемые нами речи рабочих по поводу майской демонстрации. «Да, товарищи, — говорит один из ораторов, — нам часто приходится читать или даже слышать о манифе-стаци-ях рабочих на Западе, которые громадными и

стройными колоннами движут-ся по городам и наводят страх на своих эксплуататоров; но стоит нам при-смотреться к истории развития этой стройной массы, и тогда нам ясно станет, что эта масса произошла от такой же небольшой группы людей, как и мы. Взглянем, хотя бегло, на историческое развитие социал-демократической пар-тии в Германии, этой самой сильной и стройной организации на Западе. Она тоже произошла от небольшой кучки людей... Эти рабочие первые сознали свои человеческие права и стали передавать свои убеждения другим рабочим, за что и стали преследо-

ваться и высылаться правительством... Что же нам, русским рабочим, отчаиваться?» (см. 1-ю речь). Почти так же выражается и другой оратор: «Я думаю, что каждый из нас теперь (т. е. вспоминая о майской демонстрации) невольно сравнивает наши силы с силами западных рабочих; но смею надеяться, что ни один из нас от этого сравнения, глядя на нашу малочисленность, не придет в отчаяние, потому что все мы еще имеем настолько сил и энергии, чтобы не упасть духом и не опустить рук лишь от того, что дело приходится почти еще только начинать...». Далее он указывает, что и в западных странах рабочее движение имело очень скромное начало и лишь «постепенно увеличивалось, благодаря энергической деятельности» его участников.

Пока у нас господствовали теории самобытного «русского социализма», вопрос о политических задачах социалистов решался, если не всегда отрицательно, то всегда более или менее ошибочно. Не умея понять *классового* характера современного социалистического движения, русские социалисты плохо понимали и то, что *всякая классовая борьба есть борьба политическая.* Некоторые из них прямо противопоставляли социализм политике, а другие, хотя и не одобряли подобного противопоставления, но все-таки были убеждены, что одно дело социализм, а другое дело политика.

Только поэтому они и могли спрашивать себя, не следует ли им сначала добиться решения политического вопроса, - т. е. завоевать политическую свободу, — а потом уже пе-рейти к вопросу социальному. Завоевать же политическую свободу они соби-рались силами так называемого общества, т. е. всех тех слоев населения, которые так или иначе, прямо или косвенно, живут на счет трудящегося народа, питаются плодами его эксплуатации. Рабочим даже и в голову не может прийти такая «самобытная» постановка политического во-проса. Для них вопрос этот неразрывно связан с вопросом экономическим. «Чтобы улучшить наше положение, — говорит третий оратор, — мы должны стремиться к заме-не существующего экономического строя, дающего широкий простор произвольной кулаческой эксплуатации, на более лучший и справедливый социалистический строй. Но для того, чтобы осуществить на деле такой экономический порядок, нам необходимо приобрести политические права, которых в настоящее время мы не имеем. Приобрести же политические права мы будем иметь возможность лишь только тогда, когда на нашей стороне будет такая организованная сила, которой правительство не решилось бы отказать в ее требованиях»... Все это ясно, все это последовательно, все убедительно, хотя и не всегда правильно выражено. Но с внешними недостатками изложе-

ния надо заранее помириться всем, кто сочувствует нарождающемуся движению русских рабочих. И это тем легче в данном случае сделать, что недостатки изложения с огромным избытком окупаются замечательными достоинствами содержания. Наши, красиво и гладко написан-ные, самобытные програм-мы не выживали у нас иногда и трех лет; негладко изложенная в 3-й речи западническая программа русских рабочих останется непоколебимой до тех пор, пока не осуществится усилиями революционного пролетариата.

Это мы говорим «интеллигенции». Рабочим же мы скажем вот что. В третьей речи указывается «переходная ступень к будущему экономическому строю». «Государство выкупит всю землю, — говорит оратор, — находящуюся в частной собственности и будет отдавать ее в аренду людям, желающим заниматься земледелием в таком количестве, которое они могут обработать собственными силами. А для обзаведения хозяйством, необходимым при земледелии, и для устройства фабрик и заводов — рабочим, желающим работать на артельных началах, нужно учредить такой банк, который бы выдавал нуждающимся рабочим ссуды». Эти слова представляют собой единственное место в речах, могущее вызвать серьезные возражения. Каковы могут быть эти возражения, мы говорить не станем, потому что спорить о переходной ступени к будущему экономическому порядку мы не видим надобности. А не видим надобности потому, что ни нам и ни кому другому неизвестно, при каких именно обстоятельствах придется социалистам обдумывать и принимать свои переходные меры; между тем, в таком вопросе все зависит только от обстоятельств. Все это дело будущего времени, которое — особенно у нас в России — наверное не будет похоже на нынешнее. Но именно поэтому всякие переходные меры, придуманные на основании *нынешних* нужд русского народа, окажутся неприменимыми в то время, когда действительно можно и должно будет принять такие меры. Задачи социалистов заключаются в том, чтобы 1) выяснить рабочему классу причину его бедственного положения при современном общественном порядке; 2) показать ему необходимость замены этого порядка — социалистическим, в основу которого ляжет общественная собственность на все производительные средства, которые и будут употребляться в дело по плану, заранее составленному ввиду потребностей производителей, нужд самого производства (т. е. надобности в машинах, сыром материале, фабричных зданиях, перевозочных средствах и проч.), а

также и всех других общественных нужд (постройки и поддержки общественных зданий, школ, больниц и проч., и проч., и проч.); 3) организовать рабочих

в особую партию, враждебную всем партиям эксплуататоров и стремящуюся захватить в свои руки политическую власть, без которой невозможно экономическое освобождение рабочих; 4) так направлять свою деятельность, чтобы каждый шаг ее приближал социалистов к их цели и в этом смысле был бы переходной ступенью к будущему порядку вещей. А приближать социалистов к их цели могут вовсе не одни только законодательные меры. Чем более вызовем мы недовольства в рабочей массе, чем лучше выясним ей ее классовые интересы, чем более жажды борьбы возбудим мы в ней, тем ближе подвинется к нам наша великая цель. Само собою разумеется, что агитацию в массе можно вести только на основании ее существующих и сознанных ею нужд и потребностей. Сама собою разумеется также и то, что если социалистическая партия имеет силу, чтобы вырвать у своих врагов те или другие полезные для народа уступки, она непременно должна это сделать, иначе она превратится из партии в секту, устранившуюся от жизни и не влияющую на нее. Но такие уступки определяются *состоянием экономии страны и соотношением ее политических сил в каждое данное время*. Нет никакой возможности перечислить их все заранее. Конечно, более важные из них мы и теперь уже должны наметить и ни на минуту не упускать из виду. Такой уступкой, а лучше сказать, таким завоеванием должно быть завоевание русским рабочим классом политических прав и политической свободы. Это необходимое условие роста нашей партии. Пока нет политической свободы, нет политических прав у рабочих, ни о каких уступках со стороны эксплуататоров и речи быть не может. *В глазах русских рабочих свержение самодержавия должно быть важнейшей и необходимейшей переходной ступенью к будущему экономическому порядку* Впрочем,

лица, произнесшие печатаемые нами речи, прекрасно знают это и, без сомнения, сумеют выяснить окружающим их товарищам-рабочим, до какой степени самодержавие препятствует удовлетворению их самых насущных нужд. В уменьи выяснить это народной массе заключается теперь вся тайна дальнейших успехов нашей партии. И как легко выяснить это в настоящее время, когда царизм привел Россию на край гибели! Россия голодает. Батюшка-царь и его правительство могут только усилить всенародное бедствие, сделать его постоянным, а уж ни в каком случае не помочь народу. Чтобы одолеть беду, народ должен взять свою судьбу в свои собственные руки, т. е. добиться созвания Земского *Собора,* который обсудит и примет меры для помощи голодающему народу и для улучшения его экономического положения. Распространяя в народе сознание необходимости Земского Собора, рабочие-

социалисты окажут ему колоссальную услугу и в то же время приблизят торжество социализма.

О Земском Соборе теперь говорят очень многие, и — кто знает? — может быть, не сегодня-завтра, высшие классы потребуют от правительства его созвания. Но если бы он созван был благодаря настояниям одних этих классов, то они и были бы на нем полновластными хозяевами. Рабочие и крестьяне получили бы от него только то, что господам капиталистам и помещикам угодно было бы подарить им. Надо, чтобы дело приняло другой оборот, надо, чтобы на Соборе присутствовали *истинные представители народа,* а этого не будет, если рабочие не станут агитировать в пользу его созвания. Чем больше будут агитировать они, тем больше представителей будут они иметь на Соборе, а чем больше будет там их представителей, тем больше будет сделано в пользу народа.

Пусть же агитация для созвания Земского Собора явится первым и славным походом нарождающейся у нас рабочей

партии!

Еще два слова. Отпраздновав 1-е Мая в 1891 году, рабочие, конечно, отпразднуют его и в нынешнем. От всей души желая им успеха, мы напоминаем им, что, принимая посильное участие в международной демонстрации пролетариата, они отныне обязаны также принимать участие и в его конгрессах. *Русских рабочих ждут на конгрессе 1893 года в Швейцарии.*

Внутреннее обозрение

> «Вечная смена форм, вечное отвержение формы, порожденной известным содержанием или стремлением, вследствие усиления того же стремления, высшего развития того же содержания, — кто понял этот великий, вечный, повсеместный закон, кто приучился применять его ко всякому явлению, — о, как спокойно призывает он шансы, которыми смущаются другие!.. Он не жалеет ни о чем, отживающем свое время, и говорит: пусть будет, что будет, а будет в конце концов все-таки на нашей улице праздник ! »
>
> *Н. Г. Чернышевский.*

I.

Почти немедленно по воцарении Александра III охранительная печать торжественно уведомила читающую публику о том, что «правительство идет». Это было очень странное известие, так как никто не подозревал, что русское правительство находилось до того времени в отсутствии. Но недоумение публики продолжалось недолго. Скоро все увидели, что под пришествием правительства охранители понимают пришествие крайней реакции. Казалось бы, что реакционными мерам трудно удивить русского человека. Наши самодержцы никогда не заходили далеко по пути либерализма. Несколько полулиберальных полуреформ, значение которых, и без того уже очень ограниченное, тотчас же суживалось разными добавлениями и прибавлениями, — вот все» на что решались русские монархи даже во время самых сильных увлечений своим либерализмом. При том же либеральный период их царствова-ния продолжался обыкновенно недолго. Пошалив полуреформами, они скоро

приходили в рассудок, остепенялись и по примеру «возлюбленных», «в Бозе почивших» предков своих принимались за решение истинной задачи русского царизма, которая заключается, как известно, в измышлении всякого рода «препон и препятствий». Наконец, много ли можно насчитать у нас даже и та-ких, хоть на короткое время увлекавшихся либерализмом, самодержцев? Раз, два, да и обчелся? Повторяем, русского человека трудно изумить реакционными подвига-

ми. Но Александру III удалось сделать это трудное дело. С тех пор, как он сел на прародительский престол, русские люди только и делают, что изумляются. Каждый год, каждое полугодие, почти каждый месяц приносят с собой новую «контрреформу», и каждая новая контрреформа по своему реакционному направлению далеко оставляет за собой все предшествовавшие. Мы долго не кончили бы, если бы вздумали перечислять все реакционные подвиги Александра III. Достаточно сказать, что все царствование его отца считается им одной сплошной ошибкой, вся правительственная система Александра II кажется ему крайне неблагонамеренной, чуть ли не якобинской. Известно, что празднование двадцатипятилетия крестьянского освобождения было запрещено в России. Известно также, как ломаются теперь земские и судебные учреждения. Нежный, почтительный сын решился до конца истребить все сделанное «обожаемым родителем». И он ни перед чем не останавливается для достижения этой цели, он идет напролом, обнаруживая изобретательность, настойчивость и неусыпность щедринского «помпадура борьбы», Феденьки Кротикова. Мы переживаем теперь период реставрации николаевских порядков. Это и значит, на языке охранителей, что правительство *пришло.*

Переживаемая нами реставрация по отличительным свойствам своим похожа на все другие реставрации: много

лицемерия, много шуму, много свирепости, часто бесцельной и бесполезной, много реакционной риторики и вместе с тем, — у всех сколько-нибудь проницательных сторонников реакции, — мало искренней веры в успех предпринятого дела. Сознание невозможности вернуть безвозвратно минувшее ставит обыкновенно гг. реставраторов в двойственное, противоречивое положение. Они «искореняют» отдельные лич-ности, ломают учреждения, разрушают уже сложившиеся и окрепшие *формы* народной жизни, но часто даже и не пытаются остановить ее общего, глубоко-го *течения,* идущего совсем не туда, куда хотелось бы *«придти»* правитель-ству. Мало того, течение это уносит их с собой и заставляет их собственными руками доканчивать разрушение той самой основы, на которой только и мо-гли бы укрепиться дорогие им политические и социальные порядки. Поэтому никакие реставрации никогда и ничего надолго не реставрируют. Конечно, они делают много зла как отдельным лицам и сословиям, так и всей стране в ее целом. Упавшим духом друзьям прогресса кажется подчас, что ненавистная им старина воскресла с новыми силами. Но проходит некоторое время, — и здание старых порядков, «реставрированное» с таким трудом, шумом и гвал-

том, разлетается как карточный домик, а на развалинах его водворяются новые общественные формы, в которые необходимо должно было вылиться историческое течение страны. Жизнь оказывается бесконечно сильнее полицейских распоряжений, и как ни мудрят над нею «охранители», она в конце концов обращает себе на пользу даже их реакционные «мероприятия».

Как ни усердно заняты своим делом помпадуры Александра III, но социальный строй России с каждым днем все более и более удаляется от их идеала. В глубине народной жизни происходит беспощадная и беспрерывная ломка старых порядков. Возникающие на их месте новые отношения частью

еще не вполне оформились, однако общий характер этих отношений достаточно определился уже и в настоящее время. Достаточно ясно и то, что эти новые отношения находятся в полнейшем, непримиримом противоречии с стремлениями реакционеров.

Разрушение старых «устоев» народной жизни в значительной степени причиняется уже простым механическим давлением государства на общину. Об этом уже много было говорено в русской литературе, поэтому нет надобности входить в подробные объяснения на этот счет. Укажем лишь на одно относящееся сюда и очень характерное явление. Перед нами № 282 «Русских Ведомостей» за 1887 год. Мы находим там следующее известие: *«Смоленская губерния.* За последние годы здесь особенно часто стали встречаться *случаи досрочного выкупа крестьянами своих наделов.* Результаты таких операций уже начинают обозначаться довольно ясно. Теперь для всякого, даже не особенно наблюдательного, человека в деревне с первых же шагов заметно что-то неладное. Юхновский уезд, по числу выкупленных наделов, занимает первое место в губернии. До 1887 г., как видно из данных присутствия по крестьянским делам, 167 лицами выкуплено 760 наделов. В уездах же: Гжатском, до 1886 года, выкуплено 224 лицами 629 наделов, в Сычевском, к тому же времени, 174 лицами 498½ и в Вяземском 74 лицами только 222 надела. В остальных уездах число выкупов, к счастью, не так значительно. Замечательно то, что больший процент выкупленных наделов в нашей губернии приходится именно на уезды неплодородные, и потому малоземледельческие, где крестьяне большую часть года питаются хлебом, покупаемым на деньги, добытые в большинстве случаев сторонними заработками, на каковые и уходит почти поголовно все мужское население. (См. В.)». Как вы думаете, читатель, чем объясняется такое

противоречивое явление: крестьяне землей очевидно не

дорожат, питаются покупным хлебом и почти поголовно уходят на сторону, а между тем, торопятся выкупить свои наделы? Не правда ли, это очень странно? Было бы странно, если бы лежащие на крестьянских землях платежи не превышали их доходности. А теперь не только не странно, но как нельзя более естественно. Так как земля у нас во многих местностях не только не обеспечивает благосостояния крестьянина, но является для него источником всякого рода обременении, то неудивительно, что он старается разделаться с нею. Самым верным средством для этого является выкуп земли и ее отчуждение. И вот умножаются «досрочные выкупы наделов». Здесь представляется, по-видимому, новое противоречие: выкупают до срока земли — значит имеют деньги, а если имеют деньги, то кажется ясно, что малоземелье и высокие платежи не в конец еще подорвали благосостояние крестьянства, и что толки о крестьянском разорении неосновательны. Но и это противоречие разрешается очень простым образом. Из наблюдений по другим губерниям видно, что досрочные выкупы часто производятся состоятельными крестьянами с целью оградить себя от увеличения надела и связанных с ним платежей. Это, разумеется, возможно только там, где платежи превышают доходность земель. Там же, где между доходностью и платежами существует обратное отношение, досрочные выкупы не всегда выгодны для состоятельных крестьян, потому что увеличение надела приносит им прибыль, а не разорение. Зато в таких случаях досрочный выкуп совершается нередко беднейшими крестьянами, которым закабалившие их кулаки дают на него деньги, с тем, чтобы присоединить выкупленную землю к своим владениям (см. в октябрьской книжке «Трудов Вольно-экономического Общества» за 1887 год статью г. Миллера о досрочных выкупах в Моршанском и Кирсановском уездах Тамбовской губ.).

По каким бы соображениям ни совершались выкупы

крестьянских земель, они ведут к разложению общины уже по той причине, что величина наделов крестьян-собственников остается неизменной. За каждым домохозяином упрочивается владение именно тем числом десятин, за которое он внес выкуп: на уменьшение своего надела каждый такой домохозяин согласится только тогда, когда налоги на землю превышают ее стоимость. Но в таком случае ему выгоднее навсегда разделаться с землей, что он и не замедлит сделать в качестве собственника. Конечно, возможно еще и такое положение дел, при котором большинству членов общины выгоднее будет настаивать на новом переделе

выкупленных земель. Так называемые «многодушные семьи», пользовавшие-ся большим числом наделов и вносившие выкуп за них, могут стать, как гово-рят крестьяне, «малодушными». Если таких семей окажется много, то «миру» выгоднее будет приступить к новому переделу. Такие случаи и происходят в действительности, и на них-то особенно охотно ссылаются наши народники для доказательства прочности «устоев»: посмотрите, мол, они с успехом со-противляются даже раз-лагающему влиянию выкупа. Но такие случаи доказы-вают лишь то, что крестьянин не поцеремонится оттягать у своего соседа землю, если только к тому представится возможность, в этом мы никогда не сомневались. Но мы очень сомневаемся в том, что многие общины крестьян-собственников согласятся *повторять* подобные переделы. Для повторения их нужно довольно редкое сочетание интересов, становящееся все менее и менее возможным ввиду возрастающей запутанности всех деревенских отношений. Благодаря этой запутанности самые переделы земель являются в современной общине лишь дележом добычи между деревенскими кулаками. Хотите ли знать — почему? Пусть объяснит это один из самых горячих наших народников, Н. Н. Златовратский. «Передел все больше и больше теряет свое практически-рациональное значение и делается игрой в «свалку и навалку душ», при

которой, на второй же день после передела, только что уравненные наделы снова складываются в прежнее statu quo, с незначительными изменениями: наделы подбираются экономически - мощными хозяевами, иногда группирующими в своих руках до 8—10 наделов, обрабатывать которые нанимают батраков, между тем как сами хозяева этих наделов уходят в города, в заработки или в батраки на собственные наделы».

Современный «мир» взваливает на крестьянина такую массу тяготы и ответственности, что бедняки стараются просто разделаться с землею, люди же зажиточные, имеющие возможность обрабатывать землю, часто стремятся разделаться по крайней мере с общиной. В Елисаветградском уезде Херсонской губернии крестьяне, выкупившие свои наделы, «подавали заявление с надлежащими документами о зачислении их в разряд частных землевладельцев, особо от земли сельского общества» («Русские Ведомости», № 301, 1887 г.). Херсонская казенная палата не уважила их ходатайства, и наши народники, вероятно, очень благодарны ей за это. Но когда известное стремление коренится в экономических условиях общества, его не подавят никакие палаты. Община прочно держалась до тех пор, пока держаться за

нее выгодно было общинникам. Теперь, когда она, утратив все свои выгодные стороны, становится простым орудием угнетения крестьянства, она быстро идет к разложению. Она должна быть разрушена, и она разрушается, и разрушится окончательно если не тем, так другом путем.

Посмотрите, как все в современной русской жизни способствует ее разрушению. Правительство хотело оказать поддержку крестьянскому землевладению и устроило крестьянский поземельный банк. Народники не замедлили умилиться при сей верной оказии и уже заранее говорили о предстоящем упрочении устоев. Вышло, однако, не то. Не

угодно ли вам вникнуть в отчет о деятельности крестьянского банка в 1888 году, («Русские Ведомости», декабрь 1889 г., №№ 358 и 360). И отчета видно, что в 1888 году банком были выданы ссуды по 1.057 сделкам. Покупщиками явилось 25.187 домохозяев, которыми приобретено 190,463 десятины. Спрашивается, какую роль играли в этом приобретении наши знаменитые «устои»?

«Из всего количества приобретенной при содействии банка земли наибольшая часть, около 100.000 десятин или более 52%, приобретена товариществами крестьян, 87.000 десятин или 46% — сельскими обществами и около 3.000 десятин или 2% — отдельными крестьянами». Уже одни эти цифры должны были бы показать народникам, что деятельность крестьянского байка гораздо более способствует разрушению «устоев», чем их упрочению. Что такое эти покупающие землю товарищества? Из каких крестьян они составляются? Из тех же общинников — но только общинников, отличающихся большей степенью зажиточности, не желающих иметь дело с сельской беднотой и потому составивших из себя при покупке земель новые группы. Таким образом, эти товарищества представляют собой продукт все того же «слоения деревни», разделения ее на пролетариев и богачей или, по крайней мере, «состоятельных домохозяев». Этому последнему слою досталось, как мы виде-ли, больше половины земель, купленных в 1888 году при содействии крестьянского банка. Этот слой и прежде господствовал над беднотой, благодаря своей зажиточности. Крестьянский банк делает его еще более зажиточным, а, следовательно, дает ему новые средства для поедания бедноты. Таким образом процесс «слоения деревни» еще более усиливается. Можно, конечно, уте-шать себя немного тем соображением, что, по крайней мере, меньшая часть купленных при содействии банка земель досталась *сельским обществам,* а не одним только богатым домохозяевам. Но и это утешение в значительной степени отнимается у нас

такого рода данными: «средние цифры, характеризую-

щие размеры содействия банка, распределяются по трем группам покупщиков следующим образом: причитается на душу купленной земли: у сельских обществ — 1,88 дес., у товариществ — 2,92 дес. и у отдельных крестьян 4,51 дес. Таким образом у сельских обществ, у этой наиболее заслуживающей внимания и поддержки группы покупщиков, количество купленной земли значительно менее, нежели при покупках товарищеских». Мало того, «средняя цена купленной сельскими обществами десятины оказывается много дешевле, чем у товариществ; меньше и размер выдаваемых банком ссуд». В отчете не сказано, к сожалению, чем объясняется это последнее обстоятельство. Но оно могло произойти только от двух причин: или сельским обществам досталась земля худшего качества, чем товариществам и отдельным крестьянам, или общества эти выступали покупщиками преимущественно в губерниях с малоценными землями, между тем как в более населенных губерниях главными приобретателями были только представители зажиточного слоя деревни. Вероятнее, впрочем, что действовали обе эти причины вместе: с одной стороны, лучшие земли попали в руки товариществ, которым, при большей состоятельности их членов, покупка гораздо сподручнее, чем целым обществам; а с другой — сельские общества должны проявлять больше крепости в губерниях, отдаленных от центров, и менее населенных, где процесс «слоения деревни» пока еще гораздо слабее. Поэтому сельские общества и выступали, вероятно, главными покупщиками земли *в* этих губерниях.

Не подумайте, что только в 1888 году товариществам зажиточных домохозяев удалось оттеснить на задний план сельские общества. Это явление замечалось и прежде, хотя несомненно, что прежде оно было несколько слабее. «Вообще с каждым дальнейшим годом деятельность банка

направляется все более и более в сторону содействия товарищеским покупкам», — говорят по этому поводу «Русские Ведомости».

Не подумайте также, что «устои» окончательно упрочились в тех сельских обществах, которым удалось увеличить душевой надел своих членов в среднем на 1,88 десятины. Во-первых, это ничтожное увеличение само по себе ничего упрочить не может, а, во-вторых, есть серьезные основания думать, что эти прикупленные земли послужат именно новой причиной разложения общины. На каких основаниях совершается распределение купленной земли между членами сельских обществ? Об этом ничего не говорят наши исследователи. Но не трудно видеть, что в огромнейшем большинстве случаев оно должно совершаться на тех же основаниях на каких распределяются *выкупленные*

надельные земли: кто больше внес денег, тот и земли больше получает. Раз этот принцип установится по отношению к купленным землям, он не только косвенно будет способствовать дальнейшему «слоению деревни», но и прямо подорвет своим влиянием прочность общинных обычаев, сложившихся при господстве естественного, а не денежного хозяйства. Наконец, ведь не одна только бедность и не одно малоземелье ведет к разложению общины. Где землею дорожат, — а дорожить ею можно только в том случае, если ее достаточно для сколько-нибудь сносного хозяйства, — там у зажиточной части крестьянства является новый соблазн к поеданию бедноты, а следовательно, и к разложению общины. Некоторые наши исследователи прямо говорят, что община разлагается всего сильнее там, где владение землею всего выгоднее крестьянам. Не будут ли некоторые сельские общества поставлены именно в такие выгодные условия покупками земель с помощью банка?

Нужно, впрочем, заметить, что часто купленная крестьянами земля не удерживается в их руках уже потому,

что они оказываются не в состоянии правильно расплачиваться с банком. Известно, что банк выдает крестьянам только часть — правда, наибольшую часть — суммы, необходимой для уплаты за покупаемую ими землю; другая же часть доплачивается продавцу ими самими. Вот эти-то «доплаты» и являются часто источником крестьянского разорения. Не желая упустить продаваемый участок из своих рук, крестьянин входит в долги или «спускает за бесценок свой инвентарь, лишь бы выполнить условия сделки с продавцом. Результатом подобных сделок сплошь и рядом является совершенная невозможность со стороны крестьян-собственников обрабатывать свою вновь приобретенную землю отсюда и недоимки в погашении долга банку» (см. корреспонденцию из Екатеринослава, перепечатанную в № 292 «Русск. Ведомостей» 1887 г. из «Одесского Вестника»). Крестьянскому банку, разумеется, остается только продавать земли несостоятель-ных плательщиков, что он и делает с энергией, которой очень и очень могло бы позавидовать правление дворянского банка.

«При первых случаях продажи крестьянским банком земли, купленной при его содействии, — говорит «Русская Мысль», — можно было еще утешать себя надеждой, что это будут единичные случаи, не имеющие значения в совокупности всей операции, под которой разумелось некоторое частное исправление, при помощи банка, крестьянского малоземелья. Но теперь, когда число этих случаев все возрастает и про-

лажи начинают принимать значительные размеры, может возникнуть именно общий вопрос: чем собственно представляется, в конечном результате, деятельность банка и к каким последствиям она может повести в своей совокупности? Поведет ли деятельность банка к округлению и упрочению крестьянского землевладения или к некоторой его ликвидации?». (Январь 1890, Внутреннее обозрение, стр. 230).

Заводя крестьянский земельный банк, правительство хотело поддержать *крестьянство вообще.* На деле же оказалось, что оно, своим банком, поддерживает только *известную часть крестьянства,* только зажиточный его слой, беднота же, благодаря ему, станет еще беднее и все больше будет превращаться в пролетариат.

Да и что может сделать правительство для обеспечения быта этой бедноты? Ее хозяйственного положения не улучшишь никакими банками. Чтобы обеспечить его, нужна целая экономическая революция. Читали ли вы статью г. Никифорова «О причинах экономического оскудения крестьян Волжско-Камского края» во 2-ой книжке «Северного Вестника» за 1888 г.? Статья эта способна привести в рассудок самого упрямого оптимиста. Из нее он узнает много самых поразительных вещей. Узнает, например, что на всем простран-стве обширнейшего Волжско-Камского края, этой «житницы России», кресть-яне страшно страдают от малоземелья, так как многие и многие из них имеют *менее двух десятин на душу.* Число таких крестьян простирается в Оренбургской губ. до 58,9%, в Самарской и Саратовской до 42%, в Казанской и Уфимской до 39%, в Пермской и Симбирской до 32% и т. д. Все такие крестьяне уже по малоземелью своему являются кандидатами на звание пролетариев, но государство ускоряет разорение их хозяйств своим экономическим давлением. По вычислениям г. Никифорова, «оказывается, что сумма платежей с лежащими ныне на крестьянах долгами больше чистого крестьянского урожая *) в губерниях: Тверской почти в десять раз (больше на 991,6%), в Вятской — больше в 3,5 раза; в Костромской — в 1,5 раза (154%); в Ярославской платежи превышают стоимость чистого сбора хлебов на 121%, в Саратовской — на 93%, в Самарской — на 72%, в Нижегородской — на 69%, в Казанской — на 54%, в Оренбургской продажа чистого урожая не только не в состоянии погасить текущие платежи, но еще на продовольствие не хватает хлеба на 1.380.000

рублей». Такое положение дел вынуждает крестьян бросать свои хо-зяйства и идти в отхожие промыслы,

*) «Т. е. урожая за вычетом посева и минимального количества хлеба необходимого по казенной норме на продовольствие».

чтобы как-нибудь свести концы с концами. Число крестьян, уходящих в отхожие промыслы, постоянно возрастает. Во многих селениях летом не остает-ся «буквально *ни одного мужика рабочего возраста,* при чем все надельные земли, покидаемые крестьянами, сдаются в большинстве случаев *за ничтож-ную цену, не оставляющую и четверти лежащих на них платежей»* (курсив г. Никифорова). А мы-то все радуем себя соображениями о том, что наш рабо-чий тот же крестьянин, что он только зимой работает на фабрике, а летом спе-шит возвратиться поя власть земли! Было так когда-то, но теперь дело уже из-менилось, и чем дальше, тем больше будет оно изменяться, так как новые порядки быстро распространяются на новые и новые местности. Теперь крестья-нин в огромном числе случаев уже тяготится своим наделом; если он, тем не менее, возвращается в деревню из своих скитаний на заработках, то очень ча-сто не в силу «власти земли», а единственно только в силу *власти полиции.* Тяготится он, как мы уже видели, и общиной. «Мужик-общинник превращается городским влиянием в мужика-индивидуалиста и, явившись в деревню, насмехается над мир-ской властью, — печально повествует г. Никифоров, — он уже не уживается в одном доме с родителями и старшим братом, власть которых ему, индивидуализировавшемуся (батюшки, какое ужасное слово!) бродяге, уже не снести. Наступают усиленные семейные разделы... За усиленными семейными разделами последовали и переделы общинной земли на по-дворные участки. Община разлагалась (у г. Никифорова, очевидно, не подня-лась рука написать: община *разлагается,* поэтому он предпочел прошедшее время). В местностях с наименьшим земельным обеспечением процесс разложения общины принял поражающе острый характер. Так, в

Ярославской губернии, по словам губернаторского отчета, переделили землю на подворные участки в 1880 г. — 13 сельских обществ, в 1881 г. — 49, в 1882 г. — 77 и в 1885 число обществ, перешедших с общинного владения на подворное, достигло уже 100. ...Когда дробилась семья и разрушалась община — одновременно совершалось и *слоение* деревни, неизвестное дотоле крестьянству. Быстро формировался, с одной стороны, сельский пролетариат, а с другой, вырастал кулак, еще туже затягивавший петлю над деревней. Народилась кабала, ставшая самостоятельным фактором в процессе разложения общины».

Общины не спасли бы теперь никакие реакционные помпадуры и никакие народники, даже в том случае, если бы меры, принимаемые для ее спасения, и не обращались логикой вещей в новые причины ее

погибели. Община погибнет, потому что существование ее не имеет теперь никакого экономического смысла. Она является теперь, в руках кулаков и в руках государства, лишь орудием эксплуатации народа. Но и в этом качестве она оказывается очень устарелой, поэтому за нее не будут крепко держаться ни кулаки, ни государство.

Пусть справедливость наших слов подтвердит уже цитированный нами, убежденный, горячий народник. «Мы можем указать в особенности на большие села, которые представляют характерные примеры особого рода землевладения, именно «общин землевладельцев», а не «общин земледельцев», — свидетельствует Златовратский. — В этих селах фактически владеют землей из 700 душ всего 40 хозяев, которые берут на себя обработку всей земли, нанимая на время летних работ целые армии батраков. Настоящий же *«правовой»* хозяин земли ходит в заработках или просто по миру... Вы совершенно поражаетесь, когда видите, что в селах с 500—700 душ весь сельский сход состоит только из 40 человек, да из них *только* половина работает сама, а прочие

— лавочники, кабатчики, кулаки, «хозяева»; собственно же рабочая масса, — женщины, батраки и владельцы наделов, ушедшие в заработки, — не принимают тут никакого участия и на сход не ходят. Вследствие всего этого весь хозяйственный инвентарь все больше сосредоточивается в руках незначительного меньшинства; большинство теперь почти совсем перестает его заводить и начинает *жить на хлебах».* — Скажите, читатель, кому польза от существования этих «общин землевладельцев»? Конечно, уже не сельской бедноте, это разумеется само собою. Кулакам? Во-первых, нам до их выгод нет никакого дела, а, во-вторых, не трудно было бы показать, что и им, говоря вообще, выгоднее поскорее размежеваться. Но об этом когда-нибудь в другой раз.

В деле охранения и упрочения устоев очень многие рассчитывают у нас на крестьянские переселения. К переселениям относились у нас сочувственно все партии, кроме помещичьей, которая всегда боялась, что переселения уменьшат число дешевых рабочих рук и выгодных съемщиков земель, принадлежащих крупным владельцам. Под влиянием помещичьей партии правительство долго откладывало решение этого вопроса, но, наконец, собралось таки с духом и обнародовало в прошлом году закон о переселениях. Этот закон, так называемый закон 13-го июля, во всех своих подробностях разобран уже в нашей «легальной» печати. Таким образом читателям, наверное, уже хорошо известно, что он страдает многими недостатками. Новый закон не

обещает переселенцам никаких пособий, поэтому переселяться будет по-прежнему лишь более состоятельная часть крестьянства. Каждое отдельное переселение связано с длиннейшим рядом формальностей, с истинно «нестерпимой» административной «волокитой». По шестой статье закона 13-го июля образование переселенческих участков допускается лишь в тех местностях, где это не принесет «ущерба выгодам казны, т. е., иначе сказать, переселенцам не

будут предоставляться те (конечно, лучшие земли), которые казна может сдавать в аренду на выгодных условиях. Наконец, новый закон воспрещает самовольные переселения крестьян под страхом административного возвращения их на родину. Ввиду всего этого, трудно даже и решить теперь, увеличит или уменьшит новый закон число крестьянских переселений. Но допустим, что он увеличит их, допустим также, что со временем он будет доведен до всевозможного совершенства. В каком смысле может повлиять он на экономический строй крестьянской жизни?

При обсуждении этого вопроса, как и во всех других случаях, необходимо прежде всего помнить действительное положение *современной* России. Было время, когда переселения, происходившие, главным образом, по народному почину и очень часто даже вопреки явно выраженной воле правительства, действительно содействовали у нас упрочению старых порядков крестьянской жизни. Если Сибирь, Заволжский край, Новороссия и Прикавказье вовсе не стояли в таких отношениях в Центральной России, в каких стоят европейские колонии к своим метрополиям, то это происходило потому, что и в центральной России и во всех заселенных русскими выходцами местностях тон экономической жизни задавался крестьянством, жившим при условиях естественного хозяйства. Современное отношение колоний к метрополиям предполагает товарное производство и широкое разделение труда, которого не знала крестьянская Россия. Так было прежде. Но развитие русского капитализма придало современным русским переселениям совершенно новый смысл. В этом убедят читателя «Статистические сведения о современном состоянии Сибири», приложенные к книге г. Ядринцева: «Сибирь как колония». Сведения эти показывают, что приток переселенцев в Сибирь из центральных, *промышленных* губерний России совершенно ничтожен. Так, в период времени от 1846 по 1878 год в Тобольскую губернию выселилось: из Владимирской губ. — 91

чел., из Московской — 22, из Тульской — 429, из Ярославской — ни одного. Между тем, из *земледельческих* губерний в то же время выселилось: из Воронежской — 5.427 человек, из Пензенской — 2.312, из Витебской — 2.343, из Кур-

ской - 5.337, из Псковской - 7.031. Ведомость о переселении крестьян в Томскую губернию охватывает лишь 1870—1879 гг. По сведениям томской казенной палаты оказывается, что, между тем, как из Тамбовской губ. переселилось за это время 2.177 человек, из Воронежской — 1.855, из Самарской — 1.054, — из Владимирской губ. выселилось только 383 человека, из Московской же и Ярославской губ., по-видимому, не переселилось ни одного. Ведомость о переселении крестьян из внутренних губ. России в Алтайский горный округ дает следующие цифры 1866 — 1877 гг.: из Пермской — 1.131, из Самарской — 906, из Воронежской - 1.217, из Тамбовской - 1.376, из Владимир-ской - 43, из Московской - 4. из Тверской — 9, из Ярославской — ни одного. До 1863 года наибольшее число переселенцев давали главным образом земле-дельческие губернии, как Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Калужская, Орловская и Курская. Положим, что это отчасти объясняется преобладанием в этих губерниях государственных крестьян, переселение которых не могли запрещать помещики, но и после 19-го февраля, когда к пере-селенцам из перечисленных губерний присоединилось множество выходцев из губерний заволжских, центральная, промышленная полоса России продолжает, как мы видели, принимать в переселениях лишь самое ничтожное участие. Дайте себе труд следить в течение некоторого времени за сведениями о переселениях, часто сообщаемыми в наших периодических изданиях; вы увидите, во-пер-вых, что переселенцы продолжают направляться на окраины исключительно из земледельческих губерний *); вы увидите также, что из этих губерний пе-реселяется не столько бед-нота, сколько средний деревенский слой, дорожащий землей,

но не имеющий достаточных наделов. Сельская беднота и в этих губерниях уже не думает о переселениях, а идет в отхожие промыслы, ищет заработка в батраках. В центральных же, промышленных губерниях о переселениях не думает, как мы видели, почти никто, потому что там преобладают уже не земледельческие, а промышленные интересы. Вследствие этого даже самая широкая организация крестьянских переселений не могла бы отразиться непосредственно на экономических отношениях центральной, промышлен-ной России. Правда, ее посредственное влияние было бы очень велико: она повела бы, во-первых, к созданию новых рынков

*) Русское правительство знает это очень хорошо. Министерство внутренних дел, собиравшее в начале восьмидесятых годов сведения о переселенцах, пришло к тому выводу, что в них нуждаются лишь следующие губ.: Тульская, Рязанская, Тамбовская, Пензенская, Воронежская, Орловская, Курская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Симбирская и Казанская. Какие это губернии? Земледельческие или промышленные?

на окраинах, а во-вторых, к увеличению покупательной силы населения земледельческих губерний, избавленных от нынешнего малоземелья. Увеличение спроса на произведения промышленных местностей России повело бы частью к увеличению спроса на рабочие руки, а следовательно, к некоторому улучшению участи сельской бедноты, стремящейся на заработки, частью же оно повело бы за собой усовершенствование способов фабричного производства. Все это, разумеется, было бы очень хорошо. Но могло ли бы это помешать развитию капитализма? Напротив, все это усилило бы его развитие, а следова-тельно, и разложение старых устоев. Таким образом, мы видим, что по какой-то странной игре экономических сил все проекты, придуманные нашими на-родниками для борьбы с капитализмом, пошли бы и отчасти уже идут при своем осуществлении ему на пользу. А может быть в этом нет ничего удивительного? Может быть иного и ожидать нельзя в тех странах, которые уже по-пали

на след естественного закона капиталистического развития? Мы не станем спорить с читателем, если он вздумает настаивать на таком объяснении.

Не менее, чем о крестьянском банке и о переселениях, наша печать толкует теперь о кустарной промышленности. Положение русских кустарей с каждым годом делается все более и более затруднительным. Борьба со скупщика-ми и фабрикантами все более становится для них непосильною. Об этом печа-тается теперь много известий, мы приведем только одно. Недавно г. Штанге, в своем докладе кустарному отделению общества для содействия русской промышленности и торговле, так характеризовал положение кустарей знаменитого села Павлова: «В Павлове население развито, с большим чувством человеческого достоинства; нищенства нет, а, напротив, внешний вид села богат... Шелковую шубку можно встретить изредка и на жене кустаря, в домах кустарей чистота, на окнах цветы, стены оклеены хорошими обоями. Но все это остатки прежнего благополучия; теперь уже не сошьешь шубки и не поправишь избы; многие семьи питаются месяцами одним хлебом, да и то не до-сыта, а, между тем, вся семья — жена, мать, дети — сидит за работой с 1 часу ночи и до позднего вечера; в избе не топлено, освещение — лучина, работники почти голые». Источник такого печального положения докладчик видит во вредном влиянии скупщиков, которые берут изделия кустарей за бесценок и тем понижают их доход до ничтожного уровня. «Лет семь тому назад давняя их борьба против кустарей увен-чалась успехом, и все дела общества села Павлова перешли в их руки... Эти господа сумели обойти земство, власти, захватить всякую помощь,

адресуемую извне кустарям, а последних чуть ли не довести до голодной смерти («День», № 570, 11 января 1890 г.). Бедные кустари обратились к «высшему правительству» с прошением, которое подписано 500 с лишним отцов семейств

и в котором они молят о скорой помощи. Говорят, что к этому прошению сочувственно отнеслись министерства финансов и государственных имуществ, а земство, со своей стороны, поспешило, как говорится у нас, придти к ним на помощь. Кустарям наобещали множество самых приятных и полезных вещей: открытие в Павлове ломбарда с выдачей ссуд под изделия, учреждение конторы для правильного непосредственного сбыта товаров, расширение существующею музея для поднятия техники производства и проч. Теперь кустари должны быть очень довольны тем, что им пришло в голову обратиться к «высшему правительству». Неизвестно только, в какой мере будут сдержаны данные им обещания, и не сумеют ли как-нибудь на новый манер извернуться скупщики и фабриканты, которые в течение нескольких лет были воротилами даже в пресловутом «всесословном» земстве. Газета «День» смотрит на этот вопрос очень оптимистически; она говорит, что теперь «видимо владычеству кулаков наступает конец». Мы, по свойственному нам пессимизму, не разделяем этой приятной уверенности. Кустарям давно уже обещают «придти к ним на помощь», они терпеливо ждут помощи, а она или не приходит совсем, или даже попадает иногда, как уверяет г. Штанге, в руки все тех же скупщиков и фабрикантш; таким образом, «барина все нету, барин все не едет»...

Ну, а что, если он, наконец, приедет? Мы лично думаем, что он никогда не сделает этого, но, по принятому нами обыкновению, мы не навязываем своего мнения читателю, а хотим, напротив, внимательно вдуматься в вероятные и возможные последствия предполагаемого приезда «барина». Итак вообразим, что он приехал, и при том приехал к кустарю вообще, а не к одному павловцу, т. е. что помощь кустарям не ограничилась пределами нескольких селений. Кустарей у нас считается около 7.000.000; но допустим, что их только 3.000.000. Сколько миллионов рублей нужно для того, чтобы оказать им серьезную материальную помощь? Мы от себя

ничего не подсказываем читателю, пусть он делает какую ему угодно смету, пусть он доводит в своих расчетах искомую цифру до минимума. Он, во всяком случае, согласится, что денег для помощи кустарям нужно много, очень много. Допустим теперь, хотя и не имеем для этого достаточного основания, что деньги кустарям даны. Что сделают они с этими деньгами? Сделают то, что подсказывает им их экономическое положение: это ясно. Но что же именно может под-

сказать оно им? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно выяснить себе, что такое кустарь, как производитель. В этом отношении кустарь характеризуется тремя признаками: 1) в своей мастерской он более или менее самостоятелен; 2) он работает не по заказу, как ремесленник, а для сбыта на большом внутреннем, а отчасти даже и заграничном, рынке, требования которого ему не могут быть известны, и 3) в своих способах производства он является очень и очень отсталым. Мы говорим, что даже в своей мастерской кустарь является лишь более или менее самостоятельным. И в самом деле, кустарь нередко имеет нескольких «работничков», которые в скором времени рассчитывают стать самостоятельными производителями. Через положение «работничка» случается проходить многим кустарям, а потому самостоятельность их и является лишь относительною. Другие из указанных нами признаков не нуждаются ни в пояснении, ни в доказательствах. Посмотрим же теперь, как отразилось бы на положении кустарей устройство, положим, хоть банка для содействия кустарной промышленности. Чтобы успешно бороться с крупными производителями, кустарям нужно прежде всего усвоить новейшие способы производства. В значительном числе случаев это окажется невозможным для них потому, что новейшие способы производства требуют для своего применения обширных мастерских; в маленькой же мастерской кустаря они не применимы. Положим, что

некоторые кустари заведут артели. Но, ведь, не все заведут их; как же устроят свои дела кустари, не вошедшие в артели? У одних способы производства окажутся лучше, у других хуже, одни станут работать с помощью более или менее усовершенствованных приемов, другие вынуждены будут придерживаться старины. Вот уже вам первая причина возрастания неравенства между кустарями: те, которые окажутся в состоянии завести более совершенные способы производства, явятся опасными конкурентами отсталых производителей. Пойдем далее. Выдавая ссуды покупателям земли, крестьянский банк не лишает их права обрабатывать купленные участки с помощью батраков. Если бы даже законодатель и захотел запретить им это, то он не имел бы никакой возможности следить за исполнением закона. То же было бы и с воображаемым «кустарным» банком. Поэтому получаемые из него ссуды нередко шли бы на наем лишних «работничков». Вот вам другая причина усиления неравенства между кустарями. Пойдем еще далее. Кустари работают, сказали мы, не на заказ, как ремесленники, а на обширный, отчасти даже заграничный, рынок, требования которого им никогда не известны в точности; они работают наобум, как

и крупные предприниматели. К чему же ведет неизвестность требований рынка и вообще современная анархия в производстве? Она ведет к колебаниям цен и к кризисам. Как отражаются кризисы на положении отдельных пред-принимателей? Слабые разоряются, сильные богатеют. Спасет ли правитель-ственный кредит кустарей от такого рода рыночных влияний? Не только не спасет, но, напротив, обеспечивая за ними более деятельную роль на рынке, он тем более усилит их зависимость от всех его законов. Следовательно, влия-ние рынка с своей стороны будет развивать неравенство между кустарями. Можно было бы не без пользы обратить внимание еще на некоторые условия, но

и сказанного достаточно, чтобы видеть, до какой степени кредит кустарям уподобился бы по своим последствиям кредиту, оказываемому крестьянам при покупке земель. И тот и другой одинаково могут лишь усилить: один - *«слоение»* деревни, другой — *слоение массы кустарей.* А это значит, что и тот и другой, далекие от того, чтобы задержать развитие капитализма, могут только ускорить его окончательное торжество. Однако не довольно ли нам толковать о народе и о всякого рода самостоятельных и несамостоятельных производителях? Неужели нет более интересной темы? Позволительно ли забывать о доблестном российском дворянстве, которое, по его собственным словам, вступает теперь в новую эру существование? Действительно, пора по-говорить нам об этом почтенном сословии.

Оно, без шуток, вступило теперь в новую эру существования. Прежде оно жило трудом крепостных Ивашек и Палашек, потом, при «царе-освободите-ле», деятельно проедало полученные всеми правдами и неправдами выкупные свидетельства, а теперь думает жить на счет цар-ских подачек. Ссылаясь на за-слуги предков и на свою испытанную будто бы верность трону, оно жалобно указывает на свое обнищание и назойливо просит государственной помощи:

Подайте мальчику на хлеб...

И правительство щедро подает «на хлеб» балованному «мальчику». Едва ли в истории кредитных учреждений какой бы то ни было страны можно найти что-нибудь подобное русскому дворянскому банку. Это поистине нечто не-слыханное и небывалое. Вам, дворянину тмутараканского уезда, нужны день-ги? Идите в дворянский банк, вы получите их на самых выгодных условиях. Вы получили деньги и, comme de raison, спустили их на парижской выставке, ослепив своей «боярской» щедростью современных французских Аспазий? Беда не велика, «рука дающего», поводимому, долго еще не иссякнет, и при том же вы можете

со-

всем не беспокоиться насчет расплаты с банком. Ваши недоимки припишутся к вашему долгу, и вы заплатите ею (если заплатите) безо всяких процентов, через 30, 40, 50 лет. Понимаете ли что это значит? Мало ли что будет через 30, 40, 50 лет! Тогда может быть не останется и следа от дворянских поместий. Значит, недоимка просто дарится вам, во внимание к тому, что вы — рус-ский дворянин, предок которого, выйдя из Золотой Орды, познал, по прика-занию начальства, истинного бога, за что и был пожалован селами и деревнями. Не хорошо было бы забывать подобные исторические заслуги. Итак, кути-те с миром, судьба ваших родовых владений обеспечена.

Чем же платит царю дворянство за эти щедрые подачки? Оно платит «верностью трону», т. е. отречением от всякого политического смысла. По случаю преобразования крестьянских и мировых учреждений полтавское дворянство обратилось к царю с следующим, совершенно непостижимым адресом:

«Всемилостивейший Государь!

«Целый ряд преобразований незабвенного Родителя Вашего, продолжае-мых и Вами, Государь, служит очевидным доказательством постоянного доверия Монарха к дворянству.

«Привыкнув из поколения в поколение быть верными слугами своих Госу-дарей, дворяне и ныне, как всегда, считают для себя священнейшим долгом быть проводниками предначертаний Монарха.

«Всеподданнейше просим Ваше Императорское Величество принять уверение полтавского дворянства, что оно останется верно своим преданиям и готово дать свои лучшие силы на службу Престолу и Отечеству».

Подлинный подписали: г. г. губернский и уездные предводители дворянства и все присутствовавшие дворяне

(«Правительственный Вестник» 1889 года, № 255).

«Преобразования», предпринятые Александром III,

сводятся к полнейшей отмене преобразований прошлого царствования. Если преобразования прошлого царствования были полезны, то нельзя благодарить отменяющего их Александра III-го. Если они были вредны, то почему же вспоминается с благодарностью виновник их, Александр II? Но полтавские дворяне не смущаются подобными соображениями, они благодарят обоих преобразователей, за что и получают, в свою очередь, «Высочайшую» благодарность. «О Росс, о род непобедимый!» Извольте после этого рассчитывать на политический смысл «общества», в котором главную роль до сих пор играет дворянство.

А впрочем, точно ли оно играет до сих пор главную роль? Если судить по образу жизни и по дипломам, то дворянство действительно является у нас самым «культурным» сословием. Но нам, право, кажется, что в своих отношениях к правительству торгово-промышленный класс проявляет гораздо больше зрелости. Поклянчить насчет субсидии и всякого рода «покровительства» очень не прочь, как всем известно, и наше «поштенное» купечество, но в тоне тех прошений, с которыми обращается оно к правительству (разумеется, мы говорим лишь о попадающих в печать), слышится больше... не скажем чувства собственного достоинства, а какой-то самоуверенности. Купечество говорит в прошениях тоном человека, состоящего «при своем капитале», знающего, что им «за все заплочено», и потому уверенного, что без него дело не обойдется. В дворянских же адресах и ходатайствах слышится тон человека, который «несколько поиздержался» и которому во что бы то ни стало нужно поскорее занять денег. И дворянству и купечеству способ выражений подсказывается, разумеется, не сердцем, а кошельком. Но так как купеческая «мошна» постоянно увеличивается в объеме, между тем как «порт-монэ» дворянина все более и более тощает, то гг. предприниматели «ходатайствуют» спокойным и отчасти даже повелительным

басом, дворянство же «взывает» просительным, робким и сиплым тенорком. «Кто устоит в неравном споре?» Кто получит больше, — дворянство или купечество?

Мы думаем, что дела купечества обстоят «много превосходней». Во-пер-вых, подачки, получаемые дворянством, являются ничтожной крохой в сравнении с тем, что было сделано, делается и будет сделано для буржуазии, а во-вторых, и самый кредит, открытый правительством «благородному сословию», явится для нашей буржуазии новым источником дохода. Большая часть полученных из дворянского банка денег пойдет, конечно, не на улучшение помещичьих хозяйств, а на всякого рода «культурные» развлечения и наслаждения, поглотившие уже немало дворянских имуществ. Известно, что спускаемые дворянством деньги всегда находят верную дорогу в карман буржуазии. А если бы и случилось такое чудо, что дворяне на занятые деньги стали бы улучшать свои хозяйства, то это повело бы только к развитию капиталистического земледелия и к окончательному превращению помещиков в сельскую буржуазию. Как видите, куда ни кинь, — все клин: на пользу буржуазии обращается у нас решительно все, что ни делается для других сословий. Русский капитализм неотвязчив теперь, как природа: гони его в дверь, он влетит в окно.

Сознание неотвратимого и полного торжества капитализма начинает проникать теперь и в русскую «легальную» литературу, известная часть которой так долго и упорно закрывала глаза на неприятную для нее действительность. «Ветхие рамки патриархального экономического быта не выдержали под напором более сильных экономических течений, — пишет г. Ф. Андреев в «Северном Вестнике» (январь 1890 г., областной отдел, стр. 56). — Хорошо ли это или дурно, но только движение совершается этим новым путем... Будем ли мы сожалеть или печаловаться о прошлом, но из жизни уже невозможно устранить такие явления, как железные

дороги, пароходство, рост городов, осложнение денежных процессов, развитие личных потребностей и пр. и пр. Могло ли этого не быть? Ни в каком случае, разумеется. Если бы мы не желали этих изменений, если бы мы всячески противились им, то нас поволок бы за собою запад, нас захватили бы в свои могучие объятия международный ры-нок и культура соседних народностей. Так оно в действительности и было во всем, что касалось нашего экономического быта и производительности». Развивая дальше эту совершенно верную мысль, г. Ф. Андреев неожиданно заговаривает о необходимости приспособления *«исконных форм жизни»* народа к *новым требованиям экономии.* В этом случае он не проявляет, конечно, боль-шой логичности, так как, по его же собственным словам, «ветхие рамки па-триархального экономического быта (а следовательно, и «исконные формы жизни») не *выдержали* напора более сильных экономических течений». Не выдержали — значит, не могли «приспособиться», а не могли приспособиться, значит, нечего толковать о приспособлении. Но логичность г. Андреева нас мало интересует. Для нас любопытно лишь признание им факта торжества новых форм экономического быта над старыми, что же касается до выводов из этого факта, то мы сумеем сделать их и сами.

Давно уже было сказано, что политическая конституция всякой данной страны естественно вырастает из социальных условий ее быта. С изменением этих условий изменяются и политические формы. Соответствие между политическими формами и социальными условиями быта устанавливаются не сразу, так как и условия эти не сразу же принимают совершенно новый вид. В те-чение некоторого времени может существовать очень сильное противоречие между конституцией страны и ее социальным бытом. Таким противоречием и вызываются обыкновенно проявления общественного недовольства, оппозиционные и революционные течения. Борьба между отживающим

порядком и новыми требованиями жизни ведется с переменным счастьем, пока новые требования не при-

обретают, наконец, силы, необходимой для прорвания старых политических плотин. В таких случаях никогда невозможно определить с точностью время предстоящего взрыва, но внимательный наблюдатель может довольно точно отмечать рост новых условий общественной жизни и, основываясь на этом, определять ближайшие задачи своей политической деятельности.

Наша русская конституция сводится к тем статьям Свода Законов, которые гласят, что царь есть единственный распорядитель всех внутренних и внешних судеб России. Такая конституция не оставляет места для политической самодеятельности граждан, и потому противники ее говорят обыкновенно, что у нас вовсе нет конституции. Но это не точно. Конституция есть у нас, как и везде, — и даже, повторяем, писанная конституция, занесенная в Свод Законов, — да только она не похожа на современные конституции Запада. Откуда произошло это различие? Если политическая конституция всякой данной страны коренится в условиях ее социального быта, то отличительные свойства нашей русской конституции должны объясняться особенностями социального быта России. Похож ли он на социальный быт современной западной Европы? Прежде был очень не похож: западная Европа характеризуется господством капитализма, Россия характеризовалась прежде господством патриархального крестьянского хозяйства. В социальном отношении Россия была совершенно «самобытной» страною, каким-то Китаем в Европе. Неудиви-тельно, что и политический ее строй отличался большой «самобытностью». А теперь мы видим, что и в России все более и более развивается капитализм, т. е. возникают такие формы социального быта, которыми характеризуется западная Европа. В социальном быте России совершается теперь глубокий процесс *европеизации.* Этот

процесс необходимо поведет за собою *и политическую европеизацию России,* т. е. изменение ее конституции в духе новейших европейских конституций. За изменением экономической основы нашего общественного здания естественно должна последовать переделка его политиче-ской крыши. В настоящее время между новыми условиями нашей социальной жизни и нашей конституцией существует противоречие; правительство старается удержать все «права и преимущества» самодержавной монархии, вернуть ей прежнюю силу и крепость, довольно-таки сильно расшатанную в царствование Александра II. Но это так же невозможно для нашей самодержавной монархии, как невозможно старику превратиться в юношу. Теперь реакция у нас, по-видимому, всесильна. Но может ли правительство устранить указанное противоречие между старым политическим

строем России и ее новыми экономическими отношениями? Не только не может, но оно невольно усиливает его, содействуя росту новых экономических отношений. Иначе оно и не может поступать, потому что новые условия социального быта уже достаточно сильны теперь, чтобы заставлять его держать-ся необходимой для их дальнейшего развития экономической политики. При таком положении дел судьба самодержавной монархии может считаться уже решенною. Когда именно падет она - этого предсказать нельзя, как нельзя предсказать дня и часа смерти человека, поражаемого смертельным недугом; но что она падет, в этом не может быть сомнения. Ее падение готовят не одни только революционеры. Сами по себе революционеры были бы не страшны для правительства. Непоправимая беда монархии заключается в том, что даже ее самые верные подданные своей экономическою деятельностью непрерывно и неустанно приближают ее гибель. А ввиду этого и революционеры могут стать грозной общественной силой. Успех их дела обеспечи-

вается всем складом и всем ходом нашей современной общественной жизни.

Вопрос лишь в том, сумеют ли революционеры согласовать свои усилия с направлением общественного развития. Говоря вообще, *всякий* протест против самодержавия согласуется с этим направлением. Но не всякий в одинаковой степени подрывает современный политический порядок. Производительный и полезный труд может быть более или менее производителен, более или менее полезен, смотря по приемам и орудиям трудящегося. Между русскими революционерами теперь единства меньше, чем когда бы то ни было: одни предпочитают один способ борьбы, другие — другой, третьи — третий, и так далее, до бесконечности, сказали бы мы, если бы число русских революционеров не было пока еще очень ограничено. Такое разделение очень печально, так как оно ослабляет силы революционеров. Но оно в то же время и неизбеж-но. Прежде в основании наших революционных программ лежала непоколе-бимая уверен-ность в экономической самобытности России. Эта точка зрения отправления была у всех одна, поэтому теоретические разногласия между революционерами по существу дела оказывались незначительными. Но вот при-шло такое время, когда все увидели, что экономическая самобытность России быстро отходит в область патриотических преданий. Явилась настоятельная потребность коренным образом переделать все революционные программы, приведя их в соответствие с новыми условиями общественной жизни, существования и силы которых не могли отрицать даже самые рьяные самобытники. Известно, что все такого рода пере-

смотры всегда вызывают множество споров и разногласий. Этим-то и объясняется современное отсутствие единства между русскими революционерами. Но у людей, желающих что-нибудь сделать, не могут же вечно продолжаться программные споры. Мало-помалу снова сгруппируются

разрозненные теперь силы русских революционеров. Уже теперь, при всем разнообразии революционных взглядов, ясно, что только два направления могут у нас рассчитывать на будущее: либеральное и социал-демократическое. Все остальные «программы» представляют собою лишь эклектическую смесь этих двух направлений и потому осуждены на исчезновение. Постепенно взгляды наших революционеров настолько выяснятся, что их перестанут удовлетворять программы-ублюдки, и тогда одни из них *совершенно махнут рукой на социализм* и впрягутся в либеральную колесницу, другие же *совершенно усвоят себе социалистические взгляды,* т. е. сделаются *социал-демократами.* Каковы шансы этих двух партий?

Революционеры, склонные к либерализму, возлагают свои надежды на «общество»; социал-демократы — на рабочий класс. Чьи расчеты вернее, основательнее?

Из каких элементов состоит наше «общество»? Частью из чиновничества, частью из дворянства, частью из буржуазии. Чего можно ожидать от каждого из этих слоев? От чиновников в лучшем случае лишь «попустительства», от буржуазии — «легальной» оппозиции против полицейского и бюрократического произвола, от дворянства... но читатель и сам знает, что от дворянства можно ожидать теперь, главным образом, лишь выпрашивания денежных подачек у правительства. На такой тройке далеко не уедешь. Правда, к трем перечисленным и сильно перемешанным между собою слоям нужно прибавить еще слой идеологов-разночинцев, людей «либеральных профессий», по самым условиям своей жизни враждебных самодержавию. Слой этот очень невелик, но на Западе он сыграл важную историческую роль, увлекая за собою народ в борьбу за политическую свободу. У нас ему не суждено сыграть, по-видимому, такой роли, потому что он не имеет никакого влияния на народ. Опираясь на народ и преимущественно на рабочее население крупных центров, либеральные члены общества приобрели бы огромную силу,

без поддержки же рабочего населения они — все равно, что несколько нулей без единицы впереди: ничтожество, полнейшее ничто. И наши либералы даже и не задумываются о необходимости выйти из своего ничтожества, у них нет даже и помышления о распространении своих политических взгля-

дов в народе. Можно ли рассчитывать на таких людей? Помилуйте, да ведь они и сами никогда на себя не рассчитывали! *).

Остается рабочий класс, на который указывают нашим революционерам социал-демократы. Роль рабочего класса в политической истории Запада из-вестна всем и каждому. Один очень неглупый англичанин заметил, что в по-литике рабочий класс — то же, что пар в промышленности, т. е. могучая рево-люционная сила. Но русский человек, даже хва-стаясь своей самобытностью, в глубине души питает в себе и ко всему своему глубочайшее презрение.

То — Запад, а то — мы, куда нам уж до Запада! — так отвечают обыкновенно социал-демократам. Но позвольте, господа, зачем же такое смирение? Почему вы думаете, что мы представляем собою какую-то отверженную расу, что мы навсегда останемся пасынками истории? Вас все смущает воспоминание о самобытности, от которой вы и сами не ожи-даете ничего хорошего в по-литике. Вы рассуждаете так: ни дворянство наше, ни буржуазия не имеют зна-чения, принадлежащего или принадлежавшего этим классам на Западе, сле-довательно и рабочему классу не суждено у нас уподобиться западноевропейскому. Но ведь этот вывод совсем не основателен. Что подумали бы вы о критике, который, изучив русский классицизм и романтизм, Сумароковых и Мар-линских, сказал бы себе так: русские классики и русские романтики ровнехонько ничего не стоят в сравнении с западноевропейскими; изучать их не стоило труда, следовательно, не стоит изучать и русских реалистов;

вероятно, все эти Толстые и Тургеневы не более как Сумароковы современного беллетристического реализма. Как вы думаете, был бы прав наш критик? А ведь его умозаключение относительно русской реалистической беллетристики было бы построено на основаниях, совершенно подобных тем, на которых вы основываете ваше мнение о будущей роли русского рабочего класса. Вы рассуждаете так же отвлеченно и потому односторонне, как рассуждал бы наш воображаемый критик. Вы не принимаете в соображение того, что условия нашей общественной жизни быстро изменяются, а от них-то все и зависит в политике, как и в литературе. Не было у нас общественных условий, благоприятных для самостоятельного творчества, — не было и самостоятельных художников, а были только

*) Революционеры, склоняющиеся к либерализму, в особенности уповали на *земство.* В земствах преобладающая и руководящая роль принадлежала *дворянству.* Следовательно, можно сказать, что стремления наших революционеров стали в последнее время определяться таким образом: одна часть их (либералы) фактически рассчитывала преимущественно на дворянство, т. е. на *эксплуататоров,* другая (социал-демократы) на рабочих, т. е. на *эксплуатируемых.*

подражатели; явились условия, благоприятные для самостоятельного творчества, — и подражатели совсем стушевались, а на первый план выступили самостоятельные художники. То же самое и в политике. Пока условия нашей социальной жизни не были похожи на условия жизни европейской, невозможно было и сословиям нашим играть такую же роль, какую играли западные сословия. Историческая роль нашего дворянства действительно во многом отличается от роли дворянства западноевропейского. Но условия нашей социальной жизни изменяются, они уже значительно изменились, и чем дальше, тем больше будут изменяться. Поэтому следующий за дворянством класс, буржуазия, наверное, сыграет роль, уже во многих отношениях похожую на роль западной буржуазии *). Рабочий же класс прямо не в состоянии будет найти иной роли, чем та, которую этот класс

имел на Западе, совершенно так же, как не могли бы наши современные художники не быть реалистами, если бы даже и захотели этого. Русский рабочий класс, это тот класс которому суждена *наиболее европейская роль* в русской политической жизни, поэтому и партия, представляющая его интересы, необходимо будет наиболее *западническою* изо всех русских партий.

Несколько лет тому назад ближайшей и важнейшей задачей русских социал-демократов являлась теоретическая выработка и распространение их взгля-дов в среде революционеров-идеологов. Теперь эта предварительная работа может считаться законченною. Теперь русские социал-демократы уже могут и должны взяться за практическую деятельность в среде рабочих. Почва для нашей деятельности достаточно подготовлена историей, нам нужно лишь энергически взяться за ее возделывание. И нам стыдно было бы не проявить всей необходимой в этом случае энергии, потому что нас не могут смущать те течения в русской социальной жизни, перед которыми в недоумении останавливались революционеры прежнего времени. Мы не боимся быстрого развития капитализма в России: мы понимаем, что он приближает нас к нашей цели. Не пугает нас и временное торжество реакции: мы видим, что неумолимая логика истории вынуждает самих реакционеров разрушать своей экономической политикой ту социальную основу, на которой незыблемо

*) Не нужно, впрочем, забывать, что история и политическая роль различных сословий и классов была далеко не одинакова в различных государствах Запада. Так, например, политическая роль немецкой буржуазии очень не похожа на политическую роль буржуазии Французской и т. д. Ошибочное представление о Западе, как о чем-то совершенно однородном, часто спутывало взгляды русских революционеров.

покоилось когда-то безобразное здание русского самодержавия. Мы знаем не-преодолимую силу исторического движения и потому можем с твердой и спо-

койной энергией делать свое дело.

«Пусть будет что будет, а будет в конце концов все-таки на пашей улице праздник».

II.

Во внутреннем обозрении первой книжки нашего журнала, мы говорили, что в социальном быте России совершаются теперь глубокие изменения, что у нас возникают такие формы социального быта, которыми характеризуется Западная Европа. Справедливость этого положения должен признать всякий, кто дал себе труд хоть немного вдуматься в экономические отношения современной России. Вопрос о том, восторжествует ли у нас капитализм, стал вполне праздным вопросом: все видят, что не только восторжествует, но уже *восторжествовал,* и что, следовательно, по меньшей мере бесполезно теряться в догадках относительно теоретического разрешения вопроса, практически решенного самою жизнью, но мы говорили также, что экономическая европеизация России необходимо поведет за собой и ее политическую европеизацию, т. е. изменение ее конституции в духе новейших европейских конституций. Теоретически это совершенно бесспорно, так как кто же не знает, что политическая конституция всякой данной страны вырастает из ее экономических отношений? Однако современная русская жизнь заставляет, по-видимому, усомниться в правильности этого положения. За последнее десятилетие мы очень далеко ушли вперед в смысле экономического развития. Но мы не только не прогрессировали в политическом отношении, а даже как будто подвинулись назад сравнительно с предыдущим десятилетием. Лучшим примером этого попятного движения может служить литература. Было время, когда в нашей печати существовали довольно прогрессивные политические учения. У нас были либеральные и даже радикальные органы. Органы эти не всегда ясно сознавали, какой путь может привести к осуще-

ствлению их требований, но самые эти требования высказывались довольно громко и ясно. Можно было не соглашаться с «Отечественными Записками», но нельзя было сказать, что они незаслуженно пользовались репутацией радикального журнала. Можно было не соглашаться с «Порядком», но нельзя было отрицать, что этот почтенный орган желает «увенчания здания». В царствование Лорис-Меликова либераль-

ные и радикальные голоса стали очень громко раздаваться в нашей печати, и тогда даже самый отъявленный скептик не мог сомневаться в существовании русского либерализма и радикализма. Реакция 80-х годов оставила от прогрессивных стремлений русской печати одни только, более или менее сладкие, воспоминания. Радикальные органы погибли, а либеральные моментально переменили тон, и хотя по старой привычке все еще продолжают спорить с реакционерами, но о пресловутом увенчании здания не говорят уже ни слова. Теперь споры наших либералов с «охранителями» приняли совершенно особенный и едва ли даже не беспримерный характер. Споры эти ведутся примерно в таком роде: после того, как Александр III угостит нас каким-нибудь новым «мероприятием», на сцену выскакивает реакционный журналист и принимается выяснять истинный смысл царской политики. «Вот, — говорит он, — теперь вас бьют плетьми, а следующая реформа будет бить скорпионами; да иначе и нельзя, истинно русскому человеку скорпионы очень приятны, а всех других мы окончательно решились свести на нет. Погодите, то ли еще будет!» Все это говорится бодрым и вызывающим тоном, с сознанием силы и с уверенностью в победе. Но вот, торжествующему реакционеру подает реплику «либеральный» писатель. «Напрасно вы думаете, что нас бьют плетьми, — возражает он, — и решительно непонятно, откуда видите вы, что для нас готовятся еще и скорпионы. Правда, нас слегка побили последним мероприятием, но говорить по

поводу его о плетях по меньшей мере преждевременно. Это был просто маленький хлыстик, стегавший нас с большою вежливостью и в приеме стегания мы могли заметить даже значительное улучшение сравнительно с практикой прежнего времени. Вообще беспокоиться нечего, все делается к лучшему нашим лучшим из правительств, и гг. охранители только напрасно сеют в умах смуту». Так говорит бедный «либерал», и нужно видеть, с каким несчастным видом говорит он это! Забитый и запуганный, он робко озирается по сторонам и, целуя бьющую его руку, безмолвно умоляет о пощаде: «будет уже вам травить меня: лежачего не бьют, а я уже давно лежу ничком и ровно никого не трогаю». И действительно, кого трогает, кого обижает бедный либерал? Да и можно ли называть либералами тех людей, которых по старой человеконенавистнической привычке продолжают искоренять наши охранители? Современный либерал с полным правом может сказать о себе:

Разочарованному чужды
Все оболыценья прежних дней.

Он давно уже перестал говорить об «увенчании здания», он уже не просит того, «что есть в Финляндии и чего нет в России», он уже не говорит теперь, как бывало, шаловливо-задорным тоном, что от «конституционных болезней и лекарства нужны конституционные»; он давно уже махнул рукой на эти «изменившие сновидения». Единственное, чего он хочет теперь, — это отстоять те учреждения Александра II, которые он сам находил когда-то не полными и непоследовательными, иначе сказать, недостаточно либеральными. Всмотритесь в этого бедняка, неужели вы не видите, как глубоко изменило его суровое время? Неужели вы не замечаете, что из либерала он давно уже превратился в *консерватора,* сохранив при этом всегда отличавшую его счастливую уклончивость выражений и те особые обороты речи, которые Щедрин называл «езоповскими»? Напрасно

стали бы себя обманывать противники существующего в России порядка вещей: в нашей печати нет теперь прогрессивных течений, в ней существуют теперь только два направления: *консервативное* и *реакционное.* Реакционеры стремятся назад, консерваторы стараются отстоять хоть частицу существующего, о движении же вперед никто не говорит ни слова, и не нужно думать, что этому мешает одна только цензура. У наших современных цензоров, наверно, очень мало работы, так как литература наша дошла до идеальной степени благонамеренности.

Несколько месяцев тому назад появились в Женеве две брошюры г-жи Цебриковой: «Письмо к императору Александру III» и «Каторга и ссылка». Эти брошюры наделали много шуму как в заграничной печати, так, наверное, и в русском обществе. В известном смысле появление их составляет целое событие, и, конечно, многие из единомышленников г-жи Цебриковой удивлялись ее решимости и гражданскому мужеству. Говорят, что, возвратившись в Россию, она подверглась преследованию, так что ни один порядочный человек не откажет ей в своем сочувствии. Но что же собственно говорит г-жа Цебрикова *в* своих брошюрах?

Издавая их, г-жа Цебрикова, конечно, не справлялась с настроением русской цензуры. «В жизни единичной личности, — говорит она, — наступает минута, когда мучительный стыд быть, вынужденным молчанием своим, невольной участницей царящих неправды и зла, заставит ее рискнуть всем, что дорого ей, ради того, чтобы сказать тому, в чьих руках сила и власть...: смотри, что ты допускаешь, что ты творишь, и ведая и не ведая». Таково было нравственное состояние г-жи Цебриковой, когда она писала свои брошюры, а когда люди находятся в таком состоянии, они говорят без обиняков и без задних мыслей, честно

прямо и искренно. Точно также, само собой понятно, что г-жа

Цебрикова при-надлежит к числу людей, недовольных современными русскими порядками, иначе ей не надо было бы прибегать к помощи заграничного станка. Она, как и «все, что есть честного в России», видит «торжествующий произвол чиновничества, гонение на мысль, нравственное и физическое избиение молодых поколений, бесправие обираемого и засекаемого народа». У нее нет никаких иллюзий по отношению к нашей действительности. Современное положение дел изображено у нее самыми мрачными красками. Но где же ищет она выхода из этого положения? Она обращается к Александру III и читает ему длинную политическую нотацию. Она даже слегка попугивает своего собеседника. «Свобода — существенная потребность общества, — говорит она, — и рано ли, поздно ли, но неизбежно придет час, когда мера терпения переполнится, и переросшие опеку граждане заговорят громким и смелым словом совершеннолетия — и власти придется уступить». На тот случай, если бы власть вздумала уступить, г-жа Цебрикова предлагает Александру III целую программу. «Спасение только в возвращении *к* реформам отца Вашего, — убеждает она высочайшего Митрофанушку, — и в дальнейшем развитии их. Свобода слова, неприкосновенность личности, свобода собраний, полная гласность суда, образование, широко открытое для всех способностей, отмена административного произвола, созвание Земского Собора, в котором все сословия призвали бы своих выборных — вот в чем спасенье». Все это, разумеется, очень хорошо, и не мы станем возражать против такой программы, но вот беда: Александр III с одной стороны не разделяет ни наших политических убеждений, ни убеждений г-жи Цебриковой, а с другой — давно пережил тот возраст, когда легко меняются убеждения. Его не переубедишь заграничными брошюрками. Г-жа Цебрикова часто ссылается на историю. «История других стран, — говорит она, — дает уроки». Это справедливо. Однако какие же уроки дает история других стран? Всегда и

всюду словесные увещания со стороны либералов оказывали «а самодержцев так же мало влияния, как красноречивая проповедь повара влияла на кота в известной басне. Вот почему история в своих уроках и советует нам «там слов не тратить по-пустому», где нужно употребить, если не власть, то нечто такое, из чего вытекает и сама власть, т. е. *силу.* Таков смысл уроков истории, — если хотите, печальный смысл, который сводится в известной формуле: «La force prime le droit». Но что же прика-жете делать, если у истории нет других уроков? Не можем же мы с г-жей Це-бриковой переделать ее заново, выпустить,

так сказать, новое издание истории, исправленное и дополненное согласно на-шим добрым чувствам и нашим благородным намерениям! Красноречие — вообще хорошая вещь; недурно и красноречие г-жи Цебриковой в частности. Но если прав был поэт, говоривший, что «красноречивым воззванием не разогреешь рабов», то с еще большим правом можно утверждать, что подобным воззванием не разогреешь *рабовладельцев. А* что же такое Александр III, как не человек, которому «божьей милостью» и на рабовладельческом праве принадлежит вся Россия? Убеждайте, пожалуй, нашего рабовладельца, наставляйте его, взывайте к нему, если у вас есть время и охота, но помните, что все это может иметь значение только в одном случае: если вы, как выражается одно из действующих лиц у Гюго, можете поставить копье на конце того, что вы говорите. Если вы соблюдете это условие, ваши красноречивые слова будут очень убедительны, если нет — останетесь при одном красноречии.

Г-жа Цебрикова — сторонница «мирного развития». Ей «противна кровь, с какой бы стороны ни лилась». Она с «ужасом думает», она «содрогается» при мысли о возможности революции в России. К своему счастью, она убеждена, что такая возможность будет делом лишь очень отдаленного будущего. В настоящее же время революция есть

«призрак» в России. Мало того, по ее словам, «честные люди, понимающие положение вещей, сознают немыслимость революции в России даже в ближайшем будущем». Короче, г-жа Цебрикова не только не принадлежит к числу людей, способных поддержать копьем силу своих доводов, но, кроме того, она как будто нарочно задалась целью убедить Александра III, что никакой опасности со стороны *«копья»* ему не предвидится. Нашему самодержцу, конечно, очень приятно будет прочитать в брошюрах г-жи Цебриковой относящиеся к этому строки. Но мы не думаем, чтобы они могли расположить его к уступчивости. Зачем станет он уступать людям, не могущим, да и не желающим принуждать его к уступкам. Правда, г-жа Цебрикова очень убедительно изображает преимущество свободного режима перед гнусностями самодержавия. Но главный аргумент ее сводится вот к чему: тогда будет хорошо потому, что самодержавия не будет. Для представите-ля самодержавной власти такая перспектива едва ли может быть привлека-тельной. В одной французской комедии отец, читая брачный контракт своей дочери, с негодующим удивлением восклицает: «mais dans tout cela il ne s'agit que de ma mort»! Совершенно то же может воскликнуть современный пред-ставитель русского само-

держания, вникая в доводы г-жи Цебриковой. А так как умирать у нашего самодержавия пока еще нет охоты, то ее доводы должны иметь действие, как раз обратное тому, которого она от них ожидала. Александр III лишний раз увидит, что всякая другая политика, кроме современной, должна привести к самоубийству самодержавия, и тем охотнее будет следовать советам своих нынешних руководителей. Наша почтенная писательница так и говорит царю: «Вас отпугивают от прогрессивной политики, Вам подсказывают политику в духе Николая I, потому что первая грозит самодержавию министров и чиновничества, которому нужны безгласность и бесправие всей земли русской; потому

что вторые застраховывают самодержавие это...» - «Ну, вот видите, — возразит на это Александр III, — безгласность и бесправие народа застраховывают самодержавие, ну, а тот Земский Собор, который вы советуете мне собрать, — как вы думаете, станет он застраховывать самодержавие, или постарается застраховать нечто совершенно ему противоположное? Я думаю, что его страховые операции распространятся прежде всего, в большей или меньшей степени, на утверждение прав народа и на отрицание прав самодержавия. Следовательно, созывать его мне нет никакого интереса. И, наоборот, ваши собственные слова показывают, до какой степени мне выгодно держаться за современные порядки». Предвидя возможность и даже неизбежность такого возражения, г-жа Цебрикова прибавляет, что безгласность и бесправие земли русской «застраховывают самодержавие... только до той поры, когда земля сознает себя совершеннолетней». Но так как сама же она уверяет, что пора совершеннолетия еще не скоро наступит для России («революция — призрак» и проч.), то из всех видов страхования самодержавия политика мракобесия является все-таки самым надежным и самым выгодным видом. Правда, в приведенных строках г-жа Цебрикова имеет в виду, по-видимому, только «самодержавие министров и чиновников». Но она сама понимает, что нельзя отделять этого самодержавия от самодержавия монарха. Она сама сравнивает самодержавие с огнем, «дробящимся на языки, все более и более мелкие, по чиновничьей лестнице спускающейся от царя до народа». Она не принадлежит к числу наивных людей, воображающих, что можно успешно заливать более или менее крупные огненные языки самодержавия министров и чиновников, оставляя в то же время нетронутым или даже оберегая гигантское пламя царского самодержавия. В этом отношении ее нельзя упрекнуть в недостатке сознательности или последовательности. Она ясно сознает свои цели, она

желает именно ограничения царского самодержавия. Она становится наивной, поразительно, непозволительно наивной, только там, где кончается вопрос о *цели* и начинается вопрос о *средствах.* Сторонница политической свободы, она не придумала ничего лучшего, как попросить ласково, трогательно, красноречиво попросить самодержавие накинуть самому себе петлю на шею. А чтобы подвинуть царизм на этот самоотверженный поступок, она, как главный довод, как убедительнейшую посылку, приводит то соображение, что если самодержавие не убьет само себя, то убить его в настоящее время решительно некому. Замечательная аргументация, способная лишь поддержать в царе отрадную уверенность в несокрушимой прочности его власти!

Удивительное дело! После многолетней оргии реакции, когда все честные и понимающие люди (заимствуем эти два эпитета у г-жи Цебриковой) должны были бы убедиться, что ни о каких добровольных уступках со стороны Александра III не может быть и речи, и когда, казалось, следовало ожидать, что у этих людей явится, наконец, неудержимая потребность борьбы за политическое освобождение родины, из их рядов выступила образованная и опытная писательница и заговорила свободным языком в свободной Швейцарии. И что же услышали мы от нее? То, что по-прежнему вся наша надежда должна основываться лишь на доброй воле правительства, что революция — вздор, что разве только внуки наши дорастут до политического совершеннолетия, и т. д., и т. д., и т. д. все на ту же старую, избитую либерально-верноподданни-ческую тему! Ни одного слова о борьбе, ни одного намека на энергичную самооборону. «Есть от чего в отчаяние прийти!» Есть от чего усомниться в политической правоспособности русского общества! Ввиду этого мы не удивились бы, если бы наши читатели сказали, что мы слишком преждевременно заговорили о политической европеизации России. Такого рода европеизация — подобно

революции в представлении г-жи Цебриковой — будет, по-види-мому, делом лишь очень отдаленного будущего, совершится лишь при «внуках» или при правнуках наших.

Что русская политическая, — да и не одна только политическая - мысль очень оконфузилась в течение последних десяти лет — это не подлежит ни малейшему сомнению. Спор возможен только относительно причин ее очевидной слабости и незрелости. Об одной из этих причин мы хотим побеседовать с читателем в нынешнем обозрении, полагая, что подобная беседа будет для него во всяком случае интереснее, чем рассуждения о современных действиях правительства,

смысл которых сам по себе ясен до крайности и к тому же еще откровенно указывается нашей «охранительной» печатью. Итак, в чем же дело? Чем вызывается слабость политической мысли в современной России? Прежде чем отвечать на этот вопрос, мы считаем необходимым точнее формулировать его. Начиная с конца пятидесятых годов и вплоть до настоящего времени, у нас и литературой, и политикой больше всего занимался тот особый, «разночинский» слой, который называет себя «интеллигенцией». В последние тридцать лет наша передовая публицистика всеми своими достоинствами и всеми своими недостатками была обязана почти исключительно этому слою. Следовательно, если нас поражает теперь несостоятельность нашей передовой публицистики, то мы должны прежде всего вспомнить об «интеллигенции». Она гордо называет себя мозгом России. Посмотрим же, хорошо ли работает этот важный орган?

Русская интеллигенция никогда не имела ни экономической, ни материальной силы. Она всегда была бедна и малочисленна, но у нее было свое могучее оружие, которое мы назовем оружием идеи. Бедная и малочисленная, наша интеллигенция, как главная представительница

умственного труда, являлась весьма значительной общественной силой, пока ее идеи хоть немного соответствовали общественному состоянию России. Но если в идеях заключался источник ее силы, то те же идеи могли явиться и причиной ее слабости. Представьте себе, что по тем или иным причинам, господствующие в среде интеллигенции идеи перестали соответствовать общественному состоянию России, и что, благодаря этому, она сама перестала в них верить. Что будет представлять собою в таком случае русская интеллигенция? Ровно ничего. Абсолютное бессилие — таково будет ее новое имя. Celui, qui n'a ni force, ni idée, n'existe que par pitié, справедливо говорит французский историк. А кто существует только благодаря «состраданию» других, у того не может быть ни мужества, ни энергии, и если у него явятся какие-нибудь потребности, то он не может настаивать на их удовлетворении; он может лишь просить о нем, взывая к «состраданию» тех, от кого оно зависит, «Сострадание», эта единственная гарантия его существования, естественно будет главной посылкой всех его «ходатайств». Именно в таком положении и находится в настоящее время русская интеллигенция. Материальной и экономической силы у нее, как мы уже сказали, не было никогда, а в настоящее время она утратила и силу идеи. Вот почему она играет теперь самую жалкую роль, умея лишь взывать к состраданию русского самодержца. Это состоя-

ние интеллигенции отражается и в литературе. Упадок современной русской литературы означает прежде всего идейную беспомощность современной интеллигенции.

Над всеми другими идеями, обращавшимися в нашей «интеллигентной» среде, как основной тон, как главная выдающаяся черта миросозерцания, господствовала до сих пор идея «народа». Народу стремилась служить наша интеллигенция, на народ возлагала она свои упования, когда суровая действительность начинала уже слишком грозно

наступать на ее радужные «идеалы». «Только бы дойти до народа, а там уже все пойдет хорошо», — рассуждала интеллигенция, и, надо отдать ей справедливость, поступала сообразно этому рассуждению. Она «ходила в народ», «садилась на землю» и вообще всеми силами старалась «опроститься». Даже умеренная и аккуратная часть «интеллигенции», наши русские «либералы» имели очень мало общего с классическими либералами Запада. Экономическая программа либералов, поскольку она выражалась *в* печати, не имела существенных различий от программы народников, собственно так называемых. В ней выражались те же требования только в более смягченном виде. Наши либералы так же мало увлекались «интересами отечественной промышленности», так же настойчиво отстаивали интересы сельского земледельческого населения, так же боялись «язвы пролетариата», как и самые записные народники. Разница была не в качестве требований, а в количестве их. Либерал готов был удовольствоваться таким улучшением народного быта, которое истинному народнику казалось слишком незначительным, а потому и совершенно недействительным. По отношению к вопросам собственно политическим разница между либералом и народником была, конечно, гораздо значительнее: либерал вздыхал об «увенчании здания», народник был совершенно равнодушен или даже относился враждебно к этому увенчанию. Но и стремление к политической свободе лишь отчасти сближало наших либералов с западноевропейскими. У западноевропейских либералов требование политической свободы тесно связывалось с требованиями так называемой экономической свободы: свободы передвижения, «свободы труда», свободы конкуренции и т. д., и т. д. Русский либерал ни в грош не ставил эту экономическую свободу. Он не прочь был поворчать насчет неудобств нашей паспортной системы, но в то же самое время и тот же либерал стоял за прикрепление крестьян к земле и за все связанные с ним

ограничения экономической свободы. Иногда он даже прямо нападал на эту свободу, обзывая ее буржуазной вы-

думкой. Революционеры ставили это ему в большую заслугу и даже видели в особенностях нашего либерального миросозерцания признак склонности русского общества к социализму. В этом смысле некоторые из них высказывались даже в иностранной печати, чем, конечно, несказанно удивили либеральную буржуазию Запада. А один русский заграничный орган проводил, правда, довольно робко проводил, ту мысль, что все наше «общество» состоит из «социалистов-федералистов». Едва ли нужно говорить, что все эти отрадные выводы основывались на одном сплошном недоразумении. На самом деле, наше «общество» никогда не стремилось к социализму, но за то «интеллигенты», открывшие в нем социалистические стремления, до мозга костей проникнуты были *мелкобуржуазным* духом. Наши социалисты инстинктивно чувствовали родство своих дум с думою просвещенной части русской мелкой буржуазии. Но вместо того, чтобы на этом основании усомниться в доброкачественности своего «социализма», они вообразили, что социализм сделался идеалом буржуазного русского общества. Если либеральная часть русской интеллигенции предпочитала процветание знаменитых крестьянских «устоев» торжеству буржуазной экономической свободы, то причиной этого было вовсе не отсутствие в ней буржуазных стремлений. На самом деле в ней не было никаких других стремлений, кроме буржуазных. Но она находилась в том юношеском, так сказать, романтическом периоде своего развития, в котором она еще не успела познать самое себя, не сумела выяснить себе свою собственную родословную. Такой период пережила в свое время буржуазная интеллигенция всех западноевропейских стран. Находясь в этом периоде, интел-лигенция обыкновенно бывает проникнута такими стремлениями, осуществление которых фактически ведет к

торжеству буржуазии. Но в то же время она мечтает о всеобщем счастьи, о благе народа, о равенстве и т. п. вещах, плохо вяжущихся с экономическим господством буржуазии над пролетариатом. Это противоречие между истинною сущностью стремлений буржуазной интеллигенции и их идеальным покровом ведет к междоусобию в рядах буржуазии, к антагонизму между буржуа-дельцами и буржуа-идеологами. Буржуазная интеллигенция поносит ту самую буржуазию, господство которой она подготовляет всеми своими действиями. Следы этого междоусобия не трудно открыть как в истории европейской литературы, так и в истории политической жизни Европы. У нас оно выразилось в отречении либеральной интеллигенции от буржуазной экономической свободы, — отречении, казавшемся многим, в том числе и

ей самой, признаком ее социалистических симпатий. Гегельянец сказал бы, что такие семейные ссоры между буржуа-идеологами и буржуа-дельцами соответствует dem An-sich буржуазно-интеллигентного развития. На западе переходу буржуазной интеллигенции из этого периода ее развития в другой, более сознательный период (für sich) способствовал обыкновенно рост рабочего движения. Февральская революция и июньские дни навсегда отрезвили французскую «интеллигенцию». В России, где еще не было сильного рабочего движения, пролетариат не успел еще втолкнуть буржуазную интеллигенцию в следующий фазис ее развития, не успел загнать интеллигентного блудного сына в объятия его почтенного родителя — капитала. Наша интеллигенция все еще стремится «быть умнее отца», все еще нападает на ужасы капитализма. Впрочем, теперь в ней уже замечается некоторые признаки самосознания. Приближение ее политической зрелости выражается в том, что она теперь уже довольно сердито поругивает рабочий класс, отрицает целесообразность всякой пропаганды в его среде и даже (см.

покойницу «Свободную Россию») начинает поговаривать о том, что введение всеобщего избирательного права -было бы неуместно и несвоевременно в России. Это уже очень большой шаг (вперед или назад — судите, как хотите) в развитии русских «интеллигентов».

Народническая интеллигенция по существу своих стремлений не отличалась, как мы уже сказали, от интеллигенции либеральной. Она была только последовательнее в своих теоретических выводах, само-отверженнее в своей практической деятельности, непрактичнее в своей программе. Русский либерал в интересах народа отказывался от буржуазно-экономической свободы. Русский народник шел дальше: в интересах того же народа он отказывался и от политической свободы, видя в ней прежде всего залог буржуазного развития России. Отстаивая политическую свободу, либеральный интеллигент отстаивал прежде всего свои собственные реальные интересы. Ему, как представителю умственного труда, естественно было требовать такого порядка вещей, который обеспечил бы свободу этого труда и избавил бы его от бюрократического произвола. Интеллигент - народник, прекрасно понимая тесную связь политической свободы с самыми насущными интересами своего слоя, геройски приносил эти интересы на алтарь отечества. «Я знаю, что мне выгодна была бы политическая свобода, — говорил он, — но я знаю также, что она будет вредна народу, что она окончательно подкосит вековечные устои его жизни и приведет к господ-

ству сельской и городской буржуазии. Поэтому не надо политической свободы! Дадим сначала развиться устоям, а потом уже посмотрим, как нам быть с самодержавием».

На первый взгляд кажется, что народнические «идеалы», как небо от земли, далеки от буржуазного миросозерцания. Но так кажется только на первый взгляд. В действительности наше народничество было лишь особым сельским изданием

мелкобуржуазного социализма, т. е. того учения, которое, под видом защиты интересов народа, защищает исключительно только интересы мелкой городской и сельской буржуазии. И если бы когда-нибудь, по щучьему велению, воплотилась в жизнь программа наших народников, то это вызвало бы небывалый расцвет мелкой буржуазии, окончательно подорвало бы подлежавшие спасению «устои», а затем, путем борьбы в рядах мелкой буржуазии, привело бы к торжеству того самого крупного капитала, от ужасов которого наша интеллигенция искала спасения в теоретических болотах народничества. Кое-какие указания в этом смысле дает уже современная русская действительность. Достаточно припомнить недолгую историю крестьянского банка. Народники приветствовали его, как мессию крестьянской экономии, а между тем, после короткого опыта, они должны были убедиться, что крестьянский банк как будто нарочно придуман для разложения «устоев». То же самое произошло бы, и отчасти уже происходит, при осуществлении требований, предъявляемых народниками для охранения кустарной промышленности. То же самое произошло бы и при осуществлении решительно всех их требований. Русский народник — это тот человек, который, идя в одну комнату, к величайшему своему изумлению, неизбежно и неизменно попадает в другую.

В истории русской литературы до сих пор еще не выяснено надлежащим образом происхождение народничества. Теоретический состав этого учения сложен до крайности. Западноевропейский социализм утопического периода любезно лобызается в нем с славянофильской реакцией против этого социализма; увлечение передовыми движениями Запада мирно уживается с отрицанием тех исторических сил, которые привели к расцвету западноевропейской цивилизации; теоретическая боязнь «ошибок Запада» ведет к практическому повторению его ошибок; стремление *к новому* отражается в виде идеализации *всякого старого,* — словом,

богатство и разнообразие составных элементов народничества поистине поразительно. Но богатство и разнообразие составных элементов еще не ручается за доброкачественность состава.

При столкновении с практической жизнью, этим пробным камнем всех программ и учений, русское народничество довольно скоро захромало на все ноги. Прежде всего стала прихрамывать «вера в народ», игравшая некогда такую большую роль в народническом миросозерцании. Передовая, самая энергичная часть народников, под влиянием революционного движения западноевропейского пролетариата, старалась вызвать в России крестьянскую революцию. Психологически ее революционные стремления зарождались приблизительно таким образом: мы читали, положим, *Лассаля* и говорили себе: «Батюшки, какой это прекрасный человек, он настоящий Стенька Разин. Чем мы хуже немцев? Если у них есть лассальянство, то у нас должно повториться движение Разина». Правда, в современной России не было ни Разина, ни тех элементов, из которых вербовались его удалые «помощнички». Но суррогатом Разина должна была послужить сама интеллигенция, а за неимением его «помощничков», казалось, можно было удовольствоваться тою географической местностью, в которой они некогда подвизались. И вот мы устремились на Дон и на Волгу. Так было в Великороссии. В Малороссии у интеллигенции были свои исторические народные герои и свои излюбленные «революционные» местности. Но и там и здесь оказалось, что революционной интеллигенции не под силу роль казачества, а современный русский крестьянин не то, что крестьянин эпохи крупных народных движений. С мыслью о крестьянской революции скоро пришлось окончательно проститься. Тогда явилась мысль о «захвате власти». «Мы ошибались, когда верили, что народ явится деятельной революционной силой, — рассуждали народники, — но это беда поправимая.

Сделаем революцию помимо него,— тогда он наверное примет нашу сторону, и тогда начнется новая эра процветания устоев». Изменяя в этом духе свою программу, народники становились *народовольцами,* не переставая, однако, быть народниками, сохраняя все основные черты своего миросозерцания. Однако и захват власти скоро оказался совершенно фантастическим делом, и революционеры-народники остались решительно уже без всякой, сколько-нибудь цельной и последовательной, программы.

В революционном движении принимала участие только незначительная часть интеллигенции. Большинство ее всегда придерживалось мирного способа действий и мало верило в возможность революции в России. Тем не менее, и на этих скептиках отражались все удачи и неудачи революционеров. Не веря в возможность революции, мирные «интеллигенты» все-таки думали, что революционеры сослужат у нас

хорошую службу. «Либералам» казалось, что удары революционеров наставят правительство сделать политические уступки; люди, отрицательно относившиеся к «политике», полагали, может быть, что эти удары обратят, наконец, его внимание на экономические нужды народа; но, во всяком случае, и те и другие смотрели на революционное движение как на грозу, которое если и не разрушит здание современных русских порядков, то все-таки значительно освежит воздух, озонирует нашу общественную атмосферу. К концу 70-х годов, а, в особенности, во время «диктатуры сердца», наша интеллигенция совершенно позабыла смиренномудрое правило, гласящее, что всякий протест против правительства ведет лишь к усилению реакции. В то время думали, что политика мракобесия трещит по всем швам, что реакция отступает по всей линии. После первого марта положение дел изменилось. Напряженные до последней степени, силы революционеров стали быстро

истощаться, революционное движение затихало, между тем как реакция обнаружила истинно николаевскую энергию. Некоторое время еще можно было ожидать, что революционеры скоро оправятся от своего поражения, что революционное затишье будет непродолжительно и скоро сменится новой революционной бурей. Но проходили годы, революционное движение все более и более затихало, реакция все более и более усиливалась, и мирной интеллигенции нельзя уже было надеяться, что ее выручит какой-нибудь ре-волюционный deus ex machina. Ей приходилось выбирать одно из двух: или окончательно подчиниться реакции, или начать борьбу своими собственными силами, т. е. из мирной сделаться революционной. Но примирение с реакцией было невозможно, тем более, что сама реакция не хочет и слышать о нем; а борьба с правительством и реакцией не обещала даже и самого крошечного успеха. Практическое знакомство с «настоящим крестьянином», т. е. с тем «народом», во имя которого подвизалась интеллигенция, ясно показало, как трудно рассчитывать на его поддержку в борьбе с правительством. Собствен-ные силы интеллигенции? Но хотя она всегда страшно преувеличивала свои силы, в особенности в спорах с противниками, не могла же она не сознавать хоть инстинктивно их совершеннейшей ничтожности. Не могла не понимать она, что правительство без малейшего труда, одним пальцем раздавит ее в каждом открытом столкновении. После смерти Щедрина, не помним уже в ка-кой из русских газет, нам попалась телеграмма из Калуги приблизительно та-кого содержания: «Сегодня, в такой-то день, по кончине знаменитого сатири-ка в местном соборе была отслужена

панихида. Собралась вся местная интеллигенция. Было около двухсот чело-век». Эта цифра «около двухсот человек», очевидно, радовала пославшего де-пешу своими размерами. Но в Калуге сорок тысяч жителей. Спрашивается, что значат

эти «около двухсот человек» в общей массе калужского населе-ния? В качестве «интеллигенции» они явились бы огромной силой, если бы могли выступить руководителями широкого народного движения. Но пока им приходится рассчитывать только на свои собственные силы, они не могут иметь ровно никакого значения в общем ходе русской жизни. И это верно не только по отношению к провинциальным городам, но и по отношению к сто-лицам. Во время студенческих беспорядков нынешнего года корреспондент одной французской газеты писал из Петербурга, что хотя студенты сильно волнуются, но так как рабочие кварталы остаются совершенно спокойными, то нет никаких оснований опасаться серьезного нарушения порядка. «Знако-мый с бурями француз» судил о русских событиях с западноевропейской точ-ки зрения, и судил совершенно правильно. История Европы показала ему, что интеллигенция не делает революций, пока за нею нет народной силы. Про-слышав о беспорядках в петербургском университете, он отправился в пред-местья, куда-нибудь за Невскую или за Нарвскую заставу, чтобы осведомить-ся о настроении рабочих. Увидав же, что там все обстоит благополучно, он совершенно правильно умозаключил, что никакого революционного движе-ния в нашей северной столице в данную минуту не предвидится. То, что в го-лове французского корреспондента являлось в виде *ясного понимания* обще-ственных отношений, не могло не отражаться по крайней мере в виде более или менее *смутного представления* в умах русских «интеллигентов». Никаки-ми софизмами не мог отговориться «интеллигентный» человек от сознания своего полнейшего бессилья. Это сознание особенно ярко выразилось в бро-шюре г-жи Цебриковой. «После ката-строфы первого марта, — пишет она, — у самих цареубийц не было ни малейшей надежды на созыв своего Учреди-тельного Собрания. Враги царские казнены, все подчиняется безмолвно мо-наршей власти». Оставляя в стороне другие

слои и классы населения, прихо-дится признать, что пока продлится современное настроение «интеллиген-ции», она по необходимости будет безропотно подчиняться царской власти. Она начинает даже возводить в теорию свое политическое бездействие. «Мы признаем, — говорит г-жа Цебрикова, — что меньшинство, хотя бы во имя блага народа, не имеет права прибегать к насильственным и кровавым мерам с целью переворота, когда масса способна только апа-

тично сносить гнет с глухим недовольством, когда за правительством материальная сила настолько великая, что каждая попытка безнадежна. Мы скажем более: такие попытки — страшные ошибки, несущие за собой новое торжество зла, потому что вызывают реакцию» *). Нам могут заметить, что и нельзя было ожидать иных речей от г-жи Цебриковой, принципиальной сторонницы «мирного развития». Но мы говорим не о революционерах (много ли их теперь?), а об «интеллигенции» в широком смысле слова, о той интеллигенции, которая никогда не принимала участия в революционном движении, но на которую, тем не менее, возлагали много надежд революционеры, особенно в последнем, народовольческом, периоде. Go стороны *этой* интеллигенции (т. е. огромнейшего большинства всей русской интеллигенции вообще) слова г-жи Цебриковой, наверное, не встретят возражений. Эта интеллигенция, наверное, тоже не видит за собою «права» и проч. Таким образом, оказывается, что сама жизнь привела «интеллигентного» русского человека к такому безотрадному выводу: без народа интеллигенция совершенно бессильна, а народ, по крайней мере в настоящее время, не хочет и не может поддержать ее: он «способен лишь апатично сносить гнет с глухим недовольством». Что же делать? Безропотно подчиняться царской власти или протестовать на манер г-жи Цебриковой, не внося в свой протест ни одной мужественней ноты, с институтской наивностью убеждая абсолютизм добровольно

наложить на себя руки и соблазняя его на этот подвиг обещанием «светлого следа в истории». При таком безнадежном, безвыходном положении дел удивительно не то, что наша интеллигенция потеряла теперь всякую энергию, а то, что в ее среде встречаются еще хоть такие безобидные и ни для кого не страшные протестанты, как г-жа Цебрикова; удивительно не то, что требования «интеллигенции») ничтожны, а то, что она предъявляет хоть какие-нибудь требования; удивительно не то, что наша литература (это детище «интеллигенции») падает, а то, что интеллигенция все еще продолжает возвышать свой голос в литературе; удивительно не то, что наша молодежь мало увлекается теперь «идеалами» предыдущего поколения, а то, что у этой молодежи есть хоть какие-ни-будь духовные интересы, что она не сплошь относится к идеалам обществен-ной деятельности с холодным недоверием, «с насмешкой горькою обмануто-го сына над промотавшимся отцом»...

*) Каторга и ссылка, стр. 2.

Будем откровенны, читатель. «Отцы» действительно промотались, промотались до такой степени, что теперь они — *банкроты.* От их широких «идеалов» осталась только страшная горечь разочарования. Все надежды интеллигенции разлетелись в прах. Все ее бесчисленные программы практической деятельности оказались несостоятельными, и, в довершение всего, она не может тешить себя даже надеждами на будущее. Она с ужасом видит, как быстро тают, как страшно скоро разлагаются «устои народной жизни», к которым приурочивались все ее социальные теории. Капитализм разбрасывает эти устои как карточные домики. «Буквально прикосновение, одно только легкое касание, и тысячелетние идеальные постройки (т. е. все те же «устои») превращаются в щепки», меланхолически признается г. Успенский. Что видит интеллигенция в результате этого разложения? Ничего, кроме «капиталисти-ческого чада»,

торжества купона и замены столько любимого ею «настоящего» крестьянина пролетарием, который тем более приводит интеллигенцию в отчаяние, чем ближе приближается он к типу *настоящего* пролетария. Все это экономическое движение огорчает нашу интеллигенцию едва ли не больше, чем бешенство реакции. Реакция давит в настоящем, разложение устоев отнимает всякую надежду на будущее. Если со временем новая политическая оттепель и развяжет руки «интеллигенции», то еще неизвестно, что останется к тому времени от «тысячелетних идеальных построек». *Пожалуй одни только щепки...* К чему же тогда приложит руки «интеллигенция»? Неужели она станет забавляться щепками?

Трудно вообразить себе что-нибудь хуже положения, выпавшего теперь на долю русской интеллигенции. Ей не только изменил тот народ, на который она рассчитывала (это она охотно простила бы ему), но — что всего ужаснее! — он *сам быстро изменяется!* Интеллигенция видит, как быстро стираются старые черты народной физиономии, как безвозвратно уходят в область прошедшего все любезные ей народные обычаи, как разрушительно влияет ненавистная ей городская цивилизация на деревенскую жизнь, — видит «и за отчизну болит», видит и невольно приходит к тому горькому сознанию, что роль ее окончательно сыграна. Она чувствует, что жизнь полным и все более и более ускоряющимся ходом идет вперед не только независимо от ее «интеллигентных» усилий, но прямо вопреки этим усилиям; что формы этой жизни слагаются совершенно наперекор ее «интеллигентным» идеалам; что в недалеком будущем ей, интеллигенции, при ее взглядах и стремлениях, не останется никакого места на арене общественной деятель-

ности, что она становится чем-то вроде пятого колеса в телеге, бесполезным придатком, излишней тяжестью. Она начинает сознавать свою отсталость, чувствовать свою

дряхлость и, сообразно этому, приходит в безнадежно унылое настроение духа. В прошлом она видит очень мало удач и очень много разочарований. Настоящее не приносит ей ничего, кроме колотушек со стороны реакции, а будущее грозит живьем зарыть ее в одной могиле с «устоями». Как же не унывать, как же не кручиниться интеллигенции? И откуда взять ей ту свежую силу, ту бодрую уверенность, без которых немыслима никакая политическая борьба, невозможен никакой отпор торжествующим... толстокожим реакции?

В 80-х годах интеллигенции пришлось пережить огромное теоретическое крушение, которое, в соединении с политическим поражением революционной партии, сделало ее настоящим инвалидом. В ней замечаются все признаки глубокой деморализации, как в разбитой на голову армии: масса сил выбыла из строя, многие бегут без оглядки, думая лишь о собственном спасении, другие кладут оружие и сдаются неприятелю, а те немногие, в которых сохранилось еще мужество и которые продолжают еще оказывать сопротивление, не имеют ни организации, ни определенного плана борьбы и думают только о том, чтобы, по крайней мере, погибнуть не без славы. Таковы современные террористы, конечно, те, которые действительно занимаются террором, а не ограничиваются одними разговорами о нем. Мужество этих людей, их преданность делу свободы очевидны для всякого. Но что могут сделать, или, выразимся точнее, на что могут надеяться эти мужественные люди? Они представляют собой лишь слабые, рассеянные остатки когда-то грозного ополчения. Их гибель с поразительным равнодушием переносится тем обществом, которое они напрасно стараются возбудить своими взрывами. И каждый новый террористический факт приносит лишь новое доказательство того, что героизм отдельных и при том очень немногих личностей недостаточен для борьбы с целой политической системой. Мужество людей вроде Ульянова и его товарищей напоминает нам мужество древних стоиков: вы видите, что,

при данных взглядах на вещи, при данных обстоятельствах и при данной высоте своего нравственного развития, эти люди не могли действовать иначе. Но вы видите в то же время, что их безвременная гибель способна была лишь оттенить бессилие и дряхлость окружающего их общества, что их мужество есть мужество отчаяния. Террористические попытки способны, пожалуй, вызвать некоторые укоры совести в не-

которых присмиревших «интеллигентах», не успевших еще возвести в догмат пассивное подчинение передового меньшинства реакционному правительству. Но вдохнуть новые силы в этих интеллигентов он не в состоянии. Интеллигенция бездействует теперь не потому, что не видит примеров мужества и самоотвержения (таких примеров у нее было более, чем достаточно), а потому, что утратила всякое положительное духовное содержание. Эта носительница идей является теперь в идейном смысле настоящим пустопорожним местом. В настоящее время у нее есть одна только идея: народ не хочет ни бороться вместе с нею против правительства, ни устраивать свою жизнь согласно ее советам. Такая идея не может принести иного плода, кроме указанного, т. е. ничего, кроме *полнейшей деморализации.* А в деморализации интеллигенции и заключается одна из важнейших причин поразительной слабости политической мысли в современной России. Мысль слаба, потому что плох орган ее, «мозг страны» — интеллигенция. Развитие экономической жизни ушло так далеко вперед, быт народа настолько революционизировался, что все понятия о нем интеллигенции, а следовательно, и все ее суждения о задачах своей собственной практической деятельности оказались несостоятельными. Экономическое развитие народа отразилось, между прочим, в виде духовного оскудения интеллигенции. Подобные примеры отсталости мысли от жизни вовсе не редки в истории. И все они говорят одно и то

же. Когда данный общественный слой, бывший прежде духовным выразителем всего хода общественного развития, становится недостойным своей роли, когда он перестает идти вперед согласно указаниям истории, жизнь отбрасывает его как ненужный хлам и находит для своих нужд новых выразителей. Так обойдется она, вероятно, и с русской интеллигенцией. Господствовавшее в среде этой последней народническое учение соответствовало неразвитому состоянию наших общественных отношений. Теперь, когда наши общественные отношения значительно уже развились и выяснились, народничество упало, увлекая за собой в своем падении и неразрывно сросшуюся с ним интеллигенцию. Теперь «сплошной» быт народа все более и более уступает место яркому противоречию интересов буржуазии и пролетариата. Интеллигенция не сумела понять этого противоречия, не сумела сделать из него исходную точку своей борьбы с правительством, поэтому ей пришлось отказаться от всякой борьбы, разочароваться в своих собственных силах. Но свет не клином сошелся, говорит пословица. Если современная интеллигенция не понимает требований жизни, то место ее займет *новая нителлиген-*

ция. Эта новая интеллигенция уже не будет довольствоваться «сплошным» прекраснодушием народничества и положит в основу своей программы ясно сознанные интересы того класса, которому она станет служить. Во всем этом можно быть уверенным наперед, все это можно предсказать, не будучи пророком. Спрашивается только, какому именно классу станут служить наши новые интеллигентные деятели? Нельзя сомневаться на этот счет. «История других стран даст уроки». Новая интеллигенция в огромном большинстве своем будет служить буржуазии. Конечно, сознательное и откровенное служение интересам буржуазии все-таки неизмеримо лучше нынешнего бесцельного и бесплодного нытья народников. Оно все-таки будет равносильно большому

шагу вперед в нашем умственном развитии. Без него не обойдется дело политической европеизации России, и чем скорее придет его время, тем скорее выйдем мы из современного застоя. Но ведь ясно, как день, что и без пролетариата не обойдется дело нашей политической европеизации. Только пролетариат и способен нанести смертельный удар самодержавию. Много политической работы предстоит ему в самом недалеком будущем. И грустно думать, что буржуазия съест вытащенные им из огня каштаны. И хотелось бы верить, что в нашей новой интеллигенции будут и такие люди, которые заблаговременно постараются подготовить пролетариат к сознательной борьбе за его собственные интересы...

Нам, марксистам, охотно приписывают самые нелепые взгляды на вещи. Так, например, говорят, что мы не придаем никакого значения идеям, что во всем историческом движении человечества мы видим одну только экономическую его сторону. Поэтому нас велеречиво упрекают в одностороннем материализме. Читатель видит, что и мы не пренебрегаем идеями или умеем хоть скрывать свое к ним пренебрежение. Во всем, что сказали мы о современной русской интеллигенции, мы почти вовсе не упоминали об экономии, и, наоборот, очень много распространялись об идеях. При всем своем недоверии к нам, как к грубым материалистам, читатель должен признать хоть то, что мы понимаем, как с кем нужно говорить: пишем для интеллигентного читателя и беседуем с ним о предмете, который его более всего интересует. А если читатель откажется от своего предубеждения против нас, то он поверит, когда мы скажем ему, что мы не только из приличия, а и по глубокому убеждению, никогда не пренебрегали идеями. Мы думаем лишь, что идеи не падают с неба, а вырастают из условий социального быта. В этом и заключается все наше лжеучение. Когда нам указывают на «идею», которая, разумеется, отличается «бессмертием»,

«непобедимо-

стью» и прочими несокрушимыми свойствами, мы имеем не для всех приятную привычку справляться о происхождении этой идеи. Откуда взялась эта идея, спрашиваем мы, и насколько соответствует она социальным отношениям той страны, в которой распространяется. Если она выражает собой фактический ход общественного развития, то она действительно бессмертна. Если же она идет наперекор ему, то она бессмертна разве только в том ограниченном смысле, что со временем трудолюбивый человек может найти ее на пыль-ных полках в какой-нибудь библиотеке. Этот последний род бессмертия мы признаем и за русским народничеством. Истинного же бессмертия мы не приписываем ему по той простой причине, что теоретически в нем нет, как говорят французы, ни рифмы, ни резона, а практически оно давно уже перестало соответствовать условиям русской жизни. К таким идеям мы относимся с нескрываемым пренебрежением, но мы умеем ценить разумные и жизнеспособные идеи и даже сами можем привести много примеров огромного значения идей разумных и жизнеспособных. Вот один из таких примеров. После подавления революции 48—49 гг. западноевропейская интеллигенция переживала почти такое же настроение, какое переживает теперь интеллигенция в России. Она почти поголовно «разочаровалась». Одни из разочарованных западноевропейских интеллигентов ушли в личную жизнь, примирились с окружающей действительностью и даже со временем дошли до степеней более или менее известных. Другие продолжали еще некоторое время составлять ма-ленькие заговоры, постоянные неудачи которых, казалось, оправдывали всеобщее разочарование. Третьи, слишком честные, чтобы заняться личной наживой и слишком трезвые, чтобы верить в успех маленьких кружковых заговоров, просто терзались безысходной тоской. И все это было неизбежно для интеллигентов того времени, потому что они перестали

понимать ход событий, потому что история пошла вразрез со взглядами этих когда-то полных веры борцов, этих некогда столь самоуверенных идеологов. Среди всеобщей деморализации западноевропейской интеллигенции только немногие сохранили бодрость и веру в революцию. И среди этих немногих людей первое место занимал Карл Маркс, родоначальник материалистической философии истории, будто бы отрицающей значение идей в развитии человечества. Торжество реакции ни на волос не могло изменить революционных взглядов и стремлений этого человека. На июньское поражение парижских работников, оставившее такой печальный след на всех социальных воззрениях Герцена, Маркс отвечал энергичной статьей, которая заканчивалась.

словами: «Одной иллюзией у пролетариата меньше. Тем лучше для него. Да здравствует революция!» *). Иногда он лучше самих реакционеров предвидел будущие успехи реакции. В начале 50-х годов, когда предержащие власти еще не перестали дрожать перед призраком революции, Маркс, стоявший во главе «Коммунистического Союза», писал своим товарищам, что ожидать немедленного повторения революционного взрыва в Германии нелепо, ввиду фактического положения дел в этой стране. И тем не менее он не «разочаровывался». Он продолжал не покладаючи рук работать где было возможно и насколько было возможно для торжества любимого дела. Что же поддерживало этого человека, что сообщало неизменную прочность его убеждениям? Железная сила воли? Редкое упорство характера? Маркс действительно имел эти свойства, но их имели многие из тех революционеров 48 г., которые бесповоротно поддались разочарованию. Сила воли и упорство характера не вывезли бы и Маркса, если бы его не поддержала идея. Какая идея? Идея, называемая теперь *идеей научного социализма.* Главная отличительная черта

этой генеральной идеи заключается в том, что она вполне выражает собой исторический ход общественного развития. «Теоретические положения коммунистов, — читаем мы в «Манифесте Коммунистической Партии», ни в каком случае не основываются на идеях и принципах, открытых и установленных тем или другим всемирным реформатором. Они представляют собой лишь общее выражение современных отношений, существующей ныне борьбы классов, совершающегося на наших глазах исторического движения». Поэтому, «в теоре-тическом отношении коммунисты (или, иначе, социал-демократы) имеют то пре-имущество, что *понимают условия, ход и общие результаты рабочего* движения». Вот это-то последнее обстоятельство и спасало Маркса от разочарования — самой серьезной из опасностей, угрожающих революционеру-«ин-теллигенту». Понимание общего хода исторического развития сообщило автору «Капитала» такую ясность взгляда, такую способность предвидения, что его уже не могло смущать временное торжество реакции. Там, где заурядный «интеллигент» видел лишь победу грубой силы и окончательное поражение «бессмертной идеи», Маркс и марксисты замечали еще нечто другое, гораздо более утешительное. Они видели, что никакая реакция не в силах остановить внутреннее экономическое развитие современных цивилизованных стран. Не-прерывный и быстрый ход этого развития, очевидно даже в период самого глубокого гюлитиче-

*) Не имея цитируемой статьи под рукой, мы вполне ручаемся за смысл приведенных слов, но не за каждое из них в отдельности.

ского затишья, подрывал основания существующего порядка вещей и ручался за будущие успехи социализма. С какой же стати стали бы унывать Маркс и его последователи, *с* какой стати стали бы они «разочаровываться»? Разумеется, и им, как всем революционерам, тяжело было переживать эпоху реакции. Но они знали не только то, что реакция *не* может продолжаться вечно, — это знали, а лучше сказать, в это

«верили», все интеллигенты, не совсем еще сбитые с своего конька отвлеченного прогресса, — они прекрасно знали, с какой стороны и в каком виде придет желанное избавление, а зная это, они уже не могли чувствовать себя ни бессильными, ни бесполезными. И они упорно продолжали работать в том же самом направлении, в каком работали прежде. Рассказывать ли, что было дальше? Ни на минуту не прекращавшееся во время реакции социальное развитие Западной Европы привело к ее новому политическому оживлению. И тогда, благодаря всему вышесказанному, Маркс и марксисты явились единственными из прежних революционеров, сохранивших в себе во всей его свежести весь благородный энтузиазм эпохи 40-х годов. Но это еще не все. Их предвидение сообщало им не одну только нравственную силу, оно поставило их во главе нового, начавшегося в 60-х годах, освободительного движения, и с тех пор вся история этого движения является лишь историей постепенного распространения и постоянно упрочивающегося господства идей Маркса. Огюст Конт говорил когда-то, что «знание порождает предвидение, предвидение порождает действие». На основании истории своей собственной партии, современные марксисты могли бы прибавить к этому, что основанное на предвидении действие ведет к *господству.* Как же после этого отрицать значение идеи? И нам ли отрицать его, нам, марксистам, идея которых стала господствующей идеей нашего времени? Нет, господа, идея — великая вещь! Но для того, чтобы она могла сыграть свою великую роль, она должна быть разумной идеей, она должна уметь схватить и выразить действительный ход истории. При этом условии идея является непреодолимою силою. В противном же случае, она служит источником слабости, разочарования, умственного и нравственного падения, — словом, всего того, что так резко бросается в глаза в жизни современной русской интеллигенции.

Вот если бы эта интеллигенция прониклась, наконец,

могучей идеей современного научного социализма, — она перестала бы хныкать и бездействовать. Она знала бы, какое великое, какое плодотворное дело дает ей в руки история, и не боялась бы больше ни царских опричников, ни народного равнодушия. Она увидела бы в народе не тупую, за-

битую, апатичную, способную лишь «бунтовать на коленях» массу, какою он представляется теперь ей сквозь очки сладкоречивого и сантиментального, но вялого, туманного и бессодержательного народничества. Она поняла бы, что в народе совершается теперь внутренняя работа неизмеримой важности, работа, которая превращает его из верноподданного «мужичка», совершенно подобного «мужичкам» всех азиатских стран, в *сознательного работника,* родственного по духу и по своим стремлениям революционному *пролетарию* запада. Она искала бы себе поддержки, — и, конечно, нашла бы ее, — именно в этом сознательном работнике. Тогда не глумились бы над нею безнаказанно наши свирепые охранители. В союзе с рабочим классом она составила бы огромную, невиданную у нас революционную силу. И тогда мы посмотрели бы, точно ли так прочно русское самодержавие, как думает г-жа Цебрикова!..

«Что же это такое? — скажет иной читатель. Справедливо, что первый признак разумной идеи заключается в ее соответствии с действительным ходом общественного развитая. Но не менее справедливо и то, что одно из главных свойств разумного пропагандиста разумной идеи состоит в умении молчать там, где разговоры излишни. По самому общественному положению своему, русская интеллигенция, как и всякая другая интеллигенция, не вышедшая из среды рабочего класса, в общем составе своем не может проникнуться идеей научного социализма! Она довольствуется народническими воззрениями, потому что эти запутанные воззрения вполне соответствуют ее незрелому

возрасту и ее промежуточному положению между народом и его непосредственными эксплуататорами. Когда она придет в более зрелый возраст, она откажется от народничества, но вовсе не для того, чтобы увлечься социализмом. Она проникнется тогда сознательно-буржуазными теориями, которые и заменят нынешнее бессознательно-буржуазное народничество. Вы сами сказали это. Зачем тратить время на рассуждения о том, что было бы, если бы произошло то, что произойти ни u каком случае не может?»

В ответ на подобное, довольно справедливое, замечание мы сказали бы следующее. Мы вовсе не надеемся на внезапное изменение «интеллигентно-го» образа мыслей. Горбатого исправит только могила. Мы знаем также, к какой пристани причалит большинство «интеллигенции». Но везде есть исключения. Мы обращаемся к молодому, подрастающему поколению интеллигенции, в среде которого найдутся же личности, которые с преданностью к народным интересам способны соединить их правильное понимание. Им указываем мы на научный социализм, как

264

на единственный *революционный* выход из современного интеллигентного прозябания. Пусть таких личностей будет очень немного. Но дело, им нами предлагаемое, до такой степени плодотворно, что и немногие сделают очень много, если только они возьмутся за него, как следует, если только они внесут в него всю ту энергию, все то самоотвержение, которых оно требует.

265

III.

По поводу наших обозрений в двух предыдущих книжках «Социаль-Демократа» некоторые читатели упрекали нас в том, что мы будто бы совсем не обращаем внимания на действительную жизнь России и ограничиваемся одними только теоретическими рассуждениями. Если бы даже этот упрек был заслужен нами, то и тогда мы могли бы сослаться,

в свое оправдание, на одно, очень важное, «смягчающее обстоятельство». Прежде чем рассматривать отдельные явления русской жизни, мы хотели определить и указать ту общую точку зрения, *с* которой мы смотрим на эту жизнь. Мы думали, что это необходимо для избежания недоразумений между нами и нашими читателями. Раз читатель знает, с какой точки зрения смотрим мы на современную Россию, его не удивят наши мнения о том или другом отдельном факте. Он может быть не согласится с нами, но и тогда он не откажется признать, что мы рассуждаем по-своему правильно и логично. Так думали мы и сообразно с этим составили программу своих обозрений. В первой книжке мы старались показать, что, несмотря на торжествующую теперь реакцию, в России все более и более развиваются те экономические отношения, которые необходимо должны привести к изменению нашей политической конституции. Но характер и исторический смысл этих изменений до сих пор еще не сознан огромным большинством наших передовых писателей и общественных деятелей. Стремясь к новому, люди эти идеализируют всякое старье и тем страшно затрудняют себе достижение своей цели. Наша «интеллигенция» так мало понимает освободительный смысл переживаемого Россией экономического процесса, что она стремится задерживать этот процесс всеми зависящими от нее средствами. Вследствие этого, из силы прогрессивной она, незаметно для себя, превращается в силу реакционную и, вместо народных интересов, защищает интересы того самого правительства и тех самых эксплуататоров, против которых она

хотела бы бороться. Идя в одну комнату, «интеллигенция», к величайшему сожалению и огорчению своему, попадает в другую. Разумеется, трудно делать что-нибудь при таких условиях. «Интеллигенция» приходит в отчаяние, складывает руки, теряет всякую веру в себя и в будущность своей страны, деморализуется, ищет утешения во всякого рода

«прожигании жизни» и вообще ведет себя совсем несоответственно тому «интеллигентному» званию, о котором она так много кричит и которым она так сильно гордится. Единственным выходом из такого неприятного положения является *европеизация понятий* нашей интеллигенции. Когда она откажется от своих нелепых «самобытных» теорий, тех теорий, в которых

Русский ум и русский дух
Зады твердит и лжет за двух,

когда она сумеет взглянуть на русские общественные отношения с надлежащей, *европейской* точки зрения, она увидит, что положение ее вовсе не безнадежно, и найдет широкое поприще для самой плодотворной общественной деятельности. До тех же пор, пока она останется при своих *азиатских понятиях,* ей нечего и думать о перенесении » свою страну *западноевропейских* политических *учреждений.* Это старались мы доказать во внутреннем обозрении второй книжки «Социаль-Демократа». Теперь же, когда наш взгляд на русскую жизнь и русскую мысль известен читателю, мы переходим к рассмотрению отдельных фактов внутренней жизни России, фактов, которые, как мы уверены, могут быть объяснены только вышеприведенными общими соображениями.

Начнем с экономии. В сентябре текущего года министр финансов вел очень поучительные беседы с ташкентским купечеством. «Когда я в первый раз посетил нижегородскую ярмарку, — оказал он, — я должен был от имени Государя Императора передать нижегородскому, а вместе с тем и всероссийскому купечеству, что всякие успехи на поприще отечественной промышленности и торговли будут признаны за особые заслуги государству. Мне выпала завидная доля быть исполнителем священной воли и предначертаний Государя Императора, и я буду считать своим долгом ознакомиться с вашей деятельностью и сделать все возможное, чтобы поддержать всякое полезное начинание».

Слушая сладкоречивого министра, ташкентские купцы, разумеется, кланялись и благодарили. В приезде министра в их край они видели «особенную заботливость» об их нуждах и интересах, «насколько они связаны с благосостоянием России и поддержанием русского значения в средней

Азии» («День» № 818). Говоря это, гг. ташкентцы едва ли были искренни. Они знали, по всей вероятности, что истинная цель поездки министра заключалась не столько в поддержании интересов среднеазиатской промышленности, сколько в изыскании новых источников податного обложения. Пресловутый финансовый фокусник на все вопросы народного, хозяйства смотрит прежде всего с фискальной точки зрения. Но поскольку интересы «всероссийского купечества» не идут в разрез с интересами фиска, постольку министр финансов, как и все вообще русское правительство, является верным и заботливым слугой «отечественной промышленности». В этих пределах всякий успех на промышленном поприще, действительно, является в глазах наших правителей «особою заслугою государству». Г. Вышнеградский не лгал, когда говорил это на Нижегородской ярмарке. Enrichissez-vous! - воскликнул когда-то министр Луи-Филиппа, обращаясь к французской буржуазии. Почти такими же словами поощряет рвение русской буржуазии «исполнитель воли и предначертаний» Александра III. «Обогащайтесь! Каждый ваш шаг на пути наживы будет заслугой передо мною!» — так говорит, устами своих слуг, повелитель России. Всероссийские купцы слушают и облизываются. Их сердца горят восторгом и преданностью. Трудно представить себе более полную картину трогательного согласия между царем и его подданными!

Но гг. купцы не краснобаи, а практики. Они знают, что соловья баснями не кормят, и беспрестанно напоминают об этом исполнителям монаршей воли. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Легко сказать:

«обогащайтесь!», но не всегда легко исполнить этот благой совет. Для своего обогащения русская, как и всякая другая, буржуазия нуждается в рынках. Обеспечение нашего внутреннего рынка от западноевропейской конкуренции и завоевание иностранных рынков, - вот те два условия, которые прежде всего должно обеспечить себе «всероссийское купечество». И оно не забывает о них ни на минуту. Чего только ни выдумывает оно для того, чтобы добиться своей цели! Каких только доводов не приводит оно в защиту своих интересов! Доводы экономические, доводы патриотические, доводы стратегические, — все пускается в ход по известной программе некрасовских дельцов, едва только поднимается вопрос об устранении иностранного соперничества или о какой-нибудь иной поддержке «отечественной промышленности». И как бы ни была слаба аргументация гг. предпринимателей, правительство признает ее неопровержимой. Купеческие ходатайства редко остаются без исполнения.

268

Осенью нынешнего года при министерстве финансов открылись заседания комиссии для общего пересмотра нашего таможенного тарифа. Всем известно, что и до сих пор наш тариф оказывал более чем достаточную поддержку русским предпринимателям. Не далее как в августе нынешнего года произошло возвышение ввозных пошлин почти для всех товаров на 20, а для угля, ввозимого в южные порты, на 40%. «Происшедшая в последнее время перемена во взаимном отношении цен золотого и кредитного рубля, при взимании пошлин золотою валютою, ослабила охрану, предоставленную производительными силами страны действующим таможенным тарифом». Так объясняло правительство это новое повышение пошлин. Право оно было или нет, но сторонники покровительственной системы ликовали. Закон о возвышении пошлин назвали «великой хартией вольностей или освобождения от западно-

европейского финансового ига». Можно было думать, что все самые крайние требования наших промышленников удовлетворены, что дальше идти уже некуда. Даже «Новое Время», этот верный страж буржуазных интересов, полагало, что «в общем таможенный тариф наш достаточно покровительствен», и что комиссия, созванная для пересмотра этого тарифа, займется преимущественно сведением в одно «стройное» целое относящихся к нему узаконений («Новое Время» № 5252). Но не тут-то было. Еще до начала заседаний названной комиссии в обществе распространились слухи о новых проектах возвышения таможенных пошлин. В некоторых отдельных случаях проекты эти имели, поистине, величественный характер. Так, например, по вопросу о пошлинах на сельскохозяйственные орудия сделаны были следующие скромные предложения: член первой подготовительной комиссии из профессоров петербургского технологического института, г. Афанасьев, проектировал существующую пошлину на сельскохозяйственные орудия с 70 коп. золот. повысить ровно вдвое, доведя ее до 1 р. 40 коп. с пуда. Профессор Менделеев предложил установить три новые размера пошлины: в 80 коп. золот. с пуда брутто, когда преобладающим по весу материалом является дерево; в 1 рубль, когда преобладает чугун и железо; в 2 рубля — при преобладании в материале меди. Это, как видите, уже очень значительное повышение. Но московскому биржевому комитету и отделению совета торговли и мануфактур и этого показалось мало. Они предложили повысить пошлину на сельскохозяйственные машины сразу на 357% или с 70 коп. золотом - до 2 руб. 50 коп. золотом с пуда, когда общий вес машины более 100 пудов, и ровно впятеро, или до 3 руб. 50 коп. золотом с пуда брутто, когда

привозная машина весит менее 100 пудов («Русские Ведомости» № 299). Но русские землевладельцы хорошо понимают теперь, что без улучшения земле-делия они не

могут выдержать американского соперничества. Возвышение пошлин на сельскохозяйственные машины равносильно вздорожанию этих машин, т. е. обложению землевладельцев налогом в пользу промышленников. Само собою разумеется, что гг. помещикам очень неприятна была перспекти-ва этого, в полном смысле слова, «несвоевременного» налога. Представители землевладельческих интересов вообще находили, что, если нужно изменить наш таможенный тариф, то скорее в смысле понижения, чем в смысле возвышения. Началась горячая полемика, в которой спорящие стороны высказали друг другу не мало горьких истин и пролили много света на современное экономическое и социальное положение России. Защищая свои требования, каждая сторона ссылалась, как водится, на интересы народа. Можно было подумать, что только о народном благосостоянии и заботятся все эти господа, пишущие за покровительственный тариф или против него. Впрочем, нужно отдать справедливость помещичьей партии: она лучше тянула ноту народного благосостояния. Это объясняется тем, что на ее сторону стали наши «интеллигентные» идеологи, несравненные мастера в деле защиты... на словах народных интересов (известно, что наши «интеллигентные барышни» даже замуж выходят не иначе, как ради благополучия народа). «Если беспрепятственно сопоставить современное положение земледелия с состоянием мануфактурных предприятий, — писали «Русские Ведомости», — то может ли придти кому-либо на мысль:

> «требовать жертв от первого в пользу последних? Кто не знает, что наше сельское хозяйство уже много лет находится в состоянии непрерывного кризиса; это факт общепризнанный и официально подтвержденный назначением известной комиссии по вопросу об упадке цен на сельскохозяйственные продукты, а также немаловажными жертвами со стороны государства в пользу

потерпевших от кризиса землевладельцев. В настоящем году потери земледельцев еще значительнее против прежнего вследствие возвышения курса. И в такое-то время предполагается оторвать часть их и без того скудного дохода в пользу мануфактуристов! А между тем, спросите по душе любого из мануфактурных промышленников, как идут его дела в настоящую минуту, — и вы, наверное, получите благоприятный отзыв. Впро-

чем, для суждения по этому вопросу нет даже надобности вызывать на откровенность отдельных лиц; для этого достаточно просмотреть отчеты крупных промышленных предприятий, которые печатаются во множестве в любом номере *Вестника финансов.* Эти отчеты ясно говорят о больших барышах, получаемых промышленниками, - барышах, которые равняются нередко 20%, 30%, 40% на капитал и половины которых во *всяком* случае было бы достаточно, чтобы сделать счастливым самого прихотливого землевладельца. Таким образом и оценка сравнительного положения земледельцев и мануфактуристов не оправдывает возложения на первых нового бремени» (№ 282).

На защиту землевладельцев выступило также Вольное Экономическое Об-щество, представившее министерству финансов обширную записку, в которой собраны очень интересные данные о состоянии русской промышленности. За-писка доказывает, между прочим, что барыши наших промышленников простираются иногда даже до 60% на капитал, что нисколько не мешает им, по замечанию газеты «День», плакаться на свою горькую долю и требовать дальнейшего поощрения. Что касается сельскохозяйственных машин в частности, то противники повышения пошлин дали очень нелестную характеристику русской машиностроительной промышленности. Они ссылались на приговор экспертов относительно русских машин,

подвергнутых испытанию на харьковской всероссийской сельскохозяйственной выставке 1887 года.

«Заграничные машины, — говорит этот приговор, - заслужили свою добрую репутацию безукоризненною сборкою, однородностью материала и точностью исполнения. Если бы разобрать и смешать части 100 американских жней, то их снова можно собрать, при чем все гайки и все винты придутся. *Совсем не то с нашими заводами:* не только винты и гайки, но даже на одном *выставочном* плуге колеса не пришлись, когда их перенесли с одного конца оси на другой. Кто следит за нашею сельскохозяйственною литературой, тому не один раз приходилось читать горькие жалобы наших сельских хозяев на плохую сборку, сырое дерево и вообще на неоднородность материалов, употребляемых для постройки одних и тех же орудий. В одном месте читаем: «веялка кривобока, уклон сит неправильный, зерно валится под веялку, цепочка на 3-й день сломалась». В другом месте: «рычаг

постоянно ломается, вследствие дыр и сухости железа. Прут постоянно изгибается, лемехи скоро теряют форму, при чем скорее всего подтирается стенка близ носка» и т. д.» (см. статью «Наше сельскохозяйственное машиностроение», напечатанную в № «Нового Времени» от 6-го октября 1890).

Все это несомненная правда: наши предприниматели не стесняются с потребителями, продавая им за дорогую цену подчас совершенно никуда не год-ные предметы. Отчет саратовской земской сельскохозяйственной выставки 1889 года указывает на то интересное явление, что крестьяне-кустари делают гораздо лучше и более дешевые машины, чем крупные заводчики. Оно и неудивительно: кустарей подгоняет нужда и соперничество со стороны крупных

предпринимателей; а что подгоняет крупных предпринимателей, знающих, что правительство всегда придет к ним на помощь, если капиталы их перестанут приносить обычную, неслыханную в западной Европе, прибыль? Но как бы там ни было, наши промышленники не имели оснований опасаться последствий похода, начатого против них противниками покровительственной системы. Во-первых, в комиссии для пересмотра тарифа представительство от разных промышленных групп и их органов решительно преобладало над представительством от земледелия. А, во-вторых, всем было заранее известно, что в общем правительство не поддается решительно ни на какие доводы русских «фритрэдеров». Поэтому «фритрэдерские» требования были, в сущности, как нельзя более умеренны. Некоторое понижение пошлин — вот все, о чем они «ходатайствовали». Многие из них наперед предвидели неудачу даже и этих умеренных требований. В передовой статье от 13 октября «Русские Ведомости», «позволив себе», ввиду новых побед протекционизма, «напомнить об интересах многомиллионной массы русских потребителей, включающей в свой состав все сельское население России», меланхолически замечают :

«Мы хорошо знаем, что при настоящей настроении всякое слово, подобное только что высказанному, есть голос вопиющего в пустыне, и потому ограничиваемся лишь одним скромным желанием: чтобы торжествующий промышленный протекционизм хоть с некоторой пощадой отнесся к обессиленным под давлением продолжительного кризиса земледельческим классам; чтобы он остерегся от дальнейшего искусственного повышения цен, если уж не на все главные предметы потребления сельских

жителей, то, по крайней мере, на орудия сельскохозяйственного производства и на земледельческие удобрения».

Скромнее этого говорить невозможно. Не так держали себя сторонники повышения тарифа. Они были не только самоуверенны, но временами просто нахальны. Вот как отвечало «Новое Время» на доводы фритредэров:

> «Россия страна земледельческая — учат нас мудрецы. Она может дешево производить хлеб и на этот хлеб покупать дешевые английские ситцы и железо. К счастью, мудрецов не всегда слушали. И, действительно, теперь оказывается, что Соединенные Штаты и Ост-Индия производят хлеб дешевле России, Австралия и Африка производят дешевле шерсть, Южная Америка — кожи и сало. По фритредэрской теории, эти продукты следует покупать в этих странах. Что же, спрашивается, остается делать бедной России? На одном мочале и ржаном хлебе далеко не уедешь» (№ 5252).

Многое можно было возразить против такого соображения. Но органу г. Суворина нужна была не теоретическая, а практическая победа над противниками, а он знал, что эта последняя победа совершенно обеспечена за его партией. Он знал, что торжество капитализма в России ни на минуту не может подлежать теперь сомнению. И он открыто радовался этой победе.

> «Существует, конечно, мнение, — говорит этот орган, — что развитие промышленности не составляет еще блага, что с ним связана эксплуатация труда, создание пролетариата, обеднение масс, сосредоточение колоссальных капиталов в немногих руках, торжество евреев (sic!) и буржуазии и, соответственно с этим, общее опошление. Однако, как ни верна эта картина, отчасти наблюдаемая уже и в промышленных районах России, но период индустриализма или капиталистического производства неизбежен в истории каждого народа, и нет возможности воспользоваться успехами так называемой «цивилизации», удешевлением средств передвижения и

обработанных изделий, оставаясь в первобытных патриархальных формах общественного быта. Приходится идти с веком, как он ни дурен...» («День» № 868).

Эти слова чрезвычайно знаменательны. Русская буржуазия не считает нужным даже оправдываться против возводимых на нее обви-

нений: «Дурна я или хороша, — говорит она, — об этом я спорить не стану; для меня довольно того, что я огромная сила, которой так или иначе должно будет уступить все и вся в современной России. Вы не только уступите мне, вы пойдете со мною, как бы ни была я отвратительна и безжалостна в ваших глазах».

Все куплю, сказало злато...

Оградив внутренний рынок стеною тарифа, который теперь следовало бы назвать уже не *покровительственным,* а попросту *запретительным,* «злато» начинает стремиться к завоеванию иностранных рынков. Конечно, в западную Европу оно со своими мануфактурными изделиями не пойдет: западной Европе некуда девать и своих собственных изделий. Но об азиатском рынке «всероссийское купечество», при деятельной поддержке со стороны правительства, не прочь поспорить даже с англичанами. Прежде всего, удобным рынком являются наши среднеазиатские владения. Закаспийская железная дорога принесла огромную пользу русским предпринимателям как в смысле получения сырья, так и в смысле сбыта готовых изделий. Но этого мало, и при том же само собою разумеется, что успехи русского оружия в средней Азии должны были послужить наполнению карманов наших предпринимате-лей. Русской буржуазии хочется овладеть персидским и по возможности ки-тайским рынком. И вот начинаются «ходатайства»:

«Представители московского купечества, ведущего торговые сношения с Персией, а равно и персияне,

производящие торговлю персидскими товарами на нижегородской ярмарке, а затем запасающиеся русскими товарами для Персии, подали министру финансов новую записку о безотлагательной необходимости принятия некоторых мер к устранению существующих препятствий, которые не только мешают сбыту русских товаров на персидских рынках, но подрывают и результаты, до сего времени достигнутые. По мнению купечества, необходимо в возможно скором времени установить давно уже решенный в принципе возврат пошлин с хлопка, из которого вырабатывается мануфактурный товар для восточных рынков. Далее — необходимо энергичное содействие правительства в постройке железных дорог от Энзели к Тегерану и ветви от Закаспийской дороги к Мешхеду. Весьма необходимым является открытие отделений банка в Тегеране, Тавризе и Мешхеде и категорическое требование, чтобы персид-

ское правительство хотя отчасти улучшило порты на Каспийском море. Беззащитность последних все более и более вынуждает русские суда оставлять линию движению между Россией и Персиею. Принятие всех этих мер в возможно непродолжительном времени является тем большею необходимостью, что, по сведениям купечества, англичане уже ввозят свои мануфактурные товары в Персию по Каруну и в скором времени предполагают начать постройку железной дороги от Каруна до Тегерана, через Испагань».

Как видите, план довольно широкий. Не знаем, найдет ли распорядитель-ный министр возможность исполнить его во всей его обширности, но кое-что он уже решился сделать для предпринимателей, ведущих торговые сношения с Персией. Газеты сообщают, что г. Вышнеградский «убедился в необходимости скорейшего восстановления русского торгового и политического влияния в Персии и написал

особый доклад по этому предмету». Кроме Персии развиваются также наши торговые сношения с Монголией.

> «В последнее время в Монголию вывозится весьма значительное количество наших железных и медных изделий, — говорит «День» (№ 888) со слов «Казанского Биржевого Листка». — ...Можно надеяться, что в непродолжительном времени наши металлические изделия удовлетворят не только значительным требованиям монголов и жителей Киргизской степи, но даже и северного Китая. Кабинетское управление оказывает, всевозможную помощь предпринимателям в этом отношении. Первые партии товаров, поступившие на рынки Хобдо, Улясутая и других пунктов, были раскуплены весьма быстро и со значительной выгодой. На развитие торговых сношений должно повлиять благоприятным образом еще то обстоятельство, что товары начали отправлять в степь из ближайших к ней пунктов, а не с Ирбитской ярмарки, как было прежде, чем путь гужевой перевозки товаров увеличивался на 2.000 верст».

Проведение железной дороги в Сибирь еще более облегчит завоевание этого нового рынка для русской промышленности. Казалось бы, что русской буржуазии нечего гневить Бога напрасными жалобами на свое положение, но она все-таки жалуется: очень уж сильно бьет ее англичанин своим соперничеством на азиатских рынках, и не раз при-

ходилось ей уступать ему даже, по-видимому, прочно завоеванные позиции. Почему же бьют нас англичане на азиатских рынках? На это у всех есть готовый ответ: «где уж нам соперничать с англичанами!». Это, пожалуй, и справедливый ответ, но все-таки не безынтересно рассмотреть его подробнее. Почему трудно русским купцам соперничать с англичанами? Послушаем русского путешественника г. Миклашевского. По его словам, из наших ситцев и материй идут в Персию преимущественно те сорта,

которые не делаются за границей, «например, пунцовый, буковая ткань, демикотон и т. д. Но и тут русским торговцам крайне трудно конкурировать с иностранными производителями. Для персиан дешевизна и новизна — все. Рисунки же русских ситцев однообразны, не редко совсем не подходят к требованиям местных покупателей… Краски не прочны; то же можно сказать и относительно сукон. Иностранные купцы, наводняющие Персию своими товарами, заготовляют для нее специальный товар, который, конечно, не имеет сбыта в их отечестве. Так, например, для Персии приготовляются платки с религиозными надписями, и эти платки расходились в стране очень бойко. Иностранные фирмы имеют в Персии своих рисовальщиков, составляющих рисунки, которые удовлетворяют вкусу местных потребителей. Ничего подобного нет у русских торговых фирм». Еще раз, почему же нет? «При большом внутреннем сбыте русские фабриканты вовсе не дают себе труда приложить усилия ради каких-нибудь 50% барыша» («День» № 886, статья «Наши путешественники»). Теперь совершенно понятно: русские торговцы не считают нужным хорошо приготовиться к борьбе с иностранными соперниками, поэтому и терпят от них поражения. До какой степени доходит халатность избалованных покровительственной системой русских торговцев, доказывает, между прочим, следующее интересное сообщение «Дня» (№ 785):

> «Персидский купец М. Н. Ашимов доставил на нижегородскую ярмарку тюк товара, отправленного из Манчестера в Персию, с тем, чтобы ознакомить наших мануфактуристов с способом оригинальной английской упаковки товаров, идущих в Персию. На днях, в присутствии властей и лиц, заинтересованных этим делом, в аванзале главного дома тюк этот был вскрыт и все присутствовавшие имели возможность ознакомиться с тем, как упаковывают свой товар англичане. Нужно заметить,

что тюк этот был отправлен из Манчестера чрез Требизонт в Тав-

риз, затем, вытребованный г. Ашимовым в Россию из Тавриза, тюк этот через Астару пришел в Астрахань, откуда уже проследовал сначала в Москву, а потом уже в Нижний Новгород. Несмотря на этот громадный путь, тюк, с внешней стороны, имел вид образцовый, как будто бы он не сделал и сотой части того расстояния, которое в действительности им пройдено. Но и в этом отношении разница между нашей первобытной упаковкой и английской — громадна. Наши тюки проходят часть этого пути, т. е. от Нижнего в Персию, и получаются там, по свидетельству персидских купцов и, между прочим, г. Ашимова, в ужасном виде: часто на тюке нет даже признаков рогож, в которые он был завернут, и весь товар оказывается скрепленным исключительно только веревками!.. Нечего и говорить, что в этих случаях товар приходит почти в негодном виде, но даже и в лучшем случае, когда рогожи хоть отчасти сохранились и имеются налицо хоть некоторые признаки упаковки, товар получается помятым, по краям испачканным и, в общем, имеет неприглядный вид».

Как это вам нравится? Отправляют товар и даже не позаботятся завернуть его как следует! Да и зачем хлопотать, казна-матушка богата, она выручит, если плохо пойдут дела «отечественной промышленности! А несомненно, что, при известном внимании к делу, русским купцам не трудно было бы выдерживать иностранное соперничество». Дешевизна наших отечественных бумажных произведений поразительна, — говорит в «Русских Ведомостях» (8 мая 1890 г.) другой знаток среднеазиатской торговли: — «в розничной продаже аршин ситцу стоит от 9 до 11 копеек, в оптовой от 8 до 10 коп., тогда как английские ситцы продаются от 14 до 20 и даже до 25 коп. аршин, при ширине в 1 метр, между тем как

русский имеет от 13 до 15 вершков». Правда, можно с уверенностью сказать, что продаваемые в средней Азии русские ситцы хуже английских. Но ведь если плохие русские ситцы продаются почти вдвое дешевле хороших английских, то хорошие русские ситцы, вероятно, могли бы быть продаваемы, по крайней мере, дороже, чем английские. Газеты сообщали недавно, что петербургские и, московские торговцы поняли, наконец, что нельзя овладеть никаким иностранным рынком, не обратив внимания на его потребности. Говорят, что образовалось товарищество, решившееся вести дело на западноевропейский образец. Поживем, увидим, не парализуется ли это усилие излиш-

ней готовностью правительства поддерживать интересы ленивых предприни-мателей.

Оно поддерживает эти интересы не одним только тарифом. Всюду, где речь заходит о купеческой наживе, оно оказывается как нельзя более услужливым. В этом смысле между нашими министерствами происходит как бы соревнование. Мы уже видели, как старается министерство финансов, взглянем теперь на министерство внутренних дел. По словам газеты «День» (№ 860) :

> «оно приступает к обширным мероприятиям с целью оживления промышленности в Батумской и Карсской областях. С этой целью, по поручению министерства, произведены были подробные исследования, которые доказали присутствие в Батумской области колоссальных горных богатств. В этом отношении чрезвычайно интересен Хид-Эли, где находится неисчерпаемый запас различных металлов и особенно медной руды. Богатейшие залежи последней находятся всего в 10—15 верстах от сплавной реки Чорох-Су. Затем вблизи Орджаха на той же реке найдены весьма большие залежи белого и цветного мраморов, которые по своим достоинствам не уступают

Карарским сортам; в Хотильском ущельи открыто богатейшее меднорудное месторождение, колчедан и пестрая руда. Засим, лесные богатства Батумской области, при надлежащей обработке, могут доставить солидный источник дохода, так как занимают пространство в 60 тыс. десятин. Особенно ценные леса находятся за Ялонуз-Чамским перевалом, где находится много ценной сосны и восточной ели. Теперь там приступлено к расширению лесных троп до колесных путей, вслед затем начнется разработка лесных богатств, которые, кроме сбыта за границу, найдут также большой сбыт в Карсскую область».

Не правда ли, приятное для буржуазного уха известие? А вот другое, еще более приятное, так как в нем говорится уже прямо *о субсидии,* этой богине «всероссийского купечества»:

«В одном из ближайших заседаний Государственного Совета, как нам сообщают, должен получить окончательное разрешение вопрос об утверждении устава и определении размера правительственной субсидии вновь образующемуся акционерному Русскому О-ву Балтийского пароходства» («Русские Ведомости», 11 октября 1880 г.).

А вот еще отрадный слух: «Железные дороги в Персии будут строить Поляков и Мерейнес, которые уже выехали туда» («Русские Ведомости», 31 марта 1890 г.). О гг. Полякове и Мерейнесе похлопотало, очевидно, уже и министерство иностранных дел *). А вот предприятие, одобренное всеми без исключения предержащими властями: решено прорыть канал между Волгою и Доном. Для этой цели образовалось особое товарищество, которое, разумеется, «испрашивает у правительства» льгот и привилегий. Стоимость проведения канала исчислена в 42.000.000 руб. Видите, как быстро идем мы по пути всякого рода экономически« преуспеяний? Мы гордимся своими успехами и потому все более и более проникаемся патриотизмом. Наше патриотическое чувство

глубоко возмущено деятельностью иностранных капиталов на русской почве. Россия для русской буржуазии - вот тот девиз, которому мы служим с поразительным усердием. 11-го апреля в заседании общества для содействия русской торговле и промышленности г. Мец произнес целую филиппику на тему «о вреде деятельности и об *уничтожении* американских страховых компаний». Это чума, восклицал красноречивый оратор, это холера, это мор! Г. Лаврентьев возражал г. Мецу, что «для страхователя безразлично, в каком обществе, русском или американском, он застрахован, где больше гарантии и выгоды, туда он и пойдет» («Русские Ведомости» № 103). Этот г. Лаврентьев, очевидно, очень плохой патриот и совершенно недогадливый человек. Он так же недогадлив, как и газета «День», которая в номере 714 высказала ту мысль, что недоброжелательное отношение русской буржуазии к иностранным займам «основано на недоразумении». «Трудно понять, — рассуждает газета, — почему выгоднее платить отечественным капиталистам высший процент, чем заграничным низший». Помилуйте, нет ничего легче как проникнуть в тайну этой, на первый взгляд, странной капиталистической арифметики. Внутренние государственные займы, как и покровительственная система, представляют собою могучее средство обогащения буржуазии.

Вот почему и стоит за них наше патриотическое купечество. Г. Вышнеградский пока еще предпочитает внутренним займам сравнительно более дешевые заграничные. Но рано или поздно, ему или его преемнику, придется уступить и этому требованию русских капитали-

*) В декабре иностранные газеты сообщили, что это министерство заключило новый, очень «своевременный» и далеко не безвыгодный для «всероссийского купечества», торговый договор с Китаем.

стов. Такова неизбежная логика того положения вещей, упрочению которого он сам содействует всеми зависящими от него средствами.

В будущем году истекает срок аренды Алясской американской компании котикового промысла у Командорских островов. В № 255 «Правительственного Вестника» появилось сообщение русского генерального кюнсула в Сан-Франциско о вредном и «развращающем» влиянии американцев на экономический быт приморского населения Восточной Сибири. На основании этого сообщения некоторые газеты тотчас *же* заговорили о необходимости «в интересах местного населения и самого правительства безотлагательно принять энергические меры для борьбы с иностранной эксплуатацией, а в особенности с хищничеством американцев, предоставив пользование морскими промыслами исключительно в русские руки». Недогадливые люди и в этом случае скажут, пожалуй, что местному населению решительно все равно, кто станет обирать и развращать его, русские или американцы. Но теперь никто уже не слушает недогадливых людей, и котиковые промыслы у Командорских островов, наверное, будут переданы «исключительно в русские руки», которые займутся там наполнением исключительно русских буржуазных карманов.

Когда православно-патриотический вой русской буржуазии направляется против американцев или против какой-нибудь другой народности, не имеющей трудно поправимого несчастья находиться под сенью крыл русского двуглавого орла, — он более смешон, чем вреден. Но когда предметом буржуазных воплей являются народности, состоящие в русском подданстве, дело принимает другой оборот. Оно ведет к самому бесстыдному, самому гнусному угнетению слабых сильными. Такова современная антисемитическая агитация в России. Не трудно понять, из какого источника берет она свое начало. Наша буржуазия нападает на евреев по той же самой причине, в силу которой она кричит против западноевропейских производителей, против «безнравственных» иностранных страховых компаний, против американских «развратителей» поморского населения

Восточной Сибири, против фабрикантов Цар-ства Польского и т. д., и т. д. Всероссийское купечество почитает богиню *Монополию* не менее, чем богиню *Субсидию.* Вместе с соперничеством *иностранцев* оно стремится устранить также соперничество *иноверцев.* Прикрывается это стремление, разумеется, интересами народа. «Еврей — эксплуататор по преимуществу, — кричат наши православные обиралы, — стеснять евреев, значит поддерживать народное благосостояние». Правительство делает вид, что убеждается

этим доводом и обрушивается на евреев со всею силой безграничного полицейского произвола. Нынешний год в особенности ознаменовался вопиющими притеснениями и без того уже притесненных евреев. Газеты то и дело сообщали о новых и новых антиеврейских «мероприятиях». Сегодня радовали вас известием о том, что «в мае месяце этого года в правлении минской женской гимназии было получено циркулярное распоряжение о прекращении приема еврейских девочек в женскую гимназию». На другой день вы читали, что

> «Государь Император по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел о систематическом уклонении в местечке Ружанах (Гродненской губернии) господствующего там по численности еврейского населения от избрания на должность мещанского старосты имеющих в этом местечке оседлость и вполне правоспособных для занятия сей должности обы-вателей христианского исповедания, в 25-й день октября сего 1890 года, Высочайше повелеть соизволил: заместить должность мещанского старосты в поименованном местечке, по назначению губернатора, из местных мещан-христиан с тем, чтобы действие означенной меры сохраняло свою силу впредь до возможности восстановления нарушенного порядка (!)».

Не успевали вы освоиться с этими новостями, как вас

поражала перепечатка из «Times», в которой говорится, что «евреям будет воспрещено креститься отдельно от своих семейств». Затем вы узнавали, что существует проект ограничить права евреев, живущих в черте еврейской оседлости, по занятиям известными промыслами. Далее вас изумляли рассказом о распорядительности одесского градоначальника, который, — узнав «по дошедшим до него жалобам», что молодые люди из евреев, *«во время занятия мест в вагонах пригородных железных дорог,* стремительно бросаются к вагонам, пренебрегая правилами вежливости», — заявил:

> «Вследствие этого и на основании Высочайше утвержденного 3-го мая 1882 г. положения комитета министров, я, в видах предупреждения и для отвращения поводов к подобным беспорядкам, объявляю во всеобщее сведение, что каждый еврей, замеченный в нарушении порядка в местах скопления публики или при посадке в вагоны пригородных железных дорог, или же вообще в оказании кому-либо при этом неуважения или обиды — будет
>
>
>
> немедленно *подвергнут строгому взысканию в* административном порядке, *применяемому к лицам, вредным для общественного спокойствия».*

Вы восхищались мудростью этого помпадура, как бы нарочно задавшегося целью показать, что щедринская сатира чужда преувеличений. Вы прекрасно знали, что именно означает это строгое взыскание в «административном порядке». Вы понимали, что под темной канцелярской фразеологией скрывается намек на дорогую помпадурским сердцам розгу, и если в вашей душе была хоть капля человечности, вы принимались молить небо о том, чтобы «молодые люди из евреев» как можно скорее отказались от своего *«пригородного»* пренебрежения к правилам

вежливости. Но пока вы находились под впечатлением «заявления» одесского Удава, вас поражал Удав Виленский. Во время приема депутации от городской думы, *явившейся с поздравлением* по случаю производства его в генералы-от-артиллерии, г. Каханов обратился к гласным-евреям с грубыми оскорблениями.

> «Во всех городах Европы, — изрек он, — в общественной жизни евреи стараются не отличаться от других национальностей; у нас же наоборот: евреи наперекор всем стремлениям правительства силятся отстоять свою обособленность. Не буду касаться еврейской распущенности вообще: она возмутительна. Дети ваши находятся без всякого надзора; они ползают кучами по тротуарам и улицам, мешая проходящим и едущим. Более взрослые прямо бесчинствуют».

Упрекнув далее евреев в том, что они нередко мешают полиции исполнять ее обязанности, новоиспеченный генерал-от-артиллерии заключил свою речь зловещими словами: «Примите к сведению и передайте вашим единоверцам, что ни единый подобный случай не пройдет бесследно: за всякое нарушение общественной тишины, спокойствия и порядка виновные не останутся безнаказанными» («Русские Ведомости», кор. от 3-го июля 1890 г.). Читатели знают, что генеральские угрозы тут же на месте истолкованы были евреям компетентным лицом в смысле той **же** самой розги, о которой говорил одесский градоначальник. С своей стороны мы думаем, что раз уже розга признана чудодейственным средством, исцеляющим россиян от всех бед и пороков, начиная с недоимок и кончая невежливостью, то не мешало бы полечить ею Виленское превосходительство. В самом деле, что может быть неуместнее медвежьего

рева г. Каханова на людей, явившихся поздравить его с «монаршею мило-стью»? Не знаем как у кого, а у одесского

учителя вежливости, наверное, че-шутся руки на этого администратора, который ведет себя, и при том не только в «пригородных местах», гораздо более «невежливо», чем «молодые люди из евреев». И подумайте, в чем провинились евреи! Они силятся отстоять свою обособленность наперекор всем стремлениям правительства. О каких это стремлениях правительства говорит г. Каханов? Не о тех ли исключительных законах, которые делают евреев париями русской земли, отнимая у них то здесь, то там возможность честного заработка? Такие ли законы могут уничтожить еврейскую обособленность? Потому ли западноевропейские евреи гораздо более русских слились с окружающим их обществом, что их преследовали там еще свирепее, чем преследуют их единоверцев у нас в России? Право, если бы эти замечательные слова были произнесены не русским администратором, то их пришлось бы назвать иезуитски-лицемерными. Но у русского администратора они означают даже не лицемерие, а просто ту деревянную тупость, то «отсутствие всякого присутствия», которые столь свойственны нашим «высокопоставленным лицам». Можно ли ожидать логики и здравого смысла от этих «государственных младенцев»? Евреев стесняют будто бы в интересах трудящегося населения России. Но, во-первых, даже при тех неблагоприятных условиях, в которые закон ставит русских евреев, значительная часть их совершенно в такой же мере принадлежит к *трудящемуся населению,* как русские крестьяне и рабочие. Кто же не знает, в самом деле, что у нас нет ни одного ремесла, которое не считало бы евреев в числе своих представителей? А во-вторых, что же выигрывает трудящееся население от того, что его отдают в жертву эксплуататорам-христианам, заботливо устраняя от поживы эксплуататора-еврея? Ровно ничего; или нет, не так: оно *теряет* от этого, как и от всякого уменьшения соперничества между эксплуататорами. Вот одно из многих доказательств этой, впрочем, вполне очевидной истины

«Положение павловских кустарей невольно приковывает к себе внимание. В самом деле, переполнение рынка и вследствие этого крайне низкое падение цен на кустарные изделия, отсутствие дешевого кредита — все это привело павловского кустаря в крайне тяжелое, чтобы не сказать более, экономическое положение. Работая по 18—19 часов в сутки, сажая с собою за работу жену и детей, кустарь едва-едва зарабатывает себе на хлеб. С

удалением с рынка, по распоряжению начальника губернии, евреев-скуп-щиков, положение дел еще более ухудшилось. Евреи в каждую неделю по-купали не на одну тысячу рублей товара и сейчас же расплачивались день-гами. Теперь на целые тысячи рублей несет кустарь своих изделий к рос-товщику и платит ему с рубля по 2 и более копейки в неделю. Достоинство изделий падает. Кустарь находится всецело в руках скупщика».

Эти строки мы заимствуем из корреспонденции из Нижнего Новгорода, напечатанной в № 60 «Русских Ведомостей» и помеченной 1-м марта. Уже значительно после появления этой корреспонденции г. Короленко, в своих, напечатанных в «Русской Мысли» статьях «Павловские очерки», точно также утверждал, что удаление с рынка скуп-щиков-евреев очень невыгодно отразилось на карманах павловских кустарей. Он рассказывал там, как *обрадовались* ему кустари, приняв его за еврея. Таким образом всем известно было, к каким последствиям привело антисемитическое «мероприятие» нижегородского губернатора. Но мы что-то не слыхали об его отмене. Кустари терпят убытки и ворчат, евреи горько жалуются на несправедливость, но все это пустяки: православные ростовщики благоденствуют, а этого только и нужно нашим антисемитам!

По отношению к евреям обстоятельства давно уже сложились так, что против них враждуют не столько

представители крупного промышленного капитала, сколько торговцы и, в особенности, ростовщики самых различных имен, наречий и вероисповеданий. Еще в *«Исследовании об украинских ярмарках»* покойного И. С. Аксакова приведены были интересные свидетельства московских фабрикантов об их торговых делах с евреями. Московские денежные тузы не могли нахвалиться «жидками» и отвечали насмешливыми улыбками на расспросы о том, не вредит ли русским промышленникам еврейское соперничество. «Им против нас не выстоять, — самоуверенно отвечали московские фабриканты, — евреи служат у нас комиссионерами, и таких ловких комиссионеров между русскими не найдешь». Когда в начале восьмидесятых годов происходили антиеврейские беспорядки, — так охотно поддержанные тем графом, которого называли Мефистофелем Востока и который, в сущности, есть не что иное, как русский мелкий бес из довольно, впрочем, чи-новных, — когда происходили антиеврейские беспорядки, говорим мы, то московское купечество обратилось к названному графу с весьма внушительным увещанием, ставя ему на вид убытки, причиняемые торговле его

слишком тонкой политикой. Из этого видно, что и в восьмидесятых годах представителям крупного промышленного капитала нечего было делить с евреями. Крупных капиталистов между евреями сравнительно *очень* мало, да не против крупных капиталистов и направляется современная антиеврейская травля. Те самые Держиморды, которые готовы при первом удобном случае отколотить или выдрать «жида»-бедняка, сгибаются в три погибели перед *богатым бароном* Гинсбургом и, конечно, даже не посмеют напомнить ему об его еврейском происхождении. Экономическая подкладка всего нашего антисемитического движения сводится к тому, что мелкая буржуазия христианского вероисповедания хочет отделаться от соперничества мелкой

буржуазии Моисеева закона. В этом все дело. И этому похвальному стремлению русской мелкой буржуазии как нельзя более на руку все те исключительные законы, которые уже направлены или будут направлены против евреев.

Под выражением «мелкая буржуазия» мы разумеем не одних только ростовщиков и торговцев. К ней относятся также люди «свободных профессий, например, врачи и адвокаты, которые в большинстве случаев тоже очень рады были бы отделаться от еврейской конкуренции. В нынешнем году один московский присяжный поверенный, громя евреев, ссылался даже на Гомера, который сделал нелестную характеристику... не евреев, правда, а финикиян, но это все равно, так как финикияне были близкими родственниками евреев. И, опираясь на Гомера, московский Балалайкин требовал ограничения (а, может быть, даже запрещения: не помним хорошенько) доступа евреев в почтенное сословие присяжных поверенных. Нечего сказать, очень хороший довод. Плохо только вот что: если евреи вздумают припомнить рассказы греков, например, о скифах, считаемых некоторыми за наших предков, то им легко будет доказать, что и московский поверенный должен был унаследовать не очень приятные черты, за которые его можно по справедливости лишить права адвокатской практики. Ему следовало подумать об этом.

А, впрочем, зачем? Пока существует современное русское правительство, дело евреев будет оставаться проигранным, как бы ни были нелепы доводы их ненавистников. Правительство преследует евреев потому, что ему нужно расчистить свободное поле для деятельности русских торгашей. Это уже совершенно достаточное основание. Но есть и другое, еще более солидное. Еврейская молодежь принимала широкое участие в революционном движении. Этого никогда не простит царизм евреям. И хотя бы не только англичане, но все цивилизованные народы принялись выяснять русскому самодержцу гнусность его действий, он

все-таки будет беспощадно и беспрестанно, со свойственным ему тупым и жестоким упрямством, мстить «жидам» за то, что между ними нашлось много благородных молодых людей, решившихся пожертвовать собою для освобождения своей злой мачехи-России. В деле русских евреев ни англичане, ни другие европейские народы дальше слов не пойдут; русский же царизм привык склоняться лишь перед одним доводом: перед *силой.* Вот почему евреи как нельзя более заинтересованы в успехе нашего революционного движения, которое нанесет смертельный удар самодержавию и превратит всех русских *«обывателей»,* без различия племен и национальностей, в полноправных и равноправных граждан свободного государства.

Для русского царизма антисемитическое движение имеет еще значение очень удобного и дешевого предохранительного клапана. Нам сообщают, что в Варшаве в ожидании «беспорядков» первого мая предусмотрительные власти заготовили *провокаторов, которые должны были натравливать волнующихся рабочих на* «жидов» и тем отклонять от администрации вполне заслуженные ею удары. Такой многообещающий прием, без сомнения, не раз еще будет применяться правительством, и уже одного этого достаточно, чтобы русские революционеры, занимаясь агитацией, с самой крайней подозрительностью относились к выходкам «народолюбивых» антисемитов. Если одна половина антисемитических выходок обязана своим происхождением корыстолюбию и глупости, то другая, наверное, подсказывается полицейским участком...

Мы видели, как живется русской буржуазии. Ее капиталы приносят неслыханный в западной Европе доход, законодательство заботливо охраняет все не только действительные, но даже и мнимые ее интересы. Буржуазия — это именно тот класс, которому живется весело, вольготно на Руси... конечно, поскольку можно жить весело и вольготно

в русском полицейском государстве. Самой буржуазии нередко солоно приходится от полицейского произвола. Но об этом ниже. Теперь посмотрим, как живется в России другим общественным классам.

Прежде всего вспомним о доблестном российском дворянстве.

На него льется золотой дождь из дворянского банка. Ради него «подтягивается» крестьянин, т. е. сельский рабочий, которого новые земские начальники всеми силами стараются привести к старому крепостному знаменателю. Казалось бы, как не процвести «благородному сословию», как не оправиться ему от ударов, нанесенных ему в прошлое царствование. И что же? «Благородное» сословие все более и более разоряется. Не помогают ему ни дворянский банк, ни тяготеющее над

крестьянином новое крепостное право. Вопреки всем ожиданиям правитель-ства и самого дворянства, знаменитый банк оказался лишь новым средством ликвидации дворянского землевладения. В нынешнем году «Гражданин» сообщил, что этим банком назначается к продаже до 3.000 имений. И каких имений! В числе несостоятельных должников банка оказываются и Рюриковичи и Гедиминовичи, и князья и графы, и знатнейшие представители нетитулованного дворянства. «Гражданин» не без основания приходит в ужас от этого знаменательного явления. «Дворянский банк, — ворчит он, — принял заемщиков на облегченных против других и в особенности против золотого банка условиях; все, что можно было придумать для облегчения условий займа, было придумано и применено. И что же получилось в результате? Получилось, что заемщики дворянского банка оказались против прежнего своего положения заемщиков золотого банка в бесчисленное число раз неаккуратнее и несостоятельнее». «Гражданин» полагает, что несостоятельность дворянства происходит от

причин исключительно нравственного (а, вернее сказать, безнравственного) свойства. «Дворянский банк не то, что частный, — рассуждали будто бы дворяне, — можно не церемониться, потерпит, — и давай не платить». Это, конечно, так. Но ведь, с другой стороны, как же выйти из этого противоречия: пока не было дворянского банка, разорялись от того, что невыгодны были условия займа, а теперь, с основанием этого банка, разоряются от того, что слишком уже преувеличивают выгодность предлагаемых им условий. «Гражданин» утешается, вероятно, той надеждой, что когда проучит хорошенько дворянский банк своих благородных неплательщиков, то они станут аккуратнее, и все пойдет хорошо. Мы думаем иначе. Поздно переучивать российское дворянство *). Как *сословие,* оно уже давно сыграло свою историческую роль и делать ему больше нечего. Как *землевладельцы,* т. е. в качестве экономического *класса,* наши дворяне до известной степени могут, конечно, приспособиться к новым *буржуазным* условиям современного русского народного хозяйства. Но дорого обойдется им это приспособление. Многим и многим из них придется уступить свое место тем самым купцам, на которых они, по старой привычке, до сих пор продолжают смотреть сверху вниз, как на грубых и неотесанных плебеев. Дворянское землевладение в значительной степени заменится, и

*) Правда, на этот раз решительный тон Дворянского банка оказал на гг. помещиков хорошее действие. Газеты сообщают, что многие из них поспешили очиститься от недоимок. Надолго ли? «Что отсрочено, то не совсем еще потеряно», — говорит французская пословица. И, разумеется, нигде она не может иметь такого безусловного применения, как в деле продажи с молотка дворянских имений.

уже заменяется, купеческим землевладением. Некоторые дворяне — из наиболее развитых и толковых - прекрасно сознают неотвратимость этого исторического явления. Г. С. Атава написал в «Новом Времени» целую элегию на тему о гибели старого дворянства. Ему грустно, что сходит со сцены это сословие, давшее нам и Пушкина, и Лермонтова, и

Тургенева, и Толстого. Смо-тря на старый дворянский быт из современного далека, он идеализирует его. Он не отрицает, что привольное дворянское житье основано было на эксплуатации крепостного крестьянина. Но разве в основе современного экономического быта не лежит эксплуатация наемного работника? Ввиду этого г. Атава не знает хорошенько, точно ли современные порядки лучше старых, крепостнических. Мы не станем разъяснять фельетонисту «Нового Времени» историческое значение капитализма. Для нас важно лишь его признание о том, что дворянство есть уже мертвое сословие, быстро уступающее свое место дельцам буржуазного пошиба. Указав на это признание тамбовского помещика, мы продолжаем свою летопись русской общественной жизни и переходим к положению различных слоев трудящегося люда.

Развитие русского капитализма ведет к тем же последствиям, к каким вело оно повсюду. Экспроприация мелких самостоятельных производителей, отделение работника от средства производства, рост пролетариата совершаются в современной России с поразительной интенсивностью. Положение кустарей становится все более и более безнадежным. Выше мы приводили уже отзыв корреспондента «Русских Ведомостей» о положении кустарных производителей села Павлова. Г. Короленко очень удачно сравнил павловский кустарный промысел с колоколом села Павлова. Вопреки ожиданиям, возникающим при виде его огромных размеров, этот разбитый колокол издает лишь слабые, жалкие, дребезжащие звуки. Совершенно так же и кустарь обманывает надежды русских народолюбцев. И нельзя ему не обманывать их, потому что плохо приходится ему везде, где крупный капиталист находит нужным давить его своим соперничеством. Вот как описывает г. Исаев положение тульских кустарей, занимающихся выделкой стальных, железных и медных изделий:

«Проезжая по подгородным слободам, вы составляете себе приблизительно верное понятие об условиях, в которых живет большинство этого люда: прогнившие крыши, корпуса домов с боками, как бы готовыми выскочить наружу, развалившиеся заборы, там и сям подпертые жердинами, — таковы сотни и сотни лачуг,

которыми кустари владеют на праве полной собственности. Иногда можно побиться об заклад, что в доме никто не живет и что в нем жить нельзя, а, между тем, в окне виден кусок тряпицы, изображающей занавеску, и 2—3 горшка с цветами. Кто из кустарей побогаче, у того тут же, в углу грязного двора, приютилась особая мастерская, слесарная или кузница; стены, крыши, окна, двери в таких мастерских — все носит на себе печать полного разрушения. Часто вышина этих мастерских не превышает 2¼ аршин, и кустари среднего роста должны работать сильно нагнувшись. Станки с 2—3 тисками прижаты к сквозным стенам; проходы между станками не достигают и одного аршина. Вот тут-то проводят большую часть своей жизни кустари с членами семьи своей и с двумя-тремя учениками. Так работают те, которые уже имеют некоторый достаток, а кто победнее, тот в своей трехоконной лачуге и живет, и работает».

Приятнее быть самостоятельным производителем, чем наемным рабочим. Самостоятельность очень хорошая вещь. Но при тех условиях, в которых при-ходится жить и работать тульским кустарям, у них нет оснований дорожить своею самостоятельностью. По словам г. Исаева, *«большинство кустарей* ме-чтает о том, как бы попасть в рабочие на им-ператорский оружейный завод», так как, «в самом деле, он предлагает условия довольно льготные: рабочий день длится от 7 утра до 7 вечера с двухчасовым промежутком для обеда, тогда как кустари работают дома на 3—4 часа больше; помещение обширно и светло; заработная плата, при полном

ходе работ, составляет не менее 15 руб. в месяц, а для лучших мастеров достигает 35—40 руб.» и т. д. Как видите, и там не Бог знает какая Аркадия! Такую Аркадию вы найдете на любом петербургском металлическом заводе, а между тем условия тульского императорского завода для многих кустарей являются соблазнительною, но несбыточною мечтою, так как «он может в самое бойкое время занимать только 7.000 душ» («Русские Ведомости» № 276). Кустари, разумеется, очень рады были бы, если бы побольше развилось в Туле таких заводов, которые лишили бы их самостоятельности на перечисленных «льготных условиях». Да и как им было бы не радоваться этому, с какой стати дорожили бы они тою самостоятельностью, которая давно уже стала пустым словом. Тульский кустарь так же мало самостоятелен, как и почти все другие кустари России. Не угодно ли вам прочитать, как изображается эта самостоятельность другим корреспондентом «Русских Ведомостей»?

«Тула, 16-го августа. Наиболее распространенный *кустарный промысел* в нашей губернии — обработка железа и меди. Необходимо, однако, сознаться, что этот промысел год от года все утрачивает свой первоначальный характер самостоятельного производства. С утратою своей независимости кустарный промысел становится, конечно, менее доходным и выгодным для крестьянина. Чтобы лучше выяснить зависимость доходности этого кустарного промысла от утраты самостоятельности, скажем кратко о характере производства замков в прежнее время, лет 8—10 тому назад, и теперь. Прежде наши кустари-замочники вели свое дело таким образом: покупали в любой лавке необходимый для производства замков товар, выделывали из него замки известного формата и самолично продавали их в скобяные лавки. При таком порядке дела, по сознанию самих кустарей указанного района, шли довольно хорошо. Не таково положение дел в настоящее время. Теперь ку-

стари наши целыми, например, деревнями работают на одного из своих односельчан, который является посредником между ними и покупателем, торговцем замками и вообще скобяным товаром. В результате в барышах оказывается посредник-кулак. В некоторых местностях кустари целыми деревнями работают у себя дома прямо на фабриканта, получая от него плату лишь за работу, за выделку выданного с веса материала. На таких условиях работают, напр., на гг. Баташева, Субботина и др. известных в Туле фабрикантов»

Вы понимаете, что о самостоятельности при таком положении дел не может быть и речи. Кустарь так же зависит от капитала, как и наемный рабочий. Разница лишь в том, что один зависит от ростовщика, а другой от фабриканта и заводчика. Да и эта разница замечается далеко не повсюду. Мы видели, что тульские кустари тоже работают иногда на фабрикантов. И знаете ли что? «Положение таких кустарей сравнительно лучше, — продолжает корреспондент, — потому что у фабрикантов есть собственное большое производство, независящее в такой степени, как производство посредника-кулака, от местной скобяной торговли. Этот класс кустарей довольно обширен» («Р. В.» № 226). И обширен не в одной только Тульской губернии, и не в одном только железном деле. Многочисленные кустари центральных губерний, занимающиеся обработкой волокнистых веществ, давно уже находятся в подобном положении. Г. А. И. в статье «О последовательности при содействии кустарным промыслам» («Р. Вед.» № 47) справедливо замечает, что

огромная часть кустарей этого рода «образует вовсе не кустарно-промышлен-ные единицы, а так называемую домашнюю мануфактуру, при которой рабо-тающие находятся в полной зависимости от капиталиста, снабжающего их сырым материалом, именно пряжей». Там, где капиталисты, вследствие из-бытка рабочих или каких-нибудь других

местных условий производства, не видят надобности в услугах кустаря, ему приходится просто, как говорится, класть зубы на полку. «Светелки ярославских кустарей, приготовлявших полотна, — пишет тот же автор, — закрываются под влиянием соперничества ткацких фабрик и мануфактур; тверские гвоздари еще с 70-х годов стонут под непосильной конкуренцией со стороны машинно-гвоздарного производства; многие ножевщики павловского района уже сделались фабричными работниками». Но кустарный промысел теряет свой первоначальный характер не только вследствие влияния предпринимательского или ростовщического капитала. Когда-то однородная масса кустарей, подобно крестьянству, все более и более разделяется теперь на два слоя: зажиточных эксплуататоров и бедняков-эксплуатируемых. Так в московском мебельном округе около 40% кустарей работают с наемными рабочими, при чем, по словам того же г. А. И., «во всех мастерских с наемным трудом на каждую приходится с небольшим 3 работника». В Загарском медно-промышленном районе «из 139 заведений — одиночных и семейных изб 38,1%, а мастерских с наемными рабочими 61,9%. Есть уже довольно большое число заведений, имеющих 10 рабочих и больше». Подобные же факты сообщаются и о многих других отраслях кустарного труда. Первобытный тип кустарного промысла сохраняется только там, где сама техника производства имеет пока ремесленный характер и где не дорог сырой материал, как, например, в некоторых родах обработки дерева. Там же, где развитая техника требует усовершенствованных орудий и, следовательно, сравнительно больших затрат капитала, кустарный промысел неудержимо и быстро принимает новый вид: вместо самостоятельных производителей являются эксплуататоры и эксплуатируемые, буржуа и пролетарий.

Вместе с кустарями плохо приходится также и ремесленникам. В № 733 «Дня» было перепечатано из «Самарской газеты» замечательное известие.

«Самарские ремесленники: кузнецы, слесаря, столяры, сапожники, портные, даже портнихи, швеи и модистки, — все без исключения когда-то занимавшиеся самостоятельно своим реме-

слом и отличавшиеся сравнительным благосостоянием, в настоящее время переживают весьма плачевное материальное положение. работы нет и не предвидится, — а потому экономическое их положение вполне плачевно. Эти ремесленники, в борьбе за существование, довели свой заработок до классического минимума».

С кем же борются за существование самарские ремесленники? Этого мы не знаем; об этом можно только догадываться. Мы не думаем, что жители Са-мары не имеют теперь надобности в кузнечных, слесарных, сапожных, портняжных и т. п. изделиях. Не думаем также, что самарские дамы перестали иметь нужду в изделиях модисток. По всей вероятности, всех этих изделий потребляется теперь в Самаре не меньше, чем прежде, когда самарские ремесленники «занимались самостоятельно своим ремеслом и отличались сравнительным благосостоянием». Почему же нет теперь работы у этих ремесленников? Должно быть потому, что нужды города удовлетворяются помимо их произведениями крупных фирм. Должно быть самарские ремесленники бедствуют по той же причине, которая заставляет ярославского кустаря закрывать свою светелку и вызывает стоны тверских гвоздарей. С развитием капитализма плохо приходится всем мелким самостоятельным производителям.

Что же делает для облегчения их участи правительство, превратившее всю Россию в теплицу для культуры капитализма? Представьте себе: оно решилось помочь бедному промышленному люду. Образовалась даже «особая комиссия» для разработки вопроса о помощи кустарным производителям. В чи-сле членов комиссии фигурируют довольно высокопоставленные лица. Это, разумеется, очень

большая честь для кустарей, что ради них беспокоятся важные господа, но много ли выиграют они в материальном отношении? Что обещает им «особая комиссия»? Конечно, не субсидии и не банки на манер дворянского, — это для тех, которые почище. Кустари должны удовольствоваться «заказами разных казенных и общественных учреждений». Знаете ли вы, что такое *казенный* заказ? Это такой заказ, который, будучи получен крупным капиталистом, приносит большие выгоды этому капиталисту, а будучи принят мелкими производителями, приносит большие выгоды правительству. Как это так? А вот как. Положим, речь идет о поставке сапогов на христолюбивое воинство. Если крупный предприниматель берет 4 руб. за пару, то кустари возьмут три или даже того меньше. Предприниматель не возьмется за дело, если оно не сулит ему, по крайней мере, обычной у нас *прибыли* на капитал. Кустарь же, изнемогая под тяжестью ка-

питалистического соперничества, удовольствуется средней *заработной платой,* оставляя всю прибавочную стоимость в руках правительства. До сих пор было так, что, несмотря на это, казенные заказы делались все-таки крупным предпринимателем. Теперь дело получит, кажется, несколько иное направление. В своей неустанной погоне за деньгами правительство напало на счастливую мысль воспользоваться бедственным положением кустарей и тем несколько уменьшить свои расходы. Для г. Вышнеградского, который употребляет нечеловеческие усилия для того, чтобы избежать употребления неприятного и неприличного слова: *«дефицит»,* кустарь — это целая находка. Пусть извинят его гг. крупные предприниматели: в наше смутное время интересы фиска выше всего.

Так вот как объясняются казенные заказы кустарям. «Начальство имеет свои виды». И не только имеет, но откровенно высказывает. И все хорошо по-нимают, что только приятной перспективой эксплуатации кустаря и можно в этом

случае соблазнить русское правительство. 16 октября, в первом заседа-нии «особой» комиссии для поддержки кустарного производства, председатель комиссии профессор Исаев, в своей вступительной речи, прямо говорил, что казенные учреждения, обратившись к кустарям, «будут иметь возможность избежать подрядчиков и их стачек и получат хорошо приготовленные предметы *за более дешевую цену».* Пермское земство просило г. Исаева выслать образцы тех предметов, которые требуются разными учреждениями. По этим образцам кустари «приготовят предмет и *назначат минимальную стоимость ею».* Так говорится в напечатанном в «Новом Времени» отчете о первом заседании комиссии. Тот же отчет сообщает, что присутствовавшие на за-седании представители казенных учреждений «вполне сочувственно отнеслись к предстоящей деятельности, комиссии и одобрили мысль о необходимости выслать кустарям образцы предметов». Еще бы они не одобрили ее! Они наперед знают, что невелика будет «минимальная стоимость».

Председатель комиссии уверен, что кустари «будут иметь большую выгоду» от казенных заказов. Мы уже сказали, что казенные заказы так же выгодны для кустаря, как выгодна для пролетария продажа своей рабочей силы. Имеющий работу пролетарий счастливее не имеющего работы пролетария. Но говорить о *«выгоде»,* получаемой им от продажи своей силы, можно только с большими оговорками. Еще более решительных оговорок требует та мысль г. Исаева, что казенные заказы будут «содействовать развитию кустарных промыслов». Они, несомненно, будут содействовать этому, но в какую сторону? Если казен-

ные заказы не останутся каплей в море в деле «улучшения быта кустарей», то они оживят кустарную промышленность; оживление кустарной промышленности поведет за собою всякого рода усовершенствование техники кустарного производства, а усовершенствование техники ведет, как мы

уже знаем, к распространению между кустарями системы наемного труда, к разложению однородной массы кустарей (поскольку она осталась еще однородной) на хозяев и работников, на буржуа и пролетариев. От этой неизбежной логики истории не спасут кустарей никакие «казенные учреждения».

Русская «интеллигенция» до сих пор пребывает в том приятном убеждении, что наш промышленный рабочий — «тот же крестьянин», что каждое лето он покидает фабрику и возвращается домой для обработки своей «нивы». С каждым годом факты все более и более противоречат этому идиллическому представлению. 1890-й год, к сожалению, обнаружил особенно много подобных фактов. Во-первых, что касается собственно фабричного пролетариата, то статистика не оставила места никаким сомнениям относительно его быстрого роста. В апреле нынешнего года доктор Е. М. Дементьев прочитал в статистическом отделении Юридического О-ва интересный доклад под заглавием *«К вопросу об образовании фабричного пролетариата; связь фабричных рабочих Московской губ. с земледелием».* Исследование фабрик Подольского уезда навело докладчика на мысль о необходимости проверить ходячее мне кие, будто отход летом в деревню на земледельческие работы составляет типическое свойство русского фабричного рабочего. Он изучил фабричный быт Серпуховского, Бронницкого и Коломенского уездов и пришел к тому заключению, что уходит на полевые работы лишь ничтожная доля всего количества рабочих, именно 11,9%. Далее, разбив все число уходящих, по роду их занятий, на отдельные группы, он получил следующие интересные выводы:

> «Во-первых, с фабриками, работающими механической силой, неразрывно связано отчуждение от земли; во-вторых, оно тем значительнее, чем большей специализации требует занятие. Так, из ручных ткачей уходит в деревню

82%, а из ткачей на механических станках никто не уходит; канительщики, применяющие ручной труд, отправляются в деревню в количестве уже 84%, а рабочие на механических мельницах не уходят вовсе. Рассмотрение сроков, на которые нанимаются рабочие на фабриках, еще более рельефно указывает на зависимость ухода от степени развития

в данном занятии применения механической силы. Принадлежность рабочего к тому или другому сословию, к той или другой местности не играют в рассматриваемом случае никакой роли. Фабрика стремится выработать специальных рабочих, не покидающих своих занятий в течение всего года. Для этого фабрикантом принимаются особые меры. К числу подобных приемов следует отнести: увеличение платы в период с Пасхи по октябрь, недоплата заработанных денег, скидки до 30% за предшествующий месяц, если рабочий вздумает уйти, и т. п. Не малое влияние в данном случае оказывает и устройство жилых помещений для рабочих; связь последних с землею порывается окончательно после переселения на фабрику их семейств».

Из числа опрошенных г. Дементьевым рабочих 55% оказываются детьми фабричных же работников («Русские Вед.» № 114). Fuit Troja!

Против таких доводов едва ли возразят что-либо даже очень «интелли-гентные» люди. Но нужна вся слепота «интеллигенции», чтобы сдаваться только ввиду подобных доводов. Нужна невероятная доза «интеллигентно-сти», чтобы воображать, будто крестьянин готов бросить любую работу, лишь бы только вернуться летом к своему наделу. В действительности именно ле-том-то и бегут крестьяне от своих наделов на всякого рода отхожие промыс-лы. Ежегодно, с самой ранней весны, газеты переполняются известиями о движении крестьян на заработки. Крестьяне толпами бредут

и на север, к Петербургу, и на юго-запад, к Одессе, и на юго-восток, к Самаре, в Саратов, на Дон, в Черноморье, словом, бредут куда глаза глядят. Всюду, где есть какая-нибудь надежда найти невозможный на родине заработок. Замечательное сви-детельство в пользу пресловутой *«власти земли»!* Прекрасная сельская идил-лия! Вот один из относящихся к нынешнему году образчиков такой идиллии.

«Станица Ольгинская, Донской области, 8-го мая. Старожилы не запомнят, чтобы когда-либо было такое движение *рабочего люда,* отправляющегося на полевые работы, как в настоящем году: едут «дешевкой», едут на лошадях по 3—4 человека на возу, нередко с бабами и маленькими детьми, но большинство, не имеющих средств на дешевку, бредет вдоль линии ж. д., — словом, «вся Россия поднялась», как выражаются казаки. Чем окончится это движение рабочих? Большой наплыв рабочих и отсутствие дождя породили панику между рабочими: некоторые из них начинают возвращаться на родину, не дождавшись найма, по-

бираясь Христовым именем. Казаки сначала не отказывали в куске хлеба, когда просящих было сравнительно немного; не то теперь, когда пришлых бедняков набралось слишком много. Насколько велико скопление рабочих в Донской области, доказывает то, что администрация водопроводов в Ро-стове дозволила рабочим пить из бассейнов, но не разрешила брать воду с собою в котелки, чего прежде не было. Как объясняют пришлые крестьяне, такое сильное движение на заработок обусловливается недородом хлеба в средних губерниях в предыдущие годы. На вопрос, куда именно рабочие направляются, они дают стереотипный ответ: в «Черноморье», на «Ставрополь», или просто -- туда, где работа будет. Действительно, за переправой через реку Дон по дамбе, соединяющей станицы Аксайскую и Ольгинскую (единственная переправа через реку Дон во время половодья), у последней станицы сходятся три пути:

в Ставропольскую, Астраханскую губернии и в Кубанскую область. Какое из поименованных направлений избрать — долго не думают рабочие; большая часть идет туда, куда пошли земляки».

Подобных образчиков мы могли бы привести огромное количество; ограничимся немногими.

«Саратов. Движение рабочих на отхожие заработки уже началось. Так, за последние дни Масляной недели через Саратов почти ежедневно проходили большие партии (человек 50—60) рабочих, преимущественно крестьян Пензенской губернии. Все рабочие идут одетыми очень плохо и никаких запасов на дорогу при себе не имеют. По словам их, нынешнюю зиму они, по случаю безработицы, сильно бедствовали, вследствие чего многие из них, собравшись в путь и не имея запасных денег, принуждены были продавать за бесценок разный домашний скарб, рассчитывая вернуться домой к оставшимся ни с чем семьям с деньгами. Но вырученных крестьянами от продажи своего имения на дорогу денег, как видно, не хватит до прихода их на место работ, так как многие из них, проходя Саратовом, очень часто просили у прохожих милостыню» («Русские Ведомости» № 46).

Не подумайте, что рабочие весною идут исключительно на полевые работы. Нет, весною пускается в путь также и «мастеровой человек»: плотники, каменщики, штукатуры и пр. Весною же нередко усиливается и наплыв рабочих на фабрики. Вот что говорилось об этом в

тех же «Русских Ведомостях», превосходящих все другие газеты обилием и ценностью известий о внутренней жизни России.

«Орехово-Зуево, 1-го марта. Сюда стали стекаться массы рабочего народа. Пунцовые фабрики обыкновенно на зиму сокращают производство, затрудняясь промывкою и

сушкою тканей, расстилаемых большею частью в хорошую погоду на лугу. Ткани летней выделки и окраски несравненно добротнее. Начиная с марта, усиливается опять производство на пунцовых красильных заведениях, принимается опять рабочий народ, рассчитанный по осени. Рабочие приходят из Калужской, Тульской и Рязанской губерний. Между приходящими массами — наполовину женщины, труд которых требуется на пунцовых фабриках по уборке, расстилке и сушке тканей. На постоялых дворах и на «вольных» зуевских квартирах — битком набито народа. Между тем, фабриканты не спешат наймом, ссылаясь на за-пас товаров прошлогодней выработки. Многим из пришедших, по всей ве-роятности, придется вернуться обратно, за неимением мест на фабриках. Ждать здесь до весеннего найма, когда на фабриках «записывается» заблаговременно рабочий народ для летних работ, ждать 3—4 недели не всякий
может».

Для огромной части русских крестьян сторонний заработок есть единственное средство существования и уплаты податей. Поэтому многие из них во-все не возвращаются домой, — ни на зиму, ни на лето. С весны они ищут себе работы, а зиму проводят... знаете ли как? Скитаясь по городским трущобам, ночуя в ночлежных домах. «Почти каждую зиму местные ночлежные дома и постоялые дворы бывают переполнены бедняками, принужденными по той или иной причине зазимовать в Казани; ранней весной они уходят отсюда на поиски работы и куска хлеба» («Русск. Вед.», № от 24-го апреля). Это уже не просто пролетариат, это то, что немцы называют Lumpenproletariat, оборванный пролетариат, или, по-нашему, босая команда. Экономическое развитие России дошло уже до того фазиса, когда трудящемуся населению остается жить только продажей своей рабочей силы. И счастливыми считают себя те, которым удается продать ее. Остальным приходится побираться «Христовым именем»,

образуя запасную рабочую армию.

Надел не кормит крестьянина. Крестьянин бросает его, стряхивает с себя *«власть земли»* и несет свою рабочую силу на рынок, поступая под *власть капитала.* Разрушение «устоев» с каждым годом идет все

далее и далее. По земским статистическим исследованиям, безземельные крестьяне составляют не менее 8% крестьянского населения. Это уже счастливцы, которым нет надобности платить за никуда не годные наделы. Но кроме них существует еще огромная масса бесхозяйного и безлошадного люда, который, не имея возможности обрабатывать свою землю, несет на себе тяжелое бремя поземельных платежей. За этим людом следуют однолошадные хозяева, которые «не могут с старательностью обработать почву и удобрить ее, благодаря чему урожаи у них получаются сравнительно низшие». Они «не успевают вспахать полосы с осени под овес, а весной сеют прямо по жнивью, под рожь пашут только один раз» («Северный Вестник», июнь 1890 г., ст. г. К. Ч-ва. Крестьянский банк, стр. 20). Какое уж это хозяйство! Бесхозяйные, безлошадные и однолошадные «хозяева» только тем и отличаются от пролетариев, что правительство насильно держит их на цепи земельного надела. Как относятся они к этому наделу, известно у нас всем и каждому, отчасти известно даже интеллигенции. «Платежи, превышающие доходность надела, делают его буквально постылым», говорится во внутреннем обозрении «Вест-ника Европы» за июль нынешнего года. А знаете ли вы, сколько у нас бесхо-зяйных, безлошадных и однолошадных крестьян, т. е. именно тех крестьян, наделы которых наименее доходны, если не вовсе бездоходны? «Мы, вероят-но, не ошибемся, — говорит уже цитированный г. К. Ч-в, — если весь разряд домохозяев, которые совсем прекратили хозяйство и не имеют инвентаря или не обладают достаточным количеством рабочего скота для обработки как соб-

ственных наделов, так и арендной земли, определим в 60% всех домохозяев, включая и безземельных» (Там же, стр. 21). После этого вы не удивитесь тем известиям о народном обеднении, которых так много было в газетах нынешнего года.

«Бронницкий уезд, Московской губернии, 12-го мая. Крестьянское хозяйство в Бронницком уезде, особенно в восточной полосе уезда, в волостях Усмерской, Ашитковской и соседних, заметно *падает* год от году. В былые годы местные крестьяне богаты были скотом. Теперь и скотоводство заметно сократилось вследствие бескормицы. Прежде зимнее продовольствие для скота получалось преимущественно с москворецких лугов, обильных покосами. Луга эти после освобождения крестьян остались почти всецело за помещиками и составляют важнейшую доходную статью во владельческих имениях. В первое время крестьяне арендовали покосы на

р. Москве, именно с целью заготовления на зиму потребного количества корма для скота; потом мало-помалу крестьян стали вытеснять кулаки-скупщики, прессующие сено для отправки в Москву и др. рынки. Цена на укосы поднялась вдвое против прежнего. Крестьянам не под силу стало тягаться с кулаками. За недостатком корма пришлось сбывать скот. Это не могло, конечно, не отразиться и на земледелии и повлекло за собою общий упадок крестьянского хозяйства. Другие вспомогательные работы, например, ручное ткачество, так же упали в нашем уезде. Небольшие миткалевые фабрики, во множестве существовавшие здесь, не выдержали конкуренции с крупными предприятиями этого рода и прекратили свое существование» («Русск. Вед.» № 130).

«Васильковский уезд, Киевской губ., 3-го июля. На ухудшение *экономического положения крестьян* на юге России в значительной мере повлияли те перемены, какие

произошли в среде крупного землевладения. У нас есть села с исключительно земледельческим населением, в которых не приходится и по одной десятине земли на душу. Если бы у нас возможна была самая интенсивная культура, какая практикуется в наиболее густо населенных местностях Западной» Европы, то и в таком случае значительная часть крестьян не могла бы прокормиться на своих наделах; при том же крайне несовершенном хозяйстве, какое господствует на юге и юго-западе России, жалкие клочки земли, принадлежащие ныне крестьянам, не могут обеспечить и четвертой доли наличного крестьянского населения. Если, однако, до сих пор крестьяне влачили кое-как свое существование, а некоторые из них успели даже достигнуть известного благосостояния, то этим они обязаны исключительно тому кризису, который переживало крупное землевладение на юге России. Еще очень недавно многие владельцы крупных участков земли, не имея ни желания, ни средств для ведения самостоятельного хозяйства, раздавали ее неболь-шими участками в пользование местным крестьянам. В то время крестьяне не особенно ощу-щали недостаточность в собственных наделах. Если их скот не помещался на принадлежащих им выгонах, то сосед-помещик, не имевший собственного стада, за небольшое вознаграждение принимал его на свое пастбище; если крестьяне нуждались в сене, то соседние владельцы, не имевшие средств убрать свои сенокосы наемным трудом, за известную часть сбора предоставляли им накашивать сена

столько, сколько им было нужно; наконец, на землях тех же соседей-помещиков, за определенную долю урожая, крестьяне распахивали под хлеб столько полей, сколько они в состоянии были обработать собственными средствами. Но эта благоприятная для крестьян пора теперь миновала; прежние владельцы, не умевшие

справиться с новыми условиями хозяйства, сходят уже со сцены; на смену им являются новые, которые заводят собственное стадо, обрабатывают свои земли исключительно наемным трудом и находят уже невыгодным раздачу их небольшими участками местным крестьянам. ...При таких условиях крестьяне, не успевшие в прежнее время упрочить свое благосостояние, терпят сильную нужду, и недостаточность земельных наделов приводит их теперь к неизбежному хозяйственному расстройству» («Русские Ведомости», № 497).

«Саратов, 14-го августа. Крестьянское население Саратовской губ. год от году беднеет и волей-неволей обращается к переселению, видя в нем единственный исход из своих экономических затруднений. Особенно велико это стремление в уездах Балашовском и Сердобском. Одна из причин обеднения крестьян заключается в том, что арендная плата за землю с каждым годом увеличивается. Еще несколько лет тому назад арендная плата за паровую десятину в редких местах достигала 12 руб., как максимум; теперь она стала повсеместно выше и в нынешнем году поднялась даже до 16 руб. местами. Между тем, низкие цены на хлеб и плохой урожай, бывший в прошлом и позапрошлом годах, далеко не могут оправдать этой цены» («Русские Ведомости»).

«Самарская губ. Весь Николаевский уезд находится в экономической кабале у знаменитого в тех местах кабатчика Пашкова...» («Русские Ведомости», 17 мая).

«Таврическая губ. Два тяжелые неурожайные года и частые пожары сильно разорили крестьян. Бедность видна во всем: в питании, одежде, жи-лище, а всем этим невзгодам всегда сопутствуют разные эпидемические болезни. Еще осень не вошла во все свои права, а уже из разных уездов Таврической губ. получаются известия о появлении тифа, дифтерита, гастрита и др. бичей, с которыми земские врачи в селах не в состоянии бороть-ся,

так как недостаток питания, холод и сырость ветхого жилья, в котором помещается больной, грязь, отсутствие белья и вообще

крайняя бедность парализуют все благотворные действия лекарств» («Нов. Тел.»).

«Пермская губ. Нынешний год для уездов Шадринского, Камышловского и Ирбитского, без сомнения, будет одним из самых трудных и голодных годов: урожаи в этих местностях настолько плохи, что вряд ли хватит хлеба даже на осеннее время, не говоря уже о зиме, а тем более о семенах для посева. Не без основания уездные земские управы начинают серьезно опасаться продовольственных затруднений среди населения, озабочиваясь заблаговременным принятием мер к обеспечению населения («Екат. Нед.»).

Средняя черноземная полоса. «В нашей земледельческой полосе, особенно в той части ее, которая с незапамятных времен живет по преимуществу сельским хозяйством, каковы центральные черноземные губернии, по многим причинам земледельческий промысел служит ныне источником скудости, а не богатства. Выпаханная земля, при почти первобытных способах и условиях эксплуатации ее, плохо вознаграждает тяжкий труд земледельца и едва прокармливает его впроголодь» («Н. Вр.»).

Довольно. Со всех концов России несется одна и та же жалобная песнь: го-лодно, родименький, голодно! Упадок крестьянского хозяйства дает себя чув-ствовать правительству в виде роста недоимок. В Александрииском уезде Херсонской губ. в нынешнем году целые села не могли внести ни копейки по-датей в государственное казначейство (известия об этом были напечатаны в октябре. Теперь может быть уже выбили из этих сел кое-что). Да и весь вооб-ще Александрийский уезд едва ли заплатит в нынешнем году

хотя треть при-читающихся с него податей. В Воронежской губ. дело обстоит еще хуже. Вот что писали об этом в «Русских Ведомостях» (№ 267):

«В некоторых уездах Воронежской губ. крестьянские недоимки достигли значительных размеров, превысив даже всю сумму годового оклада. Из 6 уездов, по которым уже опубликованы результаты местных земско-статистических исследований, особенно недостаточными оказались три — Задонский, Землянский и Нижнедевицкий. По этим данным, из 16-ти тыс. всех дворов Задонского уезда недоимка значится слишком за 11.000 дворами или за 70%; всего в недоимке за ними более 235 тыс. руб. или по 22 руб. в среднем на недоимщика. В Землянском уезде недоимщиков еще

больше — до 23 тыс. дворов (из 26 тыс. всех) или 87%; недоимки за ними 566 тыс. руб. или по 26 руб. на недоимочный двор. Из 20.000 крестьянских дворов Нижнедевицкого уезда — 16 с половиной тысяч накопили недоимки еще больше, чем в Землянском уезде — 577 тыс. руб., т. е. в Нижнедевицком уезде 82 % всех крестьянских хозяйств оказались неисправными плательщиками налогов, а в среднем на каждого из них падает до 36 руб. недоимки. Само собою разумеется, что как главная масса оклада слагается из различного наименования казенных платежей, так и отмеченные недочеты должны, главным образом, поступать в государственное казначейство; однако и собственно земские недоимки весьма велики, так что благодаря им некоторые из наших уездных земств поставлены в чрезвычайно затруднительное положение Для примера приведем здесь некоторые указания по Нижнедевицкому уезду. По докладу уездной земской управы от 30 апреля текущего года, земством не додано жалованья различным служащим за 1889 и 1890 гг. — 19.750 руб., да за медикаменты и посуду для аптеки, за

книги для училищ, в типографию и т. п. земство должно 28.000, а всего долга — около 48.000 руб. Понятно, что при таких условиях, когда многие служащие остаются без жалованья, а кредит земства подорван, земскому управлению приходится не столько думать о различных мероприятиях, сколько изобретать средства, как и чем расплатиться с долгами. Между тем, у Нижнедевицкого земства числится за недоимщиками 53.000 руб.; если бы удалось собрать эту сумму, управа разочлась бы с долгами и могла бы спокойно вести земское дело. Но недоимка поступает крайне медленно, да и все, что собирается, зачисляется главным образом в казенную недоимку. Земство давно уже обращалось к министерству с просьбою собрать сначала земскую недоимку, чтобы расплатиться с долгами; но просьба эта удовлетворена не была, и задолженность земства растет».

Во многих других губерниях земствам уже грозит банкротство ввиду беспомощного положения главного плательщика — крестьянина. «Полная пустота в земских кассах сделалась теперь обычным явлением», справедливо заметила по этому поводу одна петербургская газета. Нижегородское уездное земство в апреле нынешнего года собралось на чрезвычайное собрание для обсуждения экономического положения уезда и затруднительного финансово-го положения управы. Из представлен

ного собранию доклада выяснилось, что земское хозяйство быстро идет под гору. До 1879 г. можно было делать некоторые сбережения из доходов, и тогда образовался запасный капитал, который в настоящее время *«иссяк». В* 1888 г. за невозможностью займов из запасного капитала земству не хватило на его расходы 14.000 руб., более 10% сметы. В зимние месяцы 1890 г. дефицит еще более увеличился. А между тем весною и летом и вовсе уже не предвиделось почти никаких поступлений в земский сундук,

так как весна и лето -тяжелое время для крестьян: тогда с них, как говорится, взятки гладки. Что делать? Земство в опасности! Caveant consules! Собрание постановило, между прочим, «немедленно принять самые энергические меры к взысканию земских недоимок, не стесняясь в случае надобности продажей имущества неис-правных плательщиков». Вы еще более оцените энергию этого крутого «ме-роприятия», когда примете в соображение, что, прежде чем решиться на него, земские отцы отечества выслушали доклад об экономическом положении крестьянства, а в докладе говорилось, что, «нуждаясь в продовольствии, кре-стьяне, для прокормления своих семейств, продают последних рабочих лоша-дей и коров, а некоторые снискивают себе пропитание подаянием». Ввиду этого решено было обратиться к губернскому земству, а в случае нужды к правительству, поставив ему на вид, что если и оно откажет в помощи, то «уездное земство слагает с себя всякую ответственность за последствия, могущие произойти от неудовлетворения крайних продовольственных нужд уезда». К чему же приведет в таком случае «самое энергическое взыскание» земских не-доимок?

По примеру нижегородцев, новомосковские земцы съехались в нюне на чрезвычайное собрание для обсуждения все того же вопроса о безнадежном состоянии земской кассы. Оказалось, что «расходы по управе оставались не выполнены чуть ли не с января; поступлений в управу никаких; ни мелкие, ни крупные землевладельцы не взносят повинностей; одни потому, что не могут, а другие потому, что не хотят» («День» № 743). Вот с этих-то последних, т. е. с крупных землевладельцев, действительно, не мешало бы поэнергичнее взыскивать недоимки. Но, ввиду преобладания в наших земствах представительства от крупного землевладения, такая мера едва ли была бы одобрена гг. земскими деятелями.

«Служащие в земстве у нас находятся в печальном

положении; касса земства настолько опустела, что жалованье еще за февраль месяц многие не получали». Так писали в «Саратовский Листок» в июне

текущего года из Николаевского уезда Сам. губ., того самого уезда, который закабален г. Пашковым. (Кстати, говорят, что этот господин постоянно живет за границей, так что в непосредственных сношениях с крестьянами находятся только его служащие. Что прикажете! Просвещенный человек, может быть даже конституционалист!) По известиям другой саратовской газеты, Николаевское земство не выдало одного жалованья служащим — 40.000 рублей.

«Из Мензелинска пишут в «Волжский Вестник» о крайне печальном положении дел местного земства и вместе с тем лиц, получающих жалованье от земства. Сентябрь там является поистине праздником для земских служащих, так как в этом месяце земство выплачивает долги. Обыкновенно их накопляется за полгода несколько десятков тысяч. Все, кто живет земством, не имея других источников существования, должны содержаться в кредит и через это волей-неволей приходить в некоторую зависимость от всесильных в этом случае кулаков-прасолов. Учительницы прогимназии, содержимой земством, жили без жалованья ровно 6½ мес.! Сельским учи-телям и учительницам председатель земской управы в безденежное время выдает жалованье из собственных средств. Были случаи жалоб на земство за неаккуратную выдачу жалованья. Так, бывший инспектор народных училищ В. А. Теласков, которому мензелинское земство задолжало 500 руб., нынешнею весной обращался с просьбой к попечителю учебного округа о принятии мер к понуждению земства выдать ему, Теласкому, заслу-женные деньги. Попечитель отнесся с этой просьбою к уфимскому губернатору, который обратился к мензелинскому земству с предложением об аккуратном удовлетворении

жалованьем инспекторов, учителей и учитель-ниц. Получив предложение, председатель управы, в свою очередь, обратился к губернатору с просьбою указать источники, из которых земство могло бы без задержки выдавать заслуженное жалованье своим служащим. К 15 сентября земская касса опустела. Расплатившись с кредиторами на половину, учителя и учительницы все-таки остались без средств, опять приходится им обратиться к помощи прасолов-кулаков и из-за этого пла-тить за вещи вдвое дороже, чем при покупке за наличные деньги» («Новое Время» № 5242).

Печальная картина! При всем своем равнодушии к нуждам народа правительство не может сидеть сложа руки ввиду этого повсеместного

расстройства народного хозяйства. Оно обязано действовать. И оно действу-ет. Во-первых, оно, как известно, «подтягивает» мужика. Новые земские на-чальники секут его с полным старанием. В Нижегородской губернии рвение их вызвало даже губернаторское неудовольствие. Г. Баранов принялся усове-щивать их. «В числе земских начальников,— говорил он в своем циркуляре, — есть много лиц весьма молодых, начинающих свою служебную карьеру и желающих скорее заявить свою деятельность». Он вполне понимает это желание, но, как старый служака, он понимает также, что молодому человеку легко увлечься и пойти дальше, чем это желательно в данное время для правительства. Тише едешь, дальше будешь, уверяет он своих не по разуму усердных подчиненных. Не надо, чтобы слишком много говорили о земских начальниках. «Отсутствие на первых порах слухов и известий о деятельности гг. земских начальников, по моему мнению, скорее может считаться доказательством серьезности их приступа к делу, чем указанием на отсутствие у них желания работать» («Р. В.» № 292). Не забудьте, что крестьяне Нижегородской губернии буквально голодали в нынешнем году. Таким

образом, «молодые люди» старались «заявить свою деятельность» истязанием людей, измученных голодом и другими лишениями. Какие выражения могут быть достаточно сильны для характеристики этих палачей!

Нас, социал-демократов, часто упрекали в том, что мы охотнее спорим с революционерами, чем с реакционерами. Это верно, и в то же время как нельзя более понятно. Представьте себе, что данная местность страдает от хищных зверей. Можно спарить, и очень горячо спорить, о том, *как избавиться от этих неприятелей,* но можно ли спорить *с ними самими,* можно ли полемизировать со зверями?' Это совершенно так же бесполезно, как полемизировать со слугами русского царизма, по отношению к которым действителен только один прием спора, выражаемый в шуточной немецкой социал-демо-кратической песенке словами:

Brenn' heller, lieb' Petroleum,
Mach' ihm den Standpunkt klar!

Кроме «подтягивания» мужика правительство занимается еще тем, что «тащит и не пущает». Вот, например, как действует оно для обеспечения себя от недоимок:

«Слоб. Новопавловка, Таганр. окр., Донской обл. За местными крестья-нами числится много недоимок. Вследствие этого началь-

ством таганрогского округа сделано в марте распоряжение не выдавать паспортов не только мужчинам, но и женщинам и девушкам; служившим где-нибудь на стороне уже года два-три — не высылать паспортов, а вытребовать к месту жительства. Эта мера имеет ввиду заставить крестьян уплатить недоимки. Ежедневно являются к старшине десятка два-три человек обоего пола и требуют паспорты, чтобы идти на заработки; старшина отказывает в силу вышеозначенного распоряжения. В самой же Новопавловке теперь негде и полтинника заработать («Дон.

Р.») («Рус. Вед.» № 109).

Излишне рассуждать о целесообразности таких мероприятий, как излишне рассуждать о целесообразности тех препятствий, которые ставит наша администрация крестьянским переселениям. 13-го июля прошлого года был издан закон, имеющий целью будто бы облегчение и упорядочение переселенческого движения. Мы были наперед уверены, что этот закон принесет переселенцам лишь новые затруднения (см. Внутр. обозр. 1-й кн. «Соц.-Дем.»). Действительность, к сожалению, далеко превзошла наши ожидания. По закону 13-го июля крестьяне, переселяющиеся без предварительного разрешения министров внутренних дел и государственных имуществ, возвращаются на места приписки административным порядком. Для того же, чтобы получить разрешение названных министров, нужно претерпеть бесконечную и нестерпимую канцелярскую волокиту. И вот многие крестьяне двинулись «на новые места», заручившись по-прежнему лишь паспортами, да увольнительными свидетельствами. Некоторая часть их переселялась на земли «Кабинета Его Величества» и, следовательно, не нуждалась в особых министерских разрешениях, так как закон 13-го июля касается лишь переселенцев на казенные земли. Тем не менее, администрация, по словам «Нового Времени»,

> «возвращала с пути следования всех переселенцев, идущих через эти губернии, хотя с документами в руках, но без разрешения, безразлично, на какие земли они бы ни шли. Случаи таких административных возвращений указывались из разных мест. Мы не знаем, говорит «Новое Время», как велико было число их по разным губерниям; но нам известно, что из города Тамбова и Тамбовского уезда (эти местности не лежат на главном пути следования в Сибирь) в течение всей весны и начала лета этого года

беспрестанно возвращались переселенцы. Это были крестьяне Пензенской, Орловской, Курской, кажется, Харьковской, Воронежской, Рязанской, Калужской и других губерний. У всех их были документы на руках, которые отбирались и отсылались по месту приписки... В начале мая партия черниговских переселенцев, более 100 человек, была задержана и проживала на одной из площадей города Тамбова. Они говорили, что за ними следуют через Тамбов еще их односельцы. Другая партия черниговцев, около 70 человек, была остановлена в Тамбовском уезде; третья, кажется, в Усманском уезде. Все эти переселенцы, отпущенные местными властями и прошедшие беспрепятственно несколько губерний, были возвращены из великорусских степей в Малороссию...»

«Последствие такой разнообразной политики местных властей, — замечает «Новое Время», — полное разорение крестьян, так как, отправля-ясь в путь, они предварительно уничтожают все свое хозяйство на прежних местах жительства. Кроме того, само возвращение делается часто этапным порядком и длится целые месяцы. В попутных городах, где этап останавливается, крестьяне с женами и детьми подвергаются тюремному заключению. Затем этапные деньги взыскиваются, кажется, с крестьян или их обществ».

«В М — ской губернии, — читаем мы в одном из писем в редакцию «С.-Д.», — около 200 крестьян решили переселиться в Сибирь. Им почему-то запретили это, но они постановили убраться тайком. Когда они двинулись в путь, явились солдаты для их, «усмирения». Между крестьянами и войсками произошло столкновение, но солдаты, разумеется, победили. Крестьяне вынуждены были остаться на своих местах. Следствие по этому делу обнаружило, что землю и скот купили у крестьян местный священник, становой и еврей-арендатор». Как вы находите такое поведение

администрации? Становой сначала покупает крестьянскую землю, а потом с помощью солдат «пресекает» их самовольство и водворяет их наместо приписки! Тоже славное «усмирение» ознаменовалось еще одною гнусностью. Станового и священника просто заставили возвратить крестьянам имущество, а еврея арендатора высекли. «Этому еврею было около 70 лет, — пишет наш корреспондент. — Сын его просил позволения заменить собою отца при наказании. Начальство не разрешило этого, и старик умер спустя очень короткое

время после расправы» *). Мы никогда не защищали эксплуататоров народа. Но, во-первых, еще неизвестно, была ли в данном случае покупка земли у крестьян актом эксплуатации. Продажа скота и наделов является для переселенцев почти единственным средством запасти кое-какие деньжонки на дорогу. Во-вторых, странно бороться с эксплуататорами посредством диких и позорных «административных» наказаний. В-третьих, если крестьяне были притеснены при продаже своей земли, и народолюбивое начальство не могло удержаться от употребления в дело розги, то почему же не высекли попа и станового? В том-то и дело, что эксплуатировать народ можно, но для этого нужно быть крещеным по христианским обрядам, а не обрезанным по закону Моисея. В противном случае у православных кулаков явилось бы несколько лишних соперников.

Стремление русских крестьян к переселению в многоземельную Сибирь существует с незапамятных времен. Но в нынешнем году у них возникло новое стремление: переселяться за пределы русского государства, именно в далекую Бразилию. Из Белоруссии и отчасти из Малороссии потянулись целые толпы крестьян к нашей западной границе. В Царстве Польском движение это было, кажется, еще сильнее, при чем из Польши и из Белоруссии ехали также ремесленники и рабочие. Наши официальные и официозные

органы приписывали это движение происка́м каких-то «спекулянтов». По всей вероятности, они правы в том смысле, что были люди, решившиеся не упустить случая и понагреть руки на счет переселенцев. Но ведь не «спекулянтами» же создано бедственное положение русских и польских крестьян и рабочих, заставляющее их бежать на край света. Как думают об этом наши *рептилии?* И много ли делает правительство для улучшения народного быта? Оно знает свое: оно *«не пущает».* На западной границе дело доходило до кровавых стычек между переселенцами и стражей. Свинец и порох — вот единственное «мероприятие» правительства, о котором могла сообщить читающей публике официальная печать в своих известиях о переселенческом движении в Бразилию. Если к этому *громкому* мероприятию прибавить неслышные «препоны и препятствия», то этим и ограничатся все правительственные заботы о благе того бедного трудящегося люда, который оно насильно хочет удержать в своем государстве. Какая глубокая, какая благодетельная «социальная политика»!

*) Очень жалеем, что наш корреспондент не обозначил точнее местности, где это происходило. Такие вещи должны разоблачаться вплотную.

Итак, беспримерное обеднение народа с одной стороны и беспримерно быстрое обогащение буржуазии с другой, — такова краткая формула, выражающая весь ход современного экономического развития России. Капитализм наступает на нас со всех сторон, он побеждает, как выражаются французы, по всей линии. Но торжество капитализма предвещает гибель самодержавию. Капитализм создает в лице пролетариата страшного противника существующего экономического и политического порядка. Это прекрасно понимают образованные сторонники царизма. Они начинают подумывать о том, чтобы сохранить в лице крестьян опору против быстро растущего пролетариата. «Крестьянское сословие составляет главную охранительную силу в государстве», - благоразумно

замечает г. Победоносцев. Но каким же путем можно задержать переход охранительной крестьянской массы в революционную силу пролетариата? Крестьянин, превращается в пролетария, порывая свою многовековую связь с землею. Но обыкновенно, даже бросив землю, крестьянин считал своей обязанностью платить падающие на нее налоги. Правда, в последнее время он все хуже и хуже исполнял эту обязанность, однако, все-таки имел совесть и чувствовал себя виноватым. В нынешнем же году был случай, ясно показывающий, что крестьянин начинает утрачивать эту похвальную стыдливость. Вот этот страшный случай, как рассказан он в № 891 газеты «День»:

«Общество крестьян села Петровского, Царево-Кокшайского уезда, обратилось недавно в местное губернское по крестьянским делам присутствие с просьбой отобрать от них нарезанную им по уставной грамоте землю. Мотивировали они эту просьбу тем, что земельные наделы их, вследствие своей недоброкачественности, не окупают лежащих на них платежей по казенным и земским повинностям. При этом названные крестьяне ходатайствовали еще и об освобождении их от уплаты накопившихся за ними недоимок, тем более, что наросли они, главным образом, с 1879 г., когда общество наделы свои забросило, ввиду убыточности возделки их, и с тех пор ими не пользуется вовсе, арендуя пашни у соседних землевладельцев. Первое ходатайство Петровского сельского общества, было, по словам «Волжского Вестника», уважено губернским по крестьянским делам присутствием, так что в настоящее время земля, от которой крестьяне отказались, фактически перешла уже во владение казны.

Что же касается до ходатайства крестьян относительно недоимок, то о сло-жении со счетов недоимок по казенным сборам губернское присутствие вошло с представлением к

г. министру финансов, а о сложении недоимок земских предоставлено крестьянам ходатайствовать перед земством».

Мы знаем, как много у нас крестьян, которым, по выражению «Вестника Европы», наделы стали *постылыми.* Вообразите же теперь, что все эти крестьяне обращаются к начальству с просьбою развязать их с землею и «освободить» их от накопившихся за ними недоимок. Представьте себе затруднительное положение начальства! Чтобы избежать его, начальство решило увековечить связь крестьянина... с постылым наделом. Оно готовит закон о неотчуждаемости крестьянских наделов. В последнее время крестьяне стали особенно широко пользоваться своим правом досрочного выкупа земли (на основании знаменитой 165-й статьи пол. о выкупе). Так, в Поречьском уезде Смоленской губернии, в пятилетие 1875—1879 гг., было выкуплено крестьянами только 15 наделов, в следующее пятилетие — 25, а в последнее пятилетие — уже 301½. Всего же за 15 лет выкуплено 344½ надела или 1.500 десятин с лишним (во Внутреннем обозрении первой книжки «С.-Д.» нами приведены некоторые данные о досрочных выкупах в других уездах той же губернии). Чаще всего крестьяне выкупают свои наделы с единственною целью их немедленной продажи. Досрочные выкупы являются, стало быть, не более как средством развязаться с землею, не беспокоя начальство подобно нахалам Ца-рево-Кокшайского уезда. Новый закон отнимет у крестьян и это средство. Какое значение может иметь такая мера в русской экономической жизни, об этом мы поговорим в следующий раз. Теперь же заметим только, что вся наша печать, без различия партий и направлений, ужасно обрадовалось этому отягощению крепостных цепей крестьянина и единодушно закричала: «распни его, распни его... для его же собственной пользы!».

Всероссийское разорение

В России голод. Широким, все уничтожающим потоком разлилось бедствие по лицу русской земли, захватив огромную полосу от Вятки до Акмолинской области, от Крымского полуострова до Тобольска. От так называемого на официальном языке недорода хлебов пострадали губернии: Нижегородская, Симбирская, Саратовская, Пензенская, Тульская, Казанская, Самарская, Оренбургская, Тамбовская, Рязанская, Воронежская, Вятская, Уфимская, Кур-ская, Орловская, Костромская, Астраханская, Пермская, Херсонская, Харь-ковская, Тобольская, Таврическая, части Черниговской и Московской и обла-сти Уральская и Акмолинская. Не известно с точностью население этой об-ширной полосы; по некоторым расчетам оно доходит до 40 милл., т. е. превы-шает население всей Франции. Русское правительство очень заботится о том, чтобы газеты не волновали читающую публику слишком мрачными извести-ями из пострадавших местностей: за одну опечатку в телеграмме, касавшейся продовольственного вопроса, «Русские Ведомости» получили второе предостережение. Но истина, хотя и прикрытая цензурной рогожкою, пробирается, однако, на свет божий, производя потрясающее впечатление на всех тех, в ком не окончательно одервенели нервы. «Известия о голоде с каждым днем становятся все тревожнее, — говорил только что названный орган еще в № от 17 октября текущего года. — Газеты постоянно приносят новые страшные по-дробности, печатают раздирающие душу письма о бедствиях, испытываемых населением в неурожайных местностях. За исключением немногих скептиков, стремящихся отвести глаза от печальных картин, все согласны в том, что беда, постигшая нашу страну в этом году, громадна и беспримерна в летописях последних десятилетий. Всего печальнее то обстоятельство, что в большинстве местностей, постигнутых бедствием, неурожай коснулся всех родов возделываемых растений и что полный недобор хлеба

совпал с отсутствием корма для скота».

Мы увидим ниже, до какой степени слова «Русских Ведомостей» далеки от преувеличения. Теперь же, немногими примерами, напомним читателю по-ложение дел в различных уголках голодающей полосы.

«В последнем заседании самарского епархиального комитета доложено, между прочим, письмо священника села Андреевки, Бузулукского уезда. Письмо — совершенно простое, бесхитростное, не красноречивое, но оно в нескольких строках рисует картину ужасного бедствия, — народного голода.

«По словам священника, во вверенном ему приходе голод уже достиг крайних пределов. В августе население питалось остатками от скудного урожая и кое-какими заработками. В начале сентября распродали за бесценок домашний скот, чтобы прокормиться. С половины сентября — есть буквально нечего. Изнуренные голодом люди, с утра до вечера, бродят из дома в дом, выпрашивая милостыню, и возвращаются к своим семействам с пустыми сумами: милостыни уже никто не подает.

«Около недели, — пишет священник, — ко мне ежедневно приходят голодные, преимущественно же — женщины и дети, чтобы высказать свое отчаяние, причем *сильно и подолгу плачут*» («Новости», 15 октября).

А вот что пишет в редакцию «Нового Времени» госпожа Е. Половцова из Рязанской губернии:

«Милостивый государь. Хотя в настоящее время и организовано несколько центров, куда стекаются пожертвования, тем не менее, как свидетельница ужасных бедствий, разразившихся над нашим Скопинским уездом, вследствие полного неурожая, решаюсь обратиться ко всем тем, кто в состоянии отозваться на чужое горе.

«Голод — это чудовище, неумолимое, страшное,

надвигается на нас все ближе и сильнее и жертвам его некуда бежать, некуда спрятаться.

«Едят лебеду вместо хлеба, но и лебеда уже к концу, а впереди почти год, страшный, голодный, холодный. Ни картофеля, ни капусты, ни огурцов; скотину кормить нечем, топить тоже нечем, нет ни мякины, ни соломы, даже побираться идти некуда, — пришлось бы просить у таких же бедняков, которые ничего не могут дать.

«Положение безвыходное.

«В довершение ужаса — пожары: сотни семейств остаются под открытым небом, голодные, без пристанища. «Лучше смерть», говорят многие...»

О другом уезде, Епифановском, той же губернии г. П. Миртьенов рассказывал в ноябре истекающего года, что лебеда сделалась там главным питательным продуктом.

«...Заваривают кипятком один пуд лебеды, - получается что-то вроде грязи, с тяжелым запахом, — потом высыпают туда муки и пекут хлебы. Получается хлеб землистого цвета, с неприятным, тяжелым запахом; говорят, если поесть этого хлеба теплым, то совершенно очумеешь; собаки и кошки его не едят, а куры от него дохнут; ребята же от такого хлеба долго ревут и часто, наплакавшись, засыпают голодными. Но и этого хлеба станет не больше, как на одну неделю; плохо и грудным: они напрасно теребят пустые уже груди измученных и горем и такой пищей матерей; плач и стоны такого ребенка преследовали меня в вагоне почти без перерыва от Богородицка до Москвы; мать везла его в воспитательный дом».

Из Екатеринбурга, *Пермской губ., в* «Неделю» сообщают:

«Массы крестьян из деревень, в лохмотьях или совсем без покрова, все чаще и чаще начинают являться на улицах нашего города, прося *христа* ради *хлеба.* Ночь они проводят в «ночлежном», где помещения на 200 человек, а

их там набивается более 1.000. Понятно, что от этого развиваются болезни и смертность, так что ночлежный представляет и больницу, и мертвецкую. Администрация ограничивается пока тем, что понемногу спускает эту массу обратно в опустелые деревни; но это меры, очевидно, временные, потому что деревни представляют ужасные картины: скота нет, домашность и одежда распродана или заложена, дома большею частью заколочены. Если какой народ и сидит в деревне, то это доедающие последние крохи и ждущие, пока перемрут ребята, чтобы освободиться и идти в город. В город приходят положительно по нескольку дней не евши. Вот характерный случай в селе Покровском, в 80 верстах от Екатеринбурга: мать четверых ребят пришла к священнику исповедоваться и на духу говорит, что она думает зарезать ребят, так как не может видеть, как они умрут с голоду. Священник

собрал кое-что и пошел накормить их, но было уже поздно: после того, как они поели, начались конвульсии и трое тут же умерли. Хлеб страшно вздо-рожал и достать его трудно».

Вот что происходит, вернее сказать, происходило, еще в истекшем сентябре, в Тульской губернии:

«В редакцию местной газеты «Орловский Вестник» доставлены образ-цы «хлеба», который едят крестьяне Новосильского уезда, Тульской губ. Состав этого хлеба следующий: жмыхи, лебеда, подсев, т. е. то, что остает-ся от просевания ржи перед молотьбою, иначе говоря, земля с наихудшими, наимельчайшими зернами ржи, да еще с разною непитательною дрянью, и самую меньшую часть составляет ржаная мука; стало быть, голод в Новосильском уезде самый внушительный, когда там крестьяне принуждены есть такой «хлеб». Вероятно, хотя подлинно и

неизвестно, такой же хлеб едят и в нашей — Орловской — губернии, в уездах, прилегающих к Новосильскому, в Ливенском, Елецком; это я заключаю из того, что уезды эти были ничуть не в лучшем положении, чем Новосильский: в этих уездах уже давно ели знаменательную «болтушку» из разных трав...» («Новое Время», от 29 сентября 1891)

В Вольском уезде, Саратовской губернии, «не уродилось ни хлеба, ни кор-мов; заработков нет; денежные и хлебные запасы истощились; нищенство день ото дня развивается все более, а предстоящая зима сулит некоторым местностям уезда голодовку, какой население не испытывало и в тяжелом 1880 г.» («Р. В.» № 304). Из Балашовского уезда, той же губернии, идут подобные же известия. Там уже осенью истекшего года были случаи, когда *люди не ели по нескольку дней.*

«Московские Ведомости» напечатали письмо г. Шишова от 11 октября, под заглавием: «Какой едят хлеб в *Симбирской* губ.». «Сегодня мною посланы вам образцы хлеба, которым питаются в большинстве сел и деревень в уездах Курмышском, Алатырском и Ардатовском, — говорит г. Шишов. — Нужда здесь страшная, люди едят то, что отказываются есть животные. Хлеб, который я вам посылаю, приготовляется из лебеды с примесью мякины и небольшого количества ржи; отвратительный на вкус, горький, и притом сыроватый, так как не пропекается вполне, он составляет единственную пищу и старого и малого в семье; получить другого неоткуда, посылать за

милостыней — бесполезно, ибо ввиду грядущей нужды отказывают в подая-нии и те, кто теперь пока еще имеет кой-какие запасы; невыносимо тяжело смотреть на детей, питающихся подобным хлебом».

«Грозная туча уже собралась над уездом и готова разразиться голодом повсеместным и почти поголовным, —

писали в «Русские Ведомости» в половине октября из Шадринского уезда, Пермской губернии. — Уже и теперь 77.000 жителей питаются хлебом из сорных трав с незначительной примесью ржи. Домашний скот, избалованный добрым сеном, отвертывается от этого хлеба, а люди едят и благодарят бога, у кого есть запас сорной травы на завтрашний день. Но и урожай сорных трав не был значительным. Недалеко то время, когда не останется ничего. Даже и теперь обычное явление, что люди по два и по три дня остаются без всякой пищи, а что будет дальше – страшно подумать. Мы, местные жители, с замиранием сердца ждем этого страшного бедствия»...

В *Нижегородской* губернии крестьяне, получив ссуду для посева озимого хлеба, во многих местах не *могли выехать на пашню: обессиленные голодом, они уже неспособны были к работе.*

С наступлением зимы к недостатку хлеба присоединился недостаток топлива, к бедствиям *голода* — бедствия *холода.* Неудивительно, что совокуп-ность таких условий вызвала огромную заболеваемость в среде крестьянства. Голодный тиф уже начал свою страшную работу...

Пораженные неурожаем местности еще в недавнее время представляли собою самую плодородную часть России. Недостаток хлеба в этих местностях означает недостаток и дороговизну его в других частях империи, всегда нуждавшихся в привозном хлебе.

Наша крупная и мелкая промышленность поддерживается пока еще главным образом внутренним сбытом. Читатель понимает, какова может быть покупательная сила голодного или полуголодного крестьянства. Кустарные и фабрично-заводские изделия, от кумача до сельскохозяйственных орудий, лишаются сбыта; кустари бедствуют; крупные предприниматели «работают» неполные часы или совсем закрывают фабрики, нередки и случаи банкротства между ними; масса рабочих лишается занятий в ту самую минуту,

когда, при дороговизне хлеба, она в них наиболее нуждается. Уже с осени в газетах появились самые печальные известия о положении рабочих в центральном промышленном округе и на Урале. Зимою оно, без всякого сомнения, еще более ухудшится.

Таким образом, бедствие пораженной неурожаем огромной полосы принимает размеры *всероссийского бедствия.*

Но и это еще не все. Хотя, по словам правительственных чиновников, в голодающих местностях были приняты все меры для своевременного обсеменения озимых полей, но огромная площадь земель осталась незасеянной. В Нолинском уезде, *Вятской* губ., по сведениям земских начальников, не засеяно 30% озимых полей; «из других источников известно, что значительные площади остались незасеянными в Яранском, Уржумском и Малмыжском уездах» («Новое Время», 5 октября). Подобные же вести приходят с разных концов Поволжья. На юге, по словам корреспондента «Русских Ведомостей», озимые посевы повсюду находятся «в самом печальном положении... В южных уездах Херсонской губ. засеяна одна только седьмая часть той площади, которая обыкновенно засевается под озими». Изо всего этого следует, что в этих местностях надо ожидать голодовки *и в будущем году.* А в довершение всего оказывается, что озимые всходы плохи даже в тех местностях России, в которых урожай нынешнего года был не ниже среднего. *Всероссийское бедствие* грозит превратиться во всероссийское *разорение.*

Что же сделано до сих пор для избежания этого разорения? Какие меры принимает правительство? Как показывают себя органы местного самоуправления? Что думает «общество»? Что говорит печать?

Остановимся прежде всего на различных проявлениях нашего общественного мнения и нашей общественной самодеятельности.

«Вспоминая агитацию в обществе и печати во время архангельской и самарской голодовок шестидесятых и семидесятых годов, шумно взывавших к энергической помощи голодающим, — говорится в августовской книжке «Русского Вестника» *), — и сравнивая тогдашнее тревожное настроение и торопливость властей с нынешним сдержанным тоном печати и деловым образом действий как высших правительственных, так и общественных учреждений, невольно вдумываешься в происшедшую перемену. Двадцать лет тому назад били тревогу по поводу народного бедствия, словно без барабанного боя оно осталось бы незамеченным, учреждали своего рода комитеты «общественного

*) Приводим эту выписку из ноябрьской книжки «Русской Мысли», оставляя нерешенным вопрос о том, кто виноват в грамматической нескладице приводимых строк: орган реакционеров или орган более или менее радикальной «легальной» интеллигенции.

спасения», будто и государственной казны, и наличной исполнительной власти было недостаточно для облегчения участи нуждающихся в каком-нибудь десятке уездов. Теперь недород хлебов поразил более десяти губерний *), и никому не приходит в голову мысль о непосильности для государства борьбы с голодом в пострадавших от неурожая местностях... Печать исполняет свою обязанность, спокойно обсуждая меры необходимой помощи; земства, получив от государства широкий кредит, деятельно закупают продовольствие и посевное зерно, грузы коих уже плывут по разным направлениям. Все это делается без шума и треска, без воплей и стенаний сытых корреспондентов; сами нуждающиеся терпеливо ждут помощи...» **).

Итак, по мнению реакционного журнала, общество и печать ведут себя теперь гораздо лучше, чем вели они себя в подобных случаях 20—25 лет тому назад. Это очень большая честь — заслужить похвалу «Русского Вестника»; весь вопрос в том, насколько она может считаться заслуженной?

Читатель знает, что похвальный лист обществу и печати

выдан был реакционным журналом в августе 1891 г. Что писали около этого времени о голоде наши «передовые» журналы и газеты?

Заглянем во внутреннее обозрение июльской книжки «Русской Мысли»: «Относительно неурожая, — читаем мы там, — можно еще надеяться, что более полные сведения уменьшат первое представление о его размерах. Урожай, по-видимому, обещает быть не ниже среднего в губерниях северных, западных, кавказских, привислинских, а отчасти и в губерниях центрального промышленного района. Сверх того, состояние яровых хлебов оказалось удовлетворительным даже в некоторых местностях, входящих в черту неурожая. Но полоса, охваченная неурожаем, весьма обширна... Вздорожание хлеба приписывается в значительной степени спекуляции. Но такая спекуляция, которая рассчитывала бы на искусственное поднятие цены, вследствие одного скупа его, могла бы иметь значение только в течение какого-нибудь месяца, т. е. до жатвы. Если же спекуляция состоит в том, что уже теперь возвышается цена хлеба в расчете на то, что урожай, по своей недостаточности, ее не понизит, то против такой спекуляции можно действовать только ее же путем, т. е. покупая хлеб в губерниях, где цены в настоящее время ниже, для составления запасов в местностях, где цены

*) Nota bene: *«более десяти губерний»,* значит *более двадцати,* как видел читатель из списка голодающих областей и губерний.

**) «Русская Мысль», ноябрь, Библиографический отдел, стр. 515—516.

высоки, с открытием затем из земских и казенных складов продажи по пониженной цене и по определенному количеству в одни руки. — Некоторые газеты уже заговорили было о наложении пошлины на отпускной хлеб и даже о временном воспрещении вывоза. Но действительное положение дела, кажется, не оправдывает столь крутых мер, которые, вдобавок, повели бы к разорению сельского хозяйства. Есть иные меры для отвращения нужды, которые могут быть вполне достаточными, если только будут проведены без

откладывания: удешевление провоза в нуждающиеся губернии хлеба, назначенного на продовольствие населения и обсеменение полей, ссуды и пособия из общего экономического капитала по ходатайству земств и согласно с собранными ими сведениями, покупка земствами хлеба в местностях более урожайных, образование складов и, в случае дальнейшего вздорожания, мест дешевой продажи хлеба и т. д. Не мало можно сделать и на те 11 миллионов руб. продовольственного капитала, которые состоят налицо, но само собою разумеется, что эта сумма не составит предела для пожертвований государства в случае необходимости... Высшие правительственные органы чутко отнеслись к делу предупреждения хлебного кризиса»...

Дело ясно: что касается «Русской Мысли», то реакционный орган был прав. В лице «передового» «толстого» журнала печать *«спокойно обсуждала меры необходимой помощи»;* даже более того, она старалась образумить людей, склонявшихся к «шуму и треску»; она доказывала, что дело обстоит лучше, чем это кажется на первый взгляд; она не одобряла запрещения вывоза хлеба на том основании, что подобная мера может повредить интересам «сельского хозяйства», т. е. интересам господ-помещиков. Она с *верой, надеждой и любовью* указывала на *«чуткость»* правительства. Словом, она вполне заслужила похвалу, которой «Русский Вестник» осчастливил общество и печать за их примерное спокойствие и доверие ко власти верховной, от бога установленной.

А что сказать о «Русских Ведомостях»? Не заметно ли было с их стороны какой-либо крамолы? Избави бог! В то время, к которому относится похвальный отзыв «Русского Вестника», передовая московская газета вообще не считала нужным пугать общественное мнение страшным призраком голода. Она долго держалась того убеждения, что дело обойдется без запрещения вывоза за границу. Но когда принята была эта, будто бы *«крутая»* и *«вредная»* для сельского хозяйства мера,

«Русск. Вед.» и тут не возроптали. Они поспешили успокоить сельских хозяев. «Правительство прибегло к этому средству содействия

нуждающемуся населению лишь после тщательного исследования хлебных запасов от урожаев прежних лет, — уверяла она, — и притом в такое время, когда уже выяснились результаты жатвы текущего года. Запрещение заграничного экспорта хлеба последовало, стало быть, при наличности достаточных сведений о вероятном снабжении внутренних рынков рожью, и эти данные, как мы указывали еще при возбуждении первых толков в печати о тех или иных запретительных мерах по отношению к нашей внешней хлебной торговле (и что за язык!? неужели нельзя писать иначе!), имеют определяющее значение при решении подобных вопросов» (№ 209, 1 августа 1891 г.). Правда, «Русские Ведомости» не могли удержаться от тяжелого вздоха по поводу несимпатичного им правительственного распоряжения. «Закрывая европейскую границу для ржи и ржаной муки... нельзя, разумеется, отрицать, — прибавила она, — что прекращение вывоза сопряжено с значительными неудобствами в сфере сложившихся торгово-промышленных отношений». В последующих №№ редакция не упустила случая воспроизвести все те отзывы русской и иностранной печати, которые подтверждали ее опасения. Но этим все и ограничилось. Благовоспитанная газета не изменила свойственного ей тона *умеренности* и *аккуратности.*

Так держались самые влиятельные и самые «передовые» органы «легальной» интеллигенции. Впоследствии им как будто стыдно сделалось столь похвального поведения. «Русская Мысль» нашла, что «лучше бы обществу и печати пересуетиться, нежели отстать на 2—3 месяца в деле помощи голодающим, лучше бы давно уже «шумно взывать к энергической помощи» и «тревожиться», нежели предаваться «спокойствию», рекомендованному «Русск. Вестником»

(Ноябрь, Библиографический отдел, стр. 516—517). Это совершенно справедливо. Но почему общество и печать склонились именно к спокойствию, а не к энергическому образу действий? «Общество до такой степени приучено не суетиться, не соваться первому со своими мнениями и деятельностью, пока его не спросят, — отвечает «Русская Мысль», — и так ко многому вопиющему привыкло сравнительно с прошлым относиться спокойно, что в начале казалось даже, что оно совсем безучастно относится и к страшному появлению голода». Вот оно что! Мамка зашибла этих почтенных людей, и с тех пор от них, действительно, немножко отдает... *«спокойствием».* Виновата мамка, приставленная к ним историей, а сами они решительно ни в чем не виноваты.

В настоящее время, по мнению «Русской Мысли», «почти ни одна черта идиллической картины «Русского Вестника» не соответствует бо-

лее действительности», теперь язык печати уже гораздо энергичнее, а общество уже не безучастно к судьбе голодающих. Но что же собственно слышим мы теперь от русской печати? Что находим мы хотя бы в той же «Русской Мысли», в той же самой книжке, из которой мы заимствовали вышеприведенные строки? Внутреннее обозрение этой книжки рисует современное положение дел очень яркими красками: «Настала зима — зима голодного года. Сколько неизреченных страданий для многих миллионов людей вмещают в себе эти три слова! Нет нужды дожидаться тех картин, какие станут рисовать, по местном, частным своим наблюдениям, корреспонденты. Нет необходимости и в особой силе воображения для того, чтобы представить себе вперед, в живых образах ту грозную действительность, какая должна соответствовать словам — голодная зима. Теперь не осталось уже ни единого дня срока для споров о размерах нужды, о лучшей организации пособий и т. д. Все сословия, все

население государства, в силу первейшего долга, связующего граждан одной страны, должны соединиться в одной мысли. Самым решительным образом, всеми способами, какие только доступны для каждого из нас в отдельности, для теснейших кружков и целых обществ, мы должны вступить в борьбу с народным бедствием». По мнению господина обозревателя, для серьезной помощи голодающим нужно никак не меньше 292,5 милл. руб. (а в июле ему казалось, что «не мало можно сделать и на 11 милл. руб. продовольственного капитала!»); цифра эта очень велика (т. е. не 11 милл., а 292,5), но правительство сумеет достать необходимые средства; «как ни велик размер бедствия, он не таков, чтобы даже силою одних только средств, находящихся в распоряжении казначейства и добываемых путем кредита, оно не могло быть прекращено». Г. обозреватель не спрашивает себя, захотят ли прекращать бедствие те люди, в руках которых находится государственное казначейство. По-видимому, он не допускает даже возможности сомнения в доброй воле царского правительства. «Итак, нет причины отчаиваться и опускать руки, — восклицает он; — пусть только пойдут широким руслом частные пожертвования — и наиболее острый кризис без особого труда будет осилен». Частные пожертвования! — в этих двух словах выражается вся программа деятельности, указываемая обществу нашим «передовым» журналом. Мы увидим, насколько может быть удовлетворительна подобная программа.

Как бы, однако, ни была она неудовлетворительна, нельзя сомневаться в том, что предлагающие ее люди искренно желают теперь помочь голодающему народу. Это очень «спокойные» и очень недально-

видные, но все-таки честные люди. Они представляют собою во всяком случае лучшую, хотя и наименее влиятельную, наиболее запуганную часть нашего «общества». Другие части общества гораздо менее их заботятся об интересах

голодающих, а вернее сказать — они вовсе не заботятся о них. Тако-во, например, *«всероссийское купечество».* От «частных пожертвований» оно, правда, не отказывается, но, давая одной *рукой,* оно *другою* старается залезть в тот самый народный карман, в котором замечаются теперь самые недвусмысленные признаки полнейшего оскудения. Нижегородский ярмарочный комитет ходатайствовал перед министерством финансов об установлении вывозной пошлины на хлопчатобумажные изделия. Подобные пошлины необходимы будто бы в интересах рабочих, которым *«предстоит перебиваться чем бог послал при нынешней дороговизне хлеба»* и при сокращении производства вследствие неурожая. Подобная заботливость гг. предпринимателей об их рабочих «руках» встретила довольно справедливую оценку на страницах «Русского Вестника». «Кому что, а нашим мануфактуристам подавай новые льготы, гарантии, раскошеливайся казна! — с негодованием восклицает реакционный журнал. — И сколько великодушия и патриотизма в этой угрозе выгнать в голодный год и в зимнюю пору на улицу десятки тысяч рабочих! Пусть-де эти несчастные с их семьями «перебиваются чем бог пошлет». Вот истинно торгашеский цинизм, откровенный до наглости и жестокости, до отрицания всякой человечности!» Но благородное негодование на цинизм торгашей не мешает «Русскому Вестнику» требовать всякого рода «льгот» для гг. землевладельцев. По его словам, «окончательно разорять «помещичьи име-ния» в неурожайные годы нежелательно, прежде всего, в интересах обеспечения народного продовольствия; даже слабые помещичьи хозяйства в состоянии помогать нуждающимся крестьянам, давая им работу». А чтобы предупредить «окончательное разорение» помещиков, им надо предоставить кредит для улучшений в способах возделывания земли и отсрочить взнос государственного земского сбора, а также и платежи дворянскому банку. И это в то время, когда *крестьянский*

банк в неурожайных местностях ни мало не стесняется продавать земли неисправных должников. Нечего сказать, *дворянский* цинизм ни мало не уступает *«торгашескому».*

Движимое чувством сострадания к голодающим, московское дворянство в экстренном собрании 23-го октября постановило пожертвовать в их пользу 25 тыс. руб. Это очень немного, совсем ничего, если

принять во внимание доходы московского дворянства, богатейшего в России. Но что ж бы вы думали? И эти жалкие 25.000 руб. способны были растревожить дворянскую алчность. Г. Бланк возбудил в «Московских Ведомостях» вопрос о том, кого следует подразумевать под словами: нуждающееся население — всех ли вообще жителей империи без исключения или одних только крестьян. В ответ на этот, чрезвычайно «своевременный» вопрос, г. Семенкович предложил отдать пожертвованные московским дворянством 25.000 руб. нуждающимся семьям дворян. Свое великодушное предложение г. Семенкович подкреплял чрезвычайно чувствительными жалобами на бездействие дво-рянства, которое, по его мнению, не обнаруживает достаточной жадности в деле расхищения сумм, пожертвованных в пользу голодающих». «Руки опускаются — голосил г. Семенкович — когда видишь, что не только люди сами не хотят делать ничего для себя и в защиту от нападающих со всех сторон врагов, но даже не хотят воспользоваться тем, что им предоставляется законом».

Но все это было бы еще ничего. Пусть бы старались вырвать кусок хлеба изо рта голодных крестьян эти люди, возросшие и выхоленные на бесчеловечной эксплуатации крестьянства! Пусть бы жадничали они, не нарушая, однако, заповеди: «Не *послушествуй на* друга *твоего свидетельства ложна».* Пусть бы только не клеветали они на бедствующее крестьянство. Но, к сожалению, и от клеветы не могло удержаться доблестное российское дворянство! Знаменитый

представитель его, чувствительный поэт Фет вздумал уверять, что крестьянство бедствует единственно только по своей лености и склонности к пьянству. В подтверждение своей мысли он привел несколько «фактов», которые тотчас же были опровергнуты печатью. Мы не знаем, насколько гнусная ложь и беззастенчивая клевета мирятся с эстетикой г. Фета, но мы должны привести в его защиту одно смягчающее обстоятельство: *в его лице дворянство судило по себе,* оно мерило крестьян на аршин своих собственных, *дворянских* склонностей к беспутному мотовству и пьянству. В неурожайном 1847 году, когда правительство выдавало ссуды помещикам для продовольствия их крепостных «душ», обнаружилось, что «помещики, получая в ссуду деньги для продовольствия крестьян, употребляли их на свои надобности. В одном продовольственном комитете заемщики только переходили из присутствия в другую комнату, и там многие проигрывали в карты деньги, выданные им совсем для другого употребления». Спустя четыре года, начальник Смоленской губернии, вспо-

миная поведение дворян в 1847 году, говорил, что «невозвратное зло последовало от раздачи правительством ссуд деньгами, ибо соблазн к получению денег действует сильно на всех помещиков, находящихся и не находящихся в нужде, и многие помещики, получив деньги, не употребляли их для той цели, для которой получили, или давали только часть, оставляя крестьян своих в бедствии. Первый случай (т. е. соблазн к получению денег) подтвердился и в настоящее время (1851 г.). По губернии распространились слухи, что правительство ассигновало сумму для раздачи помещикам «а закупку хлеба для продовольствия их крестьян; многие из помещиков приехали в город просить денег; когда же узнали, что в продовольственной комиссии лишь составляется одно предположение об оказании пособия не деньгами, а хлебом, то желающие уже не являлись» *).

«Русская Мысль» не замедлила оттенить противоречие, в которое попадает орган наших реакционеров при оценке домогательств «торгашей» с одной стороны и помещиков — с другой.

И она, разумеется, хорошо сделала, оттенив это противоречие. Беда лишь в том, что когда «Русская Мысль», высказываясь против запрещения вывоза ржи, ссылалась на интересы сельского хозяйства, она отстаивала в сущности выгоды того же класса, о котором хлопочет «Русский Вестник». Разумеется, она поступала так безо всякой злой воли, просто по недоразумению. Употребляя выражения г. Протопопова, можно сказать, что в требованиях гг. фабрикантов и помещиков заметен ум, но не заметно благородства; в требованиях же нашей передовой печати замечается бездна благородства, но... не хватает кое-чего другого.

Перейдем теперь к земствам. Насколько усердно и насколько удачно содействовали они облегчению народной беды?

Увы! Наша «земская смышляевщина» (как выражался когда-то г. Мордовцев) в лучших случаях оказалась не чем иным, как земской *обломовщиной.* Начать с того, что земские «лутчие люди» не имели мужества взглянуть беде прямо в глаза и настоятельно потребовать от правительства серьезной помощи. Они предпочли другой прием. Они всеми способами стали *«сокращать* едоков», уменьшать — *разумеется лишь на бумаге* — число крестьян, нуждающихся в продовольственной ссуде. Так, например, *казанское* экстренное земское со-

*) «Юридический Вестник», декабрь 1890 г., статья г. *Каблукова:* «Очерк истории русского законодательства по обеспечению народного продовольствия», стр. 551—552.

брание исключило из числа «едоков» всех лиц рабочего возраста от 18 до 55 лет и малолетних до 5-ти-летнего возраста. Выдавать решено им по 30 фун. хлеба в месяц на каждого едока. Обсеменение рассчитано им на 75 процентов

общей площади яровых полей *).

Николаевское земство, *Самарской* губ., распределило семенную ссуду во *ревизским душам.* А так как многие сельские общины давно уже переделили землю по *наличным* душам, то им и пришлось предпринять новый передел семенной ссуды. На каждую наличную душу досталось не более 1 пуда 5 фун-тов. На продовольствие многие общества получили по *8 фун. ржи на едока.*

Новоузенское земство выдавало ссуду на надельные дворы, занимающиеся хозяйством; все же бесхозяйные дворы лишены были ссуды, а таких в уезде оказалось налицо 9.182 двора или 18,4 процента общего числа дворов в уезде. «Земское собрание постановило всех таких бесхозяйных, вдов, сирот, посторонних лиц и мещан, проживающих в селениях, продовольствовать на средства общества из остатков от полученных ссуд». Между тем, одних только мещан (из бывших помещичьих крестьян) и бесхозяйных дворов числится в губернии 41.833 двора, да в посторонних дворах проживает 19.202 дв., следовательно, для прокормления одного только этого населения в течение года потребуется до 2 милл. пудов хлеба («Р. В.»).

Крестьянам Самарской губернии, купившим в собственность землю при помощи крестьянского банка, как *землевладельцам,* земства совершенно отказали в выдаче ссуды. В то же время этим «землевладельцам» грозит продажа с молотка их недвижимого имущества ввиду того, что они не могли уплатить своего долга банку.

В *Шадринском* уезде, *Пермской* губернии, по сведениям «Каз. Лист.», зем-ство решило выдавать на обсеменение ссуды только тем крестьянам, которые сеяли е недавнем прошлом и у которых уцелел хозяйственный инвентарь. Тамошние «пролетарии» сильно «возбуждены» этим решением. Названная газета склонна, по-видимому, приписывать их «возбуждение» влиянию кулаков, которые пользуются будто бы этим «возбуждением бедноты, чтобы направлять ее против

лиц, почему-либо пришедшихся им не по вкусу». Но, спрашивается, — неужели недовольство «пролетариев» не может найти другого, более серьезного объяснения? Ведь земские сборы наверное взыскивались с земель «бедноты» не менее усердно, чем с земель любезных земским

*) См. статью г. *Г. Успенского:* «Бесхлебье» в ноябрьской книжке «Русской Мысли».

деятелям *хозяйственных мужичков.* Почему же земство отказывается теперь помочь бедноте, т. е. именно тем людям, которые более всего нуждаются в помощи? Потому ли, что беднота давно уже перестала обрабатывать свои поля? Но это могло происходить потому, что они находили более выгодным пропитываться какими-нибудь посторонними заработками, чем ковырять малодоходную землю; теперь же, когда заработков нет и когда на будущий год можно ожидать нового неурожая, т. е. еще большего усиления бесхлебья, беднота решила попробовать счастья «около земли». Какое право имело земство отказать им в поддержке? Права на это у него не было никакого, но очевидно, что шадринское земство, подобно многим другим земствам, » своих попечениях о крестьянстве руководствуется известным принципом: если ты имеешь много, то тебе еще дадут, если же мало, то и это очень малое возьмут.

Тульское губернское земство сам губернатор находит, по словам корреспондента «Новостей», «в некоторых случаях даже слишком осторожным» (понятно, что речь идет о «случаях» помощи голодающим, и что земская «осторожность» выражается в сокращении размеров этой помощи).

Вообще, по словам «Русских Ведомостей», губернские земства, «не желая слишком обременять себя (!) тягостью продовольственного долга, еще до представления высшему правительству своих ходатайств, значительно, иногда в три, четыре раза урезывали оценки уездных земств». Но все это

было бы еще только полбеды. О настоящей же беде говорят нижеследующие факты:

«В некоторых волостях Новоузенского уезда было роздано на обсеменение овинное зерно, т. е. мертвое, обреченное погребению в земле, а не нарождению колоса. На протесты местных обывателей последовали опровержения двух гласных, закупивших мертвое зерно, и земского начальника. В протестах обывателей, между прочим, было указано на опыт крестьянина Покровской слободы, В. Я. Сергиенко — посеять 100 зерен мертвого хлеба, после чего получилось всего 2 отростка... Крестьян спасли не гласные и не земский начальник, а местным же крестьяне, обменивавшие мертвое зерно на живое *).

Из *Николаевского* уезда той же губернии помещик Протопопов писал в «Русск. Ведом.» (15 сентября): «Крестьяне составили в свое время приговоры о выдаче им пособия на обсеменение за круго-

*) *Г. И. Успенский,* там же, стр. 100.

вой их порукой. На основании этих приговоров, сельские писаря составляли списки нуждающихся, по которым уполномоченные крестьяне получили хлеб. Тут обнаружилось какое-то странное недоразумение. Так, крестьяне села Подъема ...к удивлению своему узнали, что их уполномоченным выдано на некоторых самых бедных домохозяев по одному или по два пуда, между тем как люди зажиточные, даже торговцы, вовсе не *производящие посева* *), получили, кто десять, а кто двенадцать пудов... Одному из крестьян села Подъема приходилось, ввиду неправильности распределения пособий, получить всего 1 пуд. Он отказался и с отчаяния хотел зарезаться косой. И лишь частная помощь выручила его (конечно, на короткое время). Пишущему эти строки пришлось «го видеть: он шел, еле передвигая ноги, нервно теребя лохмотья зипуна; лицо у него было потемневшее, исхудалое; он и четверо детей его уже несколько дней не ели

хлеба»... Как видите, и здесь тот же принцип: если ты имеешь много, то тебе еще дадут, если же мало, то и это очень малое не возьмут лишь по невозможности взять его, и уже во всяком случае предоставят тебя всем бедствиям голода и нищеты.

В том же уезде на продовольствие крестьянам в сентябре было выдано только по 10 фун. хлеба на нерабочего человека *(рабочим не давали ничего),* а в октябре по 20. *«Отчаяние овладело крестьянами»* — говорит г. Протопопов. Еще бы нет!

В селе Абашеве (Самарского уезда) отпущено на октябрь 62 пуда ржи (на 699 едоков), к которым опять-таки относятся только лица нерабочего возраста). «Это составляет по 3½ фунта на едока в месяц или по 14½ золотников в день» **).

В *Казанском* уездном земском собрании один из гласных заявил, что по количеству наличных запасов на каждого едока, считая

*) Курсив наш; просим сравнить поведение Николаевского земства с отказом Шадрин-ского помочь бедноте.

**) «В. Е.», декабрь 1891 год, «Из общественной хроники». Указанный в тексте факт может показаться совершенно невероятным: какой «Иудушка» вздумает «помогать» голодаю-щему населению несколькими золотниками хлеба в день? — скажет читатель. Постараемся же выяснить *несомненное* историческое происхождение таких, по-видимому, невероятных фактов. Когда заговорили о продовольственной ссуде, губернская администрация известила волостные и сельские начальства о том, что они подвергнутся строгой ответственности, если внесут в списки нуждающихся людей, могущих пропитаться собственными средствами. Сообразно этому, названные начальства вносили в списки лишь одну сельскую бедноту. На основании этих списков была выдана ссуда, урезанная в 3—4 раза. Эта ссуда, согласно существующим порядкам общинного самоуправления, распределялась между всеми домохозяевами прямо пропорционально их имущественной состоятельности, по известному принципу: если ты имеешь много и т. д.; таким-то образом и вышло, что богачи получили десятки «удов, бедняки же должны были довольствоваться золотниками.

только нерабочее население, приходится не более 4½ фунта хлеба в месяц *).

В *Саратовской* губернии огромная площадь озимых полей осталась не засеянной. А от семенной ссуды осталось 461.363 пуда, неизрасходованных уездными земствами. Выдача ссуд на обсеменение, под тем предлогом, что сеять уже слишком поздно, прекращена была во многих местах в то время, когда зажиточные крестьяне и помещичьи экономии только что

собирались сеять. Так было, например, в деревнях Ляховке и Глазуновке, Балашовского уезда, о которых писал корреспондент «Саратовского Листка». Крестьяне стали искать «арендаторов для своей земли, потому что собственных семян у них нет». Такие арендаторы и не замедлили, разумеется, найтись в лице местных кулаков. «Вот как образуются мудрыми попечителями о народном благе остатки от семенной ссуды, и без того уже высчитанной в обрез», замечает г. Успенский.

А как происходила закупка земцами хлеба для голодающих?

Казанское земство поручило доставку для него хлеба на обсеменение купцу Дедюхину, который покупал хлеб по одному рублю 10 коп. за пуд., а с земства брал по 1 руб. 30 коп. Это было в июле и августе. В конце октября, когда надо было закупать хлеб для продовольствия, то же земство купило 200.000 пудов в Нижнем по 1 руб. 45 коп. и по 1 руб. 50 коп. Между тем, в сентябре месяце цены на рожь в Казанской губернии не превышали одного руб. за пуд.

Вятское земство покупало хлеб у местных купцов-кулаков, платя им по 1 руб. 17 коп. - 1 руб. 22 коп. за пуд в то время, как & Сарапульском уезде рожь продавалась по 1 руб. 10 коп. и дешевле, а потом еще понизилась; в Малмыжском же уезде в это время скупщики покупали рожь на базарах по 75—77 коп. за пуд. Во многих уездах крестьяне просили выдать им ссуду на обсеменение деньгами, так как они надеялись купить хлеб дешевле, чем покупало его земство. Управы не согласились на это, предпочитая обогащать купцов.

Но больше всех отличилось земство в Самаре. Покупка хлеба поручена была там губернской управе. Та послала с этой целью на юг одного из своих членов, г. Дементеева; г. Дементеев пропал на целых два месяца, в течение которых о нем не было, что называется, ни слуху, ни духу. Не имея никаких запасов, постоянно осаждаемая требованиями со стороны уездных земств, губернская управа была в чрез-

*) Там же.

вычайно затруднительном положении. Председатель решился купить 12 тыс. пудов муки на месте у некоего Шахобалова. Но оказалось, что «купленною г. председателем мукою питаться *нет возможности,* так как без значительной *примеси ржаной муки* выпечь хлеба из нее физически немыслимо». Эта мука обошлась земству по 1 руб. 15 коп. пуд *).

Наконец, возвратился, по-видимому, и земский Одиссей — Дементеев. Насколько удовлетворительно исполнил он возложенное на него поручение, можно судить по следующим газетным сообщениям:

«В редакцию одной одесской газеты доставлена проба пшеницы, отправляемой со станции Жеребково, «по свидетельству на провоз Самарского земства». Газета говорит: «по этой пробе можно судить о качестве отправляемой пшеницы; высыпав пробу на лист бумаги, мы увидели в ней массу мелких черненьких зерен, которые обыкновенно находятся внизу зерна и сразу не заметны; это и есть сорная трава; затем, там же мы нашли примесь песку и даже *маленьких камешков».* И вот, под именем «хлеба», отправляется по железной дороге, через всю Россию, с одного конца ее на другой, помесь пшеницы с сорной травой, с песком и гравием; любопытно еще, что когда на железной дороге, заметившей явные злоупотребления отправителей, сделано было распоряжение, чтобы, при приеме хлеба, вписывалось в накладные качество посылаемого зерна, то отправители протестовали против такой оговорки, ссылаясь на то, что «с ними заключено условие (?), допускающее до 30 процентов сору». Вероятно, в те же амбары, где хранится пшеница, доставляются целые транспорты сорных трав и привозятся десятки коек с песком и гравием; для оптовой торговли и оптовая фабрикация.

Если такой «хлеб», действительно, едет по юго-

западным дорогам, как сообщают местные газеты, в Самарскую губернию для самарского земства, то весьма естественно, что последняя, - как вы читали на днях в самарской корреспонденции «Волжского Вестника», — выдает крестьянам «вместо ржаной муки, какую-то *прогорклую смесь,* главной составной частью которой являются отруби».

Между тем, председатель самарской губернской земской управы, г. Алабин, исправляет промахи и неустройства своего

*) *Успенский,* там же.

земства только при помощи газетных опровержений, весьма кратких и голословных, положим, но решительных, категорических, не вдающихся ни в какие объяснения по существу» («Новости», 9 декабря 1891 г.).

Читатель видел, как заботятся о народе наши земские «излюбленные люди». Пусть посмотрит он теперь, как заботятся они о *самих себе.*

«Слободскому председателю уездного съезда, г. Рассохину (говорит «Волжский Вестник»), земское собрание определило выдать 750 руб. *на разъезды, на экипаж и шубу* (!!), Глазовскому — г. Курептеву, на те же предметы (П) - 600 руб., Вятскому председателю, г. Шубину -- назначено заимообразно 300 руб... Саратовское уездное земское собрание назначило председателю своей управы, г. Абакумову, 3.000 руб., в виде «награды». Нашли люди время для наградных поднесений. На 3.000 руб. 2½ тыс. пуд. хлеба купить бы можно. Аткарское земство «назначило 1.200 руб. пенсии (?) бывшему мировому судье, а теперь земскому начальнику, г. Гордеру, богатому землевладельцу, получающему, кроме того, по новой должности, более 2.000 руб. а год». Камышинское земство, самое бедное, постановило «выдать 3.000 руб. награды председателю своей управы г. Ляух». Вольское земство «дает

500 руб. совсем уже постороннему для него человеку — судебному приставу»...

В «Новости» пишут из Самары, что «по достоверным известиям, местное продовольствие вовсе *изъемлется* из ведения земства». Рассуждая вообще, нужно сознаться, что поступить таким образом следовало бы не с одними только самарскими земцами. Г. Успенский говорит, что эти последние позво-ляли себе «жестокое издевательство над человеком, истощенным голодом». Но в таком издевательстве виноваты очень многие земства. Эти ссуды, уре-занные до нескольких золотников на едока; эти «пролетарии, лишенные по-мощи»; эти поля, необсемененные, благодаря мудрости управ; эта мука, не-годная в пищу; эти «тридцать процентов сору», перевозимые на земский счет с одного конца России на другой; эти шубы, эти экипажи, эти награды, пенсии и займы, раздаваемые земцами друг другу, - все это есть самое бессердеч-ное, самое бесстыдное издевательство над голодными, соединенное с самым недвусмысленным хищничеством. Недостаточно устранить таких людей от заведывания общественными делами, их нужно было бы, по выражению Петра Великого, весьма лишить живота. Но...

здесь мы сталкиваемся с вопросом — кем же могут быть заменены эти хищники. «Изъяв» продовольственное дело *из* ведения земства, правительство передаст его в ведение чиновников. А чиновники окажутся еще хуже земцев. Разница будет лишь в том, что об их «хищениях», пожалуй, совершенно запретят говорить в печати. Кое-какие сведения относительно деятельности чиновников по раздаче пособий попали в печать, несмотря на цензурные строгости; сведения эти, как и следовало ожидать, совсем неутешительны. Вот что сообщают, например, из *Кокчетава,* Акмолинской области, в «Рус. Вед.»:

«В «Русских Ведомостях» уже сообщалось об общей голо-довке в нашем уезде. Она коснулась всего населения;

крестьянам выдается уже пособие от казны в размере одного пуда на каждого человека в месяц; к сожалению, не все пособие достигает своего назначения: пользуясь нуждой, доставители хлеба из Кокчетава в поселки — в некоторых местах — взимают с получателя громадную провозную плату, например, 4 пуда за десять пудов, как это было в одном поселке, — затем наживаются мельники, так что в конце концов некоторым семьям приходится получать вместо десяти пудов около 4-х, но это касается только крестьян, тогда как у нас есть еще казаки и мещане; и те, и другие обращались с просьбою о выдаче и им пособия от казны, и первые кое-что получили, именно по одному рублю 60 к. на душу из войсковых сумм. Но что это в сравнении с нуждой. Если даже предположить, что от неурожая страдает половина казачьего населения, то, при правильной раздаче пособия только действительно нуждающимся, на человека придется с небольшим 3 руб., тогда как в настоящее время мука продается по 1 р. 20 коп., а зимой может вздорожать, и, кроме того, необходим корм скоту, сохранение которого после прокормления людей должно быть признано предметом наибольших стараний; назначенного пособия на это, конечно, не достанет; мещане же и такого пособия не получили, хотя нужда их такая же, как и прочего населения. Но кроме казаков и мещан есть еще более нуждающаяся часть населения: это переселенцы, никуда не приписанные. Как не принадлежащие к местным обществам, они не имеют права и на пособие. Некоторые из них заблаговременно выбрались отсюда; других же голод застал вполне беспомощными». Словом, дело обстоит нисколько не лучше, чем в земских губерниях. Да и на чьей ответственности лежат позорные подвиги наших

земцев? Прежде всего и больше всего — на ответственности правительства, систематически устранявшего от общественной деятельности все честные, т. е., на его языке,

«неблагонадежные» элементы и всегда поощрявшего лишь «благонамеренных» хищников и плутов. Мы никогда не были поклонниками наших земских учреждений: по нашему мнению, они были слишком мало демократичны. И тем не менее, мы убеждены, что лишь под влиянием торжествующей реакции образовался такой подбор гласных, при которых возможны были вышеозначенные безобразия. Раз выдвинут вопрос об «изъятиях», нужно начать с изъятия всей России из «ведения» царского правительства. Только при таком обороте дел можно и должно надеяться, что они пойдут лучше, чем идут теперь.

В самом деле, что дало голодающему народу наше правительство, ничем не связанное, руководствующееся только волей самодержца, да усмотрением царских министров и (по уверению «Русской Мысли») чутко отнесшееся «к делу предупреждения хлебного кризиса»?

Известно, что земства были очень скромны, слишком скромны, преступно скромны в определении размеров необходимых для них ссуд на обсемене-ние полей и продовольствие населения. Но правительству и эта скромность показалась непозволительным нахальством. Оно стало еще более «урезывать» и без того уже донельзя «урезанные» требования. Нижегородское земство испрашивало ссуду в 8,2 милл. рублей, а получило 2,8 милл.; саратовское проси-ло 9,5 милл., а получило 2,5 милл.; самарское просило 9,8 милл., а получило 4,4; рязанское просило 5 милл., а получило 900.000 руб.; казанское просило 6, а получило 4 милл. «Вполне или почти вполне получили испрашивавшиеся суммы только губернии: Симбирская — 5 милл., Тамбовская -2,3 милл. и несколько других губерний с более мелкими суммами вспомоществования» («Русские Ведомости» № 286). Эти цифры относятся к средине октября, т. е. когда жатва давно уже была повсюду окончена, неурожай несомненен, а голод уже начал свирепствовать в пострадавших местностях. Разумеется, уменьшая размер

пособий, правительство мало заботилось с сколько-нибудь благовидной мотивировке своих действий. Г. Самарин говорит в «Московских Ведомостях» (№ 318), что представитель министерства финансов без дальних околичностей заявил самарскому экстренному губернскому земскому собранию, что размер ссуды на продовольствие и обсеменение не может простираться далее 6 милл. «Почему же не может, — спрашивает г. Самарин, — потому ли, что финансовые средства государства не дозволяют увеличивать ссуду свыше этой суммы, или потому, что хо-

датайство самарского земства о ссуде в 10 милл. неосновательно? Так как это заявление сделано земскому собранию представителем министерства финансов и так как в известии о нем нет даже намека «а неправильность исчисления требуемой земством ссуды, мы думаем, что в основание заявления легли соображения исключительно финансового свойства. Такое отношение к делу, по нашему мнению, неправильно». Нечего и говорить, до какой степени справедливо это мнение. Но мы спросим «Московские Ведомости», как следует поступить с правительством, «неправильное» поведение которого грозит голодной смертью многомиллионному населению?

А что царское правительство повело себя совсем неправильно, это хорошо доказывает тот же г. Самарин, в тех же «Московских Ведомостях». «Хотя — говорит он — на продовольствие и *ассигновано* до сих пор либо 60, либо 48 милл. (последнее вероятнее), так как в 60 миллионах, упомянутых недавно «Правительственным Вестником», заключаются, по-видимому, и 12 милл., отпущенных по 1 сентября на семена), но земские учреждения губерний, пострадавших от неурожая, могли до сих пор (т. е. до половины ноября) производить операцию по закупке хлеба на продовольствие только на 20 миллионов... Понятно, что если бы до 1 сентября было *отпущено* на покупку хлеба не по

одному с небольшим миллиону на губернию *), то можно было бы воспользоваться и водяными путями, чтобы двинуть массы хлеба по Волге и заготовить значительные запасы хлеба в приволжских губерниях. Тогда бы, конечно, и железные дороги не были обременены перевозкой предъявленных им теперь таких значительных масс хлеба, что они не в силах исполнить эту задачу. Наконец, если бы в свое время размер бедствия был определен правильно, то успели бы даже приспособить и железные дороги для перевозки таких масс хлеба».

Устами г. Самарина реакционная газета предъявляет правительству слиш-ком уже значительные требования. Легко сказать — если бы в свое время раз-мер бедствия был определен правильно! Считаться с неурожаем приходилось прежде всего министерству финансов, а может ли г. Вышнеградский придер-живаться *правильных* расчетов? Он специалист по части изыскания «свобод-ных наличностей»... в пустом пространстве. Когда заговорили о неурожае, он, как кавалерийская лошадь, заслышавшая звук трубы, немедленно пошел привычным аллю-

*) «Вестник Европы» замечает, что здесь г. Самарин берет, очевидно, средние цифры.

ром, т. е. принялся разыскивать свободную наличность хлеба. Он заявил в ко-митете министров, что о недостатке зерна в России не может быть и речи. Это же доказывал и «Вестник Финансов» на основании несомненных будто бы статистических данных. Его страдные выводы немедленно опровергались другими органами печати, но г. Вышнеградский не унимался, и, как видно, долго еще не уймется. В № 333 «Русских Ведомостей» мы находим следующую телеграмму: «Петербург, 2-го декабря. Помещенная в 48-м нумере «Вестника Финансов» статья под заглавием: «Результаты урожая 1891 года по отношению к потреблению», приводя числовые данные размеров

потребления и наличных запасов хлеба, заключает их выводом, что при расчете потребления на 9 месяцев, по 1-е июля 1892 года, запасы хлеба не только не ниже, но даже выше нормального среднего остатка потребления. В конце статьи говорится: «В этих условиях полной обеспеченности снабжения до следующего урожая настоящие высокие цены на хлеб объясняются лишь неравномерным распределением в стране запасов и совершенным видоизменением хода снабжения, так как вывозившие раньше хлеб губернии ныне сами нуждаются в снабжении, — видоизменением, к которому торговля скоро приспособиться не может, и наконец усиленными в одних и тех же местах закупками, повышающими ненормальность цены. С успокоением торговли и более правильным распределением запасов надо ждать понижения цен, тенденция к которому, хотя не повсеместно ясно выраженная, начинает уже проявляться со второй половины ноября».

По всему видно, что эти успокоительные рассуждения являются ответом на известную статью графа Л. Толстого: *Страшный вопрос,* наделавшую порядочного шума в России и вызвавшую донос «Московских Ведомостей» относительно заговора, будто бы составленного Толстым в сообществе с В. Соловьевым. Граф Толстой говорил, что никому неизвестно с точностью, хватит ли у нас хлеба до новой жатвы, и что Россия окажется в ужасном положении, если его не хватит. Г. Вышнеградский. через посредство своих *рептилий,* с истинно хлестаковской развязностью отвечает, что хлеба у нас более чем нужно. Задавая свой страшный вопрос, граф Толстой, по своему обыкновению, упустил из вида сущность дела. Он не вспомнил, что если бы даже у нас и было такое количество хлеба, какого могло бы хватить для прокормления всего населения России, — это еще вовсе не решало бы действительно *страшной* стороны вопроса: это не ручалось бы нам за то, что у сельской и городской *«бедноты»* хватит денег

на покупку продовольствия. Г. Вышнеградский, как финансист, прекрасно понимает, конечно, что одно дело «свободная наличность» данного товара, а иное дело так называемый в политической экономии *действительный спрос* на него, определяемый состоянием кошелька лиц нуждающихся в этом товаре: кто ничего не имеет, тот не может купить даже дешевого товара. Знает г. Вышнеградский и то, что состояние кошельков у населения пострадавших от неурожая местностей — более чем плачевно. Но, подобно гоголевской унтер-офицерской жене он *от своего счастья не отказывается:* он не считает нужным поправлять беспокойного графа; напротив, он пользуется его ошибкой для того, чтобы окончательно отвести глаза читающей публике.

Г. Вышнеградский не лжет, когда говорит, что с половины ноября цены местами начали понижаться. Он только обходит истинную причину этого явления, намекая в то же время, что оно вызвано *«успокоением торговли».* В действительности об успокоении торговли можно говорить в этом случае лишь очень условно; оно имело место разве в том смысле, что кулаки-торговцы в половине ноября могли уже с полною уверенностью сказать себе: голодный год не только не вырвал из наших рук крестьянина, но еще более подчинил его нашей власти. Это, бесспорно, должно было подействовать на них очень успокоительно. Но... ответ *ли это, полно?*

В самом деле, нынешний год, год ужаснейших бедствий для огромной массы крестьян, мещан и рабочих, является годом небывалого процветания кулаков всех оттенков и разновидностей. Чтобы хоть на короткое время избавиться от мучений голода, беднота поневоле отдает им решительно все, что имеет, начиная со своих земельных наделов и кончая косами женщин. «Приехали, сначала все лучшие вещи забрали, — рассказывает девушка, побывавшая в Рязанской губернии, о купцах, наехавших из Москвы для покупки крестьянского имущества, - кички за два рубля брали... У нас,

знаете, у баб кички старинные, богатые, золотом вышитые... Шитье-то они выплавляют, а остальное бросают... Плачут бабы, а нечего делать — отдавать приходится. Опять, вот, шугаи... Тоже все скупили за бесценок. Шугаи тонкие, из молодой шерсти... Теперь и косы скупают... У баб волоса покупают... Заливаются слезами, да кладут головы на стол под бритву... У самого корня срезают, чтобы длиннее волос был... У кого коса русая, густая, длинная — по два рубля дают»... («Новости» № 276). Деятельность Разуваевых приняла такие широкие размеры, что вызвала беспокойство даже в высших сферах: симбирский губернатор обратился к земским

начальникам с циркуляром (от 19 октября), в котором предписывал им сделать распоряжение, чтобы волостные и сельские управления не свидетель-ствовали никаких договоров и условий о продаже или закладе озимей и вообще урожая с надельной земли. «При разъездах ваших по участку и при удобных случаях, вы не оставите крестьян без надлежащих разъяснений, что они не могут продавать или закладывать предстоящего урожая с надельной земли, — говорит г. губернатор, — который прежде всего должен служить обеспечением к безнедоимочному выполнению лежащих на крестьянах податных обязанностей и обеспечением их быта» («Р. В.» № 333). *Обеспечение быта* есть, разумеется, не более как канцелярская фраза, долженствующая несколько прикрыть истинный взгляд правительства на крестьянина, как на существо, которое не только землею владеет, но и живет на свете единственно затем, чтобы «безнедоимочно выполнять лежащие на нем податные обязанности». В этих «обязанностях» все дело: «смотри, не по чину берешь, — говорит кулаку заботливый помпадур, — если ты окончательно съешь крестьянина, то чем же будут питаться высшие сферы? Бери, но оставь и нам что-нибудь, живи и жить давай другим». Мы уверены, что земские начальники не замедлят разъяснить все это кому

следует, но мы наперед знаем, что из их разъяснений ровно ничего не выйдет. Крестьяне отдают кулакам свое движимое и недвижимое имущество не по легкомыслию, а по нужде, нужда же не устраняется административными «разъяснениями». Напротив, она все более и более возрастает, именно благодаря тому «безнедоимочному выполнению лежащих на крестьянах обязанностей», которое одно только и озабочивает наших помпадуров. Так происходило дело с давних времен; так происходит оно и в нынешнем голодном году, когда на крестьянина следовало бы, кажется, взглянуть не только как на платежную силу.

Когда «недород хлебных произведений», — как выражается наш коронованный недоросль в рескрипте на имя своего сына и наследника, — сделался фактом, не подлежащим уже никакому сомнению, земства пострадавших губерний стали хлопотать о рассрочке на несколько лет лежащих на крестьянах недоимок и платежей. Ходатайства их были *«отклонены»;* правительство допустило лишь «отсрочку платежей до урожая 1892 года властью губернских присутствий селениям, получившим от земств ссуду на обсеменение полей или продовольствие, и притом лишь по предъявлении просьбы со стороны обществ и под условием согласия на разрешение льгот со стороны губернского представителя министерства финансов». Но и в таких случаях могли быть от-

срочены лишь текущие выкупные платежи, «поземельный же налог, оклад ко-торого сравнительно незначителен, предписано собрать по возможности «сполна» («Р. В.» *№* 228). К чему должно было повести подобное предписание, понять не трудно.

> «Курск, 18 октября в зале курского окружного суда... рассмотрено дело по обвинению крестьянина Польшина, волостного старшины Кроснян-ской волости, Обоянского уезда, в том, что он *при собирании податей при-нимал*

побудительные меры, воспрещенные законом. Волостной старшина Польшин при собирании недоимок, в случае, если крестьянин почему-ли-бо не платит добровольно, для побуждения его к уплате, практиковал сле-дующее: по его приказу сотские разували плательщика и, повесив ему на шею лапти и онучи, привязывали самого к гвоздям, вбитым в стену, за руки, задом к ней; затем лили на голову воду»... («Русск. Вед.» № 302).

Курская губерния официально причислена к губерниям, пострадавшим от «недорода хлебных произведений». Трудно найти достаточно сильные выражения для характеристики этого выбивания недоимок из голодающего населения, выбивания, которое по остроумию замысла может сравниться только со зверствами времен Бирона. Положим, волостной старшина приговорен за превышение власти к тюремному за-ключению, но приговорен только за употребление «побудительных мер, не дозволенных законом», а не за выбивание недоимок. Если бы он сек недоимщиков, вместо того, чтобы обливать их водою, то он заслужил бы полное одобрение со стороны начальства.

Рептилии г. Вышнеградского, указывая на происшедшее местами понижение хлебных цен, приписывают его «успокоению торговли». На самом деле оно оказывается следствием *«неукоснительного»* взыскания податей в голодающих губерниях. При этом меры, принятые правительством для «обеспечения народного продовольствия», самым удивительным образом сталкиваются с мерами, принимаемыми его же чиновниками для безнедоимочного поступления в казну «окладных сборов». Вятская губерния настолько пострадала от неурожая, что правительство нашло нужным запретить вывоз хлеба из ее пределов. Сначала крестьяне очень радовались этому запрещению. Но пришло время взноса податей, и картина изменилась. Крестьяне стали тайком провозить свой хлеб на

продажу за границы губернии. «При этом крестьяне, конечно, несут потери, — говорит «Волжский Вестник», — так как

цены, вследствие запрещения вывоза и риска тайной торговли, *повсюду понизились»* (курсив наш). Подобное же явление имело место по всему *Поволжью:* сбор податей в этой местности привел к тому, что *цены на хлеб некоторое время были там ниже, чем в урожайных губерниях.* Какая невероятная доза плутовства и бесстыдства нужна для того, чтобы выставлять подобное понижение цен, как утешительный ответ на действительно *страшный* вопрос, волнующий всех честных людей в России! Читатель знает, что продовольственная ссуда выдается лишь «едокам» нерабочего возраста. Лицам от 15 до 55 лет предоставлено пропитываться заработками, ввиду чего и облегчена выдача паспортов в нуждающихся губерниях *). Но всякому было известно, что трудно будет найти заработок во время почти повсюдной полной безработицы. Чтобы помочь горю, придуманы были «общественные работы». О них кричала вся печать, при чем даже ее «передовые» органы наивно замечали, что непременно следует воспользоваться существующей теперь дешевизной рабочих рук. «Трудно, кажется, сказать, где тот уголок России, где бы не было нужды в общественной работе, — рассуждает князь Мещерский; - следова-тельно, совсем не трудно приняться за введение общественных работ». Рабо-ты были, действительно, начаты. Решили взяться за «лесоустроение» в казен-ных дачах тринадцати наиболее важных губерний. Для осуществления этого широко задуманного плана правительство «ассигновало»... 200.000 руб... Потрудитесь сами рассчитать, сколько придется на каждую волость. Решено было также приступить к устройству новых и поправке старых шоссейных и грунтовых дорог. На это отпущено 1.125.000 рублей. Наконец, начата постройка двух железных дорог: Московско-Казанской и Курско-Воронежской. Общее число рабочих, занятых на этих линиях

в октябре, не превышало 9 с половиною тысяч человек; впоследствии предполагалось прибавить к этому числу еще четыре с половиною тысячи. Не знаем, какова судьба этого «предположения», но это все равно. «Что значат эти тысячи, когда в заработках нуждаются миллионы?», — справедливо замечают «Русские Ведомости». Конечно, значат ровно столько же, сколько значит капля в море. Но это еще не все. По словам симбирского губернатора, на Московско-Казанской железной дороге «работа предлагается на чрезвычайно невыгодных условиях: так, за вырытие кубика земли рабочие получают от подрядчика, смот-

*) Облегченная выдача паспортов не облегчила, однако, голодающим возможности передвижения; во многих городах полиция высылает *«административным порядком»* крестьян, являющихся искать работы.

ря по расстоянию, на какое следует вести землю, от 60 до 90 коп., тогда как сами подрядчики получают за ту же работу от 2 руб. до 2 руб. 50 коп.». На Курско-Воронежской дороге, по *официальным* сведениям, платят *за кубическую сажень* «выемки или насыпи 1 р. 40 коп., взыскивая притом за поломку инструментов (даже деревянных частей лопаты), которые, само собою разумеется, портятся, если ими работают» («Р. В.» № 307). Как видно, у нас нет недостатка в людях, умеющих пользоваться «дешевизной рабочих рук». Но и это еще не все. Главное дело в том, что «земляные работы требуют особой привычки, выносливости и силы. Землекопы берутся поэтому обыкновенно только из некоторых местностей, которые в число пострадавших в нынешнем году не попали. Понятно, что строители дорог постарались возможно ограничить штат рабочих из неурожайных губерний и нанимали голодающих в тех лишь случаях, когда по каким-либо обстоятельствам не представлялось другого выбора. Этим объясняется, что в Старо-Оскольском, например, уезде не было нанято, как сообщает наш корреспондент, ни одной партии, несмотря на желание, заявленное многими крестьянами. Но не один Старо-Оскольский

уезд постигла неудача. Подобные же сведения получены из других местностей. В пределах, например, Воронежской губернии, по словам местных газет, «на линии Курско-Воронежской железной дороги работают несколько партий крестьян Воронежской и Курской губерний, но инженеры жалеют о том, что землекопов пришлось взять из этих губерний» («Русские Ведомости», тот же номер). Из всего этого с неотразимой силой вытекает тот вывод, что постройка железных дорог (эта важнейшая, по своим размерам, изо всех предпринятых теперь общественных работ), не принося пользы населению голодающих губерний, очень полезна предпринимателям-подрядчикам, которые выжимают последние соки из рабочих, нанятых в урожайных местностях. Но на какие же заработки может, в таком случае, рассчитывать взрослое население пострадавших губерний, лишенное продовольственной ссуды именно под предлогом будущих заработков. Ему остается только нищенствовать. Но не прокормит его и нищенство. Мы уже знаем, крестьяне почти ничего не подают нищим по той простой причине, что у них ровно ничего нет; «общество же, к которому взывает наша печать, обнаруживает прямо неприличное равнодушие к судьбе голодающих. «Незначительны жертвы, принесенные и приносимые обществом, — читаем мы в декабрьской книжке «Вестника Европы»... Стоит только вспомнить цифры пожертвований, собранных учреждением Красного Креста

и попечительствами, состоящими в ведении министерства внутренних дел. Если эти цифры, вместе взятые, лишь немногим более ¾ милл., то можно сказать с уверенностью, что общий итог сумм, поступивших от частных лиц, не доходит даже до минимальной цифры, предположенной нами месяц тому назад, — до двух миллионов». Надо заметить, что значительная доля этого незначительного итога составилась из взносов *рабочих* и бедноты, с грехом пополам перебивающейся «службой» и различными родами

умственного труда. Как же ничтожны крохи, кинутые голодному народу богатыми слоями «общества», ежегодно получающими, в виде поземельной ренты, предпринимательской прибыли и процентов на капитал, по меньшей мере сотни миллионов доходов!

Не беда, что потерпит мужик,
Так ведущее нас Провидение
Указало, да он же привык.

Сосчитаем теперь все, что было сделано для голодающего населения России.

Общество не дало ему пока и 2-х миллионов, а в то же время, в лице самых богатых и самых влиятельных своих членов, помещиков и фабрикантов, оно, под предлогом помощи голодающим, стало «ходатайствовать» о новых «льготах» и вспомоществованиях, долженствовавших еще более наполнить и без того уже полные карманы эксплуататоров. Правительство дало «либо 60, либо 48 миллионов» в виде продовольственной ссуды (т. е. *взаймы,* и в то же время стало собирать в голодных губерниях подати, которые должны были принести ему по меньшей мере такую же сумму *). Известно, с какою жестокостью и с каким успехом делали это царские чиновники. Падение хлебных цен в голодающих местностях доказывает, что сбор податей вырвал и бросил на рынок последние куски хлеба, имевшиеся в руках крестьянства.

Рядом с жестокостью и бесчеловечием, свойственными лишь азиатским деспотам, русское правительство издавна отличалось лицемерием, далеко оставляющим за собою лицемерие Тартюфа. Ему показались подозрительными даже те ничтожные проявления общественного сочувствия к голодающим, о которых мы говорили выше. Чтобы регулировать будто бы опасный поток этого сочувствия, придумано было учреждение «особого *комитета»,* о котором торжественно опо-

*) Общая сумма окладных сборов с 50-ти губерний Европейской России простирается до 120 милл. руб. Принимая в соображение, что голодом

поражены теперь губернии, считавшиеся прежде богатейшими во всей Империи, можно с уверенностью сказать, что они платят не менее 60-ти милл. сборов.

вестил Россию Александр III в безграмотном рескрипте на имя наследника. В члены комитета выбраны столь популярные лица, как Победоносцев, Дурново, фон-Плеве, Воронцов-Дашков и гофмейстер граф Строганов. Мрачный, полупомешанный изувер, два полицейских сыщика и два придворных интригана под председательством больного наследника — вот кому поручено главное руководство делом общественной благотворительности. Кто не захочет идти рядом с ними, тот — нигилист и крамольник, заслуживающий самого строгого наказания.

К сожалению, и этот дерзкий вызов, обращенный в лицо всему обществу, остался безнаказанным: детушки скушали, ложки отерли, сказали спасибо...

Итальянская колония в Москве собиралась дать концерт, сбор с которого пошел бы в пользу голодающих. Этот концерт *был запрещен,* при чем всем иностранным колониям в России было поставлено на вид, что такая же судьба впредь ожидает всякое предприятие такого рода. Помилуйте, как же вы хотите, чтобы мы брали деньги от иностранцев! Ведь они, пожалуй, перестанут после этого давать нам взаймы.

Земство... мы знаем, что, получив ссуду, заботливые и расторопные земцы поручили закупку хлеба кулакам-хлеботорговцам; заплатили дорогой ценой за хлеб, иногда совершенно негодный ни для посева, ни для питания; роздали ссуду с такой поразительною справедливостью, что богатым крестьянам достались десятки пудов, а бедным пришлось лишь по нескольку фунтов или даже золотников; наконец, удивив всю Россию своей деятельностью, эти бескорыстные люди, в гордом сознании совершенных ими подвигов, начали преподносить самим себе награды, экипажи и шубы и даже раздавать земские деньги своим соперникам, представителям администрации, земским начальникам.

Судите после этого о прекраснодушии «Русской Мысли», которая убеждена, что «пусть только пойдут широким руслом частные пожертвования — и наиболее острый кризис без особого труда будет осилен!». Видали ли вы когда-нибудь более невинных барашков?

Нет, чтобы осилить переживаемый нами острый кризис, нужно очень много труда, и притом труда, именно особого, такого труда, на который, к сожалению, мы не находим даже и намека ни в одном из «передовых» органов нашей печати.

В настоящее время, под влиянием неурожая, у нас пошли толки об *«искусственном* дожде», который избавит нас от столь неприятных случайностей. Если на борьбу с *последствиями* голода тратятся миллионы рублей, то можно бы, кажется, затратить несколько сот тысяч на опыт борьбы с его *причинами,* говорят просвещенные землевладельцы. Действительно следует, нимало не медля, начать энергичную борьбу с причинами бедствия, не только поразившего ныне целую треть России, но и грозящего сделаться постоянным. Нельзя, однако, достаточно надивиться наивности людей, видящих спасение нашей страны в результатах пока еще весьма сомнительных опытов над «искусственным дождем». Не надо подниматься до облаков, чтобы открыть причины голода; они находятся на земле, они заключаются в *общественных отношениях России.* Против этих-то отношений и должны бороться все те, которые не хотят, по выражению Рылеева, *в роковое время позорить гражданина сан*

Не угодно ли вам вдуматься в следующую табличку, заимствованную г. С. Шараповым из земского сборника Новоузенского уезда («Новое Время» 13 октября 1891 г.).

1880 г. — неурожай.

1881, 1882-й, 1883-й и 1884-й гг. — урожай.

1885г. — неурожай, саранча.

1886 г. — неурожай, почти голод.

1887 г. — травы хороши. Рожь пропала. Яровое ниже

среднего.

1888 г. — то же. Раздавали продовольствие.

1889 г. — травы плохи. Рожь пропала. Яровые ниже среднего.

1890 г. — урожай хлебов и трав плохой.

1891 г. — *полный неурожай всего.*

На четыре урожайных года — 7 неурожайных! Другими словами, последнее десятилетие в местности, о которой идет речь, *неурожай стал обычным явлением, а урожай представил собою лишь счастливое исключение.*

Вот, поистине, странное положение дел, едва ли объяснимое одной засухой. В самом деле, неужели наш климат до такой степени переменился, что страна, еще недавно бывшая почти исключительно земледельческой страной, может теперь сеять хлеб не иначе, как в убыток? Тут что-то не так. Припомним некоторые, элементарные истины, касающиеся сельского хозяйства.

Кому неизвестно, что чем лучше приемы обработки почвы, тем лучше сопротивляется она всякого рода случайным (атмосферическим

и другим) вредным влияниям? Кому неизвестно, что урожаи зависят, например, от удобрения? Кому неизвестно также, что удобрение немыслимо или, по крайней мере, очень затруднительно, а для крестьян совершенно недоступно там, где нет скота? Курское губернское земство убедилось, что «почва губернии до того истощилась, что уже не может давать сколько-нибудь хороших урожаев»; оно убеждено так-же, что «так как верхний слой земли сильно истощился, то только возделывание земли глубоко врезывающимся плугом в состоянии поднять урожаи в губернии» («Новое Время»). Это можно сказать решительно обо всей Европейской России: *только введение лучших сельскохозяйственных* приемов могло бы поднять в ней урожаи. Что же мы видим в действительности? Улучшались ли эти приемы, например, в

течение последнего двадцатилетия? Не только не улучшались, но постоянно становились все хуже и хуже, так как крестьянское хозяйство все более и более разорялось. Дурные урожаи подрывали экономическую силу населения, а подрыв его экономической силы приводил к новым и новым неурожаям. Таким-то образом мы и пришли к тому удивительному положению, что неурожай стал обычным явлением, *необходимым следствием того способа обработки* земли, на *который* у крестьянина *только и хватает силы.* Случайные атмосферические влияния, приносившие с собою урожай, могли отдалить на несколько лет быстро приближавшуюся развязку, но изменить роковой ход вещей они не были в состоянии. Неизбежная катастрофа разразилась, наконец, в 1891 г. Она нанесла последний удар крестьянскому хозяйству. Она *добила* его, как выразилось «Новое Время». Само правительство не иначе понимает нынешний «сельскохозяйственный» кризис. В № 188 «Волжского Вестника» напечатано следующее извлечение из официальных сведений о постепенном упадке экономического быта поволжских крестьян.

«За последнее время видно, что переживаемый Поволжьем кризис *начался еще два года тому* назад, так как с этого именно времени стало замечаться значительное уменьшение поступления окладных сборов с сельских сословий Поволжья. Это явление обнаруживалось в сильной степени, главным образом, в тех губерниях, положение которых потребовало энергических мер к обеспечению продовольствия... Так, с крестьянского населения Самарской губ. в 1889 г окладных сборов было получено менее (против оклада) на 1.204.210 р. а в 1890 г. этот недобор возрос уже до 1.996.968 руб. С Казанской губ. окладных сборов в 1889 г. было получено более на 85.422 руб.

(этот излишек пошел на погашение недоимок от предшествующих годов), а в 1890 г. на 2.063.731 руб. *менее.* С

Нижегородской губ. как в 1889, так и 1890 был недобор, при чем окладных сборов поступило в 1889 г. на 340.238 руб., а в 1890 г. на 869.442 руб. менее; с Симбирской — в 1889 поступило на 253.032 руб., а в 1890 на 653.623 руб. менее; с Саратовской — в 1889 на 22.538 руб., а в 1890 на 377.130 руб. менее (против оклада). Увеличение недоборов по окладным сборам в перечисленных губерниях в 1890 г. *вполне совпадает с уменьшением, против предшествовавшего, собранного сельским населением количества зерновых хлебов:* так, в Самарской губ. собрано было хлебов в 1889 г. 48.469.000 пуд., а в 1890 — 41.971.000 пуд., в Казанской губ. урожай в 1889 дал 37.620.000 пуд., а в 1890 — 27.471.700 пуд., в Симбирской губ. в 1889 получено было от урожая 38.139.000 пуд., а в 1890 — 29.422.300 пуд.; в Нижегородской губ. в 1889 — 20.839.000 пуд., а в 1890 — 15.298.100 пуд.; наконец в Саратовской губ. урожай 1889 дал 59.524.000 пуд., а в 1890 году — 51.960.400 пуд. Таким образом ясно, что уменьшение сбора хлебов увеличило недоборы окладных сборов. Соответственно уменьшению урожаев увеличивалась также и сумма недоимок окладных сборов. Наиболее их числится в губ. Самарской и Казанской. К 1-му января текущего года эти недоимки достигли следующих размеров: в Самарской губ. — 11.378.733 руб., в Казанской — 7.901.976 руб., в Нижегородской — 2.504.229 руб., в Саратовской — 2.287.330 руб., в Симбирской — 1.422.214 руб.

Относительно Самарской губернии у нас есть, кроме того, очень интересные данные, собранные в ноябрьской книжке *«Юридического Вестника»* за истекший год. Из этой статьи видно, что самарские крестьяне никогда не могли оправиться от последствий знаменитого самарского голода. 1873-й и особенно 1879 — 1880 гг. поставили крестьянское хозяйство в затруднительное положение относительно продовольственных средств: население голодало по случаю полного неурожая хлебов, рабочий и рогатый скот падал от бескормицы. Все, что оставалось от мирских капиталов и волостных

вспомогательных касс, было разобрано по рукам и истрачено в 1880 г... Этот достопамят-ный год сильно подорвал экономическое благосостояние крестьян, тем более, что распространившиеся с этого момента эпизоотии и коно-крадство значи-тельно уменьшили рабочий и рогатый скот в губернии: за последнее пятиле-тие эпизоотии похитили в губернии 536.244 головы крупного рогатого скота... В одном Новоузенском уезде, по сведениям уездной управы, от одной бес-кормицы пало 58.500 лошадей и

90.000 волов. «Затем задолженность крестьянского населения усилилась еще более вследствие плохих урожаев хлебов и трав в 1888 — 1889 годах. Масса лучших надельных земель и выгонов за бесценок сдана обществами в долгосрочную аренду или заложена за долги своим и сторонним богатеям. Таких сданных и заложенных земель статистическим бюро зарегистрировано в губернии 453.917 десятин»... Крестьянин был совершенно в руках кулака, услугами которого он, есте-ственно, дорожил более всего во время сбора податей. «Все, что бы ни зарабатывал, он зарабатывает через своего кулака или купца, или лучше — он работает не на себя, а на эту категорию лиц. Хлеб крестьянин продает не непосредственно в руки потребителя или даже крупного скупщика, а в руки мелкого посредника, который очень часто его обмеривает и обвешивает, и это... потому, что очень часто крестьянину нужны бывают деньги именно *в данный* момент, может быть, в момент минимальных рыночных цен на хлеб в данном месте; ждать же момента повышения цен нельзя; пришло время и подати платить, и аренду за землю, справлять разные сельскохозяйственные нужды, семью кормить до другого урожая... Вот при таких-то условиях экономическая задол-женность населения ростовщику не редко тянется целые годы, тянется до тех пор, пока она совсем не разорит крестьянина: продаются на снос изба, сарай, рабочий скот, телега, а сам разорившийся поступает к кому-нибудь в

батраки вместе с женой»... Часто он делается нищим. В Самарской губернии (кроме городов, посада Мелекеса и пригорода Сергиевка) числится 7.687 человек нищих обоего пола. «В нашей губернии с глубоким черноземом, производящей на продажу белотурку и др. красные хлеба, крестьянам из года в год не достает собственного хлеба на обсеменение полей и на собственное продовольствие, — продолжает г. Красноперов, - и потому к весне или даже с осени, вскоре после уборки хлеба, покупают его в кредит у посевщиков крестьян и купцов по неимоверно высоким ценам, у тех самых лиц, которым в августе и сентябре они за бесценок отдают свой хлеб в уплату долга».

Странно было бы ожидать хорошей обработки земли при таком положении земледельца, а в таком положении бедствие 1891 года застало крестьян почти всей России. В октябре 1890 года из Александрийского уезда, Херсонской губ., писали, что там целые села не могли внести в государственное казначейство *ни одной копейки. В Воронежской* губ. несостоятельными оказывались целые уезды. Из 16.000 всех дворов Задонского уезда недоимка числилась за 11.000 дворов; недоимка эта достигала в среднем огромной суммы 22 руб. на платель-

щика. В Землянском уезде недоимка достигала 26 руб. на плательщика; недоимщики же составляли 87% общего числа дворов уезда. В Нижнедевицком уезде 82 процента всех крестьянских дворов оказались неисправными плательщиками налогов, а в среднем на каждый из них падало 36 рублей недоимки. Пермская и Нижегородская губернии уже в 1890 году страдали от *голода.* О Таврической губ. летом того же года писали в «Новоросс. Тел.»: «Бедность видна во всем: в питании, в одежде; еще осень не вступила в свои права, а уж из разных уездов... получаются известия о появлении тифа, дифтерита, гастрита и других бичей, с которыми земские врачи в селах не в состоянии бороться».

Корреспондент «Русских Ведомостей» (1890 г. № 497) указывал на *«неизбежное хозяйственное расстройство»* крестьян Киевской губернии.

«Во многих местностях образовалось какое-то новое крепостное право, — говорит г. Слонимский в октябрьской книжке «Вестнике Европы» за 1890 год, — господами являются уже не помещики, а кабатчики, кулаки и мироеды, грубые полуграмотные хищники, разоряющие народ с беспощадною последовательностью. Необходимость взноса податей в самые неудачные для хозяйства сроки, а также неотложные хозяйственные нужды заставляют крестьянские массы прибегать к такому убийственному кредиту, о каком не мечтали худшие ростовщики на Западе». Далее автор, словами одного исследователя, следующим образом описывает общераспространенное у нас явление торговли рабочей силой беднейших крестьян:

«Зимою, когда бедняку (Олонецкой губернии) угрожает экзекуция за неплатеж податей, или весною, когда ему есть нечего, десятник (так называют здесь торговцев людьми) за бесценок покупает летний труд бедняков, выдавая им вперед задатки от 15 до 30 руб. на человека. Весною десятники гонят целые артели рабочих на лесные выгонки, на судовую тягу и на заводы, предварительно распродав их за двойную цену крупным промышленникам. Другие торговцы такого же рода разъезжают по деревням исключительно для закупки детей. Многие бедные родители за дешевую цену продают детей скупщикам на несколько лет, в течение которых дети должны находиться у ремесленников или торговцев в качестве учеников. Накупив таким образом десятка два детей, скупщик отправляет их на подводах в Петербург, подобно тому, как возят в город телят промышленники по этой части. В Петербурге дети распродаются по двойной и тройной цене в ремесленные заведения и торговые лавки. Подобное закабаление детей и

взрослых распространено в Московской, Рязанской и других губерниях. К той же категории торговли человеческою силою относится наем на работы недоимщиков, обыкновенно без их согласия, по сделкам с волостным начальством, агентами землевладельцев, лесоторговцев и заводчиков, приезжающими специально для того часто из отдаленных губерний».

Западноевропейский читатель, конечно, не поверил бы, если бы услыхал, что, занимая деньги у ростовщиков, русский крестьянин платит иногда до 800 процентов в год. Русскому читателю это очень хорошо известно. «Суммы отработков, выполняемых заемщиками, так велики, — продолжает г. Слонимский, — что крестьянин работает теперь на других не менее четырех дней в неделю, т. е. более, чем при крепостном праве». Заметьте, что займы у ростовщиков, иногда целыми крестьянскими обществами, заключаются *«преимущественно»* для уплаты податей, «взыскиваемых в неудобное время и всегда с неумолимою строгостью». Нечего сказать, очень хорошо «обеспечены своими земельными наделами» русские крестьяне. Это уже как будто не люди, а машины для уплаты повинностей, полусознательные существа, видящие свое назначение в безнадежном труде и ищущие иногда забвения в тяжелом отчаянном пьянстве».

«Тут возросли такие типы, — говорит г. Сазонов, описывая положение крестьян Порховского уезда Псковской губернии, — далее которых идти трудно. Вечно пьяные, с искаженным лицом, с блуждающими дикими глазами, в лохмотьях, они выглядят полузверями. Какая-то одичалость, жестокость во всем виде их. И никакой расправы на них нет; их все боятся и более всего волостные и сельские власти. Это даже не пролетариат, а какое-то озверение — тут ничего человеческого не осталось».

Заметим мимоходом, что пролетарий вовсе не такой близкий родственник зверю, как это кажется г. Сазонову.

Собственно пролетариат тут не при чем, и напрасно

говорит о нем г. Сазонов, как кажется, полагающий, что пролетарий только одною ступенью стоит выше зверя. Все дело тут в том закрепощении крестьянина государству, которое *некоторыми своими сторонами* так восхищает наших народников.

«В самом деле, разве тебе неизвестно положение земледельцев? Еще до жатвы черви источат половину его хлеба, а остальное пожрут свиньи; поля опустошаются крысами, саранчею, скотом, птицами; если хоть немного не доглядит земледелец, воры растащут все, что у него

останется. Орудия труда портятся; рабочий скот выбивается из сил. А там на заставе чиновник требует десятины; являются сборщики податей, с палками, негры с пальмовыми розгами, все кричат: *«подавай хлеб».* Если нет хлеба у крестьянина, его вяжут и истязуют... Вяжут его жену и детей, покинутых соседями, которые заняты своей собственной жатвой».

Эти строки принадлежат одному «письменному человеку, жившему за полторы тысячи лет до начала нашей эры. Они изображают положение крестьянина в древнем Египте *). Есть некоторое основание думать, что египетский дьяк слишком уже черными красками изобразил жизнь тогдашнего феллаха. Но допустите на минуту, что в его картине нет никакого преувеличения, и скажите, — не напоминает ли она вам положения русского крестьянина? Разница лишь в незначительных частностях. Поля феллаха опустошались крысами и саранчею; поля русского крестьянина опустошаются гессенской мухой, саранчею и овражками. С феллаха подати взыскивались натурой; с русского крестьянина они взыскиваются деньгами. Феллаха чиновники били палками; русского крестьянина власти бьют преимущественно кулаками. Феллаха секли за недоимки негры и секли пальмовыми ветвями; у палачей русского крестьянина кожа белая, и секут его березовыми розгами. Но

за то египетский феллах был привязан к земле; привязан к ней и русский крестьянин. Система «земельного обеспечения» феллаха обеспечивала прежде всего прочность египетского деспотизма; система «обеспечения» русского крестьянина обеспечивает (пока обеспечивает) прочность русского царизма. В этом отношении в древнем Египте все было comme chez nous **).

Но есть еще одна, и очень важная, черта различия. Натуральные подати египетского феллаха, наверное, были несравненно легче денежных платежей, лежащих на русском крестьянине и часто во много раз превышающих доходность его надела. Правительственная эксплуатация русского крестьянина по своим размерам представляет собою нечто беспримерно величественное и *са-мобытное.*

Закрепощением крестьянина государству мы обязаны не только беспримерною в истории бедностью нашего сельского населения, но даже и нашими пресловутыми устоями.

*) См. *G. Maspero,* Du genre épistolaire chez les Egyptiens de l'époque pharaonique. Paris. 1872.

**) Т. е. все, как у нас.

В последние тридцать лет интеллигенция ни о чем так много не говорила, как об общине, и все-таки происхождение современной русской общины с пе-риодическими переделами земли осталось для нее неясным. Община представляет собою плод самых симпатичных сторон народного духа — вот все, что знает и что беспрестанно повторяет наша интеллигенция. Историческая наука изображает дело менее чувствительно, но зато более точно.

Периодических переделов пахотной земли, подобных существующим в нынешней России, не знала наша древняя сельская община, возникшая на раз-валинах родового быта, который, — не во гнев почтенным теням славяно-фи-лов, — существовал у русских славян, как и повсюду. Пахотная земля со-ставляла неотъемлемую и нераздельную собственность крестьянского, иногда очень многочисленного *семейства.*

Происходившие по тем или другим пово-дам *переверстки* не изменяли *размеров* принадлежавшей каждой данной се-мье поземельной собственности, они только перемещали ее в пространстве. Но по мере развития государственной власти и чисто восточного деспотизма царей дело принимало иной оборот. Прикрепленные к земле крестьяне утратили свое исконное право на нее; она стала считаться не крестьянской, а государственной, или, точнее, *государевой* собственностью. Введение подушной подати нанесло последний удар старому порядку. Если «тяглая» земля при-надлежит не крестьянам, а государю, если каждая попавшая в ревизию «душа мужеского пола» обложена налогом, то отсюда, по справедливому замечанию г-жи Ефименко, неизбежно следует тот *«естественный вывод, что государство обязано обеспечить за каждою душой возможность платить путем наделения ее землею».* Излишне прибавлять, что для государства речь шла собственно не об «обязанности», а о простой экономической выгоде, — это ясно само собой. «Когда каждый крестьянин будет поселен и удовольствован пашенною землею, сенными покосами и прочими угодиями, — рассуждал один воевода прошлого века, — тогда уже не будет иметь причины только из одного (как ныне есть) дневного пропитания меж двор скитаться, но и под страхом, не только о своем доме и о пропитании, но и о заплате подушных де-нег всячески стараться и прилежать должен». Но в Петербурге и без воеводы хорошо знали, как выгодно будет государству, когда земельный надел даст каждой ревизской душе возможность «прилежать о заплате подушных денег». Правительство энергично занималось *«генеральным лоравнением» («чтобы у них, крестьян, земли на душу сколько кому следует уравнительно*

было»). Напрасно ходатайствовали крестьяне «о *неотъеме от них старинной их владеемой земли»,* — их прошения оставлялись без внимания. Нередко дело доходило до

открытого сопротивления властям. Крестьяне восставали против новых порядков, «собравшись многолюдственно, с дубьем и дрекольем». Их усмиряли и «забирали» военные команды, им «чинили нещадное батожь-ем наказание». В конце концов правительство, разумеется, добилось своего, крестьяне покорились, новые «устои» землевладения были заложены и упрочены. Они составили прочнейшую основу всего нашего государственного по-рядка.

Там, где правительство не прибегало к прямому насилию для введения новой формы общины, оно достигало своей цели косвенным путем соединен-ного действия круговой поруки и несоразмерных с доходностью земли плате-жей. Обязанные платить за малоземельных недоимщиков, многоземельные крестьяне находили выгодным прибегать к периодическим переделам земель, чтобы таким образом вознаграждать себя за уплату недоимок. Так соверша-лись «добровольные переходы к общинному землевладению» в некоторых, и именно наиболее бедных уездах Черниговской губернии *).

Легко понять, что помещикам «генеральное поравнение» было не менее выгодно, чем правительству. «Удовольствовать крестьян землей» значило обеспечить рабочие силы крепостных душ. Вот почему мы видим, что еще в тридцатых и сороковых годах нынешнего столетия помещики вводят периодические переделы земель в таких местностях Малороссии, где их раньше не было.

Наделяя (за деньги, конечно, и притом за очень большие деньги) «освобо-жденных» в 1861 г. крестьян землей, правительство руководствовалось инте-ресами казначейства: безземельный крестьянин представлял бы собой слиш-ком сомнительную платежную силу. Цепь, привязывавшая к земле крестьяни-на, не была разрублена. Но после крымского погрома правительство убеди-лось, что ему нужны не одни только крепкие земле крестьяне. Была признана очень нужной, пустившая к тому времени довольно глубокие корни, крупная промышленность, требовавшая свободных «рук».

Приходилось идти на уступки. Державшая крестьянина привязь были удлинена ровно настолько, чтобы он мог поработать не на одно только казначейство, но также и

*) Смотри об этом у *Кейсслера* в третьем томе его сочинения: «Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland», стр. 56—60. Кейсслер был едва ли не первым (в 1876 г.) писателем, высказавшим вышеизложенную теорию происхождения современной общины с переделами. Чичерина считать нельзя, так как он не имел никакого понятия о древних Формах землевладения в России.

на капиталистов и на помещиков. Все законоположения о крестьянах, вышед-ших из крепостной зависимости, испытали на себе влияние этой сделки. Пра-вительство не устраняет общины с переделами, но в то же время издает ряд законов, ведущих к ее разложению. Она надеется, что такая двойственность «удовольствует» и казначейство, и предпри-нимателей. В течение некоторого времени могло казаться, что действительность не обманет его ожиданий. Бед-ность крестьян заставляла их продавать свою рабочую силу за самую ничтож-ную плату, которая, немедленно и отбиралась у них почти целиком, в виде всякого рода налогов. Но уже с конца шестидесятых годов можно было заметить, что придуманная освободителями «хитрая механика» имеет в высшей степени важный недостаток: беспощадно разоряя крестьянина, она тем самым причиняет возрастающее оскудение казначейства. В семидесятых годах этот недостаток сделался еще заметнее. Даже слепорожденные «государственные младенцы» стали, по-видимому, сознавать, что дело идет не ладно, что эконо-мическая основа царизма расшатывается, что из-под его ног начинает ускользать почва. Но, разумеется, не эти младенцы могли бы дать иное направление естественному ходу экономического процесса.

И замечательное дело: разложение крестьянского хозяйства пошло с оче-видным и постоянно возрастающим ускорением, в особенности с тех пор, когда царская политика окончательно и бесповоротно свернула в сторону *реакции.* В 1881 году вступил на престол Александр III, который

торжественно объявил, точнее сказать — *за которого* торжественно объявили: *«правительство идет, встаньте, господа!».* Публика «встала» — и что же увидела она, какое зрелище представлялось ей в течение всего царствования нового самодержца? Разрушение экономической основы царизма — мучительный, тяжелый процесс, который становился тем мучительнее и тем тяжелее, чем более росло усердие охранителей. Россия уже не оправлялась после не-урожая 1880 года, да при существующих условиях она и не могла оправиться. Уже в 1882 году поступление прямых налогов оказалось на 5 мил. рублей ниже «сметных предположений» и на один миллион ниже поступления предшествовавшего 1881 года. В 1883 г. многие губернии вынуждены были просить продовольственные ссуды, так как урожай этого года местами был посредственный, а местами и вовсе *плохой,* даже по официальным сведениям. Последующие годы только ухудшили общее положение дел. *«Царское правительство приходит слишком поздно,* — неуклонно отвечала экономия на торжественные

возгласы реакционеров. Экономическое банкротство или свержение абсолю-тизма — таков единственный выбор, представляющийся современной Рос-сии». Мы остались глухи к голосу экономии. Мы «разочаровывались» и «унывали» в то время, когда надо было действовать, когда надо было бороть-ся и когда за успех борьбы ручалась несокрушимая сила истории. Что же мы выиграли своим смирением? Решило ли оно *страшный вопрос,* стоявший пе-ред нами? Десяти лет реакции достаточно было для того, чтобы привести на-ше отечество на край погибели. Напрасно земства рекомендуют теперь крестьянам улучшенные способы обработки земли; напрасно толкуют они о *«глу-боко-захватывающем плуге».* Кто даст денег на покупку таких плугов? Чем приводить их в движение? Как выкупить земли, заложенные и перезаложен-ные Разуваевым? Не напоминают ли наши земские радетели

доктора, который уверял умиравших от холода и голода бедняков, что в холодное время нужно:

Как можно теплей укрываться,
И тут же совет рассудительный дал
Здоровою пищей питаться.

Сами крестьяне гораздо лучше понимают свое современное экономиче-ское положение.

- А хозяйство как же? спросил корреспондент «Нового Времени» крестьян, шедших из голодной местности на заработки.

- Да уж хозяйства решились. Что уже говорить! Какое хозяйство без лоша-дей? Хоть бы жен и детей прокормить.

«Одновременно, на всем пространстве бедствующих губерний, словно электрическая искра, пронеслась уверенность в невозможности дальнейшей борьбы, — говорит г. Шарапов в той же газете. И странное дело! Продажа скота и лошадей приобрела характер не столько личной необходимости в деньгах или невозможности прокормить, сколько чисто эпидемический харак-тер: *все продают*».

Нечего и говорить: теперь, когда, по расчетам местных жителей, на 50 душ крестьян в голодающей России останется одна лошадь, на 40 душ одна корова, дальнейшая борьба с природой за свое существование стала совершенно невозможна для крестьянина. *Чтобы вывести его из нужды, необходимо изменить общественные условия земледелия.*

Голод 1891 года делает невозможным дальнейшее существование нашего государственного строя. Это почти одинаково хорошо сознается как в обществе, так и в «правящих сферах». Теперь даже губернаторы говорят о необходимости изменения нашей податной системы, этого

источника крестьянского порабощения. По словам «С.-Петербургских Ведомостей», «в правительственные учреждения представлена записка одного из губернаторов Поволжского края, в которой указывается на необходимость пе-рейти на будущее время к новой организации платежа

податей. Признавая бедственное положение населения большинства губерний, происходящее вследствие громадной его задолженности, губернатор указывает на то, что главною причиною служит необходимость уплаты недоимок, заставляющая крестьян продавать свой хлеб почти за бесценок. В видах борьбы с этим злом, губернатор предлагает принимать от крестьян зерно в счет государственных, земских и иных платежей». Орган г. Суворина «Н. В.» (16 окт.) находит, что «ничего неосуществимого губернаторский проект собою не представляет». Не желая спорить с ним по этому поводу, мы заметим только, что превращение денежных податей в натуральные далеко не означает освобождения крестьянина от крепостной зависимости по отношению к государству. Напротив, если бы оно было осуществлено, оно привело бы к еще большему закрепощению крестьянина, к еще большему вмешательству администрации в его хозяйственную жизнь. А во что может обойтись крестьянину это вмешательство, показывают, например, просветительные подвиги Могилевского помпадура.

Этот почтенный администратор решил, во-первых, заняться улучшением породы крестьянских лошадей. Сказано — сделано. На покупку заводских жеребцов взыскано в 4-х уездах по 33 коп. с надела; на содержание их *«предложено»* вносить ежегодно по 22 копейки с такой же хозяйственной единицы. «Это предприятие... не обошлось, однако, к сожалению, без некоторых прома-хов, тяжко отозвавшихся на населении, — скромно говорит корреспондент («Р. В.» № 215). Случные дворы поставлены под надзор крестьянских присутствий и местной полиции. Пользование жеребцами является не правом крестьян, а поставляется им в непременную обязанность; крестьяне водят своих кобылиц на дворы не по собственному желанию и усмотрению, а по наряду, следовательно, зачастую тогда, когда это не имеет смысла. Дабы дело улучшения породы происходило без замедления, в некоторых уездах, напр., в Могилевском, по

распоряжению уездной администрации, уничтожены все крестьянские жеребцы; водить на дворы своих кобылиц крестьянам приходится иногда верст за 40, в весеннюю ро-степель, что далеко не легко». Но заботливость мудрого администратора не ограничилась этими мудрыми мероприяти-ями. Он предпринял не более и не менее как замену трехпольного крестьян-ского хозяй-

ства — шестипольным. Вводиться эта новая мера будет губернскими по крестьянским делам присутствиями, по раз навсегда установленному шаблону. «Члены крестьянских присутствий настолько завалены работой каждый по своему ведомству, — продолжает тот же корреспондент, — что вникать в хозяйственные условия каждого селения — они не имеют времени, да зачастую и знания их не достаточны; поэтому при такой постановке дела шаблон, пожалуй, и необходим, но результаты применения его могут быть и очень печальны; сомневаться же в наличности нужных технических знаний у членов крестьянских присутствий более чем позволительно... Принудительная ломка всего сельскохозяйственного уклада крестьянского населения была бы тогда только допустима, если бы она основывалась на техническом и экономиче-ском расчете такой точности и приспособленности к частным условиям хо-зяйства каждого населения, что исключала бы возможность ошибки и связан-ного с нею убытка для и без того небогатого белорусского земледельца... В нашем случае нет и следа правильного и точного расчета. Поэтому на первых же порах встретятся крупные промахи. На один из них можно указать уже и теперь. Крестьяне, согласно предписанию, посеяли клевер на семена на огородах. Крестьянские огороды всегда очень сильно удобрены; поэтому клевер разовьется очень роскошно, поляжет и перепутается, даст массу корма, но на семена годиться не будет, так как сильное развитие зеленых частей растения мешает обильному семяношению и препятствует

равномерности созревания семян. Первый блин выйдет непременно комом; этого же обязательно следует избегать в каждом деле, а тем более в таком, где ломается хозяйство всего населения не по его доброй воле, а по предписанию; а ведь от хозяйства крестьянина зависит его благосостояние».

Нет, не шестипольная система и улучшенное коневодство, насаждаемые мощною рукою помпадуров, спасут Россию от конечного разорения: минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь!

Сознание необходимости общественной самодеятельности начинает проникать и в нашу легальную литературу, которая все чаще и чаще заговаривает теперь об обязанностях «общества» и перед самим собою, и перед трудящейся массой. «Голод — великий урок, говорят «Новости». Надо во что бы то ни стало суметь им воспользоваться... Точно так же как тридцать пять лет тому назад севастопольская кампания выяснила нам дурные стороны нашей жизни и послужила ново-

дом к ее исправлению, нынешнее народное бедствие должно послужить к нашему вящшему отрезвлению и обновлению» (№ 274).

Совершенно верно, господа. Нынешнее бедствие заставляет невольно вспоминать о севастопольском погроме, положившем конец «незабвенной» николаевщине. К сожалению, ни в «Новостях» и ни в каком другом органе русской легальной печати мы не нашли даже отдаленного намека на важнейшую отличительную черту переживаемой нами эпохи. Севастопольское поражение выдвинуло на очередь такие реформы нашего общественного быта, которые — худо ли, хорошо ли — в состоянии было предпринять и выполнить *само* правительство. Да и эти реформы предприняты были лишь под дав-лением общественного мнения. *Теперь не то.* Теперь история настоятельно требует от нас таких действий и реформ, на исполнение которых у

царского правительства не хватит *ни уменья, ни* — тем менее — *охоты.* Теперь необ-ходимо:

1) Немедленно найти средства для продовольствия сорокамиллионного населения пострадавших от неурожая губерний и для помощи рабочему клас-су, бедствующему от причиненной неурожаем безработицы. Для этого нужно, по умеренному расчету, от 300 до 400 миллионов, которых, разумеется, нам никогда не дождаться от г. Вышнеградского.

2) Помочь русскому крестьянству восстановить свое земледельческое хозяйство, в конец разоренное многовековым грабежом, практиковавшимся помещиками и царскими чиновниками.

3) Сверху до низу переделать нашу финансовую систему, всею своею тяжестью лежавшую до сих пор на спине крестьянина.

Эти реформы могут быть *предприняты лишь по почину всей русской земли и осуществлены лишь при ее деятельном участии.* Осуществите их — и вы похороните русский царизм. Но никакое правительство никогда еще не поднимало на себя руки. Поэтому, ничего не ожидая от царизма, надо действовать *вопреки ему.* Все честные русские люди, которые, не принадлежа к миру дельцов, кулаков и русских чиновников, не ищут своей личной пользы в бедствиях народа, должны немедленно начать агитацию в пользу созвания Земского Собора, долженствующего сыграть роль Учредительного Собрания, т. е. положить *основы нового общественного порядка в России.*

Разумеется, в деле подобной агитации непременно должны обнаружиться партионные и фракционные различия, существующие в среде людей революционного или оппозиционного образа мыслей. Но эти

различия ничему не помешают. Пусть каждая партия и каждая фракция делает дело, подсказываемое ей ее программой. Результатом разнородных усилий явится новый

общественно-политический строй, который *во всяком* случае будет большим приобретением для всех партий, кроме достаточно уже опозорившейся *партии кнута и палки.*

То, что мы предлагаем здесь, есть не утопия, измышленная изгнанником, оторванным от родной почвы, а насущное, неизбежное дело. Вы можете, если хотите, осмеять наше предложение сегодня. Но ваша апатия не разрешит *страшного вопроса.* Если не теперь, то через год, если не через год, то через несколько лет вам придется считаться с этим вопросом. И тогда, как и теперь, перед вами будет лежать только один путь действий *борьба с царизмом.* И чем раньше вступите вы на него, тем больше выиграет вся Россия. *Полное экономическое разорение нашей страны может быть предупреждено лишь помним* политическим *ее освобождением!*

3/15 января 1892.

355

О задачах социалистов в борьбе с голодом в России.

(Письма к молодым товарищам).

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Причины голода.

> La carestia russa non e solo il risultato di un cattivo raccolto, essa e una parte délia immensa rivoluzione sociale che la Russia ha compiuto dopo la guerra di Crimea.
>
> *Фридрих Энгельс.*
>
> (La carestia in Russia, «Critica sociale» 1 aprile 1892).

Дорогие товарищи!

Вам известно современное положение дел в нашей стране. Вы знаете, что почти половина европейской и часть азиатской России поражены ужасным бедствием, таким бедствием, подобного которому мы напрасно стали бы ис-кать в новой истории западной Европы. Только в варварских деспотиях вар-варской Азии возможны те потрясающие явления, которые во множестве со-вершаются теперь в нашем отечестве. Голодный тиф, голодная смерть, само-убийство от

голода, убийство близких людей с целью избавить их от невыносимых мучений, а в лучшем случае, полное экономическое разорение — вот что выпало теперь на долю и без того уже совсем не избалованных судьбою крестьян, бедных городских мещан и рабочих. При виде этого страшного положения чувство ответственности перед родиной пробуждается даже в таких сердцах, которые никогда еще не сочувствовали народному горю; сознание гражданских обязанностей закрадывается даже в такие головы, вся политическая мудрость которых исчерпывалась правилом: бога бойся, царя почитай. Тем энергичнее должны исполнять свою обязанность мы, социалисты, давно уже открывшие глаза на бедственное положение народа и объявившие решительную, беспощадную войну всем его эксплуататорам.

Теперь, при уходе за больными жертвами голода, ежедневно рискуют своею жизнью даже такие люди, на которых мы привыкли смотреть с некото-рым пренебрежением, как на сторонников маленьких социальных *(«закон-ных»)* полуреформ, *мирных* деятелей, напрасно старающихся вычерпать чай-ной ложечкой глубокое безбрежное море народных страданий. Эти мирные — и, по правде сказать, очень нелогичные — люди бесстрашно исполняют свой долг, как они его понимают. Неужели мы останемся позади них? Неужели *на-ша* энергия и *наше* самоотвержение не удесятерятся в виду настоятельных требо-ваний переживаемого нами исторического момента? Если так, то надо наперед помириться с тою мыслью, что отныне русские социалисты-революцио-неры не будут иметь нравственного права называть себя самыми неустра-шимыми, самыми деятельными защитниками народных интересов.

Но я уверен, товарищи, что *так не будет,* что *так не может быть.* Рус-ская социалистическая партия останется достойной своего славного прошло-го, и если теперь цивилизованный

мир с сочувствием следит за самоотвер-женною деятельностью наших легальных «добровольцев», то недалеко время, когда он с восторгом станет рукоплескать *нелегальным* добровольцам, опол-чившимся на борьбу с *общественными* причинами голода в России.

Что голод вызван чисто общественными причинами, это ясно, как, день, в этом согласны между собою люди самых различных, даже прямо, противопо-ложных направлений. Я привел в эпиграфе мнение знаменитого социалиста и революционера Энгельса, который говорит, что нынешнее бедствие есть часть «огромной социальной революции, пережитой Россией со времени Крымской войны». Ниже мне придется ссылаться на «Московские Ведомости», и вы увидите, что этот влиятельнейший орган наших реакционеров ищет причин голода в общем и несомненном расстройстве русского крестьянского хозяйства. Таким образом, с этой стороны серьезные споры невозможны. Разногласия начинаются лишь там, где заходит речь о помощи голодающим и об *устранении* причин, вызвавших кризис. В этом случае каждая партия смотрит на вопрос со своей особой точки зрения и потому естественно приходит к особому решению.

В глазах «охранителей» мы, социалисты-революционеры, являемся, в луч-шем случае, самыми легкомысленными фантазерами. Наши программы ка-жутся им совершенно нелепыми, наши стремления — совершенно неосуще-ствимыми. А между тем, при менее пристрастном

отношении к делу, они легко могли бы убедиться, что последователи современного научного социализма чужды всяких утопий и что каждый параграф в их программе, каждый шаг в их деятельности основывается на внимательном изучении действительности. В России, как и во всем цивилизованном мире, современные социалисты основываются на научном исследовании общественной жизни

и *только на научном исследовании.* Они изучают ход исторического развития и, ничего не измышляя, ничего не прибавляя от себя, они берут его за исходную точку своих стремлений, которые, в свою очередь, представляют собою лишь сознательное выражение бессознательного, слепого исторического процесса.

В этом сила современных социалистов. Руководимые светом науки, строгой, беспристрастной науки, которая не щадит никаких, даже самых дорогих людям предрассудков и не боится никаких, даже, по-видимому, самых безотрадных выводов, они твердо идут вперед, презрительно смеясь над бесчисленными ошибками своих ослепленных противников и заранее зная, что им, и только им, достанется победа.

Внимательное, научное изучение общественных явлений требует много спокойствия и, если угодно, даже холодного бесстрастия. Но зато только оно может создать прочную основу для страстной деятельности самоотверженного политического борца, только оно способно предохранить его от разочарований, только оно может выработать таких революционеров, которые не упадут духом от частных неудач и не смутятся временными успехами врагов. Ко-роче, только оно, только оно одно создает несокрушимых и непобедимых дея-телей, революционеров и *по логике и по чувству.*

Вот почему даже теперь, в тяжелую годину народного бедствия, когда так трудно рассуждать спокойно и когда, наоборот, так легко отдаться первому впечатлению, даже теперь, говорю я, мы должны остаться верные духу совре-менного научного исследования и ставить себе, в борьбе с голодом, лишь та-кие задачи, которые не заключают ничего несбыточного и ничего фантасти-ческого. Теперь, как и всегда, мы, подходя к вопросу, должны отказаться от всяких предвзятых мнений и рассматривать действительность, как она есть и какою она *становится.* Не логика должна служить у нас чувству, а, наоборот, чувство должно следовать указаниям логики. Только при этом условии оно не рискует попасть на

ложную дорогу.

Я сказал, что стремления современных социалистов представляют собою лишь сознательное выражение бессознательного, слепого исто-

рического процесса. Если это справедливо вообще, то должно быть справедливо и в нашем частном случае. Другими словами, стремления русских соци-алистов в борьбе с бедствием, поразившим русский народ, должны и могут быть лишь сознательным выражением бессознательного процесса, называемо-го историческим развитием России.

Само собою разумеется, что мы будем рассматривать этот процесс лишь с той его стороны, которая имеет отношение к интересующему нас вопросу. Так, например, нам нет никакой надобности касаться здесь истории русской литературы, или русской науки, или русской так называемой православной церкви. Нас интересует здесь *экономическая* сторона вопроса, и мы имеем право ограничиться ею. Итак, мы должны узнать, каковы были те экономические причины, историческое действие которых привело к нынешнему голоду в России. Определив эти причины, мы без труда увидим, какие средства необходимы для борьбы с бедствием.

Излишне прибавлять, что речь пойдет у нас только о главнейших, о коренных причинах голода. Второстепенные и третьестепенные частности, вполне уместные в специальном историческом трактате, только увеличили бы безо всякой нужды объем нашего исследования.

Нам придется начать издалека, а именно, нам нужно кинуть по крайней мере беглый взгляд на историческое отношение нашего государства к нашему народу, точнее, — к непривилегированной «податной» части народа.

Вам известно, конечно, каково было это отношение.

С незапамятных времен все государственное здание покоилось у нас на худой, изможденной, но тем не менее чрезвычайно выносливой спине подат-ного населения, т. е.

преимущественно крестьянства. Государство издавна закрепостило крестьянина с весьма простой и понятной целью его эксплуата-ции. Вводя и усиливая крепостную зависимость крестьян по отношению к по-мещикам, государство лишь передавало «служилым людям» свои владельче-ские права над землепашцами. Без сомнения, никакое государство не может существовать иначе, как на счет производителей, от которых оно получает — или отбирает - средства, необходимые для отправления своих многообразных функций. Но никогда и нигде государство не брало у производителей так много, как брало и берет оно в России. Это объясняется, конечно не личными свойствами ее правителей, а суровой экономической необходимостью.

359

Дело в том, что благодаря соседству с западной Европой русский крестья-нин, экономическая отсталость которого могла бы сравниться разве с отстало-стью азиатского крестьянина, вынужден был поддерживать СБОИМ трудом очень сложную и очень дорогостоящую государственную машину. Его расхо-ды на поддержание этой машины были гораздо больше соответственных рас-ходов азиатского крестьянина. Уже со времен Грозного русский земледелец стонет под тяжестью государства, которое разоряет его *«пуще, чем турки и татары».* Смутное время было неудачной — и притом, при тогдашних обстоятельствах, заранее осужденной на неудачу — попыткой народа сбросить с своих плеч все сильнее и сильнее давившее на них государственное бремя. Реформа Петра Великого в особенности увеличила это бремя. Со времен Пе-тра Россия представляла собой такую страну, в которой на фундаменте про-изводительных сил, не превосходивших сил самых отсталых земледельческих стран Востока, покоилось государство, стоившее дороже западноевропейских государств, т. е. государств, сложившихся в гораздо более богатых странах. Поэтому уже со времен Петра русское государство было относительно

самым дорогим, а русский крестьянин, безусловно, самым бедным крестьянином в мире.

Когда русский солдат, этот оторванный от сохи и одетый в мундир кре-стьянин, попал во время войны в Болгарию, он с величайшим удивлением увидел, что несчастный, замученный нехристями болгарин живет несравненно лучше него, «свободного» земледельца православного государства. И это совершенно понятно: варварская Турция никогда не сумела бы так чисто обо-брать крестьянина, как обирает его европеизированная русская бюрократия.

Что касается земледельцев западной Европы, то как ни кричат у нас, например, об ирландской бедности, несомненно, однако, что никогда ирландцы не в состоянии были бы вынести того, что выносят русские крестьяне. Сами охранители прекрасно сознают, что бедность нашего крестьянина есть нечто исключительное и совершенно беспримерное. Иногда такое сознание выражается у них в чрезвычайно наивной форме. В конце февраля нынешнего года в «Московских Ведомостях» появилась интересная заметка под названием «Правда об русском народе». В заметке шла речь о предисловии известной госпожи Новиковой к только что вышедшей тогда книге Гарри де-Уинда «Siberia as it is» («Сибирь, какова она есть»). Высказанные госпожой Новиковой взгляды удостоились величайшего одобрения со стороны реакционной газеты. «Московские Ведомости» с радостью приветствовали

«этот голос, напоминающий англичанам то простое, но существенно важное обстоятельство, которое не вмещается в головах наших нигилизированных философов, а именно, что для оценки всего отклоняющегося от нормы нужно знать и помнить реальную норму данной страны или народа, а не делать срав-нений условий качественно различных». Но к чему же сводится указанное г-жой Новиковой «простое, но существенно важное обстоятельство»? Вот что сообщает об

этом орган охранителей.

«Россия, — говорит г-жа Новикова, — это страна стоицизма, укрепленного христианством. Это в конце концов не плохая школа для формирования характера, но школа суровая. Наша деревенская жизнь полна самоотвержения, тяжкого труда, лишений. В иных отношениях жизнь нашего крестьянина так сурова, что мы, люди высших классов, не способны были бы ее вынести. Как тесно и темно его жилище, как бедна его ежедневная пища! И, однако, люди, ведущие эту жизнь, в общем имеют вид крепкий, довольный. Они весело шутят и после долгого трудового дня, с зари до заката, возвращаются домой с плясками и песнями.

«Понятие о комфорте здесь, слава Богу, мало развито. И потому у нас тюрьма, по-видимому, очень суровая, оказывается даже чересчур комфортабельною. Эта простота и суровость жизни легко может ввести в заблуждение иностранца при посещении им неурожайных местностей. Видя обстановку грубую, европеец, особенно не слыхавший о голоде, легко припишет ее нужде, тогда как она может быть такою же, как в год полного благосостояния» («М. В.» № 57).

Из этого высокопарно-лицемерного вздора видно, что, по признанию самих охранителей, государство оставляет крестьянину лишь *«песни и пляски»* и что даже в годы «полного благосостояния» этот несчастный живет при такой обстановке, которая может показаться европейцу результатом острого стихийного бедствия. Трудно найти лучшее свидетельство в пользу справедливости того, что я сказал о положении нашего земледельца!

Девятнадцатое февраля 1861 г., положивши конец помещичьей власти, сделало крестьян свободными только по имени. В действительности оно лишь перенесло в другое место центр тяжести крепостной зависимости бывших помещичьих крестьян: из крепостных по отношению к *«барину», к «пану»,* они стали крепостными по отношению к казне. Под весьма благовидным предлогом обеспечения их

быта «освобожденным» крестьянам были навязаны земельные наделы, за

которые взыскивается выкуп, значительно превосходящий их стоимость. Не заплатив этого выкупа, крестьянин не мог оставить свою землю. Он остался привязанным к ней, и как плохо приходилось ему подчас на привязи, показы-вает следующий характерный случай, имевший место в 1874 г. в Великолуц-ком уезде.

На крестьянах названного уезда накопилось тогда очень много недоимок. Правительство нашло нужным послать особую комиссию для исследования причин этого явления. Комиссия нашла, что ни в одной деревне у крестьян не хватало хлеба для собственного продовольствия; что крестьянские поля оста-вались почти без удобрения, потому, что количество скота у них постоянно уменьшалось; что крестьяне нередко платили с отведенной им негодной зем-ли по 2 руб. с десятины, тогда как при вольном найме за нее нельзя было бы получить и 50 к. и т. п. «Под влиянием всех этих условий несколько деревень согласились не вносить в казну выкупных платежей, а другие самовольно уменьшили их на половину». Разумеется, правительственная комиссия возне-годовала. Вот как описывал корреспондент ее объяснения с неблагодарными крестьянами.

> «Представьте себе, приезжает комиссия в одну деревню 2-го участка, не плативщую выкупных платежей с начала шестидесятых годов. Сзывают крестьян. «Почему не платите?» — Да не за что; земля дурная. — «Ах, братцы, — увещевает мировой посредник, — да ведь вы сами же согласи-лись платить вместо 8 руб. 3; значит, земля стоит же 3-х рублей; отчего же вы их-то не вносите?» — Нет, видим, теперь, что и трех рублей не стоит; не из чего их платить. Чиновник от министерства вспылил: «Ах вы такие-сякие, да как вы смеете это говорить. Вы думаете, это вам даром пройдет: нет, от вас землю отберут». — А и бери себе

ее на здоровье, коли тебе нужна, а нам ее не надо, равнодушно отвечают ему крестьяне. — «Не только землю отберут, продолжает чиновник, но вас самих в арестантские роты сошлют; вы должны будете там отработать все, что задолжали прави-тельству: не дарить же оно вам станет». — В арестантские роты? А и в арестантские роты нешто; по крайности там кормят и одевают; хоть с го-лоду не околеешь; пущай себе и в арестантские роты, а платить все же не из чего. — «Каковы варвары! — говорил мне чиновник, — даже свободой не дорожат...» *).

*) «Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключении Берлинско-го договора», т. II, вып. 2, Лейпциг, стр. 1879, 150—151.

Этот случай прекрасно характеризует ту лицемерную комедию, которую многие добрые, но наивные люди до сих пор называют освобождением рус-ских крестьян с землею. Непомерно высокие платежи за землю, местами со-вершенно никуда негодную, или розги и арестантские роты — вот тот един-ственный выбор, который предоставило «свободному» крестьянину будто бы народолюбивое правительство Александра Н. И вы только что видели, това-рищи, что «освобожденный» крестьянин иногда вынужден был выбирать именно розги и арестантские роты.

Но это еще не все. «Освободив крестьян с землею», правительство поспешило увеличить налоги. В 1861 г. доходы государственного казначейства про-стирались до 411.584.000 руб.; через десять лет они дошли уже до 508.187.600 руб., а по росписи на 1891 г. они уже превосходили внушительную цифру 900 миллионов рублей.

Абсолютная величина налогов, платимых каждым данным народом сама по себе, как известно, еще ровно ничего не показывает. Все дело в том, как относятся налоги к платежным силам населения; если эти силы не велики, то даже незначительные сами по себе налоги могут очень

вредно отзываться на народном хозяйстве; и, наоборот, даже очень значительные сами по себе налоги могут быть взимаемы без вреда для хозяйства плательщиков, поставленных в благоприятные экономические условия. Со времен «освобождения» экономическое положение русского крестьянина очень значительно изменилось к *худшему.* Отсюда следует, что налоги, взимаемые с каждой крестьянской «души», стали бы относительно *тяжелее* даже в том случае, если бы *абсолютная* величина их осталась неизменной. Но так как на самом деле они росли с удивительным постоянством и с поразительной быстротой, то оконча-тельный результат не мог подлежать сомнению: струна, натягиваемая все туже и туже, должна была, наконец, лопнуть; все более и более обираемый крестьянин должен был, наконец, придти в такое положение, когда уже ни кутузка, ни розги не могут выбить из него ни копейки. «Эластичность платежной силы народа имеет свои пределы», — почтительнейше заметил однажды Грейг. Теперь эти пределы для многих местностей европейской России уже достигнуты.

Я сказал, что экономическое положение крестьян очень значительно изменилось к худшему со времени реформы 1861 года. Это известно всем и каждому. Но всмотримся внимательнее в ту связь, которую имеет это всем изве-стное явление с нынешним голодом.

Припомните, товарищи, какие открытия сделала комиссия, отправленная правительством в 1874 году в Великолуцкий уезд для исследования причины накопления там недоимок: ни в одной деревне у крестьян не хватает хлеба для собственного продовольствия; количество крестьянского скота постоянно уменьшается, а вследствие этого крестьянские поля остаются почти без удобрения. Но каков же мог быть урожай на полях, остававшихся без удобрения? Ясно, что доходность земледелия должна была понижаться, а

ее понижение, разоряя земледельцев, должно было, с своей стороны, причинять дальнейший упадок земледелия. Рано или поздно — и скорее рано, чем поздно — должно было наступить такое время, когда возделывать землю значило *работать в убыток.*

Обратите внимание на следующую таблицу, заимствованную г. Шараповым из земского сборника Новоузенского уезда и относящуюся ко всему среднему Поволжью:

1880 г. — неурожай.
1881, 1882, 1883 и 1884 гг. — урожай.
1885 г. — неурожай, саранча.
1886 г. — неурожай, почти голод.
1887 г. — травы хороши; рожь пропала; яровое ниже среднего.
1888 г. — то же; раздавали продовольствие.
1889 г. — травы плохи; рожь пропала; яровые ниже среднего.
1890 г. — урожай хлебов и трав плох.
1891 г. — *полный неурожай всего.*

Эта таблица показывает, что в Поволжских губерниях неурожай стал обычным явлением, а урожай представляет собою только счастливую случай-ность. Это, без преувеличения сказать, страшное положение. И оно не ограни-чивается Поволжьем. Вот, например, в Курской губ., по словам губернского земства, «почва до того истощилась, что уже не может давать сколько-нибудь хороших урожаев». В таком же или почти в таком же положении находятся, как мы увидим ниже, крестьянские земли по всей России. Но раз почва «уже не может давать сколько-нибудь хороших урожаев», — понятно, что неурожай становится совершенно естественным и неизбежным явлением.

Это не значит, конечно, что русская земля совсем отказывается кормить земледельца. Курское губернское

земство утверждает, что «так как верхний слой земли сильно истощился, то только возделывание земли глубоко взрезывающим плугом в состоянии поднять урожай Б губернии». Но может ли в конец обедневший крестьянин обза-

вестись плугом и необходимым при нем рабочим скотом? Очевидно — нет. Чтобы дать ему возможность сделать это, надо поставить его в другие, более благоприятные условия.

Приятно ссылаться на людей, которых никто не заподозрит в пристрастии к нашим воззрениям. Поэтому я с удовольствием обращаюсь еще раз к «Московским Ведомостям» (№ 42), в которых я нахожу следующие слова одного из опытных сельских хозяев:

«Нахожу неуместным распространяться здесь о результатах заведенных мною в полеводстве порядков, а ограничусь указанием на факт, в действительности которого имело случай убедиться земство через своих уполномоченных. В неурожайный в Смоленской губернии 1870 год я собрал на круг по 8 четвертей ржи с казенной десятины, когда мои соседи-крестьяне, не получившие даже посевных семян с озимого поля, покупали рожь на посев по 12 руб. *за* четверть. Овсяный клин в засушливое лето менее 10 четвертей с казен-ной десятины мне не давал, но были участки, где я собирал и больше».

Благодаря лучшему возделыванию, помещичья земля давала прекрасные для Смоленской губ. урожаи даже в годы, ознаменовавшиеся неурожаем на истощенных крестьянских землях. Но могут ли наши крестьяне практиковать на своих наделах улучшенные приемы земледелия?

«Это вопрос, на который способен ответить всякий, кто знаком с крестьянским земельным положением в России. Тут немыслимы ни весенний взмет пара, ни перепашка ржаного жнитва в августе. И то, и другое не может быть допущено деревней из-за нужды в пастбищах. Поневоле станешь

держаться старых приемов в обработке земли и терпеть порождаемые ими неурожаи и бескормицу, которые, с ослаблением плодородия пахотных угодий, будут повторяться все чаще и чаще. Какого же ждать тут иного исхода, кроме упадка и полного расстройства предоставленных самим себе русских крестьянских хозяйств». («М. В.» № 42).

В последних словах сквозит уже намек на необходимость опеки над крестьянами. Мы еще увидим, к чему приводит крестьянина правительственная опека. Теперь же я прошу вас, товарищи, заметить, что и «охранители» понимают всю невозможность сколько-нибудь успешного земледелия при тех общественных условиях, в которые поставлен русский земледелец. Отметив это многозначительное обстоятельство, возвратимся к нашему предмету.

Мне могут заметить, что неурожай 1891 г. коснулся не одних только крестьянских земель, что от него пострадали также и более или менее привилегированные землевладельцы. А, между тем, эти люди не могут пожаловаться на податный гнет. Следовательно, помимо этого гнета, существует какая-то другая причина бедствия, причина настолько сильная, что неурожай объясняется ею, по крайней мере, на землях частных владельцев.

В ответ на это возражение я замечу, прежде всего, что во многих местах неурожай был в прошлом году, как крестьяне выражаются, пестрый: хлеб уродился на полях хорошо удобренных и хорошо возделанных и не уродился на захудалых нивах крестьянской бедноты. Тут уж несомненно действие именно той причины, на которую указывал цитированный «Моск. Вед.» сель-ский хозяин: отсутствие у крестьян всяких средств для сколько-нибудь удо-влетворительной обработки полей. Но во многих случаях неурожай действи-тельно распространился на все земли данной местности, без различия «званий и состояния» их владельцев. Чтобы объяснить это явление, надо припомнить, в

каком положении находилось наше частновладельческое земледелие со вре-мени реформы 1861 года.

«Поместное и частное землевладение, очень шаткое на Руси до Петра Великого, поддержанное крепостным правом в течение XVII столетия, потом временно и случайно усиленное пожалованиями императриц XVIII ст., с другой стороны, подрываемое порядком наследования и самовластными конфискациями и, наконец, расстроенное абсентеизмом крупных землевладельцев в царствование Александра и Николая, поместное владение, говорим мы, со времени освобождения крестьян, видимо склоняется к ликвидации, к распродаже недвижимых имуществ, к упразднению господских хозяйств и запашек. Землевладение, разумея под этим словом и право собственности, и право пользования, т. е. арендование, эксплуатацию земель, переходит от прежних помещиков дворянского происхождения к двум разрядам новых владельцев: а) промышленникам, торговцам, спекулянтам, скупающим или арендующим оптом большие имения, и б) к крестьянам, раскупающим или снимающим те же земли по мелким участкам. Об этом ходе поземельного нашего быта заявляется со всех краев России так единогласно и настойчиво, что мы признаем эту черту характеристикою современного нашего социально-аграрного положения».

Эти строки написаны были князем Васильчиковым еще в семидесятых годах, но время, протекшее с тех пор, только усилило указан-

ное здесь экономическое движение: дворянство, как землевладельческий класс, еще дальше отступило на задний план и еще больше бывших помещи-чьих земель очутилось в руках купечества и всякого рода «спекулянтов», с одной стороны, и в руках крестьян — с другой. Что касается крестьян, то помещичьи земли переходили в их руки двумя путями: богатые крестьяне — на-ша сельская буржуазия — приобретали *в собственность* более или менее крупные

участки; бедняки же, побуждаемые созданной актом 1861 г. ирландской теснотой, снижали на короткие сроки небольшие участки, при чем платили гг. помещикам чрезвычайно высокую ренту. Само собою понятно, что эти бедняки лишены были всякой экономической возможности завести на арендованных клочках сколько-нибудь улучшенное хозяйство. Они так же точно «ковыряли» арендованную землю, как «ковыряли» свои наделы. К этому надо прибавить, что во многих местах помещики, разлакомившись высокой рентой, не давали арендуемой крестьянами земле отдыхать под паром, и тем, разумеется, очень быстро ее истощали. Что же касается завладевших помещичьими землями «спекулянтов» всех родов, видов и разновидностей, то они — в тех местах, где они вели собственное хозяйство, а не ограничивались раздачей своей земли в аренду деревенской бедноте — придерживались таких хищнических приемов эксплуатации своих имений, что о рациональном земледелии в них не могло быть и речи. Князь Васильчиков объясняет это невежеством нашей буржуазии. Но подобное объяснение недостаточно, как показывают следующие его же собственные слова: «Привыкнув в спекулятивных своих предприятиях к быстрым, краткосрочным оборотам, преследуя и в хозяйственном своем управлении торговую систему извлечения наибольшей непосредственной прибыли из затраченного капитала, купцы и евреи, концесси-онеры и строители железных дорог отличаются всеми достоинствами отважных предпринимателей, но и всеми недостатками дурных хозяев». Это уже ближе к истине. Но это еще не истина. Вопрос решается здесь указанием на привычку «спекулянтов» к быстрым оборотам, к извлечению высокой прибыли из затраченного капитала. Не трудно «привыкнуть» к хорошему барышу. Но ясно, что если «отважные предприниматели» имели экономическую возможность придерживаться своей «привычки», то, значит, были в общественной жизни такие условия, которые делали хищническую культуру более

доходной, чем рациональное земледелие. Князь Васильчиков обходит молчанием эту сторону вопроса, а между тем от него-то и зависит его окончательное решение.

В последние тридцать лет русское правительство так усердно служило ин-тересам торгово-промышленного капитала, что даже не очень «отважные» предприниматели очень быстро наживались. Земледелие не могло приносить таких высоких доходов, как торговля или промышленность. Неудивительно поэтому, что ни у кого не было охоты затрачивать капитал на сельскохозяй-ственные улучшения. И не только ни у кого не было охоты делать это, но яви-лось противоположное стремление: высасывать всеми возможными средства-ми капитал из сельскохозяйственных предприятий и превращать его, так ска-зать, в жидкое состояние с тем, чтобы потом искать счастья в торговле или в промышленности. В этом и заключается вся тайна сельскохозяйственной практики «купцов и евреев, концессионеров и строителей железных дорог».

Но, истощая землю, эти господа, разумеется, подрывали ее производитель-ность. Неурожаи учащались в их имениях, как учащались они на землях раз-давленного государством крестьянства. Постепенно приближался и, наконец, наступил день расчета. Ограбленная земля не в силах приносить доход своим «отважным» владельцам, как разоренный крестьянин не в силах поддержи-вать разорившее его государство.

Таким образом мы видим, что и в имениях привилегированных владельцев неурожай причинен был тем же самым истощением почвы, благодаря которо-му голодают теперь десятки миллионов. Разница лишь в путях, приведших к неурожаю крестьян и «спекулянтов». Спекулянты пришли к нему путем быст-рого набивания кармана; крестьяне — путем постоянного, безостановочного оскудения.

Я не стану распространяться о таких, например, всем известных проявле-ниях хищничества, как истребление лесов,

от которого пострадала вся Россия, т. е., следовательно, и люди совершенно в нем неповинные. Я обращу ваше внимание, товарищи, лишь на одно явление, проливающее новый свет на современное положение русского крестьянина.

Припомните, какое значение имеет для земледелия вывоз зерна из дере-вень на внутренние или иностранные рынки. Наука давно уже выяснила это. «Можно ли думать, — восклицал Либих, — что богатая, плодородная страна, ведущая деятельную торговлю, которая в течение десятилетий вывозит произ-ведения ее почвы в виде скота и хлеба, останется плодородной даже в том случае, если торговля не возвращает ее почве, в виде удобрения, тех извлеченных из нее составных

частей, которых не может возместить атмосфера! Не должна ли подобная страна придти в положение некогда богатой и плодородной Виргинии, в которой нельзя уже возделывать ни пшеницы, ни табаку?» *).

Все искусство земледелия сводится, по замечанию того же Либиха, к восстановлению в почве равновесия, нарушаемого питанием растений. Но если это так, то не трудно понять, какое влияние могло иметь на русское земледелие развитие товарного производства, окончательно вытеснившего у нас в последние тридцать лет старое натуральное хозяйство. Чем более развивалась внутренняя и внешняя торговля, тем больше хлеба вывозилось из деревни. В то время, когда крестьянин жил при условиях натурального хозяйства, на гумне у каждого мало-мальски зажиточного хозяина часто можно было найти старый, необмолоченный хлеб, сохранившийся от урожаев прежних лет. Теперь о подобных запасах крестьяне вспоминают, как о чем-то совершенно баснословном. Теперь хлеб есть товар, не долго залеживающийся в деревне. И несомненно, что потребление людьми и домашними животными хлеба и других сельскохозяйственных произведений очень значительно

сократилось на месте их производства, вследствие развития торговли, давшей возможность быстро превращать в деньги каждую копну сена, каждый четверок хлеба, а иногда и каждый горшок молока. Замечу мимоходом, что только благодаря этому обстоятельству и правительство могло выжимать из мужика гораздо больше, чем выжимало оно в «доброе старое время» натурального хозяйства. Только благодаря чрезвычайно быстрому развитию товарного производства правительство могло, с грехом пополам, поддерживать свое грешное существование со времени севастопольского погрома. Но это же развитие вело за собою не менее быстрое истощение русской почвы. Рассуждая отвлеченно, можно сказать, что легко было пособить этому горю, так как стоило только восстановлять указанное Либихом химическое равновесие. Но в том-то и дело, что крестьяне, с каждым годом все более и более бедневшие, не имели необходимых для этого средств, а «спекулянты» предпочитали, как уже сказано, другие, более выгодные для них, затраты капиталов. Печальное предсказание Либиха сбылось, наконец, в России, как сбудется оно во всякой другой стране, поставленной в такие же условия: русская почва стала, наконец, бесплодной.

*) «Chemische Briefe», Heidelberg 1884, 22-er Brief, S. 279.

Чтобы оживить ее истощенные силы, чтобы восстановить нарушенное *хи-мическое* равновесие, надо поставить русское земледелие в новые обще-ственные условия, а это будет возможно только тогда, когда изменятся *эконо-мические* отношения России.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Вероятные последствия голода.

Où il n'y a rien, le roi perd ses droits.

Некоторые из наших ученых усвоили странную манеру

отзываться на животрепещущий теперь вопрос о голоде. Они усердно и обстоятельно подсчитывают, как часто и как сильно голодал русский крестьянин в «прошлые века» *). Такие «исследования» дают богатейший фактический материал для успокоительных рассуждений на тему: «да он *же привык!»* В самом деле, «в прошлые века» русский «мужичек» голодал часто и сильно, а вот помог же ему Господь дожить до нынешнего голода; стало быть, нечего отчаиваться: доживет и до... следующей голодовки. Это, бесспорно, очень отрадный вывод. Беда лишь в том, что он очень мало убедителен.

В «прошлые века» крестьянин жил совсем не при тех экономических условиях, при которых он живет в настоящее время.

В «прошлые века» он вел *натуральное* хозяйство, а теперь ведет хозяйство *денежное.*

В «прошлые века», при натуральном хозяйстве, у него оставались такие запасы хлеба, которые сильно облегчали ему борьбу с бедствием, и которых не оказалось у него в 1891 году.

В «прошлые века» русская почва была очень далека от того истощения, которое замечается в ней в настоящее время.

Да и сам крестьянин в «прошлые века» был, несмотря на все сыпавшиеся на него невзгоды, еще очень далек от полной экономической беспомощности, составляющей его характеристическую особенность в наши дни.

*) *«Неурожаи прошлою века»* (публичная лекция П. В. Безобразова в пользу голодающих, прочитанная в аудитории Исторического музея 22-го Февраля). «Лектор начал свою лек-цию с общей картины неурожаев прошлого века. Как в XVI и XVII в.в. насчитывали по 8 неурожаев в столетие, так и в XVIII веке было не менее 8 крупных недородов и голодовок». («Русские Ведомости», 1892, № 53). Подобными подсчитываниями занимается не один г. Без-образов.

Следовательно, пример «прошлых веков» еще ровно ничего не доказывает по отношению к настоящему времени. В «прошлые века» голодовки вели за собой одни последствия, теперь ведут совершенно другие.

Если уже обращаться к «прошлым векам», то лучше всего сравнить положение французского крестьянина времен «старого порядка» с нынешним положением русского «мужичка».

«Опустошения, вносимые в крестьянскую среду переходом от натурального хозяйства к хозяйству денежному, которое представляет собою необходимое условие возникновения внутреннего рынка для промышленного капитала, классически изображены Буагильбером и Вобаном на примере Франции времени Людовика XIV. Но то, что происходило там, оказывается совершенными пустяками по сравнению с тем, что происходит в России. Здесь, во-первых, пропорции указанного явления втрое или вчетверо больше, а, во-вторых, изменение условий производства... совершается несравненно быстрее и решительнее. Французский крестьянин медленно вовлекался в сферу влияния мануфактуры, русский — сразу попадает в водоворот крупной промышленности. Если мануфактура била крестьян кремневым ружьем, то крупная промышленность вооружается против них — новейшим магазинным» *).

Но разрушение старых экономических отношений России означает разложение той исторической почвы, на которой вырос и укрепился наш политический строй. И чем скорее совершается *экономическая эволюция,* тем быстрее близится время *политического переворота.*

Нанося последний удар старой экономии России, нынешнее бедствие является в то же время *агонией царизма.*

Что делает, что может сделать царизм в борьбе с голодом?

Вам известно, товарищи, что царское правительство старалось поддержать население пострадавших губерний выдачей ссуд на продовольствие и на обсеменение полей, а также и организацией «общественных работ». Всем известно, как мало соответствуют размеры правительственной помощи размерам народной нужды. Но я не буду останавливаться на этом. Я предположу, что правительство дало бедствующему

народу не только все то, что оно *могло дать,* но также и все то, что надо было дать ему при нынешних трудных обстоятельствах. Другими словами, я предположу, что с этой стороны, со стороны *количественной* оценки его помощи народу, нам совершенно нельзя упрекнуть в чем бы то ни было правительство его величества. Но

*) *Фридрих Энгельс,* «La Carestia in Russia».

в то же время я попрошу вас обратить внимание на *качественную* сторону дела.

Потрудитесь вдуматься в смысл следующих фактов.

В феврале текущего года газеты напечатали следующий циркуляр курского губернатора г. фон-Валя ко «вверенным» ему земским начальникам:

«Крестьянам Рождественской волости, Курского уезда, наиболее пострадавшим от неурожая, были предоставлены, с целью обеспечить необходимое пропитание их семейств, работы по распилке дров на Курско-Киевской железной дороге, с платою по одному рублю от сажени без колки, но со складом в кубы. Упомянутые крестьяне 14 декабря, в числе 58 человек, явились в слободу Ямскую. Курского уезда, на линию Курско-Киевской железной дороги и начали работы, но, проработав четыре дня, не захотели продолжать работ и ушли домой...

«По произведенному дознанию оказалось, что упомянутые крестьяне в течение четырех дней распилили только 32 куба дров, работали неусердно, проводя большую часть времени в совещаниях о невыгодности работ, и ушли домой, признав плату в один рубль слишком низкою.

«Между тем за ту же работу на дровяных дворах г. Курска уплачивается только 75 коп., а на той же железной дороге до сего времени вольным рабочим платилось 80 коп.

«Принимая во внимание, что там, где идет вопрос о пропитании себя и своих семейств, рассуждение о выгодности или невыгодности работ представляется неуместным, а

самовольное оставление работ, по лености и нерадению — преступным, что другие крестьяне на той же дороге пилят дрова по 80 коп. от кубической сажени, находя эту плату вполне достаточною, — я признал необходимым, в пример прочим, наказать ушедших с работ крестьян выдержанием их при полиции в г. Курске до десяти суток каждого на хлебе и воде, о чем и сделал надлежащее распоряжение, предписав полицеймейстеру высылать этих крестьян во время ареста каждый день под конвоем на оставленные ими работы по распилке дров на Курско-Киевской железной дороге в слободу Ямскую, с тем, чтобы эти работы они производили под строгим надзором местной полиции. Вместе с тем я распорядился, чтобы из получаемой платы за сию работу отделялась часть на содержание арестованных, с выдачею им хлеба по 3 или 3½ фунта каждому в день, а остальная часть представлялась мне для отсылки местному земскому начальнику на нужды вдов и сирот тех обществ, к которым принад-

лежат упомянутые крестьяне. Независимо от того, мною предложена курской уездной земской управе, чтобы крестьянам, ушедшим с работ, и тем, которые не пожелают в будущем отправиться на работы, отнюдь не выдавались продовольственные ссуды.

«Сообщая об изложенном земским начальникам пострадавших от неурожая уездов Курской губернии, прошу их объявить о настоящем случае ухода крестьян с работ и о всех сделанных мною по сему предмету распоряжениях на сельских сходах тех обществ, которым выдаются или предназначаются к выдаче продовольственные ссуды, предварив их, что если кто-либо из членов сих обществ не пожелает воспользоваться предоставляемою им работою для их личного и их семейств пропитания, - тот, во-первых, лишится права на получение продовольственной ссуды для себя и семьи, если бы даже в том крайне нуждался, а, во-вторых, будет отправлен в Курск для ареста на общественные работы по

моему распоряжению, как это сделано с крестьянами Рождественской волости, Курского уезда».

Логического смысла в этом циркуляре, как видите, очень немного. «Принимая во внимание, что там, где идет вопрос о пропитании себя и своих семейств, рассуждение о выгодности или невыгодности работ представляется неуместный...», — но для человека, живущего своим трудом, вопрос всегда и неизменно идет «о пропитании себя и своего семейства». Что же, стало быть, человек, живущий своим трудом, совсем не имеет права рассуждать о выгод-ности или невыгодности работ, т. е., следовательно, и о возможности пропи-тания работой «себя и своего семейства». Из слов г. фон-Валя следует, что - да. Относившиеся к этому предмету рассуждения курских пильщиков показались ему *«преступными».* Ну, а граф Л. Толстой, занимавшийся когда-то пил-кой дров с гигиенической целью, тот, очевидно, имел полное право рассуждать о выгодности или невыгодности такого занятия. Ведь для него вопрос шел совсем не «о пропитании себя и своего семейства». Опять выходит, что - да. Но в таком случае, оказывается, что интересоваться высотой заработной платы имеют право только те люди, кото-рые в ней совсем не нуждаются, и которым поэтому высота ее вовсе не интересна. Это очень странная теория! Сам г. курский губернатор едва ли решится отстаивать ее в ее чистом виде. Но дело в том, что в этих удивительных строках г. фон-Валь вовсе не думал высказывать какую бы то ни было теорию. Он написал вздор просто по невежеству и безграмотности, как написал его Александр III, заговоривший в из-вестном рескрипте на имя наследника престола о *«недороде хлебных*

произведений» (т. е., стало быть, кренделей, булок, бубликов, сухарей, хлебных ковриг и т. п.). Логического смысла очень мало в доводах г. фон-Валя, но это не мешает его циркуляру иметь совершенно ясное и определенное общественное

значение. Этот циркуляр показывает, что правительственная заботливость о голодающем обывателе лишает этого несчастного «всех прав состояния» и превращает его в общественного раба, трудом и временем которого могут бесконтрольно распоряжаться все без исключения большие и малые помпадуры.

Г. фон-Валь далеко не являет собою чего-нибудь исключительного. Его нельзя назвать даже первым между равными. Он *такой же, как и все.* В чет уступает ему, например, нижегородский губернатор г. Баранов? В первом же гласном заседании нижегородской продовольственной комиссии он высказал следующую программу помощи голодающим: «В уездах и городах губернии существует у отдельных лиц и формирующихся негласных кружков наклонность (!) сбирать в пользу пострадавших от неурожая пожертвования и раздавать их нуждающимся самостоятельно (какой ужас!). Не говоря уже о том, что эта форма благотворительности не подвергается необходимому контролю (а почему вы знаете, что *не* подвергается?), надо иметь в виду, что она не может достигать своего назначения (?!). Вследствие этого, предполагается сделать распоряжение о том, чтобы никто в губернии без специального разрешения не имел права собирать пожертвования в пользу пострадавших от неурожая и раздавать полученные суммы помимо с этою целью в губернии организованных учреждений (одно из двух: если обыватели имели прежде это *«право»,* то вы, г. Баранов, не *«имели права»* лишить их его, и для пользования им они не нуждались ни в каких «специальных разрешениях»; если же права этого у них прежде *не было,* то излишне было «делать распоряжения... чтобы никто не имел права» и т. д. Все та же безграмотность, органически сросшаяся с нашими помпадурами). Вместе с тем признается необходимость воспретить (!) лицам, желающим получить продовольственную помощь, обращаться непосредственно в какие бы то ни было учреждения, заведующие сбором и

распределением пособий пострадавшим от неурожая помимо своего ближайшего и непосредственного начальства». Но это еще не все. Присяжный поверенный Садовский изъявил губернской земской управе от имени неизвестного лица желание взять на прокормление одну из пострадавших деревень. Выбор пал на деревню Адашево. Тогда «Н. М. Баранов — рассказывает журнал заседания комиссии от 1-го декабря 1891 г. — заявил, что он поручил местному зем-скому на-

чальнику тщательно блюсти, чтобы прокормление крестьян сказанного селения на средства неизвестного жертвователя совершалось правильно и, не отличаясь в лучшую сторону от прокормления нуждающихся на казенную ссуду, в то же время не было и хуже его».

«Вестник Европы» замечает, что взгляд нижегородской продовольствен-ной комиссии можно резюмировать так: «вызывать частную благотворительность в эпоху общественного бедствия не следует, а когда она проявляется са-ма собою, ее нужно взять под надзор и подвергнуть строгой регламентации». Это верно. Но, с другой стороны, надо быть справедливым даже по отношению к русской бюрократии. От нее (или от «правительства», что все равно) требуют помощи, ждут благодетельных распоряжений. Она и помогает, она и распоряжается. При этом она, разумеется, не может изменить своей природы, да и не видит в этом ни малейшей надобности. Она действует и распоряжается так, как может действовать и распоряжаться бюрократия, унаследовавшая все привычки и все предания самого полицейского изо всех возможных полицейских государств. «Теперь, во время бедствия, — говорит г. Баранов, — земский начальник должен быть рукою Провидения, спасающего от беды». Подобные притязания, разумеется, хватают через край. Но можно ли сказать, что они непонятны. Судьба страны издавна находится в бесконтрольном распоряжении

правительства. Неудивительно, что его чиновники считают себя чуть не богами.

«Когда наступает момент, в который уже не до теорий, ибо сама жизнь настоятельно требует действия, - как в прошлом и настоящем году, — государство, совершенно естественно, выпрямляется во весь свой исторический рост и начинает распоряжаться всем с такою же легкостью и силой, как при московских царях, как при Петре, Екатерине, Николае, как всегда, когда считало нужным распоряжаться».

Так рассуждают «Московские Ведомости» (№ 37), и хотя свойственное им представление о распорядительности полицейского государства несколько своеобразно, несомненно, однако, что они метко определяют сущность дела. Полицейское государство «выпрямляется во весь свой исторический рост и начинает распоряжаться всем... как при московских царях, как при Петре, Екатерине, Николае, как всегда, когда считало нужным распоряжаться». В пе-реводе на обыкновенный язык это значит, что при тех отношениях к обыва-телям, которые с давних пор вошли в привычку у нашего правительства, вся-кая забота о народном благе понимается им в смысле самого бесцеремонного вме-шательства в народную жизнь и деятельность. И чем больше «выпрям-

ляется» полицейское государство, тем бесцеремоннее, тем бестолковее и тем невыносимее становится его вмешательство.

В начале марта появилась в русских газетах следующая телеграмма:

«Луганск, 6-го марта. Над расчисткой пути нашей дороги работало до 5,000 человек поденно-рабочих, большая часть которых явилась на работу при посредстве полиции. Плата доходила...» и пр. Плата была не дурна, но не в том дело. Замечательно то, что полиция и здесь была «рукою Провидения, спасающего от беды»... не знаем в точности

кого: рабочих или железно-до-рожное начальство. Если бы дела пошли дальше в том же направлении, то скоро вся наша экономическая жизнь попала бы под полицейский надзор, и русские производители трудились бы не иначе как *«при посредстве полиции».* Ожидать от полицейского «Провидения» чего-нибудь, кроме превращения голодающих в бесправных рабов, было бы так же наивно, как надеяться, что на вербе вырастут груши.

Но если уже теперь, когда кризис, собственно говоря, только что начался, наше полицейское государство гораздо больше угнетает народ, чем поддер-живает его в беде, гораздо больше «распоряжается», вредит и путает, чем по-могает, то каковы же блага, которые может оно обещать нам в будущем?

Повторяю, кризис только что начался. Если 1892 год еще не будет последним годом русского самодержавия, то это ни мало не улучшит безнадежного положения царского правительства. Нынешний голод, окончательно разорив крестьянскую массу, страшно понизит производительность русского земледелия и еще более увеличит его зависимость от всякого рода неблагоприятных случайностей. Неурожаи станут повторяться еще чаще, чем прежде, а мы видели, что и прежде они повторялись убийственно часто: в промежуток времени от 1880 до 1891 г. в обширной, богатейшей от природы местности на 4 урожая пришлось 7 неурожаев. Но эта местность вовсе не находилась в каком-нибудь исключительно плохом положении. Вся русская почва истощена до такой степени, что, при нынешних условиях земледелия, не может уже давать хороших урожаев. К сожалению, можно с уверенностью сказать, что только счастливая случайность спасла в 1891 году западную половину России от голода. Эта половина разорена не менее восточной. «Невеселые вести получаются... из уездов, — говорит корреспондент «Русских Ведомостей» о Киевской губернии. У большинства крестьян хлеба не только на семена,

но и на продоволь-

ствие, так же как и корма для скота, нет. Для кулаков настало самое благоприятное время: скот идет за бесценок в их руки. Это бросалось в глаза во время последней ярмарки. Скот продавали не крестьяне, а «барышники» (1892, № 72). Ведь это уже голод. А будущее несет с собой еще более тяже-лые невзгоды. Озимые плохи во всем юго-западном крае. Нельзя будет уди-вляться поэтому, если будущей осенью потребуется правительственная по-мощь населению этого края. Положе-ние крестьян северо-западных губерний давно известно: они едва ли даже и знают, что значит не голодать. Все это яс-но показывает, что мы находимся вот в каком положении: *«спасать от* беды» *русского крестьянина* правительство может не иначе, как целиком взяв на се-бя его содержание и отдыхая от исполнения этой тяжелой обязанности лишь в редкие-редкие теперь урожайные годы. Но это явная экономическая невозможность. Как же будет правительство содержать тот самый народ, на счет которого оно существует? Чтобы помочь кому-нибудь, — например, доблестному дворянству или почтенному купечеству, — правительство должно предварительно обобрать народ. Ну, а когда с народа брать нечего, тогда и правительство решительно никому помочь не в состоянии: не только народу, но и самому себе. В течение целых столетий, с усердием, вполне достойным лучшей участи, правительство рубило ветку, на которой сидело. Теперь работа его пришла к концу; ветка подрублена; но вместе с нею должно пасть и правительство. Où il n'y a rien, le roi perd ses droits *).

Другого выбора нет и быть не может. Россия должна вырвать свою судьбу из рук обанкротившегося царизма или погибнуть от полного экономического истощения. Не утописты-мечтатели подсказывают ей ее политическую программу. Ее навязывает неумолимая сила экономической необходимости. И все обстоятельства, как нарочно, склады-

ваются так, что даже самые, тупые и неразвитые люди не могут не понять преимуществ этой программы.

Как я уже сказал, русское государство издавна было самым дорогим госу-дарством в мире. Самым дорогим, во-первых, в смысле отношения налогов к производительным силам страны, а, во-вторых — в смысле безотносительной стоимости каждого отдельного отправления государственного тела. Я уже не говорю о «хищениях», доставивших всемирную славу нашему чиновниче-ству. Я имею в виду лишь столь обычную у нас нелепую и часто совершенно непроизводительную трату

*) Там, где ничего нет, король теряет свои права.

казенных денег. Дорого и скверно — вот нелицеприятная характеристика, подходящая решительно ко всему, что делал и делает царизм для России *). А между тем он пользовался до сих пор самыми искренними симпатиями со стороны буржуазии, которая, казалось бы, должна была иметь сильную склонность к. *«дешевому правительству».* Чем объясняется эта странность?

Дело в том, что наше самодержавное правительство стоило дорого *только народу,* т. е. *только трудящейся массе,* которая и распла-

*) «Военная смета, бывшая в 1858 году не свыше 89 милл. руб., — замечает автор уже цитированных мною «Исторических очерков России», — в 1873 г. превосходила уже 175 милл., т. е. возросла в 17 лет на 97%, и за всем тем к началу войны 1877 года русская армия была вооружена хуже турецкой, почему и понесла от нее несколько поражений». «Непроизводительность многих издержек по флоту, — продолжает тот же автор, — всего лучше видна из тою, что Флот этот остался без дела в единственную войну, какую вела Россия с 1855 г. с морскою державою. И что всего хуже: те суда, которые находились на театре войны, как знаменитые поповки, оказались негодными для службы, так что вместо специально построенных боевых судов пришлось нанять торговые и их приспособить для военно-морской службы. Если бы подобное расходование денег — а их израсходовано в 23 года (1855—1877) до 480 милл. рублей — имело место в частном предприятии, то, конечно, даже самые сонные акционеры низвергли бы дирекцию; но у нас морское ведомство продолжало благополучно существовать и делать издержки самого непроизводительного свойства». Даже в «охранительной» прессе не редко можно встретить очень недвусмысленные признания на счет обычного у нас нелепого образа действий администрации. Когда министром путей сообщения сделался г. Витте, «Московские Ведомости», «с искреннею радостью» приветствуя его назначение, так характеризовали положение дел во вверенной ему отрасли

государственного хозяйства: «Грехи, накопившиеся в течение долгих лет в нашем железнодорожном ведомстве, отозвались жестоким образом на всей России в настоящую и без того тяжелую неурожайную годину. Нуждавшееся в пропитании население семнадцати губерний едва не осталось без хлеба вследствие того, что железные дороги не только не ускорили, но даже совершенно затормозили доставку ему хлеба из урожайных местностей Кавказа. Потребовалось отправление другого энергичного и «прямолинейного» человека, полковника фон Вендриха, в качестве чрезвычайного уполномоченного, для немедленного исследования и быстрого устранения тех причин, которые грозили России неслыханным бедствием. Полковник фон Вендрих блестящим образом исполнил возложенную на него задачу... но мог достигнуть лишь ценою тяжких жертв, которых он потребовал от казенных и частных железных дорог и которые, разумеется, в конце концов чувствительно отзовутся на наших государственных Финансах» (№ 48). На кого же падает ответственность за грехи, накопившиеся в нашем железнодорожном ведомстве. «Московские Ведомости» отвечают категорически: «...В данном случае главная часть вины падает... на бывшего министра путей сообщения, который, зная с июня месяца состояние нашего урожая и предвидя усиленное продвижение хлебных грузов с Кавказа в центральную Россию, счел возможным предаваться отдыху в июле и августе, а затем заниматься совершенно бесплодной борьбой с Министерством Финансов, вместо того, чтобы сосредоточить все свое внимание и всю свою энергию па усилении и развитии перевозочных средств наших южных дорог и на своевременном предотвращении того железнодорожного хаоса, который теперь приходится распутывать с такими неимоверными тяжкими жертвами».

Что сказать о таком политическом порядке, при котором десятки миллионов людей рискуют умереть голодной смертью вследствие того, что предается несвоевременному отдыху министр, ответственный лишь «перед богом и государем»? Не следует ли сделать министров ответственными *перед страною,* существенно заинтересованной в их деятельности.

чивалась за жадность и неумелость бюрократии. Что же касается привилеги-рованных слоев населения, — между которыми, в течение последних 30 лет, буржуазия занимала первое место, — то для них оно было чрезвычайно де-шевым и чрезвычайно выгодным правительством. Оно не только не обременяло их налогами, но создавало для них самые постыдные иммунитеты. Так, например, оно запретило земствам облагать фабрики по степени доходности, предоставив брать налог лишь с фабричных зданий, соответственно их наемной цене. Рядом с иммунитетами шло открытое наполнение бездонных буржуазных карманов по-средством всякого рода «субсидий» и «гарантий». Таким образом, все было к лучшему в самом лучшем из государств, все устраивалось к обоюдной выгоде правительства и буржуазии: предприниматели богатели, а царь не без основания видел в них надежнейшую опору своего трона.

Как видите, товарищи, эта политическая идиллия выросла на почве простого торгового расчета. Но торговый расчет, которым прекрасно объясняется ее *происхождение,* ни мало не обеспечивает ее *долговечности.* Нежность всероссийского купечества к царизму без следа исчезнет в тот день, когда оно увидит, что существующий теперь политический порядок, когда-то очень полезный и даже прямо необходимый для него, сделался источником его разорения.

Этот день уже недалек от нас. Известно, как тяжело отозвался голод на состоянии нашей промышленности. Фабрики сократили производство, многие из них вовсе остановились, банкротства быстро последовали одно за другим, среди предпринимателей раздались жалобы на огромные убытки. И на этот раз жалобы их не были притворны. Всецело уничтожив покупательную силу пострадавших от него земледельцев, неурожай, естественно, повел за собой недостаток внутреннего сбыта, а известно, что значит недостаток внутреннего сбыта для русского промышленника. Буржуазии пришлось дорого платиться за то бесстыдное расхищение народного достояния, которому она усердно предавалась в союзе с правительством и под его руководством. По глубоко вкоренившейся привычке она требует помощи от своего старого испытанного союзника, но чем тяжелее ее положение и чем серьезнее ее требования, тем сильнее будет и тем скорее придет ее неизбежное разочарование. Ее союзник сам находится, как мы уже видели, при последнем издыхании. И так как с голодного народа ему брать уже нечего, то ему поневоле придется протянуть руку к кошельку буржуазии. А подобное посягательство с его стороны сразу откроет буржуазии глаза на преимущества «правового порядка». Тогда она

заговорит о правах человека и гражданина, о народном благе, о свободе, о самоуправлении. «Человек нападает на несправедливость не потому, что сам он не хотел бы

поступать несправедливо, а потому, что он боится, как бы с ним не поступили таким образом», — говорит Фризимах у Платона. Наша буржу-азия только рукоплескала правительству, когда оно, грабя народ, делилось с ней добычей. Она вовсе не боялась поступать *«несправедливо».* Но когда самодержавная «несправедливость» станет грозить ее собственным интересам, она немедленно окажется горячей сторонницей *«справедливости».* Вы берете мои деньги, скажет она правительству. Я согласна, что это необходимо в настоящее трудное время. Но я желаю знать, куда идут они. Я требую отчета. И не такого отчета, какой вы давали стране до сих пор. Такой отчет не более как насмешка. Я хочу, чтобы вы не позволяли себе никаких других трат, кроме тех, которые будут одобрены и разрешены представителями народа, т. е. мною. Я хочу иметь ответственных министров. Я требую *конституции.*

Далее, чтобы спасти самое себя от неминуемого разорения, чтобы обеспечить своим изделиям сбыт внутри страны, буржуазия необходимо должна потребовать переделки тех общественных условий, при которых совершался до сих пор земледельческий труд в России и благодаря которым Россия стала страной голода. Она вынуждена будет подумать о земледельце, дать ему материальную возможность бороться с неблагоприятными физическими влияниями, возможность сеять *хлеб,* а не *голод.* Ей, в ее собственных интересах, придется добиваться серьезных экономических *реформ.* Разумеется, она будет смотреть на эти реформы со свойственной ей, *буржуазной,* точки зрения. Ей будет важно не благосостояние трудящейся массы, а увеличение суммы так называемого *народного богатства,* т. е. богатства *присвоителей, а не про-изводителей.* В своей реформаторской деятельности она будет руководство-ваться моралью притчи о талантах, или — что то же — правилом: если ты имеешь много, то тебе еще дадут, если же мало, то и это, очень малое, возьмут. Но несомненно, что ей *придется* заговорить о

реформах, а, раз заговорив о них, она, по необходимости, станет в отрицательное отношение к существующему теперь политическому порядку.

Позвольте мне, товарищи, пояснить мою мысль примером, взятым из такой области, которая пользуется большим, чтобы не сказать исключительным, вниманием со стороны нашей более или менее «передовой» литературы, и которая, несмотря на это, до сих пор остается темной для многих и многих защитников народных интересов. Я гово-

рю о наших поземельных отношениях. Как отразится на них нынешний голод? Фридрих Энгельс, в статье, из которой я заимствовал эпиграф моего пер-вого письма, говорит, что голод «ускорит разложение старой сельской общи-ны, обогащение кулаков, превращение их в крупных землевладельцев и вооб-ще переход земли из рук дворян и поселян в руки новой буржуазии» (nelle mani délia nuova borghesia). Я понимаю, товарищи, тяжело сознавать, что и нынешнее бедствие народа послужит на пользу буржуазии, которая, как мы видели, не мало в нем виновата. Но, во-первых, верные правилам научного исследования, мы решились объективно рассматривать современное состояние России и его вероятные последствия, не позволяя себе малодушно закрывать глаза на неприятные для нас явления; а, во-вторых, положение нашего крестьянина было до такой степени печально при старом экономическом порядке, что его уже не может ухудшить новое торжество буржуазии. Напротив, ее новое торжество во многих отношениях даже улучшит его, так как оно прекратит, наконец, крепостную зависимость крестьянина от государства. Впрочем, об этом мы поговорим в третьем письме. Там мы увидим, в какое отношение мы должны будем стать к торжествующей буржуазии. Теперь же, чтобы не отклоняться от предмета, я прошу вас вдуматься в те *политические* последствия, которые повлечет за собою переход крестьянской земли *«в руки новой*

буржуазии».

Захватив эту землю в свои руки, буржуазия, конечно, будет возделывать ее гораздо лучше, чем возделывали старые владельцы: это будет и необходимо, и вполне возможно для нее. *Необходимо* — потому, что самое истощение по-чвы делает убыточной дальнейшую хищническую ее эксплуатацию; возмож-но — потому, что буржуазия обладает значительными денежными средства-ми *). Таким образом подымется производительность русского земледельче-ского труда, и общая сумма национального богатства увеличится. Но вы знае-те, что, привязав крестьянина к кусочку пашни, правительство брало у него, в виде податей, нередко гораздо больше того, что мог бы принести такой кло-чок даже при улучшенном возделывании. Отдавши государству все, что приносила ему земля, крестьянин должен был прибавлять к этому часть по-

*) Как ни истощена теперь русская почва, но при улучшенных способах обработки она, разумеется, вполне способна давать совершенно удовлетворительные урожаи. О ней можно сказать тоже то, что говорит у г. Эртеля в «Смене» «временный второй гильдии купец» Прытков об имении гг. Мансуровых: «Видимость-то такая, что надо сдать по са-а-амой минимальной цене, а, между прочим, в руках она во всех смыслах достигнет преображения».

лученкой на стороне заработной платы. Но положим, что так бывало только в исключительных случаях. Положим, что вообще дело ограничивалось тем, что в казну поступала вся та часть дохода с крестьянской земли, которая соответствует ренте и прибыли, между тем как земледельцу доставалась часть, соответствующая заработной плате (и притом, во всяком случае, - очень низкой плате). Пока земли оставались в руках крестьян, такой порядок вещей до поры до времени (т. е. до времени полного разорения крестьянского хозяйства) не был экономической невозможностью. Крестьянин громко стонал под тяжелым податным бременем, но он, соединяя в своем лице и работника, и предпринимателя, все-таки мог продолжать такое хозяйство, весь доход с которого

ограничивался для него очень невысокой заработной платой. Но едва крестьянские земли перейдут в руки буржуа, т. е. капиталистов, подобный по-рядок окажется совершенно невозможным. Капиталист не может довольствоваться той частью дохода, которая соответствует *заработной плате:* эту часть он отдает своим работникам. Он должен получить известную *прибыль,* которую он, под страхом разорения, вынужден отстаивать от правительственных посягательств. Но этого мало. Капиталист-землевладелец не может удовольствоваться даже и тою частью приносимого землей дохода, которая соответствует заработной плате в соединении с прибылью и из которой у него в руках остается собственно только прибыль. Ведь прибыль данного уровня принесло бы и хозяйство на арендованной земле или какое-нибудь промышленное предприятие. А он не только предприниматель, он также и землевладелец. В качестве землевладельца он хочет получать *поземельную ренту,* и он никогда не уживется в мире с таким государством, которое станет брать у него, в виде налога, всю поземельную ренту. Буржуа-землевладелец далеко не такая удобная для государства и далеко не такая покладистая «платежная сила», какою является «мужичек». Если данный участок, приносящий, положим, 30 четвертей ржи, принадлежит «мужичку», то на него можно навалить налог, соответствующий, скажем, 20 четвертям, а когда он перейдет во владение капиталиста, он не даст государству больше 5 или 6 четвертей. А если, несмотря на его переход в белые буржуазные руки, государство вздумало бы облагать его в такой же мере, в какой облагало в то время, когда он был в корявых и мозолистых руках крестьянина, — он сразу сделался бы отчаянным революционером. Указывая на лежащие рядом с ним и почти свободные от налогов участки более высокого, например, дворянского происхождения, он закричал бы о справедливости, о равенстве

прав и обязанностей и даже о противлении злу насилием.

Поэты говорят, что бывают такие обстоятельства, когда камни вопиют, если люди остаются не-мы. Современному политику, рассуждая о вероятном политическом настрое-нии гг. предпринимателей, приходится прежде всего принимать во внимание образ мысли их движимой и недвижимой собственности.

Таким образом, одного перехода крестьянских земель в руки буржуазии было бы достаточно, чтобы поставить царское правительство в крайне не-устойчивое и крайне опасное положение. Новые владельцы непременно пожелали бы свалить с доставшейся им земли большую часть лежавших на ней налогов. А чтобы сделать это, необходимо с верху до низу перестроить всю нашу податную систему. Если правительство не пожелает взяться за это, оно толкнет в ряды оппозиции всю сельскую буржуазию, нерасположение которой в особенности опасно для него, так как она имеет сильное влияние на все деревенское население. Если же правительство, во избежание подобного разлада, приступит к податной реформе, оно попадет из огня в полымя. Знакомые лишь с канцеляриями, царские чиновники решительно не в состоянии справиться с этой чрезвычайно трудной реформой, затрагивающей самые насущные интересы всей страны. Они наделают множество ошибок; и каждая из их ошибок сыграет роль предметного урока в деле политического обучения всей (и промышленной, и сельской) буржуазии, которая, как уже сказано, вообще может быть верна «престолу» лишь до тех пор, пока «престол» остерегается протягивать руку к ее сердцу, т. е. к ее кошельку, и избегает введения подоходного налога. Как только царизм, проявлявший до сих пор истинно отеческую заботливость об интересах «всероссийского купечества», окажется не в состоянии играть роль насоса, который, выкачивая содержимое народного кармана, переливал его в карман буржуазии, эта последняя тотчас увидит, что ей не остается ничего другого, как с честью похоронить своего «обожаемого» родителя. И она не замедлит исполнить

эту священную обязанность. Правда, ей придется не только хоронить родителя, но предварительно содействовать переселению его в лучший мир. Но что же делать! В политике иногда неизбежны подобные маленькие неудобства... для «обожаемых» родителей.

Но буржуазия не единственная у нас общественная сила, угрожающая самодержавию. Там, где есть буржуазия, есть и пролетариат. Пролетарий и «му-жичек», это настоящие политические антиподы. Историческая роль пролета-риата настолько же революционна, насколько

консервативна роль «мужичка». На «мужичке» целые тысячелетия непоколе-бимо держались восточные деспотии. Пролетариат в сравнительно очень короткое время расшатал все «основы» западноевропейского общества. В Рос-сии же его развитие и политические воспитание идет несравненно скорее, чем шло на Западе. В России пролетариат растет, мужает и крепнет буквально не по дням, а по часам, как сказочный богатырь. В какие-нибудь десять-двена-дцать лет он изменился до неузнаваемости. Следя за русской общественной жизнью настоящего времени и наблюдая проявления умственных и политиче-ских стремлений рус-ского пролетариата — той жажды знания, которая овладела им теперь, и той жаждой борьбы, которая нераздельна у него с жаждой знания, — испытываешь впечатление человека, который, встретив носящего хорошо известное имя здорового, полного сил юношу, со сложившимися уже убеждениями и с непоколебимой верой в будущее, удивленно спрашивает се-бя: да неужели это тот самый Х., которого я знал ребенком, понятливым, бойким, но все-таки - ребенком. И заметьте, товарищи, что русский пролетариат особенно окреп и раз-вился в царствование Александра III, т. е. в эпоху самой свирепой реакции и самого безотрадного застоя, в такую эпоху, когда «интеллигенция» безнадежно опускала руки, теряя веру и в самое себя, и в свои «идеалы». Если бы надо

было привести пример такой страны, в которой общественное развитие быстро подвигается вперед, несмотря на все усилия всемогущих, по-видимому, реакционеров, то Россия последнего десятилетия была бы лучшим и самым поразительным изо всех примеров этого рода. В этой стране, где был произнесен смертный приговор над образованием и надо всякими «завиральными» идеями, и где сами сторонники этих идей начинали думать, что ничем нельзя остановить исполнение этого страшного приговора, в этой подавленной, умственно и материально обнищалой стране, незаметно и бесшумно, но неуклонно и неудержимо совершается молекулярная работа внутреннего обновления, и между тем как разочарованная «интеллигенция» смеется над идеалами своих «людей старого поведения» или увлекается странными фантазиями странного графа, рабочий класс учится, читает, знако-мится с движением западного пролетариата, проникается непримиримой ненавистью к деспотизму, сознанием своей силы, своих интересов и своего достоинства и тем самым обращает в полнейшее ничто десятилетние усилия реакции. Россия девяностых годов оказывается гораздо более созревшей для революции, чем была Россия семидесятых годов в самый сильный разгар тогдашнего революционного движения.

Когда я пишу эти строки, когда я указываю на это явление, незаметное только для того, кто не хочет его заметить, мне неожиданно вспоминается сравнение, с помощью которого величайший из философов-идеалистов хотел изобразить ход развития *«всемирного духа».* Я не помню подлинных выражений философа и не вижу надобности справляться в его книге. Я воспроизведу поэтический образ так, как он воскресает теперь в моей памяти.

Движение всемирного духа принимает в разные времена разные формы. Иногда он идет семимильными шагами, совершая множество самых блестя-щих завоеваний, и, ничем

не довольный, он уже ныне отрицает те результаты, к которым пришел вчера. Таковы эпохи великих исторических событий, умственных и общественных переворотов. Иногда же движение всемирного духа становится медленнее, даже, по-видимому, совсем прекращается, и нам кажется, что наступает печальное время застоя. Но это только по-видимому, это только кажется. На самом деле всемирный дух лишь покидает поверхность исторической почвы и устремляется в глубину, скрывающую от наших глаз его работу. Он роется, как крот, прокладывая себе новые невидимые и неведомые нам подземные ходы. И только когда оканчивается эта кротовая работа, когда, благодаря ей, снова начинает колебаться историческая почва, когда опять наступает эпоха великих общественных потрясений, мы с удивлением видим, что всемирный дух ушел вперед на огромное расстояние, и что время мнимого застоя было временем плодотворнейшего развития. И тогда мы уясняем себе значение его подземной работы, тогда мы готовы восторженно воскликнуть словами Гамлета: «Крот, ты хорошо роешь!».

Да, товарищи, наблюдая ход русского общественного развития, мы долж-ны признать, что крот хорошо роет. Мы видим, что развитие капитализма принесло с собой не только окончательное разорение крестьянского хозяйства и не только истощение русской почвы. Оно подорвало основы самодержавия и вызвало к жизни те общественные классы, которым суждено быть его могильщиками. Один из этих новых на Руси общественных классов — и наиболее революционный из них: *пролетариат* — уже теперь, в лице своих лучших представителей, хорошо сознает свои политические задачи *). Другой — отсталый,

*) См речи, произнесенные рабочими на тайном собрании в Петербурге по поводу 1-го мая 1891 г. (Рабочая Библиотека, выпуск шестой).

буржуазия — должен будет сознать *свои* под страхом

разорения. Это уже огромный шаг вперед, это надежное ручательство за лучшее будущее, это полное отрицание азиатского застоя, составлявшего когда-то отличительную черту России. Наши славянофилы и охранители всякого рода ужасно любили противопоставлять спокойную, консервативную Россию беспокойному, рево-люционному Западу. Подобное противопоставление имело смысл лишь до тех пор, пока внутренние отношения России не уподобились внутренним отноше-ниям Западной Европы. Теперь оно становится бессмысленным, потому что теперь старый экономический строй России рассыпается, как карточный домик, как гнилушка, истлевшая и обратившаяся в пыль. И теперь все мы, враги существующего порядка, чувствуем, наконец, твердую почву под ногами. *Теперь пришло наше время.*

Дорого обошлось России это коренное изменение ее экономического строя. В особенности тяжел для нее нынешний кризис. Но не мы ответственны за ее страдания. Не нами они были подготовлены, не нами вызваны. Их подготовили и вызвали те самые общественные отношения, которые мы стараемся уничтожить. Мы окажемся виноватыми перед своей страной только в том случае, если будем смотреть на ее бедствия, сложа руки, если не захотим или не сумеем так направить свою деятельность, чтобы самые бедствия послужили для России залогом будущего благосостояния.

Такая деятельность является теперь и нравственно обязательной и политически необходимой. И все ручается за ее успех. Нам стоит только захотеть, стоит только проявить ту настойчивость, ту энергию, ту страсть, без которых не делается ничего великого в истории, чтобы обеспечить себе победу.

Наши народники горько плачут о превращении русского крестьянина в пролетария. Их представления не идут дальше угрожающей пролетарию бедности. Но разве мало бедствовал

крестьянин? Разве царизм не обещал нам увековечить то мнимое благосостояние «мужичка», благодаря которому этот последний, по признанию самих реакционеров, даже в самые урожайные годы мог бы показаться европейцу полумертвым от голода нищим? О, нет, пора разогнать славянофильский туман, пора, давно пора понять, что развитие пролетариата обещало нам не увеличение народных страданий, — в этом отношении русскому народу дальше идти некуда, — а *появление возможности успешной борьбы с ними.*

386

Надо, однако, кончить это письмо. Подведем итог сказанному.

Если развитие капитализма и упадок крестьянского хозяйства давно уже все более и более и с разных сторон революционизировали русские общественные отношения, то нынешний голод сводит воедино все их разносторонние и многообразные влияния. Он представляет собою экономический пролог предстоящей нам политической революции.

Следовательно... но кажется излишне и прибавлять это — следовательно, правы люди, держащиеся революционного способа действий. *Их революционные стремления являются лишь сознательным выражением бессознательного исторического процесса.*

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Наши задачи.

«Ohne klassenbewusste Arbeiter kein Sozialismus». (Из немецкого «Социал-демократа» восьмидесятых годов).

Дорогие товарищи!

Уяснив себе современное положение дел в России, перейдем к определе-нию тех задач, которые оно ставит перед нами, *социалистами.*

Мы видим, что России предстоит пережить революцию, и мы признали, что вполне правы люди, предпочитающие

революционный способ действий. Мы видели также, что предстоящая нашей стране революция принадлежит к разряду так называемых *политических* революций, т. е. что непосредственным результатом ее будет изменение нашего политического строя, *падение самодержавия.* Спрашивается, — какую же собственно роль должны взять на себя социалисты в этой политической революции?

Ставя этот вопрос, я не имею в виду доказывать вам, что и *«политиче-ские»* революции могут быть полезны делу социализма. Это азбучная истина, известная теперь всем и каждому. Правда, было время, когда русские социа-листы сомневались в ней. Но это время прошло безвозвратно, и теперь никому из них не придет в голову оспаривать ее. Теперь все они понимают, как много пользы их делу принесет торжество политической свободы в России.

Но если это так, то кажется, что вопрос исчерпан до дна. Если торжество политической свободы будет полезно для нашего дела, то ясно, что надо добиваться политической свободы и отложить решение

всех прочих спорных вопросов до того счастливого времени, когда судьба России будет вырвана из рук коронованного урядника, и мы получим воз-можность, не боясь «законного» возмездия, спорить при полном свете дня, думать то, что хотим, и говорить то, что думаем. Согласие родит силу, а мы как бы нарочно стараемся плодить разногласия и притом плодить их по таким вопросам, которые не имеют теперь практического значения.

Часто приходится слышать такие речи в нашей революционной среде, и не менее часто сыплются упреки и нарекания по адресу социал-демократов, будто бы обнаруживающих особенное пристрастие к спорам о совершенно несущественных теперь вопросах. «Вы отстаиваете дело, которого, конечно, нельзя не признать очень хорошим делом,— говорят русским социал-демократам

их противники. Но этого хорошего дела нельзя делать теперь, при существующих у нас политических условиях. Другими словами, ваше хорошее дело есть пока еще, к сожалению, совершенно невозможное дело. А между тем, ради этого, невозможного пока, дела вы поднимаете огромный шум и нескончаемые споры. Вы отталкиваете одних, запугиваете других, и в конце концов вредите и самим себе, и всей России. И это тем более жаль, что между вами есть, право же, не совсем бездельные люди».

Впрочем, в самое последнее время русским социал-демократам приходилось слышать о себе « другие более снисходительные отзывы. В моей статье *«Всероссийское разорение»* некоторые увидели отказ от прежней социал-демократической программы и не то поворот, не то отступление в сторону «чи-стой политики», политики свободной от примеси невозможного теперь «со-циализма». И меня хвалили за это отступление, чуть не поздравляли с ним. Не скрою, что подобные похвалы и поздравления доставили бы мне больше удовольствия, если бы я мог считать их заслуженными. Вот почему я прошу людей, хваливших меня за названную статью, внимательно прочесть предлагаемое письмо. Если они и по прочтении его не возьмут назад своих похвал, то, значит, между нами действительно нет никаких разногласий, и наши прежние споры с некоторыми из «чистых политиков» были плодом недоразумений. Мне и моим товарищам было бы очень приятно убедиться в этом.

Что же касается до сыплющихся на нас нападок, то я надеюсь, что дальнейшее изложение покажет, насколько они основательны и насколько маловажны те вопросы, которые в особенности интересуют теперь русских социал-демократов.

В статье «Всероссийское разорение» я сказал, что «все те честные русские люди, которые, не принадлежа к миру дельцов, купцов и чиновников, не ищут своей пользы в бедствиях народа, должны немедленно начать агитацию в

пользу созвания Земского Собора, долженствующего сыграть роль учредительного собрания, т. е. положить *основы нового общественного порядка в России.*

«Разумеется, — прибавил я, — в деле подобной агитации непременно должны обнаруживаться партионные и фракционные различия, существую-щие в среде людей революционного или оппозиционного образа мыслей. Но эти различия ничему не помешают. Пусть каждая партия и каждая фракция делает дело, подсказываемое ей ее программой. Результатом разнородных усилий явится новый общественно-политический строй, который во *всяком случае* будет большим приобретением для всех партий, кроме достаточно уже опозорившейся *партии кнута и палки».*

Какое же дело подсказывается социалистам *их* программой?

Заметьте, товарищи, что словом социализм очень много злоупотребляли в течение последних десятилетий. Какой реакционер, какой буржуа не говорил при случае, в особенности, чтобы одурачить своих избирателей, что он — тоже социалист и вполне сочувствует «правильному решению социального вопроса». Ввиду этого я должен заметить, что я совершенно оставляю без внимания гг. «тоже-социалистов» всех цветов и оттенков и буду говорить только о настоящих социалистах, т. е. о тех людях, которым слово социализм не слу-жит орудием в борьбе с социалистическим *делом.*

Что такое социалистическое движение?

Если бы такой вопрос задали социалисту тридцатых годов, — например, одному из последователей знаменитого Фурье, — он ответил бы приблизительно следующее: «Наш гениальный учитель открыл и изложил в своих сочинениях целый ряд истин, существования которых до сих пор не подозревало человечество. На основании этих открытий он подробно разработал план нового общественного устройства, которое одно только и может избавить лю-дей от их бесчисленных нравственных и материальных бедствий. Современное

социалистическое движение — истинное, достойное своего названия социалистическое движение — сводится к распространению идей нашего учите-ля и к их практическому осуществлению, т. е. к устройству придуманных им *фаланстеров».*

Такой ответ был бы совершенно правилен в тридцатых годах. Социалисти-ческое движение действительно сводилось тогда к распространению идей раз-личных социалистических школ и к попыткам их прак-

тического осуществления. При этом само собою разумеется, что каждая шко-ла считала истинным социализмом именно учение своего основателя.

Но теперь дело обстоит не так. Современному социалисту социалистиче-ское движение представляется совсем не тем, чем представлялось оно социа-листу тридцатых годов. Уже незадолго до революционного 1848 года между социалистами явились люди, смотревшие на социализм с совершенно новой точки зрения. С этой новой точки зрения главнейшей ошибкой социалистов прежнего времени было именно то обстоятельство, что «дальнейшая история всего мира сводилась для них к пропаганде и к практическому осуществле-нию их реформаторских планов» *). Социалисты нового образа мыслей виде-ли в дальнейшей истории цивилизованного мира нечто другое и несравненно более обещающее.

Что же именно видели в ней социалисты нового образа мыслей? Прежде всего *борьбу классов,* борьбу *эксплуатируемых* с *эксплуататорами, пролета-риата* с *буржуазией.* Затем, они видели в ней неизбежно предстоящее торже-ство пролетариата, падение нынешнего буржуазного общественного порядка, социалистическую организацию производства и соответствующую ей переме-ну во взаимных отношениях людей, т. е., между прочим, и уничтожение клас-сов. Хорошо — лучше своих предшественников — понимая,

что социалисти-ческая революция означает полный переворот во всех общественных отноше-ниях, социалисты нового направления совсем не занимались, однако, разра-боткой плана будущего общественного устройства. Они считали это бесполезной тратой времени, так как частности будущего строя определятся в свое время такими обстоятельствами, которых невозможно предвидеть, а общие его основания достаточно определяются научной критикой существующих общественных отношений, т. е. критикой, основанной не на симпатиях или антипатиях реформаторов, а на исследовании исторического хода развития нынешнего общественного порядка. Социалисты нового образа мыслей раз навсегда разорвали с *утопиями* и стали на точку зрения *науки.* Эту заслугу признали за ними даже их враги, которые стали называть новейший социализм *научным социализмом.* Последователи научного социализма являются теперь единственными социалистами, заслуживающими этого названия.

Если для последователей научного социализма вся дальнейшая история буржуазного общества сводится к борьбе пролетариата с бур-

*) «Манифест Коммунистической Партии» *Карла Маркса* и *Фридриха Энгельса,* глава III.

жуазией, то и все их практические задачи подсказываются им именно этой борьбой классов. Безусловно стоя на стороне пролетариата, новейшие социалисты всеми силами стараются облегчить и ускорить его победу. Но что же могут сделать они в этом смысле? Необходимым условием победы пролетариата является сознание им своего положения, своих отношений к эксплуататорам, своей исторической роли и своих социально-политических задач. Поэтому новейшие социалисты и считают своей главнейшей, чтобы не сказать единственной, обязанностью содействие росту этого сознания пролетариата, которое они кратко называют его *классовым сознанием.* Ростом классового сознания пролетариата измеряются для

них все успехи социалистического движения. Все, что содействует этому росту, они считают полезным для своего дела; все, что замедляет его — вредным; все, что не оказывает на него ни того, ни другого влияния, безразличным, *политически* неинтересным.

Но можно различно содействовать росту классового сознания пролетариата. Можно содействовать *посредственно,* можно содействовать — *непосредственно.* Так, например, если я занимаюсь социалистической пропагандой в среде пролетариата и его организацией, если я, как член социалистической партии, способствую выделению пролетариата в особую политическую партию, противостоящую всем партиям эксплуататоров, я *непосредственно* содействую его росту классового сознания. Но положим, что я, гражданин данной свободной страны, с успехом отстаиваю интересы свободной торговли. Говоря вообще, свободная торговля действует разрушительно на буржуазные общественные отношения. «Она разлагает прежние национальности и доводит до крайности противоположность между пролетариатом и буржуазией. Словом, система свободной торговли ускоряет социальную революцию» *). Поэтому и я, способствуя торжеству свободной торговли, до известной степени расшатываю существующий буржуазный порядок. А чем более будет расшатан буржуазный порядок, тем скорее будет расти классовое сознание пролетариата: неустойчивость общественных отношений естественно будет наводить его на мысль об их негодности. Но можно ли сказать, что, поскольку мои усилия ускоряют торжество свободной торговли, постольку я делаю то самое дело, которое делают современные социалисты? Нет. Социалистиче-ская деятельность *непосредственно* способствует росту классового

*) *Карл Маркс,* «Речь о свободе торговли», четвертый выпуск «Библиотеки Современного Социализма», Женева, 1885, стр. 22.

сознания пролетариата. Я же содействую ему лишь посредственно, так как ро-сту классового сознания

пролетариата способствует собственно не свобода торговли — цель моих усилий, — а та неустойчивость буржуазных общественных отношений, которая явится *последствием* свободной торговли, и которой я вовсе не имею в виду. Социалисты могут признать мою деятель-ность косвенно полезной для их партии, но у них не будет никаких оснований признать меня своим человеком.

Ну, а если я отстаиваю свободу торговли именно ради ее разрушительных последствий? Если я выступаю ее защитником единственно потому, что она «ускоряет социальную революцию»? Тогда я — социалист, и тогда другие социалисты не могут не признать меня своим товарищем. Не так ли?

Нет, опять не так. Каковы бы ни были последствия свободной торговли, отстаивать ее можно двумя совершенно различными путями: или 1) в борьбе за нее примкнуть к тем слоям буржуазии, которым торжество ее принесет прямые экономические выгоды; или 2) стараться сделать сторонником свободной торговли пролетариат, которому выгодны будут ее разрушительные последствия, и который может сильно способствовать ее торжеству своей поддержкой. Если вы избираете второй путь, то вы, разумеется, делаете социалистическое дело: ведь, чтобы пролетариат поддерживал желательную вам свободу торговли на том основании, что она «ускоряет социальную революцию», вы должны прежде сделать его сознательным сторонником этой революции, т. е., иначе сказать, вы должны вести социалистическую пропаганду в его среде, должны *непосредственно* содействовать росту его классового сознания. В таком случае, удивительно будет одно: как это вы, социалист, при-шли к мысли о необходимости социалистической пропаганды лишь посред-ством соображений о разрушительных последствиях свободной торговли? Ведь к этой мысли можно было подойти гораздо проще.

Но если вы предпочитаете первый путь, если вы боретесь за свободу торговли в рядах буржуазии, то *фактически* вы — буржуа, как бы вы ни рассуждали о последствиях вашей победы. Политическое значение каждого деятеля определяется действительным характером его политической деятельности, а не тем, что он думает о ней. Что делаете вы в рядах ваших буржуазных союзников? То же самое, что делают все они: вы боретесь за свободную торговлю. И только Вы знаете при этом, что свободная торговля ускоряет социальную революцию. Союзники ваши этого не знают. Но это безразлично. Ваши

союзники с такою же энергией, как и вы, добиваются свободы торговли; следовательно, они толь же деятельно ускоряют социальную революцию. Это не мешает им, однако, оставаться чистокровными буржуа. Не мешает и вам *фактически* быть чистокровным буржуазным деятелем ваши *размышления о* раз-рушительных последствиях свободной торговли.

Развитие капитализма без всякого сомнения ускоряет социальную револю-цию. Следовательно, социальную революцию ускоряет каждый буржуа, деятельность которого способствует развитию капитализма. Но было бы очень странно, если бы кто-нибудь вздумал на этом основании причислять буржуаз-ных дельцов к социалистам. Ускорять социальную революцию могут даже люди, деятельность которых прямо направлена на борьбу с социализмом. Некоторые немецкие социал-демократы думают, что известный исключительный закон против социалистов принес немалую пользу их партии. Если это мнение справедливо, то выходит, что, вводя исключительный закон, Бисмарк тем самым ускорял социальную революцию *в* Германии. Но кто же назовет социалистом человека, стремившегося нанести смертельный удар социал-де-мократической партии.

Повторяю, как бы ни рассуждали вы о *последствиях* вашей

политической деятельности, социалистом можно признать вас только в том случае, когда она, ваша деятельность, *непосредственно* способствует росту классового сознания пролетариата. Если же она не оказывает такого, непосредственного влияния, то вы совсем не социалист, хотя бы более или менее отдаленные последствия вашей не социалистической деятельности и принесли потом большую или меньшую "пользу делу социализма.

Само собою разумеется, товарищи, что, указывая важнейший и непосредственнейший признак социалистической деятельности, я не хочу этим сказать, что всякий, кто не хочет изменить красному знамени, непременно должен заниматься или сочинением социалистических книг, или их распространением и вообще пропагандой в среде пролетариата и его организацией. Отдельные *лица,* принадлежа к социалистической *партий,* могут заниматься и другими делами, ни на минуту *не переставая быть* социалистами. Положим, что социалистическая партия данной страны решила устроить тайные убежища для своих членов, навлекших на себя правительственные преследования. Она поручает это дело мне и некоторым другим товарищам. Мы охотно и ревностно исполняем ее поручение. Наша личная деятельность не направлена непосред-

ственно на развитие классового сознания пролетариата. Но неужели, занима-ясь ею, мы перестаем быть социалистами? Никто не скажет, что — да. Но по-чему же не скажет? Потому что, занимаясь своим делом, мы не только не перестали принадлежать *к партии, непосредственно содействующей росту классового сознания пролетариата,* но и взялись-то за это дело по ее поручению. Другой пример. Социалистическая партия данной страны решила, что скоро ей придется вступить в открытую борьбу с правительством. Успех борьбы много зависит, конечно, от того, как поведет себя в

решительную минуту войско. И вот партия поручает известному числу своих членов заняться революционной пропагандой в войске. Солдат, конечно, можно рассматривать как пролетариев, одетых в военные мундиры. Следовательно, относительно лиц, выясняющих им цели социализма, интересующий нас вопрос не может и возникнуть. Но он вполне уместен относительно лиц, имеющих дело исключительно с офицерами. Перестают ли эти лица быть социалистами? Ни-сколько. Почему же нет? Опять-таки потому, что деятельность их определяет-ся нуждами такой партии, которая непосредственно содействует росту классового сознания пролетариата. А если бы они не принадлежали к ней? Они тотчас же перестали бы быть социалистами, потому что тогда работа их сразу потеряла бы всякую связь с прямым и непосредственным социалистическим делом. Подобных примеров можно было бы привести очень много. Но мысль моя, надеюсь, достаточно ясна. Вся она выражается в эпиграфе этого письма: *без рабочих, сознающих свои классовые интересы, нет социализма.*

Ничего не может быть проще этой мысли. Я уверен, что многим из моих читателей она кажется аксиомой. Но она не всегда была аксиомой. Социалисты-утописты объявили бы ее совершенно ошибочной. И понятно — почему. Мысль эта представляет собою неизбежное логическое следствие понятия о социалистическом движении, как о классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией. Социалисты-утописты чужды были этого понятия, они еще не доросли до него. Неудивительно, что и опирающиеся на него мысли показались бы им неосновательными, парадоксальными, чуть не безнравственными. А до какой степени социалисты-утописты чужды были понятия о классовой борьбе, покажет хотя бы следующее.

В конце сороковых годов в Германии существовало что-то вроде обозре-ния, называвшегося «Die gesellschaftliche

Zustände». Во втором томе этого из-дания мы находим чрезвычайно замечательный взгляд на социалистическое движение во Франции, с одной стороны, и

в Германии — с другой. Оказывается, что во Франции «социальным вопро-сом» занимается почти исключительно пролетариат, а в Германии — «иму-щий класс». По словам автора, этот класс, едва лишь за два года перед тем обративший внимание на социальный вопрос *), в главном со-вершенно согла-сен с неимущим классом во Франции и не менее его увлекается социальным движением. «Не служит ли это, - спрашивает автор, — достаточным доказательством того, что ни один из общественных классов не может быть назван причиной наших многоразличных общественных бедствий». Далее мы узнаем, что политические формы безразличны для людей, стремящихся к решению социального вопроса. *Запад* (die westlichen Länder) обладает более или менее демократическими конституциями, а между тем бедности там не меньше, чем в восточных странах, где существует автократия. «Поэтому для нас все либерально-политические стремления даже более чем безразличны: они нам формально отвратительны» **).

Вы видите, товарищи, что человек, написавший приведенные строки, не только не сочувствовал классовой борьбе пролетариата с буржуазией, не только держался того мнения, что в Германии «имущий класс» (т. е., собственно, по теперешней русской терминологии, *интеллигенция)* сыграет такую же историческую роль, какую играл во Франции пролетариат, но у вообще связывал со словами «обществен-ный класс» чрезвычайно смутное представление. Никто не может считать буржуазию *причиной* буржуазного обществен-ного порядка. Буржуазия сама явилась как бессознательный плод того истори-ческою процесса, который создал нынешний общественный порядок. Но раз заняв свое место в обществе и поняв свои классовые, интересы, она является *сознательной*

защитницей нынешнего общественного порядка, и пролетариату надо будет преодолеть ее сопротивление, чтобы устранить этот порядок. Вот и все. Борьба пролетариата с буржуазией не выдумка социалистов известной школы и не какой-нибудь тактический прием, измышленный фанатиком-революционером, а такая же роковая историческая необходимость, какою была в свое время борьба буржуазии с феодальным дворянством. В настоящее время излишне даже говорить, что пример «имущего класса» Германии доказывает как раз обратное тому, что хотел доказать немецкий социалист-уто-пист сороковых годов. Этот класс ровно ничего не сделал для решения «со-циального вопроса», а если принадлежавшие к нему молодые люди того вре-

*) Это было писано в 1847 г.
**) «Die gesellschaftliche Zustände», 1847, B. II, S. 1—2.

мени увлекались социализмом, то с их стороны это было, разумеется, очень хорошо, но это прекрасно объясняется тогдашним политическим состоянием Германии. После 1848 года немецкая «интеллигенция» интересовалась социализмом разве только как грозным чудовищем, которое надо побороть во что бы то ни стало, хотя бы для этого пришлось поступиться самыми «непререкаемыми» правами граждан. Теперь в Германии, как и во Франции, под социалистическим знаменем идет *только* рабочий, только «неимущий» класс, против которого и измышляются поэтому «исключительные» законы. Теперь рассуждения, подобные вышеприведенным, можно услышать только в России, где довольно часто даже революционеры толкуют о том, что мы не «Запад» и проч. (при чем у нас Германия причисляется уже к западным странам, между тем как прежде немецкие утописты противопоставляли ее Западу). Западноевропейская жизнь ушла очень далеко вперед со времени сороковых годов, и чем дальше шла она, тем больше выяснялось роковое и революционное значение классовой борьбы как для

социалистов, так даже и для их врагов, защитников нынешнего общественного порядка.

Прежде чем идти далее, сделаю еще одну оговорку. Если я утверждаю, что содействие росту классового сознания пролетариата есть единственное дело и прямая, священная обязанность социалистов, то это не значит, что современные социалисты стоят за пропаганду, только за пропаганду, и ни за что, кроме пропаганды. В широком смысле слова это, пожалуй, и так, но только в *очень* широком смысле. Когда на Парижском международном конгрессе 1889 г. социалисты решили добиваться восьмичасового дня, то они, разумеется, имели при этом в виду, что рабочие демонстрации в пользу их решения будут превосходным средством пропаганды их идей. Но ведь демонстрация есть в то же время и *агитационное* средство. Вообще не легко провести границу между агитацией и тем, что обыкновенно называется пропагандой. Агитация — это та же пропаганда, но пропаганда, имеющая место при особых условиях, имен-но, при условиях, заставляющих прислушиваться к словам пропагандиста да-же таких людей, которые не обратили бы на них внимания в обычное время. Пропаганда — это агитация, совершающаяся при обыкновенном, будничном течении жизни данной страны. Агитация — это пропаганда, поводом для которой служат не совсем обыкновенные события, вызывающие некоторый подъем в общественном настроении. Социалисты были бы очень плохими политиками, если бы они не пользовались для своих целей такого рода выдающимися событиями.

Предположим, что агитация в пользу восьмичасового дня уже увенчалась успехом. Испуганная постоянно возрастающим напором рабочего движения, буржуазия уступила. Во всех цивилизованных странах закон ограничил рабочий день восемью часами. Это огромная победа социализма, но, спрашивает-ся, неужели все те рабочие, усилия которых привели к победе, были социали-стами?

Наверное — нет. Между ними были, конечно, и социалисты, было много социалистов, которым принадлежала руководящая роль, которые шли впереди, увлекая за собою колеблющихся и нерешительных. Но ведь были же, стало быть, и колеблющиеся, и нерешительные? Отчего же они колеба-лись, отчего они были нерешительны? Оттого ли, что они вообще нереши-тельны и склонны к колебаниям? Отчасти, может быть, и оттого, а отчасти, и уж наверное, еще и оттого, что они не вполне выяснили себе выгоды восьмичасового дня, и что, вообще, не усвоив социалистических идей, они еще не прониклись той жаждой борьбы за лучшее будущее, которая вызывается стройным, последовательным революционным миросозерцанием. Словом, эти люди еще не были социалистами. Но теперь по-смотрите же — что вышло. Со-циалисты увлекли на борьбу за чрезвычайно полезное для социализма дело таких людей, которые еще не были социалистами. Другими словами, люди, еще не бывшие социалистами, уже работали на пользу социализма. И это сделала агитация! Благодаря ей социалисты могли употребить в дело не только те силы, кото-рые принадлежат им в настоящее время, но также и те, которые будут принадлежать им лишь впоследствии. Произошло нечто вроде учета социалистического векселя, по которому заплатит история. И такой учет значительно приблизил торжество социализма.

Пропаганда, собственно так называемая, утратила бы всякое историческое значение, если бы она не сопровождалась агитацией. Пропаганда сообщает правильные взгляды десяткам, сотням, тысячам людей. Но люди, обладающие правильными взглядами, только тогда становятся историческими деятелями, когда они имеют прямое влияние на общественную жизнь. А влияние на общественную жизнь современных цивилизованных стран немыслимо без влияния на массу, т. е. без агитации (в варварских деспотиях дело обстоит иначе; там масса не имеет

значения; но fie о них мы говорим). Следовательно, агитация необходима для всякой партии, желающей иметь историческое значение. Секта может удовольствоваться пропагандой в узком смысле слова. Политическая партия — никогда.

397

Если бы надо было еще выяснять взаимное отношение агитации и пропаганды, я прибавил бы, что пропагандист дает *много* идей одному лицу или не-скольким лицам, а агитатор дает *только одну* или *только несколько* идей, зато он дает их *целой массе лиц,* иногда чуть не целому населению данной мест-ности. Но история делается массой. Сле-довательно, агитация есть цель пропа-ганды: я веду пропаганду затем, чтобы иметь возможность перейти к агитации.

Вернемся, однако, к нашему примеру. Мы предположили, что социали-стам удалось добиться законного восьмичасового дня. Подобное ограничение очень выгодно рабочему классу. Когда оно оказывается существующим фактом, в этом очень скоро убеждаются даже самые отсталые, самые непонятливые, самые неразвитые рабочие. И все они знают, что восьмичасовой день введен по почину социалистов. Поэтому все, даже самые отсталые, рабочие наглядно убеждаются в том, что осуществление, по крайней мере, некоторых социалистических требований выгодно для рабочего класса. А от такого сознания, во всяком случае, несравненно ближе до полного сочувствия социали-зму, чем от совершенного равнодушия к социалистической проповеди. Но пойдем дальше. Увеличивая досуг рабочего, восьмичасовой день тем самым дает ему возможность большого умственного развития, а, следовательно, и более легкого усвоения социалистических идей. Значит, и с этой стороны восьмичасовой день приближает неизбежную развязку, «ускоряет социальную революцию».

Вы, конечно, знаете все это не хуже меня, и не для того

говорю я о восьми-часовом дне, чтобы склонить вас на его сторону. Мой пример помогает мне выяснить не только взаимное отношение агитации и пропаганды, но и роль так называемых ближайших требований в социалистической программе. Восьмичасовой день есть именно одно из таких требований. На парижском конгрессе анархисты горячо восставали против него, уверяя, что его осуще-ствление сделало бы рабочих менее восприимчивыми к революционной про-паганде. Вы видите, что это не так. Экономические реформы, подобные огра-ничению рабочего дня, хороши уже тем одним, что они приносят непосредственные выгоды рабочему, что они улучшают положение рабочего класса или, по меньшей мере, препятствуют тому ухудшению его, которое идет вместе за развитием капитализма. Чтобы стоять за такие реформы, достаточно обладать самым элементарным чувством человечности. Но социалисты стоят за них, кроме того, еще и потому, что осуществление каждой из них, содей-ствуя росту классового сознания пролетариата, ускоряет торжество со-

циализма. В этом и заключается то в высшей степени замечательное отношение *экономических* требований к идеальным стремлениям, которое составляет отличительную черту новейшего социализма.

Новейший социализм исходит, по-видимому, из самых прозаических сооб-ражений: из соображений о состоянии производства и обмена в данном об-ществе. Он опирается на экономию. В ней ищет он разгадки всего историче-ского развития человечества. На этом основании несведущие или неискренние люди часто упрекают новейших социалистов в грубости помыслов, в грязном *нравственном* материализме. «Вы ничего не знаете, кроме интересов желудка», говорят им их враги, тем более склонные забывать о желудочных интересах, что их собственные желудки ежедневно получают очень здоровую и очень вкусную пищу. Вы видите, товарищи,

что враги социализма говорят ложь, злую и пошлую ложь! Если до сих пор все историческое движение человечества определялось ходом развития экономических отношений; если люди были слепыми орудиями еще более слепых экономических сил; если, благодаря этому обстоятельству, они пережили бесчисленное множество самых ужасных бедствий и пролили целые моря самой невинной крови, то виноваты ли в этом социалисты? Социалисты только указывают явление, которое причинено совсем не ими, а тем самым неумением людей стать господами своих экономических отношений, которое доходит до апогея в буржуазном обществе, и которое исчезнет лишь при социалистическом строе. Социалисты говорят «только об экономии» единственно потому, что *только в экономии* современного общества видят они серьезное препятствие для *духовного* развития человечества. *Идеальный момент,* стремление содействовать росту со-знания рабочего класса, — который будет спасителем всего страждущего человечества, — проходит, как видите, через всю программу социалистов. Каждое из их, по-видимому, самых прозаических требований рассчитано на увеличение сознания пролетариата, и, конечно, не вина, а счастливейшая особенность, величайшая заслуга современного социализма заключается в том, что, содействуя развитию сознания рабочих, он в то же время содействует улучшению их материального положения, выплескивает хоть несколько капель из переполненной чаши их страданий.

Идеал хорошо откормленного рабочего скота — это идеал деспотов, а так-же идеал гуманнейших из буржуа, тех буржуа, которые искренне хотели бы доставить рабочему материальное довольство, не разбивая, однако, висящих на нем цепей капитала. У социалистов дру-

гой идеал! Они гордятся тем, что если они зовут рабочих на борьбу против экономического рабства, то эта же борьба и в

то же самое время оказывается борьбою против умственного рабства; против невежества пролетариата. Вы помните, вероятно, товарищи, великие слова, великого писателя: «если бы бот в одной руке держал все знание, а в другой — движение к нему, и предоставил бы мне выбор, то я сказал бы: творец, возьми себе всеведение, а мне, смертному, оставь величайшее и благороднейшее из доступных мне наслаждений — познание истины, ее открытие». — Подобно этому, если бы бог спросил современного социалиста, — желаешь ли ты, чтобы я немедленно, без всяких усилий со стороны страдающего человечества, даровал ему экономическое блаженство, то социалист ответил бы ему: творец, оставь блаженство себе, а страдающему и мыслящему человечеству, современному пролетариату, позволь освободиться собственными силами, дай ему возможность придти к доступному для него счастью путем борьбы, развивающей его ум и возвышающий его нравственность. Завоеванное такой борьбой, его счастье будет не только несравненно полнее: оно будет также гораздо *прочнее.* Всем обязанные тебе, люди навсегда останутся рабами; «Господь дал, и Господь взял», смиренно будут твердить они, как твердил твой верный Иов, если ты, под влиянием нового каприза, вздумаешь взять назад свои милости. А когда они освободят себя *сами,* тогда, — не взыщи на резком слове, всевышний, — тогда придет конец твоей власти, потому что тогда и они будут, как «бози».

Если бы современные буржуа, нападающие на будто бы грубую прозу социалистических стремлений, захотели быть последовательными, им пришлось бы объявить безнравственным самого Прометея. Прометей похитил огонь и дал его людям. Огонь! только огонь! Какая грубость! какая проза! Не ясно ли, что титан был совершенно чужд всяких идеальных стремлений? И не очевидно ли, что во всей этой истории единственным настоящим идеалистом был Зевс, жестоко покаравший Прометея за его поступок? Правда, Зевс

свирепствовал только потому, что опасался за прочность своей власти: он предвидел, что употребление огня выведет людей на путь такого развития, которое положит конец их зависимости от неба. Но... но все-таки Зевс был идеали-стом в истинном, *буржуазном* смысле слова.

Современный социализм делает как раз такое же дело, какое греки приписывали Прометею. Он дает людям то средство, с помощью которого они прекратят свою зависимость от слепых стихийных сил, подчинят эти силы власти разума и, таким образом, достигнут небыва-

лого развития. Если это грубо и безнравственно, то надо признать, что вся нравственность заключается в упрочении рабства и в усилении невежества.

Мы знаем, товарищи, путь, ведущий социалистов к их великой цели. Он определяется немногими словами: *содействие росту классового* сознания пролетариата. Кто содействует росту этого сознания, тот социалист. Кто ме-шает ему, тот враг социализма. А кто занимается делом, не имеющим к нему непосредственного отношения, тот не имеет непосредственного отношения и к социализму. Помня это, мы без всякого труда решим наши специально-рус-ские задачи.

Нам, русским социалистам, надо найти такой способ действий, держась которого, мы, во-первых, ни на минуту не переставали бы способствовать ро-сту классового сознания пролетариата, т. е. быть социалистами, а во-вторых, скорее победили бы царизм, — т. е., следовательно, — и голод, чем при вся-ком другом способе действий.

Вы согласитесь, товарищи, что если существует способ действий, соеди-няющий в себе эти два преимущества, го он безусловно обязателен для рус-ских социалистов, и что всякий революционер, отрицающий его, тем самым показывает, что он или враждебен социализму, или рав-нодушен к нему, или еще не стал социалистом, или уже перестал быть им.

Но существует ли такой способ действий? Не только существует, но я с уверенностью говорю, что никакой другой способ не приведет так скоро к по-беде над абсолютизмом, как именно тот, который соединяет *в* себе, связывает в одно неразрывное целое борьбу за политическую свободу с содействием росту классового сознания пролетариата.

Представим себе такой случай. Русская буржуазии убедилась, что даль-нейшее существование царизма не принесет ей ничего, кроме убытков. Сна-чала она более или менее робко поговаривает о конституции, а затем, по французской пословице: «аппетит приходит во время еды», она все настоя-тельнее и настоятельнее предъявляет правительству свои требования, пока, наконец, ее недовольство не разрешается открытой борьбой и падением суще-ствующего правительства. Видя энергию буржуазии и ее твердую решимость добиться представительного правления, мы пристаем к ней и боремся в ее ря-дах вплоть до желанного дня победы. Когда наступает этот день, мы подво-дим итог своей деятельности и находим, что, хотя за все время нашего союза с буржуазией, мы не могли и думать о выяснении пролетариату враждебной противоположности его интересов с интересами эксплуататоров, но наше дело, дело социализма, все-таки очень много выиграло, благодаря принятой нами так-

тике. Мы завоевали политическую свободу, а она впервые дает нам возмож-ность вести в широких размерах социалистическую пропаганду и агитацию. Следовательно, мы очень хорошо сделали, перестав на время быть социалистами. Наша временная измена социализму на деле оказывается самой большой услугой, которую мы только могли оказать ему. Я спрашиваю вас, товарищи, верно ли будет подобное рассуждение?

Оно будет верно только при одном условии: если, соединившись с буржу-азией, мы действительно ускорили

падение царизма. Если это так, то реши-тельно нечего возразить против нашей временной тактики, и социалисты, осуждающие ее, сами не знают, о чем говорят, или до такой степени рабски следуют букве социалистического учения, что охотно приносят ей в жертву действительные успехи общественной жизни.

Ну, а если указанное условие отсутствует? Если принятая нами тактика не ускорила, а замедлила падение царизма? Тогда рушится все наше рассуждение, и мы выходим людьми, сделавшими огромную ошибку, которая не только отсрочила торжество политической свободы, но и отдалила нас от пролета-риата; мы оказываемся социалистами, жестоко поплатившимися за измену со-циализму.

Есть ли какая-нибудь возможность наперед предвидеть — ускорит или замедлит падение самодержавия временный отказ русских социалистов от соци-ализма, т. е. от содействия росту классового сознания пролетариата?

О, да, такая возможность есть, и надо быть слепым, чтобы не воспользоваться ею.

В области политической борьбы, как и в области экономического развития, передовые страны указывают путь отсталым. Что же мы видим в политической истории более развитых, чем Россия, западноевропейских стран? Можно ли найти в ней хотя один пример завоевания политической свободы силами одной буржуазии, без участия в этом за-воевании сил рабочего класса? В ней нет и тени подобного примера. Всегда и везде, когда и где буржуазия вступала в борьбу со «старым порядком», она опиралась на народ и более все-го, разумеется, на рабочий класс, как на более образованный и подвижной слой трудящегося населения. И только благодаря поддержке народа, буржуазия успевала в борьбе и разрушила невыгодный для нее «старый порядок». При этом дело происходило обыкновенно так, что в то время, как народ боролся с оружием в руках и кровью своей платил за торжество свободы, бур-

жуазия боролась посредством всякого рода «ходатайств» и «представлений». Ее роль была чисто пассивной, она содействовала поражению правительства больше всего тем, что парализовала его силы, окружив его почти непроницае-мой стеной общего несочувствия и недовольства. Кто разрушил Бастилию? Кто сражался на баррикадах в июле 1830 и в феврале 1848 г.? Чье оружие по-разило абсолютизм в Берлине? Кто сверг Меттерниха в Вене? Народ, народ, народ, т. е. бедный трудящийся класс, т. е. преимущественно рабочие. Во всех этих случаях буржуазия представлена была на бранном поле лишь теми свои-ми слоями, которые или занимают самое жалкое место в ее среде, — напри-мер, мелкие торговцы и небогатые ремесленники, — или вообще очень мало влияют на общественную жизнь своего класса, — например, учащаяся молодежь и мелкобуржуазная революционная «богема», тогдашняя революцион-ная «интеллигенция». Никакими софизмами нельзя вычеркнуть из истории тот факт, что решающая роль в борьбе западноевропейских стран за свое политическое освобождение принадлежало *народу и только* народу.

Если бы французской или немецкой «интеллигенции» сороковых годов кто-нибудь посоветовал оставить всякую мысль о вовлечении народа в борьбу с правительством и ограничить свою революционную роль воздействием на различные слои буржуазною «общества», интеллигенция встретила бы подоб-ный совет по меньшей мере с негодующим удивлением. Она знала, что на «общество» плоха надежда. Ведь потому революционная интеллигенция и стремилась к сближению с народом, что не встретила в «обществе» достаточной поддержки своим революционным стремлениям.

Следовательно, если бы мы, русские социалисты-революционеры, реши-лись, «оставив на время социализм», сосредоточить все свои помыслы на по-литической свободе, то

нам все-таки невозможно было бы, под страхом самого бесславного поражения, отказаться от вовлечения на рода в революционную борьбу с царским правительством. Это правительство падет только тогда, когда против его организованных сил встанут несравненно хуже организованные, но зато более могучие силы народа. И если бы мы удовольствовались сближением с одним «обществом» или, по букве нашего примера, с одной либеральной буржуазией, то тем самым отсрочили бы торжество политической свобода.

Впрочем, нет, — отсрочить его было бы невозможно; история оказалась бы сильнее нашей нерасчетливости. Если бы мы, новые союзники буржуазии, бывшие социалисты, вздумали *избегать* революци-

онного воздействия на народ, и если бы мы даже сумели *избежать* его, то на-ша союзница повела бы себя иначе. Революционный инстинкт (ведь мы пред-положили, что она склонилась к революционному способу действий) подска-зал бы буржуазии, что ее сближение с народом есть необходимейшее условие победы. И она стала бы искать сближения с ним, стала бы стараться повлиять на него, стала бы содействовать развитию его политического сознания. Но, разумеется, она делала бы это лишь в известных пределах, с большой осто-рожностью, постоянно заботясь о том, чтобы политически сознательный про-летариат не дорос как-нибудь невзначай до *классового самосознания,* т. е. до сознания враждебной противоположности *своих* интересов с ее интересами. В глазах буржуазии пролетариат всегда остается очень опасным чудовищем, и когда обстоятельства заставляют ее просить у него помощи, она зорко следит за тем, чтобы не вовсе спала с его глаз закрывающая их повязка.

А из этого вытекает следующий, несомненный вывод. Если в период борьбы с самодержавием буржуазия будет единственной политической воспитательницей пролетариата,

то он не достигнет той степени сознательности и того революционного настроения, какие свойственны были бы ему в том случае, если бы за его политическое воспитание взялись социалисты.

Другими словами: *содействовать росту классового сознания пролетариа-та — значит ковать оружие, наиболее опасное для существующего строя.* Очень плохой совет дают нам люди, убеждающие нас «на время оставить социализм». Не доктринерство, а самый зрелый расчет и самый верный революционный инстинкт заставляют нас твердо и неизменно держаться социализма.

Мы пришли к этому выводу, предположив, что мы последовали доброму совету и забыли на время о социализме. Посмотрим, не придем ли мы к тому же выводу посредством другого предположения?

Допустим, что совету «оставить на время социализм» мы не последовали, но не пошли и в среду пролетариата. Мы решили, что с нас достаточно сил одной «интеллигенции», что, разумно употребив эти силы, мы не только спра-вимся с царизмом, не только завоюем политическую свободу, но в то же время сделаем «социальную революцию». Куда приведет нас подобное предположение?

Я прошу вас заметить, товарищи, что случай, предположенный мною теперь, по существу, не отличается от первого, уже рассмотренного нами случая. Различие между ними — чисто количественное раз-

личие. В первом — речь шла о социалистической интеллигенции, действую-щей в союзе с буржуазией; во втором — она идет об одной социалистической интеллигенции. Следовательно, и выводы, вытекающие из рассмотрения каж-дого из этих случаев, не могут существенно отличаться один от другого.

Если для победы над царизмом недостаточно сил социалистической ин-теллигенции, действующей в союзе с

буржуазией, то еще менее могут обеспе-чить такую победу силы одной интеллигенции. Вот что приходится сказать прежде всего.

Далее. Отказавшись от революционного сближения с пролетариатом, мы тем самым отказываемся содействовать росту его классового сознания, т. е. перестаем быть социалистами, т. е. противоречим себе, потому что ведь мы решили, что социалистами нам следует остаться.

Правда, мы не перестаем *называть* себя социалистами. Но ведь я уже ска-зал, что итого мало. Известно, что в частной жизни человек может считать и называть себя вовсе не тем, чем он является в действительности. То же и в по-литике; и здесь название, присвоенное себе той или другой партией, еще ровно ничего не доказывает и ровно ни за что не ручается. Если мы, члены данной партии, называем себя со-циалистами и даже вполне искренне сочувствуем социализму, то это еще не значит, что мы на самом деле социалисты. Социалистами *на деле, а не на словах,* нас можно признать только в том случае, если мы делаем социалистическое дело, т. е. способствуем росту классового сознания пролетариата.

К тому же и нельзя говорить о социалистической интеллигенции, как о *партии.* Социалистическая интеллигенция это - тот фермент, который, попав в благоприятную (т. е. рабочую) среду, может вызвать в ней брожение, кото-рое приведет к возникновению социалистической партии. *Но это и все.* Если социалистические идеи не проникли далее интеллигенции, — социалистиче-ского движения еще *нет.* Социализм «интеллигенции» это еще не соци-ализм, это только передняя или, — если вам угодно выражаться более высоким слогом, — преддверие социализма. Смешно говорить о том, что социалистическая интеллигенция своими собственными силами сделает «социальную революцию».

Значит, мы опять приходим к знакомому уже заключению: наша задача, задача русских социалистов, сводится к

содействию роста классового созна-ния русского пролетариата.

И нам тем легче решить эту задачу, что, как я уже говорил во втором пись-ме, русский пролетариат обнаруживает самые недвусмы-

сленные признаки политического пробуждения. Политически он уже перерос буржуазию. Он раньше ее пришел к мысли о политической свободе.

Рабочий класс, в среду которого проникла мысль о политической свободе, это уже сознательный рабочий класс. Но пока он говорит *только* о политической свободе, его политическое сознание находится еще в неразвитом состоянии, оно еще не стало *классовым его сознанием.*

На эту высшую ступень политического развития рабочий класс поднимается только тогда, когда научается понимать свои особые классовые интересы, свое отношение к буржуазии, причины своего подчинения эксплуататорам.

Тогда политическая свобода перестает играть в его глазах роль панацеи, способной излечить общественный организм ото всех возможных болезней. Тогда он ставит перед собой задачу своего экономического освобождения, ве-ликую цель, *«которой всякое политическое движение должно быть подчине-но, как средство»* *).

Я знаю, товарищи, что есть люди, которым почти святотатственным кажется взгляд на политическую свободу, как на средство, служащее для той или иной экономической цели. «Нас оскорбляет мысль, что мы можем смотреть на свободу, лишь как на орудие для чего-то другого, — писал недавно Степняк, — как будто чувства и потребности свободных людей чужды нам, как будто за обязанностями к народу мы не понимаем обязанностей к самим себе, к человеческому достоинству» **).

Я очень уважаю Степняка и как человека, и как политического деятеля. Но, тем не менее, я должен сказать,

что он ошибается, странно и жестоко ошибается.

Его слова о «наших обязанностях к народу» показывают, что в приведенных строках он обращается к «интеллигенции». Станем же и мы на точку зрения русского «интеллигента» и посмотрим, насколько убедителен довод Степняка.

Молодой человек «из интеллигенции» чрезвычайно сочувствует политиче-ской свободе. Но он еще слишком мало знает; он хочет учиться, и он учится. На вопрос — «зачем вы это делаете?» — он отвечает: «затем, чтобы запастись умственными силами, необходимыми для служения свободе». Что возразить на такой ответ? Скажете ли вы благородному юноше, что его взгляд на науку, как на средство, унизите-

*) См. написанный Марксом устав «Международного Товарищества Рабочих».

**) «Чего нам нужно?» Лондон, 1892, стр. 24.

лен, что стремление к свободе заглушило в нем сознание обязанностей по отношению к науке, к «чистой» науке, которая сама себе цель, которая считается с человеческими нуждами, страданиями и идеалами лишь как с интересны-ми явлениями и которая знать не хочет «обязанностей» по отношению к об-щественной жизни? Но так может говорить только сухой педант, только спе-циалист, «односторонний», как флюс. Великие мыслители, любившие науку любовью всесторонне развитых и богато одаренных людей, никогда не отличались подобной узкостью взгляда. Они знали, что между наукой и жизнью существует теснейшая, неразрывная, ни для одной из них ни мало не унизи-тельная связь, и что чем более наука служит жизни, тем более жизнь обогаща-ет науку. Они знали, что представление о «средстве» и о *«цели»* так же условны, как представления о «следствии» и о «причине». «Причина и следствие суть представления, имеющие значе-ние, как таковые, лишь в применении к отдельному случаю, но раз только мы этот отдельный случай станем рассматривать в его общей связи с целым миром, то

убеждаемся, что причина и следствие совпадают, что их противоположность исчезает при созерцании всемир-ного взаимодействия, в котором причина и следствие постоянно меняются ме-стами, и то, что теперь или здесь -- следствие, то там или тогда будет причиной, и наоборот» *).

Это обязан помнить всякий мыслящий человек, на чем бы ни остановился его взгляд в данную минуту: на природе, на науке, на общественной жизни, или на взаимном отношении жизни и науки, или, наконец, на соотношении различных сторон общественной жизни. Тот, в чьем уме разрывается неразрывная в действительности взаимная связь явлений, кто рассматривает их «одно независимо от другого, одно после другого», кто накалывает их, как мертвых козявок, на булавки с неизменными надписями: «причина», «следствие», «цель», «средство» и т. д., и т. д., тот превращается в *метафизика,* и тому и природа, и общественная жизнь на каждом шагу подносят самые удивительные, самые непостижимые сюрпризы.

Специалист, воображающий, что оскорбляет науку, молодой человек, запасающийся знаниями с целью служения делу свободы, ошибается не больше «чистого политика», специалиста политической свободы, который полагает, что унижают ее люди, стремящиеся сделать ее, *политическую* свободу, оруди-ем *полного* всестороннего освобождения про-

*) *Фридрих Энгельс,* «Развитие научного социализма», стр. 16 (второй выпуск «Библиотеки Современного Социализма»).

летариата. Каждый из таких специалистов грешит тем, что стремится сделать из своей богини бесплодную девственницу, посвятившую себя богу.

Но политическая свобода еще менее науки может остаться *«Христовой невестой».* Она не может не служить житейским нуждам человечества. Кто имеет известные политические права, тот не пользуется ими только по неразумию. Покончив с самодержавием, русская буржуазия естественно будет

пользоваться добытыми ею политическими правами всякий раз, когда найдет полезным пользоваться ими. И она будет пользоваться ими не только в том отрицательном смысле, который имеют обыкновенно в виду «чистые политики». Она не только будет говорить и писать свободно, «не предвидя от сего никаких последствий», «от редакции не зависящих», она сделает свои полити-ческие права орудием своего экономического благосостояния. Она и загово-рит-то о политических правах только тогда, когда поймет важность их как «средства». А рабочие должны вести себя иначе? Они должны спокойно смо-треть, как обделывают свои делишки гг. предприниматели, в руках которых сама свобода превращается в орудие эксплуатации? Или, может быть, рабочим тоже позволительно пользоваться своими правами? А если позволительно, то плохо ли делают люди, старающиеся научить их этому заранее? Ведь между «чистым политиком» и социалистом разница только в том и заключается, что первый говорит пролетарию (когда находит нужным говорить с ним): «старайся разбить сковывающие тебя цепи рабства, старайся приобрести политические права», а второй прибавляет: «и умей пользоваться ими, умей, опираясь на них, дать отпор буржуазии». Вот и все. Где же тут обида политической свободе? И может ли от этого оскорбиться ее честь и помрачиться ее красота?

Степняк говорит также о «внеклассовом чувстве гражданской солидарно-сти, которое существует во всех передовых странах в тем большей степени, чем они культурнее» *). Признаюсь, мне не совсем понятны эти его слова. Но если он хочет сказать, что борьба пролетариата с буржуазией (или вообще классовая борьба) ослабевает по мере развития «культурности», то он опять очень ошибается. Когда было сильнее классовое движение немецкого пролетариата: в 1890 г., во время последних выборов в рейхстаг, или тридцать лет тому назад? Я полагаю, что в 1890 г. Когда было сильнее классовое движение французского

пролетариата: в 1830 г., во время июльской революции, или в 1871 году,

*) Назв. брош., стр. 26.

во время Коммуны? Но классовое движение пролетариата — ведь это и есть классовая борьба его с эксплуататорами. Что же, стало быть, немцы и фран-цузы идут назад, их «культурность» падает? Ничуть не бывало, она посте-пенно возвышается; постоянно растущая классовая борьба служит одним из ее проявлений.

Солидарность — великое дело, но не солидарность эксплуатируемых с эксплуататорами. Работник, чувствующий себя «солидарным» с предпринимателем, - который обогащается путем эксплуатации его рабочей силы, — еще не *человек.* Он, вероятно, станет человеком, но пока он — *живая вещь, говорящий инструмент.* И чем более пробуждается в работнике чувство чело-веческого достоинства, тем более возмущает его эта роль живой вещи, нанимаемой хозяином во временное пользование, как нанимается дом, снимается участок земли. И чем более возмущает его эта роль, тем энергичнее ведет он борьбу за свое экономическое освобождение, т. е. *классовую борьбу.* И может ли не сочувствовать его борьбе кто-нибудь, кроме самих экс-плуататоров или людей, ослепленных и убаюканных софизмами и жалкими словами, которые в изобилии расточаются эксплуататорами? Когда мы видим на улице двух людей, из которых один держит другого за горло, мы устремляйся на помощь к обиженному, мы стремимся разжать пальцы душителя, и никому из нас не приходит в голову обратиться к удушаемому с проповедью о чувстве общечеловеческой солидарности, стоящей «выше» такой жалкой прозы как горло, стиснутое железными пальцами, и соединяющей в одну великую семью всех людей: и эллинов и иудеев, и обрезанных и необрезанных, и душимых и душителей, и эксплуататоров и эксплуатируемых. Самый

простой такт подсказывает нам, что подобная проповедь неуместна, смешна, неприлична. Но ровно столько же неуместна, смешна и неприлична она и в том случае, когда произносится по поводу борьбы пролетариата с буржуазией.

Но довольно об этом. Я полагаю, что не нуждается в дальнейшем обосновании указанная мною задача социалистов: *содействовать росту классового сознания пролетариата.* Я надеюсь, что наши молодые, действующие в России, товарищи, никогда не упустят ее из виду и что никогда не смутят их ни те софизмы буржуазии, которые опираются на соображении о нравственности, ни те, которые опираются на политический расчет; только фальсифицированная политическая арифметика буржуазии может доказывать (но, как мы видели, не *доказать),* что невыгоден для дела свободы труд, направленный на пробуждение работника.

409

Когда в статье «Всероссийское разорение» я писал, что все честные русские люди, т. е. все те, которые не продали царю своей совести и которые не хотят, по выражению поэта, в роковое время позорить гражданина сан, должны агитировать в пользу созвания Земского Собора, мысль об отказе от классовой борьбы была от меня дальше, чем когда бы то ни было. И если, как мне пишут из России, некоторые молодые товарищи с неприятным для них удивлением увидели в названной статье именно эту мысль, то мне остается только пожалеть, что предлагаемые письма не вышли раньше.

Мы, социал-демократы, — марксисты, так как нельзя быть социал-демо-кратом, не будучи последователем Маркса. Марксисты «повсюду *поддержи-вают всякое революционное движение против существующих общественных и политических отношений».* Но они никогда (даже *«на время»)* не отказыва-ются от социализма. Их отношение к «политике» достаточно ясно высказа-лось уже в «Манифесте Коммунистической Партии», который написан, как известно, еще до

революционных бурь 1848 г. «В Германии, — писали авторы «Манифеста», — коммунистическая партия (социал-демократия того времени) идет рядом с буржуазией, поскольку эта последняя является революционной в борьбе своей против абсолютной монархии, против феодальной собственности и мелкого мещанства. *Но ни на минуту не перестает она вырабатывать в умах рабочих сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата».* К этому следует прибавить, что лишь по-стольку и могли коммунисты поддерживать *«всякое революционное движение»,* поскольку их собственная деятельность в среде пролетариата собирала его силы вокруг их знамени. Не поддержанные пролетариатом, они и сами не могли бы никого поддерживать.

Подобно немецким коммунистам сороковых годов, мы будем поддержи-вать всякое революционное движение, направленное против существующего порядка. Но ни одно из них, какие бы размеры оно не приняло, не заставит нас спрятать свое собственное знамя. И лишь в той мере будем мы желательными и сильными союзниками других, более или менее революционных партий, в какой сумеем распространить среди русского пролетариата наши *социал-демократические* идеи.

Мы не только не хотим раствориться в какой-нибудь другой партии, но, напротив, думаем, что русские социал-демократы должны и очень легко могут собрать вокруг своего знамени все те слои русского населения, самое положение которых заставляет их колебаться *между* буржуазией и пролетариатом.

Так, например, демократические элементы «общества», стремящиеся к политической свободе, невольно пойдут за социальной демократией, если только она явится, — а она *обязана* явиться, — самой смелой, самой решительной и самой *требовательной* сторонницей политической свободы.

Если же тот или другой народолюбивый «интеллигент» испугается экономических требований социал-демократов, та о нем жалеть нечего. Такой человек, очевидно, будет очень хорошо сознавать враждебную противоположность интересов буржуазии и пролетариата и... и сочувствовать буржуазии.

Крестьяне... Но тут я должен заметить, что крестьянство не *класс,* а *сословие.* В этом сословии есть теперь и богачи («тысячники»), и бедняки (деревенская «голь», «кочевые народы») и эксплуататоры, и их жертвы, словом, люди, принадлежащие к различным общественным *классам.* Разумеется, сельская буржуазия не станет сочувствовать социал-демократам, но сельский пролетариат всегда был и будет естественным союзником городского. Точно так же и бедные крестьяне (а таких большинство) непременно пойдут за социал-демократами, если только те не пожелают оттолкнуть их, что, конечно, невозможно.

Я знаю, что многих удивят эти слова. Поэтому я объяснюсь подробнее и сначала буду рассуждать в том предположении, что уже состоялось созвание Земского Собора.

Как уже сказано, буржуазия под страхом собственного разорения должна будет подумать об участи «меньшей братии». Ее представители вынуждены будут заняться на Соборе *крестьянским вопросом.* Положим, что поднимается речь об уменьшении выкупных платежей. Что сделают социал-демократы? Непримиримые и неутомимые революционеры, они ведут беспрерывную агитацию; они громят одних, будят других; они обличают скаредность буржуазии; они «идут в народ» и убеждают крестьян, что их обманывают, их грабят буржуазные депутаты, не решающиеся *совсем отменить* выкупные платежи. А к чему приведет такая агитация? Крестьянин скажет, что социал-демократы совершенно правы, и если он уже раньше не голосовал за их кандидата, он подаст за него голос в следующий раз. Впрочем, может случиться, что он и не станет дожидаться следующих выборов; может случиться, что

народ, как говорили во время Великой Революции, *очистит* Земский Собор новым революционным взмахом своей руки. Но и в таком случае он будет действовать под руководством социал-демократов. — Или представим

себе, что Собор рассуждает о подоходном налоге. Представители буржуазии видят, что необходимо облегчить давящее крестьянина податное бремя; социал-демократы опять бьют тревогу. Они требуют прогрессивного налога, от которого совершенно была бы избавлена небогатая часть населения. Что возразит бедный крестьянин против их требований? Помилуйте, какие тут возражения! Он скажет, что они совершенно разумны, и он перейдет на сторону социал-демократов, если не сделал этого раньше. — Положим, наконец, что на Соборе заговорили об увеличении крестьянских наделов. Буржуазные представители надеются все уладить незначительными прирезками. Но социал-демократы и тут не оставляют их в покое. Они добиваются *полной экспроприации крупных землевладельцев* и обращения земли в *национальную собственность.* Неужели крестьяне хоть одним словом осудят их поведение?

Вы видите, товарищи, какое страшное, какое могучее революционное оружие представляет собою классовая борьба в руках социал-демократов, т.-е, в руках единственной партии, ни мало не боящейся ее неизбежных последствий. Революционеры прежних времен лишь постольку и были революционерами, поскольку опирались на классовую борьбу. Но они не сознавали ее значения и часто, почерпая из нее всю свою силу, они осуждали ее в своей политической проповеди. Социал-демократы поняли значение классовой борьбы, и в этом их заслуга, в этом их сила, в этом ручательство за их победу.

Преувеличенные надежды всегда опасны. Социал-демократы не должны думать, что им легко будет предупредить предсказываемую Энгельсом экспроприацию

крестьянства. Вернее всего, что это им не удастся. Но ответственность падет за это не *на них,* а последствия этого послужат опять-таки *им на пользу.* Социал-демократы не упустят случая предупредить крестьянина на счет грозящей ему опасности, и если опасность все-таки его настигнет, он поймет, что должен винить только самого себя: если бы он вовремя поддержал социал-демократов, дело приняло бы другой оборот: без земли оказались бы не бедные крестьяне, а гг. крупные землевладельцы. Впрочем, земля так мало приносила радостей бедным крестьянам, что многие из них расстанутся с ней без тени огорчения. И эти многие уже прямиком пойдут в политический лагерь революционного пролетариата. Выше мы выясняли себе вероятное политическое настроение экспроприаторов. Теперь легко понять вероятное настроение тех, которые будут экспроприированы.

412

Уже из приведенных примеров вы видите, товарищи, что ближайшие экономические требования социал-демократов имеют на первый взгляд очень странное свойство: они и определенны, и неопределенны в одно и то же время. Они гораздо менее определенны, чем требования, например, такого человека, который раз навсегда решил, что уничтожение выкупных платежей и увеличение крестьянских наделов избавит Россию от всех социальных бед и напастей. Социал-демократы не говорят ничего подобного. У них нет ни капли веры в мелкобуржуазные панацеи. Они не продают целебных пилюль, не прописывают единоспасающих рецептов. Они говорят народной массе: «бей твоих эксплуататоров по их длинным загребущим рукам и барм все, что сможешь взять в каждое данное время». Это, конечно, неопределенно, потому что нельзя сказать наперед, что же именно сможет взять народ в такое-то именно время. Но, с другой стороны, это вполне *определенно:* не довольствоваться никакими уступками со стороны высших классов; всегда

ставить перед народом максимум тех революционных требований, до которых он дорос в настоящее время; неустанно вести его вперед, вперед и вперед на завоевание неприятельской территории; не класть меча в ножны до тех пор, пока не будет она занята вся до последней пяди, — что может быть определеннее такой программы? Если она грешит чем-либо, то разве слишком большой определенностью. В ней нет ни широковещательных фраз, ни подслащенных недомолвок, предназначенных для примирения непримиримых, для установления братства между волками и овцами. Коротко, решительно и ясно указывается в ней не только окончательная цель — *полное экономическое освобождение трудящихся,* — но и ведущее к ней средство — *непрерывная и непримиримая борьба классов.* Партия, усвоившая эту программу, не потеряется ни при каких обстоятельствах: она всегда сумеет формулировать соответствующие данной минуте экономические требования, а главное, она никогда не даст массе успокоиться на этих требованиях, она научит ее ставить новые, все более и более широкие требования, она заразит ее духом борьбы, духом революции…

Мы предположили, что уже состоялось созвание Земского Собора. Посмотрим теперь, как нам *добиваться* его созвания.

Ведя социалистическую пропаганду в рабочих кружках, мы тем самым выясняем рабочим великое значение политической свободы. Всякий рабочий-социалист непременно будет горячим ее сторонником. И понятно, что все социалистические рабочие кружки так же охотно высказались бы за созвание Земского Собора, как и революционная

«интеллигенция». Но само по себе это еще не привело бы ни к чему. История делается не кружками, а массами. Рабочие-социалисты будут наилучшими руководителями революционной массы, самыми надежными офицерами и унтер-офицерами революционной армии. Но откуда возьмется

такая армия? Ее не создашь кружковой пропагандой.

Вы знаете, товарищи, что это последнее замечание нам часто приходится слышать от своих противников. Оно является даже главным возражением против нашей программы. «Вы утверждаете, что для победы над правительством нужна сильная революционная армия, - говорят нам. Это справедливо. Но ваша пропаганда между рабочими такой армии не создаст. Пропаганда сама примет сколько-нибудь широкие размеры только при конституции. Поэтому в настоящее время она бесполезна».

Такой довод замечателен в особенности тем, что люди, выдвигающие его против нас, не видят, в какое странное противоречие попадают они сами. Пока нет политической свободы, нельзя создать и революционной армии в рабочей среде; но пока нет такой армии, не будет и политической свободы. Это настоящий заколдованный круг, из которого, по-видимому, только и есть один выход: в бездеятельность, в полное, безнадежное «разочарование».

Однако, при некотором внимании, неразрешимое на первый взгляд противоречие очень легко разрешается. Что явилось раньше: курица или яйцо? Курица могла развиться только из яйца; а с другой стороны, яйцо было снесено курицей. До сих пор есть мудрецы, могущие разрешить это противоречие только ссылкой на Творца, создавшего *кур в* такой-то день творения. Но наука не довольствуется ссылками на Творца. Она апеллирует к учению *о развитии,* с помощью которого легко разрешаются теперь все мнимые противоречия, еще недавно смущавшие метафизиков, думавших, что нынешние животные виды явились в один прекрасный день совершенно готовыми, законченными и неизменными. Не то ли самое и в политике? Не разрешит ли и здесь учение о развитии всех тех противоречий, перед которыми в искреннем недоразумении останавливаются революционеры - метафизики?

Если бы в то время, когда мы занимаемся

социалистической пропагандой между рабочими, Россия стояла на одном месте, то столь же неизменным оставалось бы и взаимное отношение общественных сил в нашей стране. Через десять, двадцать, тридцать лет самодержавие было бы так же сильно и прочно, как было оно при начале нашей

пропаганды: то обстоятельство, что его ненавидело бы несколько тысяч «спропагандированных» рабочих, уменьшило бы его прочность лишь на бесконечно малую величину, которая не имела бы ни малейшего практического значения. Но остаются ли неизменными общественные отношения России? Мы видели, что они очень быстро изменяются. Вместе с ними изменяется, стало быть, и взаимное отношение общественных сил. Самодержавие слабеет по мере того, как разлагается и разрушается взрастившая его историческая почва. Вместе с тем все более и более крепнут те силы, столкновение с которыми приведут ею к гибели. Это значит, что пока наша пропаганда вырабатывает *революционеров,* история создаст необходимую для их деятельности *революционную* среду; пока мы готовим руководителей революционной массы, офицеров и унтер-офицеров революционной армии, — сама эта армия создается неотвратимым ходом общественного развития. Но в таком случае можно ли говорить о бесплодности, о непроизводительное нашей деятельности? Не оказывается ли она, напротив, безусловно необходимой и единственно плодотворной с революционной точки зрения?

С другой стороны — ясно, что пока «спропагандированные» нами *личности* не имеют прямого революционного влияния на *массу,* они являются ее руководителями только в *возможности.* Чтобы стать *действительными* ее руководителями, они должны влиять на нее в революционном смысле.

Тут-то и вступает в свои права *агитация.* Благодаря ей, устанавливается и укрепляется необходимая связь между

«героями» и «толпой», между массой и ее вожаками. И чем натянутее становится положение дел, чем более шатается старое общественное здание, чем быстрее приближается революция, тем важнее становится агитация. Ей принадлежит главная роль в драме, называемой общественным *переворотом.*

Отсюда следует, что если русские социалисты хотят сыграть деятельную роль в предстоящей русской революции, они должны уметь быть *агитаторами.*

Это необходимо. Но это не легко. Дело агитатора заключается в том, чтобы в каждом данном случае пустить в обращение максимум революционных идей, доступных для массы. За всякую ошибку в ту или другую сторону агитатора ждет жестокое наказание. Если он преувеличивает революционное настроение массы, он в лучшем случае останется непонятым, а, может быть, его осмеют, даже изобьют.

Если же, наоборот, он по излишней осторожности выставит перед массой такие требования, которые она уже переросла в своем быстром революционном развитии, он попадет в нелепое положение агитатора-тормоза, агитатора, внушающего толпе «умеренность и аккуратность». В уменьи избежать подобных крайностей заключается вся ловкость агитатора. Но если он обладает такою ловкостью, ему нечего бояться неудачи. Его дело идет как бы само собою. Вы можете, пожалуй, сказать, что он ничего не дает массе: он только сообщает вполне сознательное выражение уже готовому ее настроению, не совсем ясному для нее самой. Но в этом-то и заключается тайна его влияния, залог его дальнейших успехов. Видя в его словах лишь выражение своих собственных стремлений, масса охотно идет за ним. И если только не устранены причины ее революционного настроения, она даже сама толкает вперед агитатора. Освоившись с тем, что еще вчера пугало ее своей смелостью и

новизною, она немедленно идет дальше, склоняясь к более смелым требованиям. И таким образом, воспитываемая своим собственным опытом, увлекаемая своим собственным движением, ободряемая своим собственным успехом, она постепенно, но зато непременно становится более и более революционной, пока не нанесет, наконец, одним решительным движением смертельного удара существующему порядку. А когда разлетится ветхое, подточенное и расшатанное историей здание этого порядка, перед ней откроются новые задачи, ей надо будет получше устроиться на новоселье, не попадаясь в сети политических эксплуататоров, льстецов и обманщиков. Тогда услуги и указания ее преданных друзей-агитаторов будут для нее не менее важны, чем прежде, в разгаре борьбы со старым порядком/

Ораторы родятся, гласит известная поговорка. Агитаторы тоже «родятся», и никакая наука не заменит врожденного агитаторского таланта. Нельзя вести агитацию по данному шаблону. Но это не мешает вдумываться в ее значение и готовиться к ней всеми зависящими от нас способами в такое время, когда можно предвидеть, что скоро откроется широкое поле для агитационной деятельности.

Необходимым условием этой деятельности является сплочение уже готовых революционных сил. Кружковой пропагандой могут заниматься люди, ничем не связанные между собою, даже не подозревающие существования один другого. Конечно, отсутствие организации всегда отзывается и на пропаганде, но оно не делает ее невозможной. В эпохи же сильного общественного возбуждения, когда политическая атмосфера насыщена электричеством, и когда то здесь, то там, по са-

мым различным, самым непредвиденным поводам происходят все более и более частые вспышки, свидетельствующие о приближении революционной бури, короче, когда надо

агитировать или оставаться за флагом, — в такие эпохи *только организованные* революционные силы могут иметь серьезное влияние на ход событий. Отдельная личность становится тогда бессильной, революционное дело оказывается по плечу только единицам высшего порядка: *революционным организациям.*

Организация — это первый и неизбежный шаг. Как бы ни были незначительны готовые революционные силы современной России, они сразу удесятерятся, благодаря организации. Сосчитав свои силы и распределив их как следует, революционеры принимаются за дело. Во всех слоях населения они, посредством устной и печатной пропаганды, распространяют правильный взгляд на причины нынешнего голода. Там, где масса еще не созрела для понимания их проповеди, они дают ей, так сказать, предметные уроки. Они являются всюду, где она протестует, они протестуют вместе с нею, они уясняют ей смысл ее собственного движения и тем увеличивают ее революционную подготовку. Таким образом, стихийные движения массы постепенно сливаются с сознательным революционным движением, и мысль о необходимости созвания Земского Собора становится более и более популярной: русский народ более и более убеждается в том, что ему необходимо вырвать свою судьбу из рук царских чиновников

Это одна сторона дела. С другой стороны, надо, чтобы, восстав против су-ществующего порядка, народ завоевал *политические права для себя,* а не *политические привилегии для своих эксплуататоров.* Надо, чтобы Земский Собор был всенародным собором, чтобы трудящаяся масса могла послать на него своих представителей, чтобы избирателями и избранными могли быть все совершеннолетние русские граждане. *Всеобщее прямое избирательное право* — вот первое и самое главное политическое требование русских социали-стов. Не добившись его исполнения, они тем менее будут в состоянии до-биться исполнения других своих

требований, находящихся с ним в теснейшей связи: свободы слова, собраний, союзов, стачек и т. д. и т. д.

Агитаторы должны сделать массу сторонницей каждого из этих требований.

Но из какой среды будут выбраны представители народа на Соборе? Ведь всеобщее прямое избирательное право вовсе не ручается за то, что рабочие не выберут своих хозяев, бедные крестьяне — кулаков или помещиков, вообще, эксплуатируемые — эксплуататоров. Всеобщее

избирательное право — это обоюдоострый меч, который легко может направить против нас правительство или буржуазия. Как отразить их удары?

Рабочий не станет голосовать за своего хозяина только тогда, когда он со-знает враждебную противоположность, существующую между его экономи-ческими интересами, с одной стороны, и интересами хозяина — с другой. Как только он сознает ее, он не захочет быть политическим орудием эксплуатато-ра, он постарается дать *политическое* выражение своим *экономическим* нуж-дам, он подаст голос за со-циалиста.

Бедный крестьянин не станет голосовать за кулака, помещика или правительственного кандидата только тогда, когда социалистическая рабочая партия, — выставив известные экономические требования, вроде указанных выше для примера, — покажет ему, что существует тесная связь между его инте-ресами и интересами революционного пролетариата.

Следовательно, мы опять приходим к тому, уже знакомому нам выводу, что наша политическая агитация принесет для нас плоды только в том случае, если она будет *содействовать росту классового сознания русского пролетариата.*

Классовое сознание пролетариата — это тот щит, от которого отлетят, как горох от стены, все стрелы враждебных нам партий.

Кончаю. Я откровенно изложил наши взгляды на задачи русских социалистов в борьбе с причинами голода в России и надеюсь, что теперь невозможны никакие недоразумения на их счет. Тех, которые согласятся с ними, я приветствую как товарищей, а тем, которые найдут их слишком «крайними», я напомню, что мы социалисты, а в глазах социалистов умеренность вовсе не заслуга.

Мне скажут, пожалуй, что откровенное изложение наших взглядов несво-евременно, так как оно способно запугать либералов. На это я отвечу вот что: с нашей стороны нелепо было бы умышленно запугивать их; но если они ис-пугаются нас как-нибудь невзначай, помимо нашей воли, то нам остается только пожалеть об их совершенно уж «несвоевременной» пугливости. Во всяком случае, мы считаем самым вредным родом запугивания — запугивание социалистов призраком запуганного либерала. Вред, приносимый таким запугиванием, несравненно больше той пользы, которую могло бы принести убеждение гг. либералов в нашей умеренности и аккуратности.

P. S. Мне только что передали письмо, из которого я еще раз вижу, что статья *«Всероссийское разорение» была* плохо истолкована русскими читателями.

«Как вы думаете достичь поставленных себе задач, вроде сбора 300 миллионов рублей, которых не дает Вышнеградский? - спрашивает меня живущий в России читатель. — Или, что вы понимаете под восстановлением разоренного крестьянского хозяйства? На каких началах: мелкого землевладения или общины? Тогда — как согласить это с «Нашими Разногласиями»?

На первый из этих вопросов можно было бы ответить очень кратко: у Земского Собора *непременно и во всяком случае* будут все те средства, которые понадобятся для помощи голодающим, и которых нет, и не может быть, в распоряжении царского правительства. Но такой ответ подал бы

повод к новым недоразумениям, поэтому я выскажусь подробнее.

Что означало бы созвание Земского Собора? То же самое, что означало созвание генеральных штатов в конце прошлого века во Франции: признание правительством своей несостоятельности, уступку, вырванную у него неотвратимым ходом исторических событий, *пролог революции. Раз был бы* созван Земский Собор, судьба России фактически тотчас же перешла бы из рук царя в руки нового, революционного правительства, а революционное правительство лишь постольку и было бы действительно революционным, лишь постольку и поднялось бы на высоту своей задачи, поскольку оно сумело бы преодолеть те препятствия, которые мешают царскому правительству предпринять что-нибудь полезное для голодного народа. Если собравшиеся на Собор представители не сумеют решить эту задачу, их снесет волна революци-онного движения, которая поставит the right men on the right place (настоящих людей на настоящее место) и которая создаст, наконец, правительство, спо-собное побороться с обстоятельствами. Для правительства, которое будет за-служивать название *революционного правительства,* легко будет достать да-же не такую безделицу, как 300 мил-лионов рублей (эту цифру я взял для примера и заранее оговорил, что она не соответствует действительным размерам народной нужды), а сумму несравненно большую. Ему достаточно будет *правильно* распорядиться казенными и удельными имениями и наложить руку на огромные богатства наших монастырей, чтобы справиться с бедою.

Второй вопрос: что понимаем мы под восстановлением в конец расстроен-ного крестьянского хозяйства? Восстановить крестьянское

хозяйство значит, как я уже говорил выше, дать русскому земледельцу возможность сеять *хлеб,* а не *голод.* И это непременно надо сделать, и это непременно будет сделано,

потому что иначе погибла бы Россия, а в ней слишком много жизненных сил, чтобы она могла теперь погибнуть: она спасет себя революцией. — «На каких началах» состоится восстановление крестьянского хозяйства? Мы не беремся с уверенностью предсказывать это, хотя, вернее всего, что прав Энгельс, думающий, что крестьянские земли перейдут в руки новой буржуазии. Но не менее верно и то, что в разгаре революционного дви-жения у крестьян может явиться желание придать делу другой оборот: обес-печить себе настоящую, а не на бумаге только фигурирующую поземель-ную собственность. И мы непременно будем поддерживать крестьян в таком их намерении. Мы постараемся повести их дальше, вплоть да экспроприации крупных землевладельцев. А что из этого выйдет? Выйдет могучее революци-онное движение, отстраниться от которого значило бы изменить принципам социализма. Ну, а если крестьяне, отняв земли у крупных землевладельцев, переделят их между общинами? «И в том не вижу я беды». Но как согласить это с «Нашими Разногласиями»? Согласить очень легко, потому что на самом деле и соглашать-то решительно нечего.

Социалисты-утописты, в России, как и во всем свете, думали, что от них зависит заставить историю идти в ту или другую сторону. По вопросу об общине русские социалисты-утописты рассуждали так: община хорошее дело; ее надо поддержать; *следовательно,* мы ее поддержим. Могли быть и другие утописты, которые сказали бы: община тормозит наше общественное развитие; ее надо устранить; следовательно, мы устраним общину. Социал-демо-краты раз навсегда распро-стились с утопиями; они сказали себе и другим: ход общественного развития определяется не симпатиями той или другой группы людей к тому ли другому общественному учреждению, а соотношением общественных сил, от которого, в последнем счете, зависит самая прочность вы-шеуказанных симпатий. Не от нас зависит изменить ход экономической истории России. Но мы можем понять его и, сильные своим

пониманием, явиться сознательными революционными деятелями. Народники плачут о том, что община разлагается. Они не видят того, что разложение общины создает новую общественную *революционную силу,* которая приведет нас и к политической свободе, и к социализму. Сила эта — пролетариат, с которым мы должны, прежде всего, сблизиться. Вот и все. И все это было сказано в «Наших Разногласиях».

Но, высказывая все это, я не говорил, что если бы с крестьянской земли было свалено податное бремя и если бы увеличены были крестьянские наделы, то процвела бы община, о которую разбилось бы наше социал-демократическое движение. Говоря это, я показал бы, что я такой же утопист, как и мои противники. В «Наших Разногласиях» я старательно указывал читателям на те факты, что община разлагается всего скорее именно там, где землею дорожат, т. е. там, где крестьянское хозяйство поставлено в сколько-нибудь благоприятные условия. Следовательно, *я ни в каком случае* не мог и не могу бояться восстановления крестьянского хозяйства, произойдет ли оно на началах личного или на началах общинного землевладения. Да и вообще, мы, социал-демократы, как это прекрасно сказал Либкнехт, никого и ничего *не боимся.* Есть люди, которые, не будучи в состоянии вдуматься в ход общественного развития, меланхолически твердят: «история идет невероятными путями». Го-воря это, они тем самым допускают, что их «программа» может придти в противоречие с историей. Они изображают собою птичку, которая робко озира-ется по сторонам, ожидая, что вот-вот, неизвестно с какой стороны, кинется на нее кошка-история и съест ее вместе с «идеалами», так что и от нее самой, и от «идеалов» останутся только пух и перья. Социал-демократы нимало не боятся таких сюрпризов. Для них в ходе истории нет ничего невероятного. Их программа есть сознательное выражение

бессознательного хода общественного развития. Они спокойно и уверенно смотрят в будущее. Они глубоко и вполне основательно убеждены, что как бы ни пошли события, а у них, у со-циал-демократов, всегда будет возможность плодотворной работы, и что всякое серьезное общественное движение непременно и неизбежно приближает их к их великой цели.

Повторяю, на каких бы началах ни произошло восстановление крестьянского хозяйства, оно ни в каком случае не поставит нас в затруднительное положение, и ни в каком случае интересы социальной демократии не пойдут в разрез с интересами трудящейся массы: *ни в городе, ни в деревне.*

Приложения.

Недоразумения между рабочими и администрацией на Новой бумагопрядильной Фабрике

Вот уже восьмой день на Новой бумагопрядильной фабрике (по Обводному каналу) продолжается забастовка около 2.000 рабочих. Началось с того, что недавно поступивший на фабрику новый директор распорядился сбавить всем ткачам их задельную плату, приблизительно по 5 и по 3 коп. с сотканного куска, т. е. от 4 до 9 проц. их обычного заработка. Рабочие не захотели под-чиниться этому нововведению и с 27 февраля не ходят на фабрику. Каждый день разводятся пары, машины готовы, но рабочие не являются. Целыми толпами бродят они вокруг здания, проникают во двор, но не прикасаются ни к одному станку. Сначала они требовали только сохранения прежних цен, но лотом начались еще и другие счеты. Рабочие заявили неудовольствие, что им не выдают расчетных книжек, берут с них деньги за кипяток, т. е. за позволение заваривать чай из устроенного на фабрике бака, и жалуются на то, что их поят не невскою, а вонючею водою из Обводного канала; наконец, они потребовали сбавки

рабочих часов. Беспорядков ни в здании фабрики, ни вне ее стен не происходит. Правда, несколько рабочих были арестованы, но их тотчас же выпустили, убедившись, что их не за что преследовать, так как это не стачка, затеянная самими рабочими, а простой отказ от работы, вызванный самим директором фабрики, объявившим о сбавке цены вдруг, внезапно, даже не предварив рабочих за пятнадцать дней, как бы следовало по фабричным правилам.

В последние дни бумагопрядильня стала соглашаться на некоторые уступки: сбавили число рабочих часов с четырнадцати на двенадцать, согласились отпускать кипяток даром и даже сохранить прежнюю плату. Но тут возникли новые затруднения. Рабочие объявили, что, ввиду сбавки рабочих часов, им следует прибавить задельную плату приблизительно на 3 коп. с куска, так как без этого им пришлось бы

получать меньше прежнего. Правильность своего требования они подкрепля-ют, между прочим, тем соображением, что первоначально за ту же цену им приходилось ткать менее длинные куски, что куски эти увеличивались посте-пенно без прибавки платы, и, хотя это не вызывало протестов, но это была, так сказать, уступка, которую, ввиду возникших недоразумений, рабочие продолжать не желают, тем более, что их средний заработок редко превышал 20 рублей в месяц, и просимая ими прибавка дает им только возможность остаться при этой норме. По этому пункту соглашения еще не последовало, и забастовка продолжается.

Конец забастовки рабочих на Новой бумагопрядильной Фабрике.

В № 61 нашей газеты помещено сообщение о забастовке, сделанной рабочими на Новой бумагопрядильной фабрике, и указаны все **их** требования. По-видимому, дело приближается к миролюбивому исходу. Управляющий мануфактурой заявил

согласие удовлетворить все требования рабочих и только просил их проработать на прежних основаниях до 15 марта. Просьбу эту он объяснял тем, что фабрика принадлежит не частному лицу, а целому акционерному обществу, и что поэтому до 15 марта не будет возможности оформить новые порядки, и поручился, что после этого срока будут вывешены новые правила. Рабочие согласились, оговорившись, что верят ему на слово и что, если его обещания окажутся попыткою заманить их на фабрику, то 15-го осе рабочие окончательно бросят все станки.

Покуда дело остановилось на этом. Машины опять заходили, и фабрика наполнилась народом.

Еще о забастовке на Новой бумагопрядильне.

Забастовка, как нам сообщают, продолжается. Претензии рабочих еще не разобраны, но мирные отношения между полицией и рабочими не прекращались; даже в воскресенье участковый пристав угощал их водкой. Любопытно бы было, кстати, узнать, на чьи деньги производятся эти угощения и какая их цель, так как до сих пор и пряники, и орехи, и чарка раздавались gratis, без предъявления каких-либо требований. Угощаемые не отказываются, но остаются в полном недоумении.

С воскресенья началась в конторе выдача рабочим расчета. Заработанные деньги выдаются сполна, при чем обе стороны, выдающие

и получающие, сохраняют полное молчание, как будто ничего не случилось. Время забастовки с 27 февраля по 6 марта не только в прогул не поставлено, но даже зачтено в число рабочих дней со дня забастовки. Рабочие, правда, ду-мали сначала не брать, опасаясь какого-нибудь подвоха, но потом передумали и решились получить все выданные деньги. Впрочем, были и аресты. В конто-ре, рядом с фабричным начальством, присутствовало и полицейское, наблюдавшее за тишиной и благочинием и отправлявшее всех нарушителей в

участок.

Результаты забастовки на Новой бумагопрядильне.

Вот уже несколько дней, как рабочие опять вышли на работу. В сущности они ничего не добились, так как нельзя назвать серьезным результатом отмену сбора за кипяток, выдачу рабочих книжек, обещание вычистить отхожие места и провести на фабрику невскую воду. Окончание забастовки произошло весьма неожиданно и даже оригинально, так что в первые дни сами рабочие не верили в продолжительность заключенного мира. Однако, все наладилось, и без нового повода ход работ не прекратится. Дело произошло так. Компания сменила управляющего, бывшего причиной первоначальных неудовольствий, и его главного мастера, как людей, вызывавших сильное раздражение среди рабочих. Новый управляющий начал с того, что заговорил с рабочими «по душе», — и результатом этого разговора было добровольное согласие рабочих приняться за станки на основании status quo ante bellum, т. е. не добившись ни сбавки рабочих часов, ни увеличения платы. Само собою разумеется, управляющий обязался не делать вычетов за все время забастовки. Такую внезапную перемену в настроении рабочих, еще накануне решавшихся продержаться до святой недели и притом так недавно получивших расчет и, следовательно, имевших и наличные деньги и кредит в лавках, объясняется тем, что они «стосковались» по работе. Их утомило непривычное бездействие, так что они скорее согласились поступиться своими интересами, чем продолжать день изо дня слоняться из стороны в сторону.

Стачка рабочих на Новой бумагопрядильной Фабрике в С.-Петербурге.

На Новой бумагопрядильной фабрике (по Обводному каналу) произошла стачка, в которой приняли участие около 2.000 рабочих, поводом к стачке послужили следующие обстоятельства. В понедель-

ник, 27 февраля, рабочие собрались по обыкновению на фабрику и начали работу. Вдруг мастер прядильного отделения объявляет рабочим, что задельная плата, по распоряжению хозяина, уменьшена на 10 коп. с пуда, а мастер ткацкого отделения — что расчет впредь будет производиться по следующей таксе: за кусок миткаля, шириною в 16 вершк., по 35 коп. вм. 40 коп.; в 18 вершк. по 37 коп. вм. 43; 20 вершк. по 39 коп. вм. 44; 22 вершк. по 41 коп. вм. 46; 24 вершк. по 43 коп. вм. 48; 26 вершк. по 59 коп. вм. 64; 28 вершк. по 61 коп. вм. 66. Надо заметить, что такое уменьшение заработной платы было сделано без заблаговременного предупреждения рабочих. Беда упала на них, как снег на голову. Рабочие, выслушав новую таксу, тотчас же, без всякого предварительного уговора, бросили, по знаку некоторых из своих товарищей, станки и вышли с фабрики. Волнение между ними было необычайное, и шли возбужденные толки: «Как! — без всякого уведомления нам внезапно сбавляют плату! По какому это праву? Не будем работать!». Рабочие потребовали директора фабрики для объяснений; толпа шумела и грохотала... директор не являлся... рабочие настаивали... Управление фабрики, чтобы дать остыть гневу рабочих, заявило им, чтобы они пришли за объяснениями в обеденное время. Рабочие приходят в означенный срок, но, вместо объяснения, им показывают новые печатные правила, вывешенные в конторе, — *те* правила, которые им были объявлены утром на словах. Рабочие снова говорят, что они не согласны работать на новых условиях и не расходятся... Приезжает частный пристав, выслушивает рабочих и находит, что они *правы;* он отправляется затем *в* контору и, пробывши там некоторое время, снова вступает в объяснения с рабочими и, к удивлению последних, находит уже, что они не правы, что они... *бунтуют!* Пристав уговаривает рабочих прекратить «бунт» и приняться за работу на новых условиях; но, конечно,

безуспешно... На другой день, 28 числа, толпа рабочих, человек в 200, отправилась к помощнику градоначальника Козлову, чтобы подать жалобу на фабричное начальство. Полиция, разумеется, скоро узнала об этом; частный пристав догнал депутацию и уговорил ее разойтись, обещая, что Козлов сам приедет для объяснения с рабочими. Козлов, действительно, приехал самолично, а рабочие подали ему коллективное заявление. В заявлении этом говорится, что фабричное правление в противность закону первое нарушило условия с ними, не заявив заблаговременно о сбавке; поэтому рабочие не считают более себя связанным прежними условиями с фабрикой, что они, рабочие, не согласны работать не

только на новых условиях, предъявленных им, но и на старых; что они, рабочие, примутся за работу только тогда, когда удовлетворят следующим справедливым их требованиям: 1) рабочее время сокращается с 13¾ часов (от 5 час. утра до 8 час. вечера, с перерывом в 1¼ ч. для обеда) до 11½ час. (от 6 час. утра до 7 час. вечера с перерывом в 1½ ч. для обеда) в день; 2) поштучная плата для ткачей остается прежняя, а длина кусков миткаля уменьшается так, чтобы ежедневный заработок, несмотря на сокращение рабочих часов, остался без изменения; если же длина кусков не может быть уменьшена, то поштучная плата должна быть соответственно увеличена; 3) штрафы за поломки механических инструментов уничтожаются (прежде с рабочих брали за полом: щетки — 25 к., иголки — 25 к. и вилки — 15 к.); 4) штрафы за прогульные дни уменьшаются: прежде брали за прогул одного дня цену двух рабочих дней; рабочие же требовали, чтобы за прогул одного дня брался штраф в размере цены одного дня; 5) штрафы за дурное поведение рабочих отменяются; 6) плата за кипяченую воду по 1 к. в день с человека прекращается; 7) вместо вонючей и мутной воды Обводного канала проводится на фабрику невская вода;

8) отхожие места вычищаются и перестраиваются, особенно в виду заразительных болезней, которые свирепствуют в Петербурге. Генерал Козлов принял прошение и обещал рассмотреть его; затем, попросивши рабочих не нарушать порядка и взяться за работу, он уехал с фабрики. Рабочие не успокоились. Волнение между ними продолжалось с прежней силой; они собирались кучками в окрестностях фабрики и толковали о своих делах. На следующий день все улицы вокруг фабрики были переполнены городовыми и отчасти жандармами. Ночью разъезжали казацкие и жандармские патрули для наблюдения за рабочими. Полиция, убежденная, вероятно, в том, что «сыр-бор загорелся» от подстрекательства, арестовала несколько рабочих и интеллигентов, показавшихся ей почему-то подозрительными, и вся вика которых заключалась в хождении по той улице, где находится фабрика. Из них, впрочем, большинство на другой же день было выпущено из-под ареста. Так тянулась стачка до пятницы. В этот день опять приехал Козлов и начал увещевать рабочих опять приняться за работу, дал слово, что все их требования будут выполнены, пусть только подождут до 15 числа; директор фабрики не может удовлетворить их теперь, так как должен испросить на это согласие акционеров. «Наплюйте мне на эполеты, продолжал Козлов, если я обману вас; и тогда вы можете прямо свалить всю вину на полицию. Принимайтесь за работу. До тех пор вы были правы; но если

завтра, после всего того, что я сказал вам, вы не приметесь за работу, вы будете виноваты!» Однако, в пятницу и субботу, несмотря на убедительную речь Козлова, рабочие находились еще в нерешительности, не зная верить или не верить обещаниям полицейского генерала. Один из рабочих говорил, что им готовят западню; другие — что следует испытать на деле правдивость обещания и приняться пока за работу. Последнее мнение одержало верх, и в понедельник, 6 марта, рабочие отправились на фабрику и принялись за работу. На

фабрике воцарилась тишина. Между тем рабочие с нетерпением ждали срока, назначенного генералом Козловым. Вот наступило и 15 число, и что же? Вместо обещаний, данных рабочим, на фабрике вывешены были следующие правила.

Новые *правила* для *найма на работу с 16 марта.* 1) Работа начинается в 5 час. утра и оканчивается в 8 час. вечера, с остановкой машин для обеда с 12 час. до 1 часа с четвертью; для завтрака машины не останавливаются. По субботам работа, без остановки машин для обеда, оканчивается в два с половиною часа пополудни. 2) Горячая вода дается бесплатно. 3) Все инструменты даются рабочим безденежно; но за инструменты, с умыслом поврежденные, взыскивается по таксе. 4) Рабочие книжки с условиями найма должны находиться на руках каждого рабочего. 5) Штрафы за дурное поведение назначаются не свыше двух рублей, а за прогул целого дня по цене полутора дня. 6) Размеры задельной платы будут выставлены в особой печатной таксе, и всякие перемены в ней будут объявляться за 15 дней выставлением печатной таксы, за подписью гг. директоров и управляющего фабрикой.

Такса задельной платы рабочих с 16 марта. По прядильной фабрике: за пряжу утка на старых машинах в 468 веретен с пуда 59 коп., на новых машинах в 480 вер. с пуда 44 коп., в 540 вер. с пуда 42 коп. За пряжу основы: на старых машинах в 468 вер. с пуда 52 коп., на новых в 480 вер. с пуда 46 коп.

По ткацкой фабрике: за миткаль, шириною 16 верш., 40 коп. за кусок, шириною 18 верш. — 43 коп., 20 верш. — 44 коп., 22 верш. — 46 коп., 24 верш. — 48 коп., 26 верш. — 64 коп., 28 верш. — 66 коп.

При работе других сортов миткаля или при работе узкого миткаля на широких станках плата делается по пропорции, по объявленным каждый раз вперед ценам. За *испорченные* с умыслом *инструменты,* как-то: щетку, вилку, челнок и пр., взыскивается по 15 коп. за штуку. Рабочие, увидевши себя

обманутыми управлением фабрики и Козловым, решились ответить на каждый параграф новых правил

«своими требованиями» и утром 16 марта, рядом с фабричными правилами, вывешены следующие требования рабочих: 1) Почти 15-часовая работа, в течение целого дня на ногах — работа непосильная; она убивает здоровье даже самого сильного человека, а на фабрике, кроме мужчин, работают женщины и дети. Рабочие требуют сократить рабо-чее время на два часа. На-чинать работу они хотят в 6 часов утра и кончать в 7 часов вечера, уделяя из этого времени полтора часа на обед. 2) Теперь начальство само сознало, что брать одну копейку в день за вонючую и не всегда кипяченую воду не-справедливо, и обещается давать эту воду даром. Но это не подачка, а уступка необходимости. Теперь рабочие требуют, чтобы эти копейки, составляющие в год три рубля на человека, были выданы рабочим обратно. Их брали в тече-ние 6 лет, значит их забрано начальством по 18 рублей с рабочего. Пусть те-перь начальство возвратит их обратно; ведь их брали не по правилам, и даже в рабочих книжках об них ничего не упомянуто. 3) Инструменты и машины, а также и части машин хозяева всегда и везде покупали и покупают сами и выбирают потом с лихвой затраченные на них деньги с рабочих. Но машины и инструменты не вечны: они постоянно ломаются, как всякие другие вещи, и нас рабочих заставляют, кроме того, платить и за эту неизбежную порчу, взваливая на нас обвинение в умышленной их поломке. Но кто же в этих слу-чаях будет решать спор между рабочими и хозяином? Мы требуем уничтоже-ния § 3 правил, чтобы за поломки челноков, вилок и щеток не взималась с нас плата. 4) Мы требуем непременно отмены штрафов за дурное поведение, так как хозяин или его наемные холуи не могут быть беспристрастными судьями нашей нравственности. 5) За прогульные дни штрафы не должны превышать заработка дня, тем белее, что большинство из нас работает поштучно. 6)

Мы требуем такой таксы. *По прядильной фабрике:* за пряжу утка на старых маши-нах в 468 вер. с пуда 65 коп. вместо 58; на новых — 480 вер. с пуда 49 коп. вм. 44 коп.; на новых — 540 вер. с пуда 49 коп. вм. 42 коп. За пряжу основы: на старых машинах в 468 вер. с пуда 57 коп. вм. 52 коп.; на новых в 480 вер. с пуда 52 коп. вместо 46. *По ткацкой фабрике:* за миткаль, шириною 18 верш., 45 к, вм. 40 коп.; 18 верш. — 48 коп. вм. 43 коп.; 20 верш. — 49 к. вм. 44 к.; 22 верш. — 51 коп. вм. 46 к.; 24 верш. — 52 коп. вм. 48 к.; 26 верш. — 72 коп. вм. 64 к.; 28 верш. — 76 коп. вм. 66 к. 7) Требуем, чтобы товарищи наши, аре-стованные полицией 6 марта, были освобождены. В тот же день, часа 3 попо-лудни, около Аничкова дворца собралась большая толпа фабричных рабочих (около 200 чел.) и много любопытных. Ра-

бочие явились сюда для подачи наследнику жалобы на притеснения фабрич-ного начальства и на обман полиции; любопытные — узнать, что это за толпа и для чего она явилась ко дворцу. Полиция, непривычная к такому зрелищу, дала знать о случившемся Козлову, который и прискакал вскоре в коляске к Аничкову дворцу. Выйдя из своего эки-пажа, он подошел к толпе рабочих и обратился к ним с вопросом, что им надо. «Мы подаем жалобу наследнику», отвечали рабочие. «Напрасно, право напрасно: ни наследник, ни я не можем тут ничего сделать: мы не можем лазить в карман к хозяевам. Это дело ваше: не хотите работать на тех условиях, которые вам предлагают, — не работайте. Это ваше дело», говорил Козлов. «Так вы все-таки хотите, чтобы я подал эту жалобу наследнику», переспросил рабочих Козлов, велико-душно принимая на себя роль посланника. «Да, да, хотим!» — отвечали друж-но рабочие. «Так я подам, если хотите», согласился генерал, но таким тоном, как будто хотел сказать: «смотрите, после не раскаивайтесь». Козлов развер-нул жалобу, прочитал в ней несколько слов, опять свернул ее и пошел с ней во дворец. Через несколько минут он вернулся

из дворца и вежливо просил толпу разойтись, заявив рабочим, что жалобу он передал наследнику. Рабочие послушались и спокойно разошлись от дворца. Мы передадим вкратце содержание жалобы рабочих. Она начинается так: «Мы, обманутые рабочие бума-гопрядильной фабрики, обращаемся к вашему высочеству с жалобой на при-теснения со стороны наших хозяев и полиции», затем рассказывается подроб-но история стачки. Далее рабочие просят наследника заступиться за них и употребить все свое влияние на то, чтобы их справедливые требования (см. выше) были удовлетворены. Если наследник захочет назначить комиссию для исследования дела, то пусть он пригласит в ее состав и выборных от рабочих. Прошение заканчивается так: «Мы обращаемся к вам, как дети к отцу. *Если не будут удовлетворены наши справедливые требования, то ты будет знать, что нам не на кого надеяться, что никто не заступится за нас и мы должны положиться на себя и на свои руки».* Ответа на прошение рабочих до сих пор никакого нет.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф.

ЭНГЕЛЬСА

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА

Под общей редакцией **Д. Б. Рязанова.**

К. Марке и Ф. Энгельс. Сочинения. Под ред. и с примечаниями Д. Рязанова.

Т. I. К. Маркс. Статьи и письма 1837—1844 гг. С иллюстрациями. Стр. XXXII+563. Ц. 1 р. 80 к. в папке.

Т. II. Ф. Энгельс. Статьи и корреспонденции 1839 —1844 гг. С иллюстрациями. Стр. 624. Ц. 4 р. 50 к. в папке.

Т. X. Статьи и корреспонденции 1852—1854 гг. Письма об Англии. Восточный вопрос. Пальмерстон. Стр. 608. Ц. 3 р. 25 в.

Т. XI. Статьи и корреспонденции 1854—1855 гг. Крымская война. Министерство Пальмерстона. Джон Россель. Испанская революция. Стр. 654. Ц. 3 р. 50 к.

В Собрание сочинений Маркса и Энгельса вошли многие работы Маркса и Энгельса, до сих пор не опубликованные ни в русской, ни в иностранной литературе и впервые появившиеся в настоящем издании.

К. Каутский. Собрание сочинений.

Т. X. Происхождение христианства. Под ред. Д. Рязанова. Стр. 443. Ц. 2 р. 10 к.

Т. XII. Размножение и развитие в природе и обществе. Под ред. Д. Рязанова. Стр. XVI+284. Ц. 1 р. 50 к.

Настоящее издание этой книги дополнено статьями Каутского «Чернышевский и Мальтус», «Ответ критикам», а также новым предисловием редактора.

Г. В. Плеханов. Сочинения. Под ред. Д. Рязанова. Т. I. Статьи до 1883 г. Период народнический. Стр. 364. Ц. 1 р. 50 к.

Т. И. Статьи 1883—1888 гг. От основания группы «Освобождение Труда» до организации «Русского Социал-Демократического Союза». Стр. 404 Ц. 1 р. 50 к.

Т. III. 1888—1892 гг. На русские темы. Стр. 428. Ц. 1 р. 50 к.

Т. IV. На международные темы. 1887—1894 гг. Стр. 332. Ц. 1 р. 25 к.

Том V. Н. Г. Чернышевский, кн. I. Стр. 363. Ц. 2 р. 50 к.

Том VI. Н. Г. Чернышевский, кн. П. Стр. 413. Ц. 2 р. 50 к.

Т. VII. Обоснование и защита марксизма. Часть первая. Стр. 331. Ц 1 р. 50 к.

Т. VIII. Обоснование и защита марксизма. Часть вторая. Стр. 411. Ц. 1 р. 50 к.

Т. IX. Против народничества. Стр. 367 Ц. 2 р. 20 к.

Т. X. Литературно-критические статьи (1898— 1903). Стр. 422. Ц. 2 р. 25 к., в пап. 2 р. 75 к.

Т. XI. Критика наших критиков. Стр. 397. П. 1 р. 50 к.

Т. XII. Вопросы программы и тактики. 1900— 1903 гг. Стр. 536. Ц. 3 р.

Том XIV Искусство и литература.

Том XVI. Синдикализм, анархизм, социализм.

Том XVII. Против эмпириомонизма и богоискательства.

Том XVIII. От утопии к науке.

П. Лафарг. С о ч и н е н и я. Т. I. Из истории социализма во Франции в последнюю четверть XIX ст. — Программные и тактические работы. — Воспоминания (печ.).

Популярная серия.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический манифест. 3-е доп. изд. с введ. и прим. Д. Рязанов». Стр. 343. П. 1 р. 50 к.

То же. Карманное издание. Стр. 338. Ц. 1 р. 50 к. в папке.

Г. Плеханов. Основные вопросы марксизма. Под ред. и с примеч. Д. Рязанова. Стр. 126. Ц. 35 к.

Г. Плеханов. Очерки по истории материализма Под ред. и с примеч. Д. Рязанова. Стр. 288-Ц. 1 р. 50 к

В. Ваганян. Опыт библиографии Г. В. Плеханова. Предисл. Д. Рязанова. Стр. 118. Ц. 40 к.